Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ)

1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

Exch
All-Union Lenin Lib.
8-1039

М. В. Фрунзе в организации разгрома Колчака

Публикуемые документы Центрального Архива Красной Армии отображают грандиозную эпопею борьбы на Восточном фронте гражданской войны в 1919 г., закончившуюся полным разгромом одного из опаснейших врагов советской власти — адмирала Колчака и стоявших за его спиной иностранных интервентов Антанты.

Этот славный период героических побед Красной армии над белогвардейцами и интервентами тесно связан с именами двух крупнейших деятелей нашей партии, верных учеников и соратников Ленина и Сталина — Михаила Васильевича Фрунзе и Валериана Владимировича Куйбышева.

Предлагаемые читателю документы ярко рисуют полководческую деятельность М. В. Фрунзе на постах: командующего 4-й армией, командующего Южной группой армий Восточного фронта, командующего всем Восточным фронтом и начало его работы, как командующего новым — Туркестанским фронтом. Эти документы также отображают замечательную работу В. В. Куйбышева как члена Реввоенсовета 4-й армии и Южной группы; в дальнейшем этот пламенный большевик вместе с М. В. Фрунзе, в качестве члена Реввоенсовета Туркестанского фронта, руководил героическим походом для соединения с советским Туркестаном.

По периодам борьбы на Восточном фронте документы могут быть разбиты на шесть групп.

1-я группа — документы, охватывающие деятельность М. В. Фрунзе в качестве командующего 4-й армией и Южной группой («малого» состава) и В. В. Куйбышева — как члена Реввоенсовета в период, предшествовавший подготовке и проведению контрудара по Колчаку (с 31/I. 19 г. по 10/IV. 19 г.);

2-я группа — документы, отображающие деятельность М. В. Фрунзе, как командующего Южной группой армий Восточного фронта («большого» состава) и В. В. Куйбышева, как члена Реввоенсовета Южной группы, в период подготовки и проведения первого акта контрудара по Колчаку — т. н. Бугурусланско-Белебеевской операции (10/IV 19 г.— 19/V 19 г.);

3-я группа — документы, относящиеся к подготовке и проведению второго, завершающего акта контрудара М. В. Фрунзе — т. н. Уфимской операции (19/V 19 г.—21/VI 19 г.);

4-я группа — несколько документов, характеризующих работу М. В. Фрунзе по руководству ликвидацией восстания белоказаков в Уральской и Оренбургской областях (начало июля 1919 г.);

5-я группа — документы, относящиеся к деятельности М. В. Фрунзе, как командующего Восточным фронтом (с 19/VI 19 г. по 11/VIII 19 г.);

6-я группа — документы, охватывающие начальный период деятельности М. В. Фрунзе, как командующего Туркестанским фронтом, по завершению разгрома остатков колчаковских банд на путях в Туркестан (с 13/VIII 19 г. по 7/X 19 г.).

Чтобы читателю было легче разобраться в документах, ниже мы даем общий очерк событий на Восточном фронте.

* * *

Обстановка на Восточном фронте к началу 1919 г. складывалась чрезвычайно неблагоприятно для Советской России. Антанта готовила свой первый комбинированный поход против большевиков. С востока на Советскую Россию должен

был наступать агент международного империализма — адмирал Колчак, поддерживаемый иностранными войсками — японскими, английскими, французскими, итальянскими, чехословацкими, румынскими и польскими, которых было в Сибири и на Дальнем Востоке свыше 150 тысяч человек (кроме колчаковских белых армий).

С юга наступление на Советскую Россию готовил ставленник Антанты — генерал Деникин, перебрасывавший с Северного Кавказа на Дон «добровольческую» белую армию.

С запада против Красной армии действовали белополяки. С северо-запада готовил удар по Петрограду генерал Юденич. На севере действовали английские интервенты и поддерживаемые ими русские белогвардейцы. В Туркестане хозяйничали смешанные англо-русские белые отряды.

Но особенно угрожающая обстановка складывалась в начале 1919 г. на Восточном, колчаковском фронте. Отсюда, по мысли империалистов Антанты, должен был быть нанесен главный, смертельный удар по советской власти. В декабре 1918 г. Колчак, стремясь к соединению с английскими интервентами, высадившимися в Архангельске, овладел Пермью и нанес тяжелое поражение 3-й Красной армии. Партия возложила на товарищей Сталина и Дзержинского задачу расследования причин пермской катастрофы. Известно, что товарищ Сталин не только выполнил эту задачу, но рядом смелых революционных мероприятий добился в течение января 1919 г. оздоровления и укрепления положения всего Восточного фронта. «В результате всех этих мероприятий не только было приостановлено дальнейшее продвижение противника, но в январе 1919 г. восточный фронт перешел в наступление, и на нашем правом фланге был взят Уральск». (Ворошилов.)

В духе сталинских мероприятий действовал и прибывший на фронт 31 января 1919 г. новый командарм 4-й — М. В. Фрунзе. В течение февраля 1919 г. он добился значительного укрепления 4-й армии, войска которой до того были малобоеспособны.

В марте 1919 г. М. В. Фрунзе возглавляя 4-ю армию, объединил также в своих руках операции по борьбе с белым казачеством Уральской и Оренбургской областей. Так образовалась Южная группа, т. н. «малого» состава, включившая 4-ю армию (22-ю и 25-ю стр. дивизии) и Оренбургскую дивизию, впоследствии развернутую в Туркестанскую армию (31-я стрелковая дивизия и 3-я кавдивизия).

В это время (начало марта 1919 г.) красный Восточный фронт проходил по западным предгорьям Урала, причем наиболее прочным было положение на севере — против Перми и на юге, где от белых были освобождены Оренбург и Уральск. Центр фронта занимала слабая по численности 5-я Красная армия (11 200 штыков и сабель), сумевшая, однако, в течение зимы добиться крупных успехов и освободившая от белых Уфу.

Между тем, белогвардейцы усиленно готовились к новому походу. Они собрали в направлении Уфа — Самара свои лучшие ударные части — Западную армию генерала Ханжина и 5 марта 1919 г. перешли в общее наступление, стремясь к Волге, а затем, в конечном итоге, и к Москве, которую один из колчаковских сподручных, генерал Пепеляев, хвастливо обещал занять в течение полутора месяцев. Западная армия генерала Ханжина была численно почти вчетверо сильнее 5-й Красной армии, вынужденной отходить под напором белых. Очень быстро, к концу марта, обстановка на Восточном фронте, уже сложилась так, что враг стал непосредственно угрожать Волге.

В это время, с 18 по 23 марта в Москве собрался VIII съезд партии. Съезд уделил огромное внимание военному положению Республики и состоянию Красной армии, приняв по этим вопросам ряд конкретных решений. Обращение съезда к партийным организациям, опубликованное в «Правде» 20 марта 1919 г., вскрывало перед советским народом план и истинные цели первого похода Антанты, звало партию и всех трудящихся на борьбу с Колчаком, на помощь Красной армии.

5-я Красная армия дралась героически, отступала с упорными боями, но не имела достаточных сил для отпора врагу. К десятым числам апреля белым уже оставалось по кратчайшему расстоянию до Волги всего 80—100 километров. А потеря Волги означала соединение Колчака с Деникиным и смертельную угрозу всей Советской России.

12 апреля ЦК партии опубликовывает написанные В. И. Лениным «Тезисы ЦК ВКП(б) в связи с положением Восточного фронта».

Эти исторические тезисы намечают конкретные пути и методы организации победы над главным врагом — Колчаком. В течение второй половины апреля широкий поток партийных, комсомольских и профсоюзных мобилизаций вливает в ряды Восточного фронта тысячи стойких, преданных советской власти бойцов.

В эти тревожные дни армии южного крыла Восточного фронта (4-я, 1-я и Туркестанская) продолжали занимать достаточно прочное положение, образуя выступ, глубоко вклинивавшийся в расположение противника. Это начертание южного крыла Восточного фронта дает основу идее т. Фрунзе об ударе в общем направлении на север во фланг и в тыл наступающей главной группировке белых. Этот блестящий, совершенно правильный план был предложен товарищем Фрунзе партии и командованию, вопреки предателю Троцкому и его ставленникам, настаивавшим на необходимости отступления за Волгу.

Зарождение и развитие плана М. В. Фрунзе можно легко проследить по документам.

19 марта М. В. Фрунзе ставит перед командованием Восточного фронта вопрос об изменении задач Южной группы в связи с неблагоприятной обстановкой на фронте 1-й и 5-й армий. «Куда должна базироваться вновь образовываемая Туркестанская армия — на Туркестан или Волгу»? — спрашивает М. В. Фрунзе [1]. Эта фраза доказывает, что уже тогда, в середине марта, у Михаила Васильевича созревает план поворота основными силами Южной группы на север, для действий против главной группировки Колчака.

Но командование фронта осталось глухим к этой мысли.

Замечательным мероприятием, осуществленным по личной инициативе М. В. Фрунзе, является создание им 25 марта группового резерва в составе сперва двух бригад 25 стр. дивизии, а затем и всей этой дивизии, сыгравшей в дальнейшем, под славным командованием В. И. Чапаева, огромную роль в разгроме Колчака.

7 апреля т. Фрунзе делает предложение командованию Восточного фронта о создании ударной группы в районе Бузулука для нанесения контрудара белым.

10 апреля, на основе прямого указания ЦК партии, командованием отдается директива о создании Южной группы армий Восточного фронта в составе четырех армий: 4-й, Туркестанской, 1-й и 5-й. Командование этими войсками возлагается на М. В. Фрунзе.

Фрунзе приступает к осуществлению своего знаменитого контрудара, который вошел в сокровищницу оперативного искусства гражданской войны, как образец блестящего маневра.

Первоначальный план контрудара М. В. Фрунзе нашел свое отражение в его приказе №—021 от 10 апреля 19 г. Он поражает ясностью, простотой и смелостью замысла.

Подготовку контрудара т. Фрунзе осуществляет в исключительно тяжелых условиях. Он создает ударную группу за счет своих частей, не дожидаясь прибытия крупных резервов из центра, ибо время не терпит.

Михаил Васильевич решается на операцию контрудара несмотря на острое и трудное положение в своем собственном тылу. Здесь сказалось его правильное оперативное предвидение и непоколебимая вера в успех.

Он снимает с южного крыла своего фронта, с Уральского и Оренбургского направлений, наиболее боеспособные, крепкие части, сосредоточивая их в районе Бузулука.

---

[1] См. ниже, стр. 12.

Осуществление плана контрудара требовало широкого развертывания организационной и политической работы по подготовке, пополнению и сколачиванию частей, принимающих участие в операции. Именно здесь развернулась огромная творческая работа М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева, о чем свидетельствуют печатаемые документы.

Мобилизуется на фронт все, способное активно драться за советскую власть; широким потоком вливаются в войска добровольцы-рабочие коммунисты (за период подготовки и проведения контрудара через политотдел Южной группы прошло и было направлено на фронт до 6,5 тысяч коммунистов).

Все это самым благоприятным образом сказалось на состоянии частей Южной группы, силы которой прибывали со дня на день. Но обстоятельства вынудили М. В. Фрунзе внести ряд уточнений в его первоначальный план.

Невозможность сосредоточить к сроку часть 24-й дивизии (из 1-й армии) в районе ударной группы заставила его пойти на создание как бы второй ударной группы на левом фланге 1-й армии в районе Михайловское (Шарлык), а также возглавить ударную группу управлением Туркестанской армии.

Существенное значение имел факт захвата разведкой 73-й бригады 25-й Чапаевской дивизии ординарцев белых, везших оперативные приказы по 7-й белой дивизии. Содержание этих приказов, немедленно, лично переданное по прямому проводу В. И. Чапаевым М. В. Фрунзе, раскрыло последнему группировку белых и повело к новому уточнению его плана, что нашло выражение в приказе № 022 от 19 апреля 1919 г.

Тов. Фрунзе пришлось считаться с настояниями фронтового командования, требовавшего во что бы то ни стало усилить отступавшую 5-ю армию [1]; кроме того, ударная группа (31-я стр. дивизия) запаздывала сосредоточением, фактически две ее бригады собрались лишь к 29 апреля.

Эти обстоятельства и знание группировки противника, в частности обнаружение разрыва между 6-м и 3-м корпусами белых, послужили основанием для окончательного плана операции, изложенного М. В. Фрунзе в телеграмме командвосту от 23 апреля.

Как видим, М. В. Фрунзе, не дожидаясь полного сосредоточения ударной группы, решает начать наступление, используя частичные успехи достигнутые: частями 20-й дивизии и Оренбургской группы войск, созданной М. В. Фрунзе, главным образом из рабочих Оренбурга, разгромившей в боях на р. Салмыш 4-й корпус ген. Бакича, частями 24-й дивизии — нанесшей поражение 12-й уральской дивизии белых в районе Романовское-Залесова, и частями 73-й бригады 25-й стр. дивизии, разгромившей 11-ю уральскую дивизию белых на р. Боровка.

Командование фронта всячески мешало осуществлению плана т. Фрунзе, фактически не желая допустить осуществления задуманного им маневра. 16 апреля предатель Троцкий выезжает в Симбирск и на заседании Реввоенсовета фронта делает предложение об отводе армий Восточного фронта за Волгу.

Партия не позволила Троцкому осуществить этот предательский план. В конце апреля, когда сосредоточение ударной группы уже заканчивалось, командование фронтом пытается сорвать операцию, предлагая отложить ее на две недели, до окончания весенней распутицы. Но т. Фрунзе настойчиво проводит свой план в жизнь.

Общее наступление началось 28 апреля и развивалось успешно. Однако, в то время как ударная группа продвигалась на Бугуруслан и восточнее его, белогвардейцы, овладев Сергиевском, продолжали теснить левый фланг 5-й армии к ст. Кротовка, причем до Волги им оставалось всего лишь 80 км.

В этих трудных условиях М. В. Фрунзе считает, что лишь энергичное движение ударной группы на сообщения противника гарантирует полный успех операции; но командование фронтом, не верившее в успех контрудара, вынуждает Фрунзе перенести центр тяжести усилий против Сергиевской группы белых, на-

[1] См. ниже разговор по прямому проводу т. Фрунзе с командвостом от 16 апреля 1919 г., стр. 17.

целив удар не на северо-восток, а на северо-запад. Это решение находит воплощение в приказе № 23 от 1 мая.

Насколько прав был М. В. Фрунзе, показывает следующий факт: вследствие предательства командира 74-й бригады 25-й стр. дивизии (бывшего офицера), белое командование узнало об угрозе, нависшей над его левым флангом и тылом, благодаря наступлению ударной группы, и в 4.30 минут 2 мая генерал Войцеховский (объединивший командование 2-м уфимским и 3-м уральским корпусами) отдал приказ о приостановке наступления, а днем 2 мая — об отходе к Бугульме.

Только угроза сообщениям белых заставила их отказаться от дальнейшего наступления к Волге.

В 9 часов 4 мая 3-я бригада 26-й стр. дивизии заняла Бугуруслан.

Первый этап операции закончился выходом на линию ст. Сарай-Гир — Бугуруслан — Сергиевск. Белым удалось отвести значительную часть 2-го и 3-го корпусов к Бугульме, но их 6-й корпус (11-я и 12-я уральские дивизии) потерпел решительное поражение.

Начинается второй этап операции — борьба за Бугульму. М. В. Фрунзе вновь видит решение успеха в глубоком ударе по сообщениям противника [1]; но, по настоянию фронтового командования, он опять вынужден повернуть значительную часть сил на север, в лоб противнику, группировавшемуся южнее Бугульмы.

В боях 9 и 10 мая 25-я стр. дивизия нанесла сокрушительное поражение Ижевской бригаде и 4-й уфимской дивизии белых. Создается возможность развития успеха и полного разгрома врага. Но и в этот момент на пути т. Фрунзе становится снова руководство фронта, возглавленное новым командующим — исполнителем воли Троцкого,— Самойло, который директивой от 10 мая фактически расформировал Южную группу, потребовав поворота 5 армии на север, под предлогом проблематической «помощи» 2 армии, отходившей за р. Вятку.

М. В. Фрунзе резко и принципиально поставил вопрос о дальнейших судьбах операции, что видно из его разговора с Самойло от 12 мая. Ему удалось добиться частичной отмены директивы командования фронтом, что последовало лишь 14 мая; но затем ставленники Троцкого из штаба Восточного фронта еще два раза меняли задачу 5-й армии (17 и 19 мая), фактически выведя ее из боя.

13 мая нами была взята Бугульма. Началась борьба за Белебей, где Южной группе пришлось иметь дело уже не только с недобитыми остатками Западной армии генерала Ханжина, но и с свежими резервами белых — корпусом генерала Каппеля, начавшим сосредоточение южнее Белебея еще 6 мая.

Однако напрасны были попытки белых удержаться западнее Белебея, на линии р. Ик; ничто не могло остановить мощного порыва красных бойцов, и 17 мая Белебей был взят. Противник начал отход на восток, к р. Белая.

Преследование отступавшего противника было запрещено командующим фронтом, что по существу спасало колчаковские банды от полного разгрома. Таким образом, к 10 мая первая операция контрудара закончилась на меридиане Белебея.

Значение Бугуруслано-Белебеевской операции было решающим для судеб всей борьбы на Восточном фронте. Лучшей, наиболее сильной группе белых — Западной армии ген. Ханжина — был нанесен потрясающий удар. Белые были далеко отброшены от Волги.

Поколебалась и их Сибирская армия, наступавшая севернее Камы. Инициатива действий была вырвана из рук белогвардейцев и перешла к Красной армии. Разложение белых прогрессировало гигантскими шагами — об этом ярко свидетельствует оперативная сводка от 2 мая. В то же время политико-моральное состояние Красной армии было на огромной высоте, части были охвачены энтузиазмом победы, население восторженно встречало своих избавителей от гнета колчаковщины.

[1] См. ниже телеграмму т. Фрунзе штабу Восточного фронта № 01413 от 6 мая 1919 г., стр. 26.

Победы под Бугурусланом, Бугульмой и Белебеем были достигнуты в условиях тяжелой и сложной обстановки в тылу Южной группы — под Уральском и Оренбургом, где свирепствовало контрреволюционное восстание кулацкого казачества. М. В. Фрунзе и В. Куйбышев проводят огромную работу в борьбе за сохранение в руках Красной армии Оренбурга и Уральска.

* * *

После взятия Белебея началась подготовка ко второму, завершающему акту контрудара М. В. Фрунзе — к Уфимской операции. Идея этой операции рождается у М. В. Фрунзе еще в последнем этапе борьбы за Белебей [1].

Считая крайне важным немедленное проведение операции с целью овладения районом Уфы, М. В. Фрунзе вновь наталкивается на скрытое сопротивление фронтового начальства.

Предательское троцкистское командование опять пыталось задержать наступление под предлогом переброски войск с Восточного фронта на другие фронты. Но прекращение наступления на Восточном фронте означало, что Колчак, оправившись от удара, летом или осенью вновь начал бы наступление, и это могло быть как раз в тот тяжелый момент, когда Деникин, заняв Орел, протягивал кровавые руки к сердцу Советской России — Москве. Вот почему т. Фрунзе настойчиво добивается немедленного осуществления второй крупнейшей операции — Уфимской, связанной с форсированием серьезной водной преграды — реки Белой.

Планы этой операции отражены в директиве Фрунзе от 21 мая 19 г. и его приказе от 25 мая 19 г. Непосредственно командование Туркестанской армией, сыгравшей в борьбе за Уфу решающую роль, М. В. Фрунзе берет на себя.

В этом случае Михаил Васильевич действует по прямому указанию В. И. Ленина, телеграфировавшего 25 мая Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной, напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население, следите за политработой, еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги» [2].

Исходя из этой ленинской директивы, Фрунзе организует и блестяще проводит Уфимскую операцию. Красные части в начале июня форсируют реку Белая, неожиданно для колчаковцев, без специальных переправочных средств. Красноармейцы переправлялись через полноводную реку, шириной в 200 метров и глубиной в 6 метров, на плотах, бочках, случайных лодках. Но уверенное руководство войсками, энтузиазм красных бойцов, их готовность нести величайшие жертвы для того, чтобы победить, приводят к тому, что и эта операция совершается с потрясающим, огромным успехом. 9 июня 25-я Чапаевская дивизия занимает Уфу и отбрасывает белых к Уральскому хребту.

Нужно особенно подчеркнуть значение личного примера М. В. Фрунзе, в решительный момент боев 9 июня поведшего в контратаку 220-й Иваново-Вознесенский полк ткачей и этим решившего судьбу боя севернее Уфы. О мужественном поведении М. В. Фрунзе и В. И. Чапаева в этом бою скупыми словами рассказывает оперативная сводка от 9 июня.

В период Уфимской операции ЦК партии отстраняет Троцкого от руководства делами Восточного фронта, настолько пораженческим и предательским было все его поведение.

В итоге Бугурусланской и Уфимской операций белые потеряли свыше 25 тысяч человек. Западная армия генерала Ханжина понесла тягчайшее поражение. Колчаковский фронт откатился за Урал; в тылу Колчака рабочие и крестьяне, ободренные успехами Красной армии, подымали знамя восстания.

Под руководством т. Фрунзе, уже в качестве командующего всем Восточным фронтом,— в июле — августе 1919 г. была проведена еще одна крупная опера-

[1] См. ниже доклады т. Фрунзе командованию Восточного фронта от 19 мая 1919 г., стр. 34—36.

[2] В. И. Ленин, Из эпохи гражданской войны, Партиздат, 1934 г., стр. 52.

ция — Челябинская, в которой белые потеряли свои последние стратегические резервы.

В дальнейшем, вплоть до начала 1920 г. продолжалось победоносное преследование Красной армией полчищ Колчака, закончившееся, как известно, полным разгромом колчаковщины, взятием Иркутска и расстрелом врага народа, мерзкого наймита антанты, адмирала Колчака.

Но значение контрудара т. Фрунзе заключалось не только в том, что Колчак был разгромлен. Оно велико и потому, что здесь были применены такие формы вождения войск, которые и на сегодняшний день служат образцом для командиров Красной армии.

Это было первое крупное сражение гражданской войны, проведенное в форме оперативного удара во фланг с целью выхода на сообщения противника. Смелость задуманного маневра заключалась в решении М. В. Фрунзе стянуть на главное направление максимум сил за счет второстепенных направлений. Такое решительное сосредоточение сил и правильное определение направления удара обеспечивали достижение быстрого оперативного эффекта, вызвавшего крушение всего стратегического плана белых. Осуществление подобной операции требовало искусства, умения, мужества и настойчивости. Все эти качества и были проявлены т. Фрунзе, как командующим.

Весьма поучительны методы т. Фрунзе с точки зрения планирования операции, дачи директив и постановки задач войскам.

Приказы т. Фрунзе являются и сейчас документами огромной важности. По ним следует учиться, как надо осуществлять оперативное руководство крупными войсковыми соединениями.

В ходе операций по разгрому Колчака т. Фрунзе удалось организовать, воспитать и сколотить такие войсковые части и соединения, которые являлись гордостью Рабоче-Крестьянской Красной армии. Первое место среди этих соединений по праву принадлежало славной 25-й Чапаевской дивизии.

Контрудар, нанесенный Колчаку под руководством т. Фрунзе, является величайшим сокровищем оперативного и тактического опыта, который Красная армия изучает и будет изучать для применения на полях будущих битв.

* * *

В августе 1919 г., когда задача разгрома Колчака в основном уже была решена, наступает второй крупный этап полководческой деятельности т. Фрунзе. Партия ставит его во главе нового, Туркестанского фронта. Здесь он вновь работает рука об руку с В. В. Куйбышевым.

Если на Восточном фронте т. Фрунзе имел дело с линейными войсками противника, с организованной армией, с более или менее устойчивым фронтом, то совершенно иной была обстановка в Туркестане. Тов. Фрунзе встретил там исключительно сложный переплет политических, национальных и социальных условий. Война велась полупартизанскими силами, и фронт был всюду. В этой сложной обстановке особенно нужно было сочетать полководческую военную деятельность с огромной и умелой политической работой. Фрунзе блестяще осуществляет эту задачу, добиваясь и здесь крупнейших военных результатов.

Наиболее значительной операцией М. В. Фрунзе как командующего Туркестанским фронтом в 1919 г. было окружение и пленение белой казачьей армии генерала Белова. Эта армия действовала до августа на Южном фланге колчаковского фронта. После поражения белых под Челябинском она вынуждена была отходить на юг, оттесняемая Красной армией на пути к Туркестану. Операция против армии генерала Белова кончилась тем, что отброшенная в пустынные степи, окруженная красными частями, армия Белова была вынуждена сдаться в количестве 20 тысяч человек со всем вооружением.

«Свершилось! Путь в Туркестан свободен!» — пишет М. В. Фрунзе в приказе от 7 октября 1919 г.

Это был путь к дальнейшим славным победам, завершившимся к осени 1920 г. полным освобождением Советского Туркестана от белогвардейцев и интервентов.

Полковник *Е. Болтин*

1. Прибытие М. В. Фрунзе на Восточный фронт и образование Южной группы

Приказ войскам 4-й армии, № 40/9, 31 января 1919 г.[1]

Приказом Реввоенсовета Республики от 26 декабря 1918 г. за № 470 я назначен командующим 4-й армией.

Вступая ныне в отправление своих новых обязанностей, я, прежде всего, обращаюсь к войскам армии с товарищеским приветом от имени Рабоче-крестьянского правительства республики и ее верховного органа — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Товарищи, глаза тыла, глаза рабочих и крестьян всей России прикованы к вам. С замиранием сердца, с трепетом в душе следит страна за вашими успехами. Не для захватов чужих земель, не для ограбления иноземных народов послала вас, своих детей, трудовая Русь под ружье.

Здесь, на фронте, решается самая судьба рабоче-крестьянской России; решается окончательно спор между трудом и капиталом. Разбитые внутри страны помещики и капиталисты еще держатся на окраинах, опираясь на помощь иностранных разбойников. Обманом и насилием, продажей родины иностранцам, предательством всех интересов родного народа они все еще мечтают задушить Советскую Россию и вернуть господство помещичьего кнута. Они надеются на силу голода, который выпал на долю центральных губерний, вследствие отторжения от России богатых хлебом окраин. Напрасные упования!

Сильные духом и верой в правоту своего дела рабочие и крестьяне России идут неуклонно своим путем и они уже не одиноки в борьбе. Трудящиеся массы Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины уже стали бок-о-бок с нами. И это наше дело, товарищи, дело рабоче-крестьянской Красной Армии. Еще одно, два усилия и враг будет разбит окончательно. Под сень красных знамен социалистической Советской России вернутся все ее окраины и работники города и деревни возьмутся за мирный, спокойный труд. Страна жаждет исцеления от мук голода и холода, она ждет хлеба и мира от своей армии.

Вступая ныне в командование 4-й армией, я уверен в том, что сознание важности и святости лежащего на нас долга близко сердцу и уму каждого красноармейца.

Не взирая на все попытки черных сил посеять рознь и смуту в ее рядах, армия должна пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю, должна проложить тем самым путь к постоянному прочному миру. Я надеюсь иметь в каждом из вас верного товарища и сотрудника по исполнению этой великой задачи, возложенной на нас страной. Чем дружнее будет наш напор, тем ближе желанный конец.

Я надеюсь, что совокупные усилия всех членов армии не дадут места в рядах ее проявлениям трусости, малодушия, лености, корысти или измены. В случае же проявления таковых, суровая рука власти беспощадно опустится на головы тех, кто в этот последний решительный бой труда с капиталом явится предателем интересов рабоче-крестьянского дела.

Еще раз приветствую вас, своих новых боевых товарищей и зову всех к дружной неустанной работе во имя интересов трудовой России.

Командующий 4-й армией, член ВЦИК'а, б. окружной военный комиссар Ярославского военного округа — Михаил Михайлов — Фрунзе.

---

[1] Центральный Архив Красной Армии (ЦАКА), Ф. № 184, д. № 83, оп. 4, л. 93.

Из приказа войскам 4-й армии, № 84/37, 1 марта 1919 г.[1]

§ 1.

Объявляю копию телеграммы 5 съезда Советов красной Иваново-Вознесенской губернии: «Д. Армия, Штаб 4-й Армии, тов. Фрунзе М. В. Съезд Советов шлет Вам коммунистический товарищеский привет и высказывает надежду вновь видеть Вас в первых рядах строителей и руководителей губернии. От имени рабочих и бедняков деревни Русского Манчестера съезд заявляет, что тыл непрестанно помнит о фронте, с ним радуется и печалится. Фронт боевой, тяжелой службой укрепляет мощь Советской России; кропотливая работа тыла направлена к снабжению армии всем необходимым ее постоянному росту. Передайте на фронте — красный Иваново-Вознесенск готов в тяжелую минуту дать армии все, чем он располагает.»

Командующий 4-й армией и член Реввоенсовета М. Фрунзе.

Директива Реввоенсовета Восточного фронта командармам 1-й, 4-й, нандиву Оренбургской, № 313/к, 5 марта 1919 г.[2]

В связи со взятием Орска и Актюбинска[3] исполнение задачи по срочному обеспечению Оренбургской и Уральской областей и поддержанию связи с Ташкентом возлагается на Южную группу под начальством т. Фрунзе в составе 4-й армии, в нынешнем ее составе, и Оренбургской дивизии.

Тов. Фрунзе теперь же приступить к развертыванию Оренбургской дивизии в армию[4] (одна пехотная и одна кавалерийская дивизии) и представить свои соображения по выполнению операции.

Задача по овладению южным Уралом возлагается на 1-ю армию, в составе 24-й Пензенской дивизии и трех полков 25-й дивизии.

Операцию вести четырьмя колоннами: от завода Авзянопетровского на Верхнеуральск, от завода Преображенского на Верхнеуральск, по большой дороге от ст. Кизильская на Верхнеуральск, от Орска на Троицк.

Выполнение этой задачи начать по получении особого распоряжения, а пока вести соответствующую подготовку операции. Штабу Южной группы перейти в Оренбург, штабу 1-й армии, временно, оставаться в Оренбурге.

Разграничительная линия между Южной группой и 1-й армией назначается — Оренбург — М. Кызил Тап — Сары-Камыш — все пункты для Южной группы включительно. Разграничение железнодорожных линий по усмотрению начвосовост[5].

2. Общее наступление армий Колчака

Директива Реввоенсовета Восточного фронта командармам 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, № 0788, Симбирск, 13 марта 1919 г.[6]

В связи с создавшейся за последние дни обстановкой в 3-й и 5-й

---

[1] ЦАКА, ф. 184, д. № 83, оп. 4, л. 149.
[2] ЦАКА, д. № 52—204, л. 212.
[3] Орск был занят Красной Армией 27 февраля 1919 г.; Актюбинск был занят частями 1-й армии 3 марта 1919 г.
[4] Армии было присвоено название Туркестанская.
[5] Начальник военных сообщений Восточного фронта.
[6] ЦАКА, д. № 52—204, л. 222.

армии[1] фронту приказано во что бы то ни стало восстановить утраченное положение.

Реввоенсовет фронта приказывает:

1) 1-й армии, сосредоточив три полка 25-й дивизии, полк 24-й дивизии и два полка Оренбургской дивизии (следующих сейчас на Чишму) в районе Уварово, что близь Гора Белая — Толбазы — Сарманаево, нанести удар противнику на фронте Шеланы — станция Уракова, с целью разбить противника наступающего на 5-ю армию от Уфы.

2) 2-й армии сосредоточить на Воткинском направлении группы, в составе не менее шести полков, включая сюда бригаду 4-й дивизии, и ударить во фланг противнику, теснящему 3-ю армию.

3) 3-й армии сдержать наступление противника, произвести перегруппировку с выделением резервов за своим правым флангом для совместных действий со 2-й армией в общем направлении на Очерской завод.

4) Южной группе, продолжая задачу по овладению Уральской областью, прочно обеспечить за собой Оренбургскую область.

5) 5-й армии, сдерживая натиск противника, принять группировку для совместных действий с 1-й армией для восстановления утраченного положения на Уфимском направлении.

6) Разграничительная линия между 1-й и Южной группой остается прежняя. Командирам 1-й, 2-й, 3-й и 5-й армий донести свои соображения по исполнении поставленных задач.

Телеграмма командующего 4-й армией командованию Восточного фронта, № 01717, 19 марта 1919 г.[2]

В связи с изменившейся обстановкой в районе 1-й и 5-й армий прошу указать, изменилась ли оперативная задача Южной группы, в частности, куда должна базироваться вновь образовываемая Туркестанская армия — на Туркестан или Волгу. Предполагаемое очищение 1-й армией Орска считаю угрожающим, как связи с Ташкентом, так и самому Оренбургу; между тем, заменить в районе Орска части 1-й армии частями Туркестанской, имеющей менее пяти тысяч штыков, чрезвычайно затруднительно.

Командарм 4-й Фрунзе.

Телеграмма Реввоенсовета Восточного фронта командующему 4-й армией, № 0892, Симбирск, 19 марта 1919 г.[3]

Задача Туркестанской армии, временно, отложена исполнением. Туркестанской армии пока базироваться на Волгу через штаб Южной группы. Орск пока очищать не предполагается. С Орского направления лишь взять резервы, которые должны были бы наступать на Троицк. Эти части ставятся в Оренбург для закрепления нашего положения в этой области, а равно и на тот случай, если обстановка под Уфой станет угрожающей для южного участка фронта. Примите все меры к увеличению числа штыков Туркестанской армии.

---

[1] Весеннее наступление Колчака началось 4 марта 1919 г. неожиданно для Восточного фронта ударом Сибирской армии ген. Гайда, в составе 3 корпусов, в промежуток между нашими 3-й и 2-й армиями на участке Оса — Оханск. Противник, заняв 7—8 марта Осу и Оханск, вынудил части 3-й и 2-й армий отходить на Глазов и Сарапуль. На фронте 5-й армии западная армия ген. Ханжина, в составе 3 корпусов, 6 марта ударила в свободный промежуток между 2-й и 5-й армиями и, действуя по тылам 5-й армии, в направлении Бирск — Уфа, вынудила части 5-й армии отходить в направлениях на Мензелинск, Бугульму и Белебей. В период 6—13 марта 2-я, 3-я и 5-я армии продолжали отход на запад под напором превосходных сил противника.

[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1130, л. 124.

[3] ЦАКА, д. № 52—204, л. 214.

Приказ войскам 4-й армии, № 105, Самара, 19 марта 1919 г., 23 ч. [1]

Войска 4-й армии овладели районами Лбищенска и Сломихинской; ближайшая поставленная им задача, таким образом, выполнена. Главные силы врага разбиты и рассеиваются на мелкие отряды.

Поздравляю все части геройской 4-й армии с победой, отмечаю высоко доблестное поведение, при тяжелой обстановке, всего состава войск, начиная от рядовых и кончая командирами. Особо должен оттенить деятельность частей 1-й бригады 25-й дивизии, потерявших за время многодневных боев значительную часть командного состава и, тем не менее, геройски бивших и гнавших врага вплоть до Лбищенска.

Именем рабоче-крестьянской Советской России приношу благодарность всему составу войск Уральской и Александрово-Гайской группы. Россия труда может быть гордой своими товарищами.

Командарм 4-й, член Реввоенсовета Фрунзе.

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 016, Самара, 25 марта 1919 г., 20 ч. [2]

Противник большими силами повел наступление вдоль тракта Верхнеуральск — завод Преображенский и потеснил части 1-й армии, коей приказано восстановить положение и прочно прикрыть направления от Верхнеуральска на Стерлитамак и на Оренбург. В связи с этим фронт 1-й армии сокращается и разграничительной линией между 1-й и Туркестанской армией назначается линия Самара — Бузулук — Дудора — ст. Таналыцкая,— все пункты для Туркестанской армии включительно. Впредь до восстановления положения под Уфой и ликвидации прорыва на Мензелинск задачей Южной группы ставится удержание занятой нами территории в Уральской, Оренбургской и Тургайской областях.

Приказываю:

1) Туркестанской армии с временно приданным 224-м стрелковым полком продолжать обеспечивать Оренбургскую область, заняв, кроме прежде указанного фронта, Илецкий городок, Ново-Илецкая, Илецк и Актюбинск, еще и участок 1-й армии в направлении от Актюбинска на Орск и ст. Таналыцкая включительно; сменив одной бригадой Оренбургской дивизии часть 1-й армии в районе Орск, принять срочно меры по захвату появившегося в районе п. Полтавского отряда противника.

2) и затем по очищении всего района до линии Темир — Укр. Уильское 22-й стрелковой дивизии с включаемым, временно, в ее состав Савинским стрелковым полком со взводом артиллерии и одним эскадроном — продолжать выполнение прежде поставленной задачи.

3) Остальные части 2-й бригады 25-й стрелковой дивизии придаются, временно, Туркестанской армии и направляются в район Илецкого Городка для смены 224-го полка.

4) 1-й и 3-ей бригаде 25-й стрелковой дивизии составить групповой резерв и расположиться: первой бригаде в районе Оренбург — Бузулук, имея один полк в самом Оренбурге, а 3-ей бригаде в Самаре. Управлению дивизии расположиться в Бузулуке.

5) Разграничительная линия между Туркестанской армией и 22-й стрелковой дивизией остается прежняя.

6) О получении приказа телеграфировать.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. 1130, лл. 128—129.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8237, л. 28.

Телеграмма Реввоенсовета Восточного фронта командармам 1-й и 4-й, № 01072, Симбирск, 2 апреля 1919 г.[1]

В связи с создавшейся обстановкой в 5-й армии, 1-я армия вынуждена к 4 апреля оттянуть свои части[2] на линию р. Сакмара — завод Кананикольский — завод Богоявленский. Реввоенсовет Восточного фронта приказывает Южной группе оттянуть части, занимающие Орск — ст. Таналыцкая, также на р. Сакмара и далее по направлению на Актюбинск. Одновременно с сим обстановка вынуждает: Южной группе подготовить резервы из формирующихся частей в районе Самара — Кинель; 1-й армии иметь резервы на тракте Стерлитамак — Оренбург. Разграничительная линия между Южной группой и 1-й армией прежняя, между 1-й и 5-й армиями Ишлина — Мурзугулова — Ратчина — все пункты для 1-й армии включительно.

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 019, Самара, 5 апреля 1919 г.[3]

Овладев Уфой, противник продолжает теснить части 5-й армии в направлении на Белебей и части 1-й армии на Стерлитамак.

Части 1-й армии, удерживаясь южнее Стерлитамака, начали отход за реку Б. Ик, и не позже 9 апреля правофланговая бригада 24-й дивизии займет район Н. Чебенька — Покровское (Шашла).

В связи с отходом 1-й армии, Туркестанской армии, ориентируясь постепенно о месте нахождения правого фланга 24-й дивизии, под давлением обстановки, отходить из района Орска, вдоль большака, вниз по реке Уралу и вдоль железной дороги Самара — Оренбург, принимая все меры к возможно более полной эвакуации всех ценностей, грузов и подвижного состава.

Частям, занимающим Актюбинск, оставаться на месте, поддерживая связь с Ташкентом; очищение Актюбинска может быть произведено лишь по моему приказу.

22-й и 25-й стрелковым дивизиям продолжать выполнение прежде поставленных задач.

О получении приказа и отданных распоряжениях телеграфировать.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

3. Подготовка контр-удара по Колчаку

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 021, Самара, 10 апреля 1919 г., 20 ч. 30 м.[4]

1. Противник, овладев Стерлитамаком и Белебеем, продолжает теснить части 1-й и 5-й армий, угрожая, одновременно, выходом в тыл левому флангу 5-й армии в районе Бугульмы и стараясь отрезать 1-ю армию от 5-й.

2. Согласно приказа командующего Восточным фронтом от 10 апреля за № 01161, в целях объединения действий против Уфимской группы неприятеля, в 12 часов 11 апреля, помимо 4-й и Туркестанской армий, мне подчиняются в оперативном отношении 1-я и 5-я ар-

[1] ЦАКА, д. № 52—204, л. 200.

[2] Части левофланговой 20-й дивизии 1-й армии были направлены на поддержку 5-й армии на Белебей. В связи с отходом 5-й армии, эти части 1-й армии, попадая под удар противника, наступающего на Стерлитамак (был занят противником 4 апреля), вынуждены были отходить на Оренбург.

[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 8237, л. 31.

[4] Там же, л. 34.

мии и укрепленный район участка р. Волги от Ставрополя до Сызрани; все указанные армии составляют Южную группу армий Восточного фронта.

Левее (севернее) нашей группы образована Северная группа в составе 2-й и 3-й армий под начальством командующего 2-й армии.

Кроме того выделены особые отряды для непосредственной обороны Симбирска и Казани.

Разграничительной линией между Южной и Северной группами установлена линия — Бирск — Чистополь — устье р. Камы,— все включительно для Северной группы.

3. Во исполнение указаний командующего фронтом, войскам вверенной мне Южной группы ставлю задачу, удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника, отбросить его к северу.

Для выполнения приказываю:

I. 5-й армии, приведя войска в порядок с применением самых решительных мер, во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской жел. дороги, прикрыв тракт Бузулук — Бугуруслан — Бугульма. Особое внимание обратить на обеспечение своего левого фланга, для чего путем перегруппировки образовать резерв в районе Бугульминской жел. дороги.

Штабу армии оставаться в Бугуруслане.

II. 1-й армии:

а) частями 20-й стр. дивизии удерживать противника, примерно, на фронте от Мелеус, что на тракте от Стерлитамака в Оренбург, через Сеитово и Алешкино до Ратчино (Казанка) включительно;

б) из состава 24-й стр. дивизии: одну бригаду немедленно перебросить по жел. дороге и сосредоточить в районе к северу от жел. дор. станции Тоцкая для включения в ударную группу;

в) остальными частями 24-й стр. дивизии, путем активных действий против неприятеля в направлении на Бугульчан, задерживать продвижение противника и тем дать возможность сосредоточения ударной группы в районе Бузулука;

г) части 31-й стр. дивизии, временно включаемые в состав армии, теперь же направить в Бузулук для присоединения к своей дивизии;

д) штабу армии теперь же перейти в Бузулук.

III. Туркестанской армии:

а) все части 31-й стр. дивизии со 2-й бригадой 3-й кавалерийской дивизии, включенной в состав ударной группы, подчиняемые с получением сего командующему 1-й армией, перевести в его распоряжение по железной дороге и сосредоточить в районе к северу от Бузулука, причем сосредоточение одной стрелковой бригады с конным полком и со штабом дивизии должно быть закончено не позже 18 апреля;

б) 1-й бригаде 3-й кавалерийской дивизии, подлежащей немедленному перемещению из Уральска и Бузулука в районе Оренбург — Илецкий Городок, совместно с местными формированиями образовать особую Оренбургскую группу под начальством командующего Туркестанской армией для прикрытия района Оренбурга;

в) 224-му стр. полку из состава 25-й стр. дивизии, расположенному в Илецком Городке, продолжать, временно, оставаться в подчинении командующему Туркестанской армией.

IV. 4-й армии:

а) 22-й стр. дивизии с Киргизской конной бригадой и 221-м стр. полком продолжать выполнение прежней задачи по прочному обеспечению занятого района Уральской области;

б) 73-й бригаде 25-й стр. дивизии, включенной в состав ударной группы, выдвинувшись не позже 18 апреля на фронт Луговое — Безводновка (что в 40—50 верстах к северу от Бузулука), составить прикрытие района сосредоточения всей ударной группы;

в) 75-й бригаде 25-й стр. дивизии без 224-го стр. полка, включенного в состав ударной бригады, продолжать перевозку в район Бузулука;

г) 74-й бригаде 25-й стр. дивизии оставаться в Самаре, составляя с формирующимися там войсками резерв всей Южной группы;

д) 73-я и 75-я бригады стр. дивизии, включаемые в состав ударной группы, подчиняются в оперативном отношении командующему 1-й армией с получением сего.

V. Ставя указанные выше задачи, требую от всех проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контр-удару и нанести врагу решительное поражение.

Для достижения этого приказываю, прежде всего, водворить строжайший порядок в войсках и установить беспощадную ответственность по отношению забывших свой долг революционеров и борцов за благо и свободу трудящихся масс.

В целях возможности управлять войсками при чрезвычайно сложной наличной обстановке приказываю всем командирам и их штабам: прежде всего, всегда своевременно доносить о современном положении на фронте армии и также соседей, точно обозначать расположение всех частей, ясно указывать данные им задачи и, поскольку они выполнены, непрерывно вести разведку, не теряя соприкосновения с противником для возможно более точной ориентировки в расположении его частей.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Пугачевскому уездному комитету партии, № 878, Самара, 12 апреля 1919 г.[1]

Сообщаю, что приказ о мобилизации 50 процентов рабочих санкционирован Реввоенсоветом Республики.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе. Куйбышев.

Телеграмма командующего Южной группой Ярославскому Окрвоенкому, копия Иваново-Вознесенскому и Ярославскому военкому и Губкомпартии, № 874, Самара, 12 апреля 1919 г.[2]

Высылайте возможное количество пополнений, хотя бы без вооружения и снаряжения. Положение исключительно острое.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8162, л. 12.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 5.

Телеграмма командующего Южной группой командармам 4-й, 5-й, Туркестанской, Начдиву 22-й, Начдиву 25-й, № 01011, Самара, 13 апреля 1919 г., 19 ч. 40 м. [1]

Во изменение приказа войскам Южной группы № 021. Ввиду выяснившейся невозможности рассчитывать на сосредоточение в районе Бузулука частей 24-й дивизии для одновременных действий в составе ударной группы с 25-й и 31-й дивизиями, начальствование ударной группой, в составе 25-й и 31-й дивизий, возлагается не на командарма 1-й, а на командарма Туркестанской, коему из Оренбурга перейти в Бузулук с головной бригадой 31-й дивизии. Командарму 1-й продолжать сосредоточение ударной группы из состава частей армии в районе Михайловское — Шарлык для удара во фланг и тыл Бугурусланской группы противника, одновременно с Бузулукской ударной группой. Задача по обеспечению Оренбурга вместо командарма Туркестанской возлагается на командарма 1-й, в подчинение коему поступает 1-я кавалерийская бригада 3-й кавалерийской дивизии, 224-й стр. полк и местные части, составляющие гарнизон Оренбурга, и вооруженные там рабочие.

Командарму Туркестанской принять самые решительные меры к самой спешной перевозке частей армии в район Бузулука, к северу от коего сосредоточить обе дивизии ударной группы.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Разговор по прямому проводу командующего Южной группой с командованием Восточного фронта, 16 апреля 1919 г., 13 ч. [2]

Тов. Фрунзе:

1) О помощи 5-й армии. О необходимости таковой я прекрасно знаю, но подать ее за счет 1-й бригады 25-й дивизии я не мог, ибо эта бригада до сих пор, в силу отсутствия подвижного состава обоза и целого ряда претензий со стороны частей, до сих пор не сосредоточена целиком даже в Бузулуке. Поэтому помощь приходится оказывать другими путями, для чего в спешном порядке заканчивается формирование 2-й бригады в Самаре, и перебрасывается 3-я бригада с Уральского фронта; части 3-ей бригады в составе 2-х полков на пути к Сызрани и мною направлены в 5-ю армию. Туда они могут прибыть в течение ближайших 5—6 дней. От посылки подкреплений отдельными батальонами отказался, находя это нецелесообразным, с чем согласен и командарм 5-й. 21 числа надеюсь закончить формирование 2-й бригады, которой придаю роту связи, саперную роту, артдивизион, в составе двух батарей и дивизион кавалерии. Сейчас только разговаривал с командармом 5-й; выяснил положение и договорился об оказании помощи указанными выше частями, причем во взглядах на операцию у нас намечалось некоторое расхождение: я считаю более настоятельным усилить Бузулукскую группу с тем, чтобы сделать ее действительно ударной, а в 5-й армии ограничиться 2 полками, чтобы сдержать наступление; командарм же 5-й настаивает на посылке обеих бригад. Если поступить так, то Бузулукская группа будет очень слаба, так как части 31-й дивизии сравнительно плохо снаряжены и подготовлены. Предполагаю объединение Бугурусланской и Бузулукской групп для проведения Бугурусланской операции в руках командарма 5-й.

Относительно имущества прибывшего с маршрутными поездами дол-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 29—30.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 79—85.

жен доложить, что значительная часть его уже распределена. Вследствие отсутствия своевременных указаний комендантов поездов они проскочили мимо Самары в 5-ю армию, где и была оставлена часть имущества. Помимо этого, как только поезда вернулись в Самару, мною не медля ни часу было послано 3000 винтовок в Оренбург для вооружения рабочих полков и часть была выдана Иваново-Вознесенскому, Самарскому и Сызранскому полкам.

Ваша телеграмма с запрещением распределять его [вооружение] нам — опоздала, но требуемый вами порядок мне кажется лишь замедлит нашу работу по формированию. Мною приказано учреждениям штаба группы и губернского комиссариата работать день и ночь, дабы никаких задержек с снаряжением не было. Я прекратил всякую переписку по таким вопросам и все делается непосредственным сношением и без всяких проволочек.

Убедительно прошу отменить ваше приказание с указанием того количества снабжения, которое я должен задержать для вас. Сообщаю, так, для сведения, о своих потребностях по части снаряжения: Оренбург требует 8000 винтовок; комиссар Степного края, находящийся сейчас у меня, требует для киргизских формирований Тургайской области, по крайней мере, 3000 винтовок, обещая в таком случае создать в тылу казаков крупную вооруженную силу; тургайский Исполком для вооружения рабочих Актюбинска, Челкара, Темира, прикрывающих путь к Ташкенту, просит 3000 винтовок, пулеметы и орудия и, наконец, для вооружения тыловых формирований Самары, Сызрани, Николаевска и прочих требуется тоже огромное количество. Я не упоминал о том, что полки 2-й дивизии тоже имеют оружия недостаточно; об этом же волнуется 4-я армия, где замечается оживление деятельности противника.

2) Прошу выяснить мое отношение к частям 2-й дивизии.

Политические работники с маршрутными поездами не прибыли, сил у них мало хороших. Мне крайне нужны красные офицеры; командный состав требуется всюду, прошу помочь.

Кроме семи человек, перехваченных мною на пути следования из штаба 5-й армии в Сызрань в запасный полк и распределенных по полкам бригады 26-й дивизии, все остались в 5-й армии. Из командного состава и чиновников я перехватил десять, которых направил: шесть человек в полки 2-й бригады, одного в Мелекес командиром формирующегося там полка по постановлению комитета партии и трех чиновников тоже в бригаду 25-й дивизии.

Командвост: Признаю, что разбивать ударную группу нельзя; надо окончательно установить, что составит ударную группу и что может быть дано 5-й армии на усиление, и твердо провести эту линию. Объединение командованием по моему — или в руках командарма 1-й или командарма 5-й.

2) Относительно имущества; это распоряжение имело целью предотвратить захват имущества 5-й армией и, конечно, все это имущество целиком пошло бы в Вашу Южную группу, так что по существу никакой разницы не произошло. Вы только нам сообщите что, куда вами назначено, для учета и, в первую очередь, конечно, обеспечьте части ударной группы и части Самарского укрепленного района.

2-я дивизия до полного сосредоточения и приведения ее в полную боеспособность остается в резерве фронта. Вся работа по приведению в боеспособное состояние дивизии лежит на вас. Вы должны подготовить соображения, каким порядком, для какой задачи вы используете 2-ю дивизию или правильнее предполагаете, после чего эта дивизия будет передана вам. Возможно, конечно, что боевая обстановка не по-

зволит так планомерно разрешить этот вопрос; тогда вы запросите нас, и, очевидно, мы ее вам отдадим, но это будет уже нежелательное использование этой дивизии, вот и все.

4. Подготовка и проведение Бугурусланской операции

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 022, Самара, 19 апреля 1919 г., 20 ч.[1]

1) Из перехваченных приказов противника[2] видно, что против нашей 5-й армии в районе Бугуруслана наступает 3-й Уральский корпус, имея 6-ю Уральскую дивизию к северу от реки Кинель и к югу 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков, в составе 25-го, 26-го, 27-го и 28-го пех. полков, 7-й арт. бригады, 1-го Уральского гусарского полка, Егерского батальона и Оренбургской казачьей бригады. Части этой дивизии 16 апреля должны были занять фронт его, с дальнейшим выдвижением на ж. д. ст. Подбельская — Кинельская — Городки — Чепурновка. Оренбургской казачьей бригаде указано продолжать наступление на ж. д. ст. Толкай. Кроме того, в состав 3-го Уральского корпуса, повидимому, входит Ижевская бригада, район расположения которой не выяснен. В Стерлитамакскую группу противника входит 6 корпус, в составе 11-й, 12-й дивизий, причем к 12 апреля правый фланг 6-го корпуса, а именно 44-й пех. полк с батареей должен был занять Егорьевку (повидимому селение, которое находится около 30 верст к юго-востоку от ж. д. ст. Абдулино). Кроме того, из захваченного приказа по 45-му полку видно, что 12-я дивизия противника должна была выдвинуться на южный берег р. Дема в районе Богородское (Пономарево) — Алябьево — Воздвиженское (ст. Никитино). Судя по приказам до 16 апреля между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника связь отсутствовала.

2) Во внимание к выяснившейся обстановке считаю необходимым с возможно большей энергией продолжать выполнение указанного мною оперативного плана, центр тяжести коего лежит в разгроме Бугурусланской группы противника, пока она не находится еще в тактической связи с 6-м корпусом, наступающим из района Стерлитамака.

В подтверждение и дополнение ранее отданных мною приказов предписываю:

а) 5-й армии, усиленной 74-й и 75-й бригадами 25-й стр. дивизии, не только остановить напор противника и дальнейшее его продвижение вдоль Бугульминской и Бугурусланской ж. д., но контрударом оттеснить его, имея ближайшей задачей овладение районом Бугуруслана. Штарму оставаться в Кротовке.

б) Ударной группе в составе 73-й бригады 25-й стр. дивизии, 31-й стр. дивизии и Оренбургской казачьей бригады, сосредоточившись в районе к северу от Бузулука, перейти в решительное наступление в общем направлении на фронте ж. д. от Заглядино — Бугуруслан, с целью совместно с 5-й армией разбить противника и отбросить его Бугурусланскую группу к северу, отрезав его от сообщений к Белебею.

Командующему ударной группы, пользуясь своей конницей, держать связь с нашей армией; вести разведку в промежутке между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника, порывая между ними связь; обеспечивать правый фланг ударной группы и развивать возможно энергичные боевые действия в глубокий тыл 3-го Уральского корпуса про-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 71—81.

[2] Эти приказы были найдены разведчиками 25-й стрелковой дивизии у захваченных ими трех заблудившихся белогвардейских ординарцев (см. ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 127—132).

тивника, примерно в районе ж. д. ст. Сарай — Гир — ж. д. ст. Филипповка. Штабу ударной группы (он же штарм Туркестанской) находиться в Бузулуке. Командарму Туркестанской принять все меры к скорейшему сосредоточению всех частей армии из Оренбургского района в район Бузулука.

в) 1-й армии, минуя всякие препятствия, прекратить дальнейший отход и, перейдя теперь же в решительное наступление, сковать находящиеся перед ней части 6-го корпуса противника, дабы не дать им возможность войти в связь с 3-м Уральским корпусом и, тем самым, угрожать правому флангу ударной группы.

Помимо этого, на армию, в состав коей включаются 224-й стр. полк и 10-й кавалерийский полк, передвинутые в Оренбург из Бузулука, и все местные оренбургские формирования — возлагается обеспечение района Оренбурга, путем создания особой Оренбургской группы. На эту группу возлагается обязанность, в кратчайший срок, сменить части Туркестанской армии обеспечивающие до сих пор Оренбург с востока и прикрыть погрузку этих частей, а именно: Орского и Бузулукского стрелковых и Орского, Айсановского и 2-го сверхштатного конных полков для немедленной переброски их из Оренбурга в район ударной группы. Штабу армии перейти в Сорочинское.

г) 4-й армии в составе: 22-й стр. дивизии, 9-го кав. полка, Савинского стр. полка и Киргизской конной бригады, под общим командованием начальника 22-й стр. дивизии, продолжать выполнение прежней задачи по прочному удержанию занимаемого района Уральской области.

3) Командующим 5-й армией и ударной группой во исполнение этого приказа немедленно представить свои соображения и донести об окончании подготовки к предстоящей операции, после чего будет указано время для начала решительного согласованного наступления.

4) Всем командующим армиями возможно подробнее ежедневно доносить мне о подготовке к операциям, указывая расположение всех частей, боевой их состав и степень обеспеченности их всем необходимым.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Директива командующего Южной группой командарму 1-ой и Туркестанской, № 01164, Самара, 22 апреля 1919 г., 21 ч. [1]

По полученным только что донесениям 19 апреля левофланговые части 1-й армии после боя с 46-м и 47-м полками противника в районе Воздвиженское (ст. Никитино) оттеснены в район Ратчина (Козинка — Алексеевское) Бакалка, после чего противником заняты Дюсьметева и Романовское (Карабалак). 45-й полк противника атаковал Алексеевское (Бакалка), но атака отбита. 212-й, 213-й и 214-й полки 24-й дивизии, наступая на запад, к 19 апреля заняли район Яфарова — Ново-Никитино — Ивановка (Александровка), причем из последних двух пунктов 212-й и 213-й полки двинуты на север с целью окружения противника в районе Романовское (Карабалак). Северо-западнее обнаруженных частей 12-й дивизии противника предполагается наступление 11-й дивизии. С целью приковать части 6-го корпуса противника и не дать им возможности соединиться с 3-м Уральским корпусом и угрожать правому флангу, сосредоточиваемой в районе к северу от Бузулука, нашей ударной группы, приказываю:

1) 1-й армии — усилить всем чем можно свой левый фланг, перейти в самое решительное наступление против частей 12-й дивизии против-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. 1056, лл. 53—55.

ника, дабы во что бы то ни стало приковать к себе возможно большие силы из состава 6-го корпуса противника.

2) Командарму Туркестанской — организовать немедленно усиленную разведку в районе между р.р. Кинель и Ток, дабы выяснить фронт наступающих частей 6-го корпуса противника.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой в Симбирск командованию Восточного фронта и Саратовскому губвоенкому, № 01113, Самара, 20 апреля 1919 г.[1]

Положение на Уральском фронте весьма серьезное. Вчера весь день шел бой между Янайский и Скворкин. Части отводятся на линию Скворкин — Ширяевский. Казаки мобилизовали все поголовно казачье и иногороднее население от Лбищенска до Гурьева. Необходима немедленная посылка в Уральск, для усиления, свежих частей, так как в распоряжении группы свободных войск не имеется.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой Иваново-Вознесенскому губернскому комитету партии, копия Москва, Цека партии, № 1058, Самара, 23 апреля 1919 г.[2]

Прошу мобилизованных коммунистов из Иваново-Вознесенска направить в мое распоряжение для распределения по четырем армиям Южной группы.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой командованию Восточного фронта, № 01182, Самара, 23 апреля 1919 г., 20 ч.[3]

Основная идея операции Южной группы Восточного фронта — удар в разрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан — Заглядино — Сарай-Гир, с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям. Операции выполняются путем атаки на правом фланге 5-й армии двумя бригадами 25-й стр. дивизии, севернее р. М. Кинель. Одновременно с этим, на левом фланге 5-й армии производится частями 27-й дивизии атака в районе Бугульминской железной дороги с охватом Бугульминской группы противника с севера; атака имеет целью охват противника и не позволит ему перебросить свои части на юг к Бугуруслану. Главный удар наносится с юга частями 31-й и одной бригадой 25-й стр. дивизий, которые составят ударную грушу и, сосредоточившись в районе Дураковка (Озерье) — Сергеевка (Мароссы) — Кирилловка — Могутово и Подсолнечное, наносит удар во фланг и в тыл 7-й горной дивизии противника, имея задачей сбить его с железной дороги и отбросить к северу. Для охраны правого фланга ударной группы со стороны частей (11-й и 12-й дивизии) противника и для оказания содействия левому флангу 1-й армии, путем удара во фланг противнику, наступающему на этот фланг, выдвигается в район Никольское — Боровка конная бригада. 1-я армия, упорно обороняя частями 20-й стр. дивизии и местными формированиями район Оренбурга и обеспечивая направление Стерлитамак на правом фланге,

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, л. 157.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 36.
[3] ЦАКА, ф. 254, оп. 4. д. № 88, лл. 414—417.

должна частями 24-й дивизии сковать находящиеся перед нею части и не допустить до тактического соединения с частями Бугурусланской группы противника, путем упорной атаки имеющихся перед ее левым флангом частей противника.

4-я армия частями 22-й стр. дивизии должна продолжать упорную оборону района Уральска и железной дороги Уральск — Саратов.

В резерве группы остается в районе Самары — Иващенково две бригады 2-й стр. дивизии, которую предполагается использовать для развития успеха.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма начальника оперативного управления Южной группы начальнику опер. управления Востфронта, № 01202, Самара, 24 апреля 1919 г.[1]

На вашу записку сообщаю, что вчера в 20 ч. 31 м. по разговору Наштаюжгруппы с наштадивом 22-й выяснилось, что части 22-й дивизии вошли в самый город[2], оставив небольшие части на южном конце моста через р. Чеган. Новых сведений, ввиду перерыва связи в районе Деркуль — Уральска, у нас нет. Пытаемся вызвать Уральск через Бузулук.

Оперативная сводка штаба Южной группы Восточного фронта № 01237, к 15 ч. 27 апреля 1919 г., Самара.[3]

1-я армия.— 26 апреля в 17 ч. 277-й, 211-й полки атаковали части 2-й и 5-й дивизий противника, переправившиеся через реку Салмыш; противник был сброшен в реку нашим артиллерийским огнем, причем сдалось в плен более 1 000 человек пехоты, захвачена трехорудийная батарея, 15 пулеметов, обозы полков и другая добыча[4]. Подробности будут донесены дополнительно.

Туркестанская армия.— 25 апреля частями 219-го полка, производившими поиск, занята деревня Алексеевка, причем взято 2 пулемета и пленные; разведчиками 218-го полка снята застава противника на высоте северо-западнее д. Сергиевское (Жулино).

5-я армия.— 25-я дивизия, частями 3-ей бригады вчера, 26 апреля заняты высоты между д.д. Архангельское и Елга, причем взято 8 пленных и один пулемет; в бою под Покровском 25 апреля взято 200 пленных и 8 пулеметов. Сергиевский отряд под натиском противника отошел к д. Н. Орлянка. На фронте 27-й дивизии, в результате упорных боев, под натиском противника 41-й полк отошел в Таузакова — Успенское (Зубовка), 242-й полк в Токмак, 239-й к Урметьева, 240-й полк — Сиделькино; центр же продолжает удерживаться, несмотря на атаки противника, в районе д.д. Боганы — Шентала (Богоявленское) — Артюшкино — Шентала. Принимая во внимание рискованность слишком выдвинутого вперед центра положения дивизии, начдив приказал занять и упорно оборонять: 2-й бригаде 5-й дивизии и Брянскому эскадрону линию д.д. Лиговка — Шаловка — Успенское (Зубовка), с резервом в Дмитриевке; 3-й бригаде 27-й дивизии с

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, л. 199.
[2] Уральск.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 246—251.
[4] Разгром противника на р. Салмыш, в 60—80 клм. к северу от Оренбурга был первой блестящей победой, открывшей наступление войск Южной группы Восточного фронта. 1-я армия получила возможность угрожать тыловым сообщениям армии Ханжина, продолжавшей продвигаться в направлении на Сергиевск.

26-м кавдивизионом, бронепоездом и № 10 поезда с вооруженными платформами линию д.д. Егорьевка — Токмак — Ст. Челны и Челны-Вершины с резервом в д. Кривозериха; 2-й бригаде 27-й дивизии, в составе 239-го и 240-го полков и 28-го кавдивизиона линии д.д. Девливеркино — Аделяково — Сиделькино. Части Чистопольской группы к 12 ч. 26 апреля были на линии д.д. Приг — Билярск — Орки — Багана — Адельшина — Чутлушкина (Бахта) от Иванаева — Кубасы.

Телеграмма командующего Южной группой замнаркомвоену, № 01297, Самара, 29 апреля 1919 г.[1]

В моем распоряжении имеется слишком 2000 Оренбургских казаков-добровольцев, ушедших из занятых белогвардейцами станиц. Часть из них на конях, но без седел. Настроение превосходное; можно сразу довести до конца формирование кавдивизии, формируемой при Туркестанской армии. Эта дивизия могла бы сыграть колоссальную роль. Прошу выслать срочно для кавдивизии одну тысячу седел и одну тысячу драгунских винтовок.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Член Реввоенсовета В. Куйбышев.

Оперативная сводка штаба Южной группы Восточного фронта, № 01309, к -5 часам 30 апреля 1919 г., Самара.[2]

1-я армия — на участке обороны Оренбурга, противник оттеснен к югу от Менового двора на 6—7 верст; преследование его нами продолжается. От 20-й дивизии сведений не поступало. На участке 24-й дивизии 28 апреля нами с боем заняты д. Алябьево — с. Новгородское — Алексеевка — Беседина. На остальных участках дивизии — без перемен.

Туркестанская армия — 73-я бригада 25-я дивизия — кавалерией занята д. Тростянка (Н. Николаевка, Кующегорье) — Тулла. 31-я дивизия — 275-й и 276-й полки начали выдвижение на линию Архангельское — Городецкое — Кушниково — Горка. 274-й полк в с. Зимниха будет оставлен в резерве участка. 5-я армия — наступление наших частей продолжается успешно; по предварительным сведениям части 25-й дивизии заняли Подколочную и Куроедовку. Части 26-й дивизии в Обраикино и подвигаются на Руштайкино.

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 0231, Самара, 1 мая 1919 г.[3]

Противник, пытавшийся овладеть Оренбургом, при наступлении как с севера, так и с востока и юга отброшен частями нашей Оренбургской группы и понес большие потери, в том числе свыше полутора тысяч пленными. На всем остальном фронте 1-й армии противник, в общем, пассивен; на левом фланге части 24-й стр. дивизии отбросили 12-ю дивизию противника в район Богородское (Пономарево).

Начавшееся 28 апреля общее наступление Туркестанской и правого крыла 5-й армии идет вполне успешно: части 1-й бригады 25-й дивизии разбили 11-ю дивизию противника, а части 2-й и 3-й бригад 25-й дивизии и 3-й бригады 26-й дивизии — 6-ю дивизию противника, от-

---

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 145, л. 84.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 288—289.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 107—113.

давшую в наши руки много пленных и отступающую на север и частью на северо-запад. В то же время противник собранным в районе Сергиевска кулаком теснит левофланговые части Бугурусланской группы 5-й армии. Одновременно, под напором превосходных сил противника Бугульминская группа 5-й армии вынуждена продолжать отход, выдерживая главный нажим на своем правом фланге.

На фронте 4-й армии, противник, перерезав железную дорогу между Уральском и Деркуль и овладев Александров Гай, пока держится пассивно. При содействии передаваемых мне подкреплений решил: путем двойного охвата, нанести удар противнику с целью уничтожения его группы, оперирующей в районе к юго-востоку от Сергиевская и стремящейся отбросить правую группу 5-й армии от ее сообщений с Самарой, после чего общими усилиями Туркестанской и 5-й армии отбросить Бугульминскую группу противника на север, отрезав ее от сообщений с Уфой. Для чего:

1) 1-й армии продолжать выполнение поставленных ей задач удерживать район Оренбурга и активными действиями на своем левом фланге, в общем направлении на север, приковывать к себе части противника, группирующиеся в районе к юго-востоку от ж. д. ст. Абдулино. Разграничительная линия между 1-й и Туркестанской армиями Натальино (Плещеево) — Абдулино — Белебей,— для 1-й армии включительно.

2) Туркестанской армии, имея справа активно действующий [заслон], продолжать самое энергичное и быстрое наступление главной своей массой в тесной связи с правым флангом 5-й армии в целях выхода во фланг и тыл Бугурусланской группы противника. Оставив конную бригаду в районе железной дороги Бугуруслан — Белебей, выдвинуть все остальные части конницы для энергичных и быстрых действий в направлении на Бугульму, с целью прикрытия правого фланга при дальнейшем наступлении и удара по тылу противника и его сообщениям. Разграничительная линия между Туркестанской и 5-й армиями Бугуруслан — ж. д. ст. Дынка,— для Туркестанской армии включительно.

3) 5-й армии, в состав коей включаю 2-ю и 3-ю бригады 2-й стр. дивизии, приказываю: продолжая быстрое наступление своего правого крыла от Бугуруслана в общем направлении на северо-запад, использовать части 2-й дивизии для развития самых энергичных действий в охват правого фланга и тыла 4-й Уфимской дивизии противника с целью не только остановить его нажим на юг, но путем окружения уничтожить его.

Для усиления Бугульминской группы 5-й армии в состав ее будут включены части, сосредоточиваемые штабом фронта в районе Мелекес. С прикрытием этих подкреплений левой группе 5-й армии перейти в решительное наступление с охватом левого фланга 8-й Камской дивизии противника в целях разобщения его от частей 4-й Уфимской дивизии и, тем самым, обеспечения левого фланга 2-й дивизии, направляемой в район Сергиевска для глубокого охвата. 4-й армии приказываю: овладев вновь Александров Гай продолжать выполнение задачи по удержанию района Уральск и железной дороги на Покровск. С прибытием подкреплений перейти в решительные действия с целью отбросить противника от железной дороги и Уральска.

5) Требую от всех армий самой кипучей энергии, быстроты и смелости при выполнении поставленных им задач, памятуя что при создавшейся обстановке только в таких действиях залог нашего полного успеха.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Оперативная сводка Туркестанской армии, № 076/оп. к 21 ч. 2 мая 1919 г., Бузулук.[1]

2 мая (конная) бригада вышла к д. Алексеевка (Зорькина) и далее направляется на ж. д. участок ст. Филипповка — Сарай-Гир, подробного донесения не поступило. 1 и 2 мая частями бригады в районе д.д. Н. Аширова — Бакирова — Тимошкина взяты пленные 41-го, 44-го полков, разбежавшихся после боя 28 апреля в районе Кузминовское — Воскресенка. Бригаде добровольно сдался полк имени Шевченко с оружием и пулеметами, перебив своих офицеров. Сдаются большие партии противника в районе действий бригады, но каких частей пока указаний нет. От 92-й бригады (31-й дивизии) и 73-й бригады (25-й дивизии) донесений не поступило. Штадив 31-й переходит в д. Баландина. 271-й полк — д. Карловка — Якобьевка; 272-й полк — Рамзина. Штабриг 91-й — Подколки (Михайловское).

Телеграмма командующего Южной группой начальнику обороны г. Оренбурга, копия командиру 277-го полка, № 1117, Самара, 3 мая 1919 г.[2]

Предлагаю немедленно представить к награждению отличившихся в бою на р. Салмыш из состава полка. Всему полку от имени Рабоче-Крестьянского правительства объявляю благодарность за его геройский подвиг. Уверен, что геройский 277-й полк и впредь оправдает доверие трудового народа.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Член Реввоенсовета Куйбышев.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Реввоенсовету Туркестанской армии, копия политотдел 25-й стрелковой дивизии, № 1226, Самара, 5 мая 1919 г.[3]

Ввиду подчинения 25-й дивизии в оперативном отношении штарму 5-й и неразрывной связи боевых операций с политической работой в частях, Реввоенсовет Южной группы решил временно подчинить Политотдел 25-й дивизии Реввоенсовету 5-й армии.

Реввоенсовет Южной группы

В. Куйбышев.

М. Фрунзе.

Оперативная сводка штаба Южной группы Восточного фронта, № 01402, Самара, 5 мая 1919 г., 18 ч. 45 м.[4]

В районе Самаро-Златоустовской железной дороги наши части располагаются на линии Сарай Гир — Филипповка — Хлебодаровка и Верх. и Нижн. Заглядино. В 9 часов 4 мая мы овладели г. Бугурусланом и вышли на линию д.д. Елатманка — Лобовка — Валентиновка; западнее нами заняты д.д. Нефедьевка и ст. Мансуркина.

В районе железной дороги Сергиевск — Кротовка наши войска овладели дер. Калиновка, Богоявленка (Суходол) — Лобановка и Павловка. Дополнительно получены сведения о занятии нами города Сергиевска.

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8367, лл. 72—73.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 75.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 8169, л. 13.
[4] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 7.

Телеграмма командующего Южной группой командованию Восточного фронта, № 01408, Самара, 5 мая, 1919 г., 19 ч. 40 м.[1]

Для успешного развития операций по уничтожению Бугульминской, Сергиевской и Бугурусланской группы противника и для обеспечения наших действий со стороны Уфы является настоятельная необходимость в усилении войск Южной группы, а потому прошу о придаче бригады 4-й стр. дивизии в резерв Южной группы, тем более, что по полученным сведениям от перебежчиков и пленных, части корпуса Каппеля выступили из района Златоуста на Уфу.

Командующий южной группой Фрунзе.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Саратовскому губкому партии, № 1249, Самара 6 мая 1919 г.[2]

Положение дел в районе Уральска ухудшается вследствие усиливающегося казачьего восстания. Связь с Уральском со стороны Бузулука прервана. Необходима срочная помощь Уральску, ибо дальнейшее ухудшение грозит срывом успешно развивавшихся наших операций на путях к Уфе. Командование Южной группы резервами для посылки на Уральский фронт не располагает. Силы Самары исчерпаны, ибо она выделила все, что могла Уфимскому фронту и этим спасла положение. Долг Саратова сделать то же самое в отношении Уральского фронта. Оружие есть. Реввоенсовет Южной группы уверен, что Саратов окажет 4-й армии должную помощь и спасет положение всей южной части Восточного фронта.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе.

В. Куйбышев.

Телеграмма командующего Южной группы штабу Восточного фронта, № 01413, Самара, 6 мая 1919 г.[3]

Сообщаю для сведения, что еще вчера я решил начать наступление на Белебей и Стерлитамак с целью обеспечения Бугуруслан-Бугульминской операции со стороны Уфы, откуда могут ожидаться части противника, как в Белебеевском, так и Бугульминском направлениях. Для осуществления этого приказано: 1) обеспечив Оренбург с севера меньшей частью 20-й дивизии, большей частью этой дивизии наступать на Стерлитамак; 2) стянув части 24-й дивизии влево, начать наступление вдоль и правее Златоустовской жел. дор. в направлении на Шафраново; 3) Туркестанской армии — в составе 5-го полка 31-й дивизии и трех полков 3-й кав. дивизии, сосредоточившись в районе Сарай Гир, наступать на Белебей, имея дальнейшей задачей выход на Бугульминскую жел. дор. вдоль тракта, прямо на север, освещая конницей глубоко свой левый фланг и поддерживая связь с 5-й армией.

Для выполнения этой операции я уже переговорил с командармами 1-й и Туркестанской армий и отдал приказ, который будет сегодня передан вам. Ваше предложение двинуть Туркестанскую армию для связи с 5-й армией, т. е. на север прямо из ныне занимаемого ею района, считаю менее желательным, ибо выигрыш нами пространства в направлении на Уфу и перерыв сообщений с ней Бугульминской группы противника в более глубоком тылу надежнее обеспечит нашу операцию.

Командующий Южной группой Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 9.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168 л. 117.
[3] ЦАКА ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 32.

Приказ войскам Южной группы, № 025, Самара, 6 мая 1919 г. 11 ч. 40 м.[1]

Для обеспечения операций 5-й армии со стороны Уфы, как в направлениях на Белебей, так и вдоль Бугульминской железной дороги, а также с целью перерезать пути отхода противника от Бугульмы на Уфу, приказываю:

1) Туркестанской армии, сосредоточившись в районе Сарай Гир, перейти в наступление на Белебей, имея дальнейшей непосредственной задачей быстрый выход на Бугульминскую дорогу по тракту от Белебея на север. Поддерживать тесную связь с 5-й армией и конницей, обеспечить свой левый фланг, разведывая и действуя в направлении на Бугульму.

2) 1-й армии — 24-й дивизией перейти в наступление, в тесной связи с Туркестанской армией, в направлении на Шафраново, а 20-й дивизией — в направлении на Стерлитамак, обеспечив Оренбург с выдвижением на линию Островной — Черноотрожская и ст. Муранталово.

3) 5-й и 4-й армиям продолжать выполнение ранее поставленных задач.

4) Обращаю [внимание] на необходимость энергичных действий и требую поддержания самой тесной связи между армиями и дивизиями, с каковой целью соседним частям обмениваться делегатами.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Директива командующего Южной группы командующему Туркестанской армией, № 01443, Самара, 7 мая 1919 г.[2]

Приказываю возможно энергичнее вести наступление 31-й дивизией, а конницу усиленными переходами бросить в указанных ей направлениях, т. е. конную бригаду на Белебей и далее по тракту на север, а остальную часть на Бугульму. Намечающийся общий отход противника, который должен быть отрезан от сообщений с Уфой, требует проявления крайней решительности и смелости, доходящей до дерзости. Чрезвычайно важно возможно скорее занять весьма крупную переправу Бугульминской жел. дор. через р. Ик.

Требую от вас предъявить к подчиненным вам войскам и их начальникам сознание важности данной задачи и приказываю ежедневно точно ориентировать меня о результатах действий всех частей армии.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Радиограмма командующего Южной группой защитникам Уральска, № 01445, 8 мая 1919 г.[3]

Привет вам, товарищи! Будьте спокойны и тверды. Помощь вам идет. Враг на Уфимском направлении разбит. Оренбург надежно в наших руках. В ближайшие недели Уральской контр-революции будет нанесен последний, сокрушающий удар. Врагу не сломить рабоче-крестьянской силы. На вас смотрит сейчас вся трудовая Россия. Смелее в бой!

Командующий Южной группой Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8237, л. 41.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 60.
[3] Там же, л. 61.

Радиограмма командующего Южной группой начдиву 22-й в Уральск, № 0147, Самара, 9 мая 1919 г., 13 ч. 45 м.[1]

Приказываю держаться до последнего человека — это единственное средство сохранить отряд.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма саратовского губкома партии Реввоенсовету Южной группы, 8 мая 1919 г.[2]

...На № 1249[3]. Делаем все возможное. Нет совершенно лошадей, повозок, крайне недостаточно обмундирования, вооружения. Окажите содействие в получении нами указанных предметов. Людей дадим сколько угодно.

Телеграмма Саратовскому губкому партии Реввоенсовета Южной группы, № 1304, Самара, 12 мая 1919 г.[4]

Давайте возможно большее пополнение людьми 4-й армии. Обмундирование и вооружение будет предоставлено нашим распоряжением.

Реввоенсовет Южной группы Куйбышев.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Рязанскому губвоенкому, копия губкомпартии, № 1291, Самара, 10 мая 1919 г.[5]

На № 411. Реввоенсовет Южной группы Восточного фронта от имени вверенного ему фронта благодарит за первую ласточку партийной мобилизации, долетевшую до него с того берега Волги. Напряжением сил великой Российской Коммунистической партии армия разгромит уже отступающего врага.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе.

Куйбышев.

Приказ войскам Южной группы, ст. Филипповка, 11 мая 1919 г.[6]

Я сегодня вместе с членом Реввоенсовета т. Куйбышевым прибыл в район расположения Туркестанской армии и фронта 25-й стр. дивизии. На фронте 5-й армии продолжается успешное наступление наших частей. Противник, сосредоточивши к востоку от Бугульмы сильную ударную группу, перешел 9 и 10 сего числа в контрнаступление, обрушившись на 25-ю дивизию. В результате двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен окончательно. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия уничтожены. Нами взято за два дня свыше 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов и другого оружия. Жалкие остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным отступлением на восток вдоль Бугульминской ж. д.

Ваша задача, товарищи туркестанцы, добить врага и не дать ему ускользнуть.

Приказываю всем частям Туркестанской армии развить самые решительные наступательные операции во исполнение поставленных раньше боевых задач. Особенно энергичную деятельность должна раз-

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, л. 146.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 116.
[3] См. выше, стр. 26.
[4] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 115.
[5] Там же, л. 100.
[6] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. 153, л. 185.

вить армейская кавалерия, имея целью смелыми до дерзости действиями отрезать все пути отхода врагу и разгромить его тыл. Каждый командир, каждый красноармеец должен помнить, что настоящими битвами решается участь Колчака, а с ним всей нашей контрреволюции. Я ожидаю, что доблестные войска Туркестанской армии, за которыми значится не мало боевых заслуг перед трудовой Россией, ныне окажутся на высоте положения. Я ожидаю, что единым мощным порывом, забыв о тяжестях проделанного похода, они довершат дело войск Южной группы Восточного фронта.

Уверенный заранее в успехах вашего оружия я провозглашаю громкое «ура» главным войскам Туркестанской армии.

Командующий Южной группой Восточного фронта

Михаил Фрунзе.

Член Реввоенсовета Валерий Куйбышев.

Телеграмма командующего Южной группой командарму 1-й, № 147, Мордовский Бугуруслан, 11 мая, 5 ч.[1]

Из доклада бывшего Начобороны Оренбурга [видно, что] под командой имелось 9300 штыков при 7 орудиях, 83 пулеметах и бронепоезд. При таких условиях паническое настроение, поведение руководителей обороны Оренбурга считаю не только непонятным, но и преступным. Оренбург нам необходим как плацдарм для развития в ближайшем будущем наступательных операций в направлении Орска — Актюбинска.

Вчера под Бугульмой разгромлена Бугульминская группа противника, причем уничтожены целиком целые бригады, это развязывает нам руки на юге. Приказываю вам раз навсегда прекратить разговоры о сдаче Оренбурга и принять меры к его защите, что вполне осуществимо. Подкрепления будут даны вам в самом ближайшем будущем.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Член Реввоенсовета В. Куйбышев.

5. Белебеевская операция

Из переговоров по прямому проводу командующего Южной группой с командующим Восточным фронтом, 12 мая 1919 г.[2]

Командующий Южной группой Фрунзе: Здравствуйте, товарищ Самойло. Сегодня утром я прибыл в Самару и ознакомился с вашей директивой[3], а одновременно и с вашей запиской. Должен откровенно сознаться, что директивой и запиской я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение. Я имел честь несколько раз обращаться к командованию фронтом с вопросами касающимися дальнейших операций и просил не оставлять меня в неведении относительно решений, к которым склоняется командование. Указывая на необходимость удара на север частью сил Южной группы, я, одновременно, обращал внимание фронта на необходимость надежного обеспечения этой операции со стороны Уфы, откуда, несомненно, противник должен был пытаться нанести нам контр-удар. В связи и в соот-

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 186.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 195—207.
[3] Директивой 10 мая 1919 г. командвост т. Самойло изъял 5-ю армию из состава Южной группы в свое непосредственное подчинение и поставил 5-й армии особую задачу — содействие Северной группе Восточного фронта (3-й и 2-й армиям).

ветствии с этим должен был разрешаться, на мой взгляд, и вопрос о расчленении Южной группы. Причем мне лично представлялись две возможности:

1) отнятие от меня 5-й, Туркестанской и 1-й армии с оставлением Оренбург-Уральского направления и с выделением необходимых для ликвидации его сил,

2) и отнятие одной 5-й армии, в ее обычном виде, то есть без приданных ей мной временно 2-й и 25-й дивизий, каковые должны были в таком случае обеспечивать Уфимское направление, прикрывая операции 5-й армии на север.

К сожалению, ваша директива предписала совершенно другое, причем я глубоко не согласен и с основной идеей нанесения удара на север от Бугульмы, ибо уверен, что он в лучшем случае даст лишь отход противника, а не его уничтожение. Удар должен быть нанесен глубже с тем, чтобы отрезать противнику пути отхода на восток.

В настоящее время вы мне предоставили Уфимское направление и лишили, одновременно, всех средств его обеспечения. Неправильность этого решения сейчас же и привела к тому, что вслед за директивой последовала ваша записка, ее фактически отменившая. Переходя к содержанию вашей записки я глубоко не согласен с тем, что вы отдаете распоряжения не только касающиеся армий, но даже дивизий и отдельных бригад. Обстановка и новые задания, поставленные вашей запиской, заставляют меня вновь ставить вопрос о формах существования группы и о ее направлениях.

Мне представляются опять-таки два выхода: либо оставление у меня всех прежних сил впредь до завершения задачи разгрома противника на путях к Уфе и к прочному обеспечению себя от ударов оттуда,— либо отнятие всего этого направления.

Если бы вы не нашли возможным согласиться с этим, то я во всяком случае настаиваю на выделении из состава 5-й армии 2-й и 25-й дивизий и передачи их мне.

Свое теперешнее положение считаю ложным и вредным для дела. Руководство операциями на Уфу должно быть обязательно объединено, в противном случае создастся неизбежно двойственность и замедление самых действий. Они уже создаются, ибо связь с 5-й армией приходится держать через вас.

Вопрос об объединении командований должен быть разрешен немедленно, ибо дорог всякий день. Пока все. Фрунзе.

Командующий Восточным фронтом Самойло: Разрешите для облегчения ответа затронутый вами вопрос расчленить на две части. Если вы считаете себя поставленным в неопределенное положение директивой и отправленной вслед за нею запиской, как бы уничтожающей директиву, то с этим я не согласен и противоречия в этом не вижу, так как директива писалась при одной обстановке, которая изменилась (я говорю про документально установленное новое участие корпуса Капеля на Белебеевском направлении) и потребовало соответствующего корректива; скажу даже больше, сегодня, получив новые данные об успешном продвижении 27-й и 2-й дивизии, у меня уже складывается более благоприятное мнение о ликвидации вопроса Бугульмы, чем было, например, еще вчера. Что касается до второй части вопроса, то есть о том, что решение ликвидировать существование Южной группы мне кажется вполне своевременным, тем более, что оно связано с таким ненормальным явлением, как перемешивание дивизий и бригад[1].

Быть может это последнее данное и дает Вам повод делать упрек на стремление с моей стороны, как вы говорите, затрагивать судьбу не

[1] Так в подлиннике.

только армии, но дивизий и бригад. Я не буду касаться выдвигаемого Вами также вопроса о желательности предварительного сношения с Вами как с командующим Южной группой.

Обращаясь к идее директивы, то я, конечно, допускаю вполне возможность не соглашаться с преимуществом наступления в северном направлении по сравнению с более глубоким, например, в направлении на Бирск. Но в этом отношении мною руководила мысль о том, что более глубокое в тыл противника движение может оказать свое действие в гораздо больший период времени, которого нам может не дать обстановка, складывающаяся на фронте 2-й и 3-ей армии. Далее, действуя в северном направлении, в более тесной связи с названными армиями, я считаю, при невполне еще выяснявшейся обстановке в смысле сил противника, более обеспеченным, так как направление, примерно, на Бирск, как более оторванное от 2-й и 3-ей армий при появлении новых сил противника на Уфимском направлении, с одной стороны, и возможно, действие его с северо-запада из районов занимаемых им ныне на фронте 2-й и 3-ей армий — может поставить наше наступление более в тяжелое положение; далее для меня не совсем ясна ваша мысль, когда, вы, высказывая свои соображения против директивы, говорите «о необходимости объединения действий на Уфу» и второе — о лишении Вас непосредственной связи с 5-й армией.

О каком именно объединении, то есть, чего, с чем, вы говорите? Что касается до связи вашей с 5-й армией через меня, то мне кажется это нормальное положение двух соседних армий, непосредственно подчиненных каждая порознь командующему фронтом; конечно, и это не исключает необходимости обеим армиям держать связь друг с другом как двум соседям.

Вполне согласен с вами, что вопрос о дальнейшем командовании над армиями Южной группы должен быть решен как можно скорее, но данный вопрос зависит не только от меня, но и от ставки. Во всяком случае, все возможное для ускорения будет сделано. Не затрагивая пока поднятый Вами вопрос о выделении 2-й и 25-й дивизий с указанной вами целью, мне хотелось бы знать ваше мнение о усилении Белебеевского направления в связи с обстановкой в Оренбурге и в Уральске; чем вы могли бы, в крайнем случае, ограничиться для обеспечения Уфимского направления, если бы [для создания] сильного кулака, который необходим для нанесения удара в северном направлении, нельзя было бы дать тех сил, о которых говорите вы и если бы вам самим пришлось решать вопрос о предпочтительном усилении Уфимского направления по сравнению с Оренбургским. В распоряжении фронта, не считая действующих уже против противника сил, для этой цели имеется лишь особая Самарская рабоче-крестьянская бригада обороны, хорошо вам знакомая и повидимому очень хорошая, и Казанский мусульманский полк.

Командующий Южной группой Фрунзе: Объединение командования на Уфимском направлении я понимал в смысле или возврата мне в мое подчинение 5-й армии, или в смысле передачи в Ваше непосредственное подчинение кроме нее также Туркестанской и 1-й армии, ибо иначе здесь приходится Вам руководить через меня, что я считаю недопустимым в обстановке действий на одном направлении. Обеспечить Уфимское направление я считаю возможным лишь посредством 25-й и 2-й дивизий. Другими силами не располагаю, ибо два полка Самарской бригады должны быть, немедленно, отправлены на Уральско-Оренбургский фронт вместе с мусульманским Казанским [полком], ибо в противном случае неизбежна потеря Оренбурга и Уральска, без всякой возможности сокращения фронта.

Неудовлетворение вами моей просьбы в отношении 2-й и 25-й дивизии вынуждает сказать, что вся операция на север будет не обеспечена.

Относительно направления удара остаюсь при своем мнении. Что касается вопроса о перемешивании бригад и дивизий, то если бы я не составил ударной группы из надерганных мной с фронта Туркестанской и 4-й армий частей, то я теперь не имел бы чести разговаривать с Вами из Самары. Меня удивляет как это обстоятельство можно ставить в вину. Все.

Телеграмма командующего Южной группой в Уральск начальнику 22-й дивизии, № 01548, Самара, 13 мая 1919 г., 1 ч. 10 м.[1]

Подкрепления в Уральск идут. Приказываю держаться до последнего человека. Оставление Уральска буду рассматривать как нарушение воинского долга.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Приказ командующего Южной группой командармам 1-й, 4-й и Туркестанской армии, № 01591, Самара, 15 мая 1919 г., 22 ч. 30 м.[2]

Противник, разбитый в районе Бугульмы пытается оказывать сопротивление в районе Белебея, куда сосредоточиваются свежие подкрепления, состоящие, главным образом, из частей корпуса Каппеля. В Оренбургском и Уральском районах казачество прилагает все усилия для овладения Оренбургом и Уральском и распространения восстаний среди населения.

На вверенную мне группу в составе 1-й и 4-й Туркестанской армий возложены задачи:

1) разбить Белебеевскую группу противника и 2) подавить восстания в Оренбургской и Самарской губерниях и Уральской области. Для проведения Белебеевской операции, обеспечиваемой с севера 5-й армией, выдвигающей для этого одну дивизию на восток верхом по жел. дороге Бугульма — Уфа, из состава 5-й армии выделяется 25-я дивизия включаемая с полуночи на 16 мая в состав Туркестанской армии; кроме того из 5-й армии выделяется 2-я дивизия, коей приказано, составляя резерв группы направляться из района Бугульмы в район Купченеево — Биккулова, где она должна сосредоточиться к 19 мая. Для подавления восстания в мое распоряжение передаются: двухполковая особая Самарская бригада, 3-я бригада 33-й дивизии, Казанский мусульманский полк и 1-я кавалерийская дивизия.

Приказываю:

А. Для выполнения Белебеевской операции: 1) 1-й армии, обеспечивая Белебеевскую операцию продолжением энергичного наступления на Стерлитамак, левым своим флангом, действующим в тесной связи с Туркестанской армией, стремительно атаковать противника, разбить его и гнать в общем направлении на северо-восток, имея разграничительной линией с Туркестанской армией: Михайловка — жел. дор. ст. Аксеново — Слак-Каипово,— все для 1-й армии включительно.

2) Туркестанской армии, атаковав 31-й дивизией, совместно с левым флангом 1-й армии, противника с фронта, направлять 25-ю дивизию севернее Белебея для глубокого охвата с целью отрезать противника от сообщений с Уфой, имея разграничительную линию с 5-й армией — Заитово — Ниж. Бошницы — Константиновка — Яман — Купырь — Синаево — ж. д. ст. Усманово,— все для Туркестанской армии включительно.

---

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 184.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 224—227.

3) Всю наличную конницу немедленно бросить в тыл противнику с целью перехвата его сообщений с Уфой.

4) Так как имеются основания предполагать, что противник после целого ряда поражечий не решится оказывать упорного сопротивления в районе Белебея, приказываю, учитывая эту возможность, развивать максимальную энергию при наступлении, причем особенную стремительность должны проявить конница и 25-я дивизия, имеющие задачу отрезать противника от Уфы.

Б. Для ликвидации противника в пределах Оренбургской и Самарской губерний и Уральской области и подавления восстаний:

1) Командарму 1-й развить решительные действия с целью разбить и уничтожить противника действующего в районе Илецкий Городок — Оренбург. Для операции в районе Оренбурга кроме Казанского мусульманского полка, выступающего 16-го мая из Самары, путем соответственной перегруппировки на фронте 20-й дивизии, выделить достаточные силы для выполнения поставленной задачи.

2) Командующему 4-й армией, развивая самые решительные действия, разбить Уральскую армию противника, восстановить жел. дор. сообщение Покровск — Уральск, овладеть Новоузенском и Александров — Гаем и подавить восстания в районе расположения армий в пределах Уральской области и Самарской губернии. Для выполнения этой задачи в состав армии кроме 22-й дивизии, Савинского полка, отряда Соколова и полка Красной звезды включаются:

а) 3-я бригада 33-й стр. дивизии, расположенная в районе Пугачева б) Самарская особая бригада, в составе двух стрелковых полков при 6-ти легких орудиях, направленная 15 мая из Самары через Бузулук и Соболев на Уральск в) 1-я кав. дивизия, прибывающая в район Ершов г) 279-й стр. полк, направленный через Бузулук в Соболев д) Рязанский коммунистический полк, направленный из Самары через Б. Глушицу (Погановку) и Б. Черниговку в Ново-Озерный, что на тракте у реки Чеган.

3) Разграничительная линия между 1-й и 4-й армиями — Бузулук — Иртецкое — р. Утва,— все для 1-й армии включительно.

Командующий Южной группой М. Фрунзе.

Оперативная сводка штаба Туркестанской армии, № 0116, к 21 ч. 18 мая 1919 г.[1]

31-я стр. дивизия: 2-я бригада 274-го и 275-го полков, наступавшие от дер. Денисовка, с боем 17 мая к 20 ч. овладели южной окраиной гор. Белебея; 276-й полк того же числа из Зингиреева перешел в Баймурзино. 1-я бригада: 272-й полк — ст. Белебей — Аксаково — Куроедовка (Надеждино). 271-й полк — Рябаш. 278-й полк (армейский резерв) — 18 мая к 14 ч. перешел в д. Кажай-Максимовку и выдвинувшись к дер. Кош-Елга, около 17 ч. вступил в бой с противником занимающим указанную деревню. 3-я кав. дивизия: полки 3-ей бригады, наступавшие ст. Алексеевка — Баймурзино, 17 мая в 18 ч. после упорного боя ворвались в гор. Белебей. 12-й полк от Купченеева двигается на тракт севернее Белебея. 25-я стр. дивизия: части 3-ей бригады, вышедшие к вечеру 17 мая к д. Дмитриевка, выбили оттуда упорно сопротивляющегося и переходившего в контратаки противника и вместе с частью 3-ей кав. дивизии с боем к 21 ч. 50 м. заняли западную и северную окраины гор. Белебея.

Ввиду изменившихся условий обстановки, полки 1-й и 2-й бригад по приказанию начдива сегодня днем перешли в наступление, (вме-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8367, л. 22.

сто 19 числа как было намечено раньше). Полки 217-й, 218-й и 219-й из района Андреевка (Леонидовка) — ст. Шахово в направлении на Екатериновку — Карсала и Карамала (Губеево), 2-я бригада, оставив 220-й полк для обеспечения своего левого фланга в районе в Н. Бошниды, остальными полками пошла в наступление в направлении Такаево — Константиновка.

Оперативная сводка штаба Туркестанской армии, № 0118, к 12 ч. 19 мая 1919 г., Бугуруслан [1]

3-я кав. дивизия: части дивизии, занявшие с боем 17-го город Белебей, преследовали противника до д. Глумилина и остановились вследствие крайнего истощения лошадей. Уцелевшие части противника отступили на восток. Захвачено много пленных 51-го Уральского, 53-го Орского и 49-го Казанского полков. В бою участвовало два бронепоезда противника. 18 мая части дивизии сосредоточивались в районе гор. Белебей и ст. Белебей-Аксаково. Выслана разведка на север от Белебея по тракту,— от Белебей на ст. Шафраново и на завод Усень-Ивановский. 31-я дивизия — части дивизии (1-я и 2-я бригада) стягиваются в районе Баймурзина — Белебей — Глумилина. 278-й полк теснит противника, задерживающегося на высотах северо-восточнее Кош-Елга. Подробного донесения не получено. 25-я стр. дивизия — новых сведений не поступило.

6. Подготовка и проведение Уфимской операции

Доклад командующего Южной группой командованию Восточного фронта, № 0164, Самара, 19 мая 1919 г., 2 ч. 25 м. [2]

Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы. С другой стороны усиливающееся движение поднявшегося казачества требует принятия немедленных мер для обеспечения Оренбургского и Уральского районов и жел. дороги Самара — Оренбург. План действий 4-й армии на Уральском фронте мною представлен и я ходатайствую о скорейшем вашем заключении по его содержанию, в настоящем же докладе я представляю на утверждение план действий на Уфимском и Оренбургском направлениях.

Проведение Уфимской операции мне представляется в следующем виде:

1) Для овладения районом Уфы назначается Туркестанская армия в составе 31-й, 25-й, двух бригад 2-й дивизии и 3-ей кавдивизии и 24-я дивизия объединяемые командованием Туркестанской армии.

2) Указанные дивизии наступают для овладения фронтом — Стерлитамак исключительно, Уфа включительно, причем 24-я дивизия, составляя правый фланг армии, направляется, примерно на фронте р. Белая, на участок пристань Табынск — устье р. Сим с целью охвата Уфы с юга и выхода в тыл. Одновременно с этим конница Туркестанской армии стянутая к правому флангу армии должна быть брошена впереди 24-й дивизии в район южнее Уфы для перехвата жел. дорожных сообщений противника в глубоком тылу. 25-я дивизия, состав-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8367, л. 18.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 248—252.

ляя левый фланг армии, направляется для непосредственного овладения Уфой.

3) Операция прикрывается с севера 26-й дивизией, нацеливаемой на фронт Базилевка — Бирск, имея задачу овладения переправой у Ахлыстина с целью перерезать р. Белую для воспрепятствования передвижению по реке неприятельской боевой флотилии. Операция эта должна предшествовать овладению Уфой.

4) Уфимская операция обеспечивается справа и с тыла выдвижением из состава 1-й армии одной бригады 26-й дивизии, направляемой для овладения районом Стерлитамака.

5) После овладения Уфимским районом, подготовляясь к ведению дальнейших операций, район Стерлитамака занимают башкирские части, развивающие отсюда свои действия для овладения всей Башкирией и привлечения башкирского населения на сторону советской власти и усиления Красной армии. В это же время наличная конница Туркестанской армии, при поддержке башкирских частей, и если позволит обстановка, и частей 24-й дивизии, направляется рейдом через Стерлитамак на Верхнеуральск в целях привлечения на нашу сторону Оренбургского трудового казачества и усиления нашей конницы, без наличия которой, в достаточном числе, задача покорения казачьих областей чрезвычайно затруднительна.

Одновременно с Уфимской операцией необходимо начать операции в Оренбургском районе, что предполагалось бы выполнить следующим образом:

1) Вся операция возлагается на 1-ю армию в составе 26-й дивизии, войск Оренбургского района и отдельного отряда, действующего ныне к югу от ж. д. в районе Татищева — Сорочинская — Илецкий Городок и усиливаемого 1-й бригадой 2-й дивизии.

2) Ввиду слабого и совершенно пассивного (поведения) противника на фронте к северу от р. Сакмара, полагал бы достаточным весь участок от этой реки до района Стерлитамака, овладение коим возлагается, как указано выше, на одну из бригад 26-й дивизии, прикрыть другой бригадой 26-й дивизии.

3) 3-ю бригаду 26-й дивизии ближайшую к Оренбургу стянуть к югу и включить в состав войск обороны Оренбургского района, который нуждается в серьезной поддержке свежими силами, прибытие коих дает возможность перейти к активным действиям, ближайшей целью коих должно быть выдвижение к востоку и югу, на расстояние не менее одного перехода, дабы дать возможность начать в Оренбурге вновь работу при условиях относительной безопасности.

4) 1-ю бригаду 2-й дивизии, немедленно, перевести по ж. д. на ст. Хамалеевка и затем выдвинуть ее к югу. Командиру этой бригады подчинить все части, действующие ныне в районе 1-й армии западнее Оренбурга, поставив образованному отряду задачу надежно прикрыть ж. д. на участке Оренбург — Бузулук и обеспечить поддержание порядка в районе к югу от ж. д. до реки Урала на участке до Иртецкое включительно.

5) После занятия Стерлитамака башкирскими войсками освобождаемая бригада 26-й дивизии направляется в тот район 1-й армии, который будет наибольше нуждаться в поддержке.

6) В отношении Оренбургского района план действий пока ограничивается вышеизложенным, а для выполнения последующей задачи, имеющей целью: прочное овладение всей областью с закреплением за нами района Орск — Актюбинск — Илецк и восстановление сообщения с Туркестаном — потребуется предварительная работа по организации 1-й армии, в состав которой в настоящее время входит много импровизированных частей.

Изложенный план, требующий некоторой новой группировки войск и перераспределения дивизий в составе 1-й и Туркестанской армий, влечет за собой необходимость коренной перемены персонального состава лиц высшего управления армиями, о чем мотивированный доклад представляется дополнительно на рассмотрение Реввоенсовета фронта.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Доклад командующего Южной группой командованию Восточного фронта, Самара, 19 мая 1919 г.[1]

Для выполнения Уфимской операции предполагаю придерживаться следующего общего плана действий: 26-я див. 5-й армии энергично продвигается вперед и занимает участок по р. Белая от Красного Яра до Бирска, обеспечивает операцию под Уфой со стороны Бирска, и, отрезывая сообщение по р. Белой, не позволит речной флотилии противника отойти из под Уфы. Туркестанская армия: 25-я стр. дивизия наступает на Уфу с запада и охватывает город с севера, стремясь прекратить движение по железной дороге на участке Уфа — Ураково. 2-я стр. дивизия, сменив 31-ю, наступает на Уфу с юга вдоль железнодорожной линии и Стерлитамакского тракта, стремясь переправиться через р. Белая, выше д. Вознесенское отрезать пути отхода противника от Уфы.

Вся конница Туркестанской армии, переправившись через р. Белая, также выше д. Вознесенское, будет брошена для захвата железной дороги, отходящей от Уфы, на участок от Ураково — Таувтюменева. Конницу предполагается поддержать одной бригадой 24-й стр. див. 1-й армии. Остальные бригады этой дивизии будут направлены на участок пр. Табынск — Акташево по р. Белой для обеспечения Уфимской операции с востока, в то время как 20-я стр. див., заняв Стерлитамак и тракт Стерлитамак — ст. Муранталова частью своих сил, другую часть сил направить для наступления в обход Оренбурга с севера. 31-я стр. див., смененная 2-й будет находиться в резерве, в районе железной дороги. Направление путей отхода от Уфы на северо-восток делает более коротким, решительным охват Уфы с севера, но затруднительность переправ для наших частей через две реки Белая и Уфа, севернее Уфы, при полном отсутствии у нас понтонных и других средств переправы, заставляют отказаться от этого и пытаться отрезать пути отхода противнику с юга, где только одна переправа через р. Белая; южнее Уфы будет для нас выполнимее[2].

Директива командарму 1-й, 4-й и Туркестанской, № 01682, Самара, 21 мая 1919 г.[3]

Противник, разбитый в Бугурусланском и Бугульминском районах, отходит в общем направлении на Уфу и Бирск, продолжая оказывать некоторое сопротивление в районе Белебея; последний пункт занят с боя нашими войсками к вечеру 17 мая.

В пределах Уральской области и Оренбургской губернии продолжаются восстания казаков, осаждающих Уральск и Оренбург, прервавших железную дорогу западнее Уральска и пытающихся угрожать жел. дороге Самара — Оренбург.

На вверенную мне Южную группу, в составе 4-й, 1-й и Туркестанской армии возложены задачи: а) продолжая преследование против-

[1] ЦАКА, ф. 254, д. № 100, лл. 160—166.
[2] Подпись отсутствует.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 281—289.

ника, овладеть районами Уфы и Стерлитамака; и б) подавить восстания в Уральской и Оренбургских областях и прочно обеспечить эти области. Приказываю:

1) Для овладения Уфимским районом:

А) с полудня 22 мая выделить 24-ю стр. див. из 1-й армии и включить ее в состав Туркестанской, руководство которой на время предстоящей операции я принимаю лично на себя, оставаясь одновременно командующим Южной группой.

Б) Туркестанской армии, продолжая теснить противника, к 22 мая выйти на фронт Стерлибашева — Уршак Баш — Кармалина — Биккулова — ж. д. станция Аксеново — Знаменское (Кутуза) Батырша — Кубова и для дальнейшего наступления ожидать особого приказания.

В) При выходе на указанный фронт 2-й дивизией сменить 31-ю дивизию, которую сосредоточить в районе Белебея и числить в моем распоряжении в качестве резерва Туркестанской армии.

При предстоящем наступлении в районе Уфы разграничительными линиями назначаются:

1. Между 24-й див. и частями, кои будут направлены из состава 1-й армии для овладения районом Стерлитамака — Стерлибашева — Верхней Услы — Толбазы — Тюкунево и далее по р. Белая до устья р. Сим — все для 24-й див. включительно. 2. Между 24-й и 2-й дивизиями — Никифоровка — Кинчак — Аскарова — Чуинча — Мрясева — Бекетова — Ковакова — все для 24-й дивизии включительно. 3. Между 2-й и 25-й дивизиями — зав. Усень-Ивановский — озеро Лели-Куль — Усманова и далее по левому берегу р. Дема — Уфа — все для 25-й дивизии включительно. 4. Между 25-й дивизией и 5-й армией — Батырша — Кубова — Сводова — Благовещенский — все для 5-й армии включительно.

Д) Принять к сведению, что операция по овладению Уфимским районом будет обеспечиваться с севера частями 5-й армии, направляющей полторы дивизии на участок р. Белая для форсирования ее в районе Ахлыстино.

Е) По достижении р. Белая части армии должны будут форсировать ее, имея дальнейшей целью, путем охвата нашим правым флангом, выйти на сообщения противника; для этой же цели уступом впереди 24-й дивизии будет направлена армейская конница. Более подробные указания выполнения этой операции будут даны дополнительно.

2) Одновременно с овладением Уфимским районом в целях обеспечения этой операции справа и с тыла командарму 1-й направить часть 20-й дивизии для овладения районом Стерлитамака.

3) Для подавления оренбургского казачества командарму 1-й:

1. Прикрыв фронт на участке ст. Муранталова — Стерлитамак, примерно одной бригадой, выделить часть полков и батарей из состава 20-й оперативной дивизии для усиления войск обороны Оренбурга с целью, перейдя к решительным действиям, не только оттеснить противника, осаждающего Оренбург, но разбить его.

2. Особой группе, действующей в Новосергиевском направлении энергичными мерами подавить восстания к югу от ж. д. и очистить весь район до р. Урала.

4) Для обеспечения операции в пределах Оренбургской губернии 10-му полку из состава 1-й бригады 12-й стр. див. начать 22 мая перевозку по жел. дороге со ст. Самара на ст. Сорочинское, по прибытии куда полку поступить в распоряжение командарма 1-й.

5) Для подавления Уральского казачества командарму 4-й, сосредоточив в районе Шипово, кроме частей отряда тов. Плясункова 3-ю бригаду 33-й стрел див. и 1-ю кавдивизию, начать решительное на-

ступление с целью разбить главные силы противника, действующие в районе западнее Уральска и освободить осажденные в Уральске части 22-й стр. див. При выполнении этой операции главный удар наносить своим правым флангом, примерно, в направлении на форп. Чеганский.

6) Самарской особой бригаде, присоединив к себе в районе Гаршино 279-й полк и установив оттуда связь с Рязанским полком, не позже 24 мая, овладеть районом Умет Грязный — Соболев. Рязанскому полку, войдя в связь с Самарской особой бригадой, к 24 мая выйти в район Умет Грязный, по достижении коего поступить в подчинение командиру Самарской особой бригады. После овладения районом Умет Грязный — Соболев Самарской бригаде продолжать наступление на Уральск.

7) Разграничительная линия между 1-й и 4-й армиями остается прежней: Бузулук — Иртецкое — р. Утва,— для 1-й армии включительно.

8) Я с оперативной частью штаба группы, вечером 23 мая переезжаю в Бугуруслан, куда и присылать все донесения, направляя копии попрежнему в штаб Южной группы, в Самару.

9) Подтверждаю категорическое требование, чтобы при всех операциях, а особенно против конных частей неприятеля, не дробить полков. Кроме того, при наступлении дивизии должны действовать возможно более сосредоточенно, имея сильные резервы.

10) Обращаю вновь особое внимание всех начальников на поддержание непрерывной связи между всеми частями и на точность доставления срочных оперативных донесений. Продолжающее отсутствие таких донесений от некоторых дивизий, в течение иногда нескольких дней, совершенно нетерпимо. При поддержании связи пользоваться всеми средствами до воздушной включительно.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой командвосту, командармам 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской, № 01, Бугуруслан, 23 мая 1919 г. [1]

Для непосредственного руководства Туркестанской армией в предстоящей операции, в Бугуруслан прибыл.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Приказ войскам Туркестанской армии, № 011, ст. Белебей-Аксакова, 25 мая 1919 г. [2]

Противник разбитый в районе Кош-Елга и Белебей отступает на Уфу; остатки его дивизий, оказывая сопротивление вдоль Бугурусланской и Бугульминской ж. д. линии, группируются в районе ст. Раевка и северное оз. Лели-Куль.

На Туркестанскую армию возложена задача — разбить остатки противника и овладеть районом Уфы.

Южнее нас — 20-я дивизия левым флангом наступает на Стерлитамак, имея задачей занять его 28 мая.

Севернее нас — 26-я дивизия 26 мая переходит в наступление для форсирования р. Белебея в районе дер. Ахлыстина и для дальнейшего движения на Бирск и Явгельдин.

Во исполнение поставленной задачи приказываю:

[1] ЦАКА, ф. 106, д. 1056, л. 297.
[2] ЦАКА, д. № 6—446, л. 114.

1) 24-й, 2-й и 25-й стр. дивизиям к вечеру 27 мая занять исходное положение для дальнейшего наступления по линии Вер. Услы — Кипчак — Аскарово — Цюрисово — Ташлы — Курьятмасово — Барангуловой — Кирлясевой.

2) С утра 28 мая дивизиям Туркестанской армии перейти в решительное наступление, имея ближайшей целью отрезать противника сосредоточившегося в районе Бугурусланской ж. д. южнее ст. Чишма, отбросить его на юго-восток и прижать к р. Белая для чего:

а) 24-й стр. дивизии к вечеру 1 июня овладеть фронтом Толбазы — Султанракова — Искендерова.

б) 2-й стр. див. к вечеру 1 июня овладеть фронтом Имай — Карамала — Казангулова — Нов. Япарова.

в) 25-й стр. див. отрезать пути отхода противника на Уфу, овладев к вечеру 1 июня районом Усманова — Чишма — Д. Новая.

г) 31-й стр. див., оставаясь в армейском резерве к вечеру 1 июня занять район Усманова — Балышлы — Мулталыпова — Удрякбашева.

д) 3-й кав. дивизии 28 мая выступить из ныне занимаемого района и к вечеру 1 июня сосредоточиться за правым флангом 24-й стр. див., имея дальнейшей задачей форсирование р. Белая и движения на Архангельское — Ниж. Лемезы — для выхода в глубокий тыл противника в районе Балашова.

3) Разграничительные линии назначаются:

а) между 1-й армией и 24-й дивизией — Стерлибашева — Вер. Услы — Толбазы — Тюкунева,— все пункты для 24-й дивизии включительно.

б) Между 24-й и 2-й стр. дивизиями — Никифорово — Кипчак — Аксарово — Искендерова — устья р. Карамала и р. Уршак — для 24-й дивизии включительно.

в) Между 2-й и 25-й дивизиями — зав. Усень-Ивановский — оз. Ле-ли-Куль — оз. Шингак-Куль и р. Дема,— для 25-й дивизии включительно.

г) Между 25-й дивизией и 5-й армией Батырша — Кубова — Сводова — зав. Благовещенский — для 25-й дивизии включительно.

4) Наступление вести решительно, безостановочно.

5) Об отданных распоряжениях донести.

Командующий Южной группы М. Фрунзе.

Приказ войскам Туркестанской армии № 012, Бугуруслан, 30 мая 1919 г., 22 ч. 15 м.[1]

Противник, разбитый на фронте нашей армии, отходит на Уфу, где повидимому попытается оказать последнее сопротивление на линии р. Белой.

На фронте 1-й армии занят г. Стерлитамак и левофланговые части 20-й дивизии займут, не позже 4 июня, участок р. Белой от Стерлитамака до Тюкунева, прикрыв с востока движение нашей армии.

На фронте 5-й армии — попытка противника выйти нам в тыл, восточнее Мензелинска, окончилась полным поражением противника — весь его десант (6 полков) разбит и сброшен в р. Белая. Армия продолжает энергичное движение и 4 июня выходит к р. Белой для овладения Бирском.

Ближайшая задача нашей армии — скорейшее овладение Уфой.

Приказываю:

1) Дивизиям Туркестанской армии с рубежей, занятых согласно приказа № 011, продолжать с утра 2 июня победоносное наступление и

[1] ЦАКА, д. № 6—446, лл. 139—140.

4 июня достигнуть р. Белая, где подготовить немедленно переправу с целью нанести противнику последний удар и занять Уфу, для чего:

а) 24-й стр. дивизии, по достижении р. Белая подготовить переправы на участке устья р. Сим — Кабакова, для выхода в тыл Уфимского района и поддержки нашей кавалерии. б) 2-й стр. дивизии (2-я и 3-я бригада) — подготовить переправы через р. Белая на участке Вознесенское — Аксакова для ближайшего обхода Уфы с востока. в) 25-й стр. дивизии, выйдя на участок от устья р. Дема до Красный Яр, огнем батарей, прекратив всякое движение по реке и ж. дороге в тылу города, стремиться взять Уфу с налета на плечах противника, принимая в то же время все меры к сохранению мостов и устройству переправ северней Уфы для выхода в тыл города. г) 3-ей кав. дивизии — продолжать указанное движение и не позже 5 июня занять завод Архангельский, чтобы 7 июня выйти в тыл противнику и перерезать ж. дорогу на участке ст. Балашева — Урман.

2) Армейскому резерву — 31-й стр. дивизии к 4 июня перейти в район: Казанское — Пономарева — Асанова — Сухарева — Нурлина, обеспечивая своим уступным положением, левый фланг 25-й дивизии и движение на Бирск 26-й дивизии.

3) Разграничительные линии остаются прежние с включением участка от устья р. Уршак до Аксакова в район 2-й стр. дивизии.

4) Всем частям поддерживать взаимную боевую связь. Принять самые решительные меры к обеспечению постоянной технической связи со штабом армии.

5) Срочные донесения представлять строго к указанному времени. Оперативные к 10 и 19 часам, разведывательные к 19 часам.

6) О получении настоящего приказа и отданных распоряжениях срочно донести.

Командующий Южной группой и Туркестанской армией

М. Фрунзе.

Из оперативной сводки штаба Южной группы, № 01967, к 14 ч. 9 июня 1919 г., Самара [1]

Туркармия. 24-я дивизия — попытка 1-й бригады 9 июня в 3 часа переправиться на правый берег р. Белая в районе Тюкунево не удалась, так как противник, занимающий окопы против пункта переправы, развил сильнейший артиллерийский и пулеметный огонь, повторные попытки каждый раз встречались огнем противника.

На участках 2-й и 3-й бригады противник обстреливает артиллерийским огнем наши батареи. 2-я стр. див.— противник обстреливает участок 2-й бригады редким артиллерийским огнем. 25-я стр. дивизия, 3-я бригада — попытки прорваться по железнодорожному мосту не удались, так как противник открывает сильнейший огонь, участок бригады обстреливается артогнем противника, наша артиллерия обстреливает окопы противника на северном берегу р. Белая у жел. дор. моста и город. На участках 2-й и 3-й бригад 25-й дивизии спешно подтягиваются резервы и 1-я и 2-я бригада 31-й стр. див., направляются через Дмитриевская на зав. Благовещенский, так как ввиду отсутствия частей 26-й стр. дивизии в районе зав. Благовещенский противник беспрепятственно группируется на левом фланге 25-й дивизии, угрожая ее тылу; результаты ночного боя на левом фланге 25-й дивизии еще не выяснены. В ночном бою ранен пулей в голову с аэроплана начдив 25-й тов. Чепаев. Тов. Фрунзе, бывший все время в районе

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 96, лл. 76—77.

переправы 25-й стр. дивизии и далее с передовыми цепями у дер. Турбаслы Старые, на обратном пути в дер. Красный Яр был контужен в голову взрывом бомбы, брошенной с аэроплана противника. Бывший также в передовых цепях завполитодом Туркестанской армии Тронин ранен пулей в грудь.

Потери в частях 25-й дивизии значительны.

Из оперативной сводки штаба Южной группы, № 01973, к 4 часам 10 июня 1919 г., Самара [1]

25-я дивизия — 9 июня в 20 ч. части дивизии под общим командованием Начдива 25-й Чапаева, который несмотря на ранение остался в строю, овладели городом Уфа. Противник в панике бежит.

Из оперативной сводки штаба Южной группы, № 01976 к 4 ч. 10 июня 1919 г., г. Самара [2]

Туркестанская армия, 25-я стр. дивизия — утром, 9 июня противник, силою до пяти полков повел наступление на части 1-й бригады занимавших позицию по линии дороги зав. Благовещенский — Уфа и потеснил наши части до линии Александровка — Нов. Турбаслы. Быстро восстановив положение, врид. начдив отдал приказ о переходе в наступление 1-й бригадой в общем направлении Степаново — Курочкина и бригадой на Ботякеева. Противник по энергичным наступлениям наших частей стал быстро отходить. Около 19 часов 9 июня 1-я и 2-я бригады достигли линии жел. дор. в тылу г. Уфы. На участке Черникова — Курочкина.

Противник, угрожаемый с тыла, спешно бежал от Уфы на северо-восток. Около 15 часов разведчики бригады стоящей у жел. дор. моста, пользуясь ослаблением огня противника, с пулеметами переправились через р. Белая и двинувшись к городу обнаружили спешный отход противника. После этого стали переправляться 23-й и 25-й полки и цепями двинулись на город. Батальон 219-го полка стоящий у Киржатская переплыл на лодках через р. Белая и цепями достиг окраины города. Подробности взятия города и трофеи выясняются. Противник спешно отошел на северо-восток, местами на север.

Некоторые части противника бежали в панике, обозы неслись карьером по дорогам. Согласно захваченного приказа по 2-му Уфимскому армейскому корпусу № 16/оп. от 24 мая с. г. военная дорога противника назначена г. Уфа — Нов. Юрмаш — Новотроицкое — Теплый Ключ — Зав. Симский и ст. Вязовая, повидимому на эту дорогу и уходит бегущий противник. 31-я стр. дивизия — 271-й, 272-й и 274-й и 278-й полки переправились у Красный Яр через р. Белая у Дмитриевская и вечером 9 июня должны были занять Благовещенский завод. Донесения от них еще не поступило.

Из приказа командующего Южной группой начдивам 24-й, 25-й, 31-й, 2-й и 3-ей кавалерийской, № 0390, ст. Чишма, 10 июня 1919 г., 12 ч. 40 м. [3]

9 июня после ряда упорных боев доблестными полками 25-й стр. дивизии взят г. Уфа. Нами взято много пленных, пулеметов, оружия. Разбитый и понесший огромные потери противник обращен в бегство и спешно уходит на северо-восток параллельно жел. дороге. Дабы

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 96, лл. 78—80.
[2] Там же, лл. 81—82.
[3] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 94, лл. 4—6 об.

окончательно очистить от противника и закрепить за собой Уфимский район приказываю:

1) Группе начдива 2-й (состав прежний) по переходе на восточный берег р. Белая, немедленно, овладеть районом зав. Архангельский, стремясь охватить группирующиеся здесь остатки противника и отрезать его от жел. дороги и его военной дороги Уфа — Нов. Юрмаш — Новотроицкое — Теплый Ключ — Зав. Симский. Иметь конечной целью скорейшее занятие фронта Сент Бабина — Таишева — Каварды — Териклина — Узундарова. 3-ю бригаду 2-й стр. дивизии поместить на своем левом фланге, имея ввиду ее возвращение в состав 2-й дивизии. 3-ю кав. дивизию немедленно, по занятии завода Архангельский направить на участок ж. д. ст. Урман — Балашева для самостоятельной работы в тылу противника. 3-й кав. дивизии поддерживать связь со штармом через ближайшие пехотные части. Район переправы укрепить и надежно обеспечить.

2) 2-й стр. дивизии 2-й бригаде по занятии нами зав. Архангельского, немедленно, переправиться через р. Белая и наступая через убежище Шеланы вдоль р. Кош-Елга выйти на фронт Узунларова — Сред. Лемезы. По занятии указанной линии начдиву 2-й объединить обе бригады, составив самостоятельный боевой участок Териклина — Сред. Лемезы (оба пункта включительно).

3) 31-й стр. дивизии продолжать выполнение поставленной ранее задачи, имея конечной целью скорейшее занятие фронта. Нж. Лемезы — г. Бака — Юрьевский — Каз-Твердышева, держа резерв за своим левым флангом.

25-й стр. дивизии сосредоточиться в районе ст. Ураково — Богородское — Таралькино — г. Уфа и составить мой резерв, располагаясь ближе к жел. дороге, имея ввиду предстоящую погрузку эшелонов. Принять, немедленно, меры к пополнению всем необходимым.

4) При выходе на назначенные рубежи всем частям поддерживать взаимную связь, дабы не оставалось застрявших в нашем районе частей противника. Принять все меры к налаживанию снабжения и транспорта. Военная дорога для всей армии г. Уфа — ст. Чишма — ст. Белебей — Аксаково — г. Бугуруслан.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Оперативная сводка штаба Южной группы, № 02011, к 14 ч., 13 июня 1919 г., Самара [1]

Туркестанская армия. Части 24-й дивизии переправившиеся на восточный берег р. Белая, на рассвете 12 июня, на участке М. Нагайдак — Нов. Каишки вступили в бой с противником сосредоточившим здесь большие силы и пытавшимся опрокинуть наши части в реку. Завязавшийся упорный бой принудил немедленно переправляться всю 24-ю дивизию, а также 3-ю бригаду 2-й стр. див. и части 3-й кав. дивизии. Бой шедший весь день 12 июня продолжается и теперь, принимая ожесточенный характер, дело доходит до рукопашных схваток. Противник повидимому ввел все свои резервы, в том числе Казанскую дивизию. Пока нами взято около 700 пленных, 1 орудие (несколько орудий противника переходило из рук в руки); потери как с нашей стороны, так и со стороны противника большие. 2-я бригада 2-й дивизии с утра 13 июня сменяется на участке Кабакова — Вознесенское частями 3-й бригады 25-й дивизии, противник обстреливает участок артиллерийским огнем, 1-я и 2-я бригады 25-й дивизии занимают прежнее расположение. 31-я дивизия продолжает движение

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 96, лл. 94—96.

для занятия линии по р. Уфа от Богородская до Морозова, по занятии линии дивизия приступит к устройству переправ через р. Уфа для дальнейшего наступления. 3-я бригада 2-й стр. дивизии, временно, до окончания боя в районе переправы 24-й стрелковой дивизии из боя не выводится, 2-я бригада 2-й дивизии по смене будет отправлена для посадки.

Оперативная сводка штаба Южной группы, № 01126, Самара, 21 июня, 15 ч. 45 м.[1]

С 1 мая по 20 июня частями Южной группы взято в плен: 1-я армия — офицеров 3, солдат 1924, перебежчиков 100, винтовок 390 и пулеметов 24. Туркестанская армия — офицеров 14, солдат 7 135; перешел на нашу сторону полк им. Шевченко 2 000 солдат, винтовок 71, пулеметов 39, 15 трехдюймовых орудий и одно шестидюймовое.

5-я армия — офицеров 5, солдат 596; взят целиком Ижевский полк, численностью не сообщалось, винтовок 100, пулеметов два и 3 трехдюймовых орудия.

Приказ командующего Южной группой командармам 1-й, 4-й, начдиву 25-й стр. т. Чепаеву, № 02314, Самара, 3 июля 1919 г.[2]

Противник, оттянувший от Уральска часть своих сил, группируется в районе Николаевска и отдельными, преимущественно конными отрядами занимает линию Порубежка — М. и Б. Глушица — Шебаловка — Соболев — Куртишки — Грязно-Иртецкое — Нижне-Озерная — Краснохолмская, обнаруживая на своем левом фланге попытки выйти к р. Волге.

Во исполнение поставленной войскам Южной группы Восточного фронта задачи (приказ от 23 июня № 02158), приказываю: частям 4-й, 1-й армии и группы т. Чепаева с занятых ими рубежей перейти в решительное наступление для овладения не позднее 15 сего июля линией р. Урал на участке Уральск — Нижне-Озерная и жел. дор. западнее Уральска и уничтожения всех сил противника действующих к северу от указанной линии. Для чего:

1) Группе т. Чепаева (в составе особой бригады Плясункова 1-й, 3-й и закончившей выгрузку 2-й бригады 25-й стрелковой дивизии) — с утра 5 сего июля перейти в энергичное наступление в общем направлении на фронт ст. Переметная — Дьяково. Войти в связь направо с частями Сводной бригады в районе Б. Таволжанка, держа тесную связь налево с частями 1-й армии.

2) Правому флангу 1-й армии (части Оренбургской дивизии) 5 сего июля, одновременно с группой т. Чепаева, перейти в энергичное наступление на фронт. Рубежный — Иртецкое — Илецкий городок, направляя правофланговую группу первоначально для удара на Соболев.

3) Командарму 4-ой, продолжая подготовку и усиление Александрово-Гайской группы, перейти с утра 6 июля в решительное наступление левым флангом, имея первоначальной задачей окружение и разгром Николаевской группы противника, а в дальнейшем выход на линию ж. д. на участке Деркуль — Переметная, в тесной связи с наступлением группы т. Чепаева. При развитии наступления ударной группы т. Чепаева и левого фланга 4-й армии, Шиповско-Деркульской группе перейти в энергичное наступление в направлении ст. Переметная и форп. Чеганский в целях окончательного прегражденния противнику путей отхода на юг. Иметь в виду активное использование гарнизона

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 97, л. 304.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 2, д. № 113, лл. 73—77.

г. Уральска для выполнения последней задачи путем встречного выдвижения от Уральска к ст. Переметной с обязательным оставлением достаточного гарнизона в Уральске.

4) Наступление вести смело и энергично, памятуя, что от быстроты и решительности его зависит успех всей операции.

5) Разграничительные линии: а) между 4-й армией и группой т. Чапаева — Яблонный Гай — Смолейка — Умет-Камеликский — Таловый — ст. Переметная,— все пункты для 4-й армии включительно, б) между группой т. Чапаева и 1-й армией с началом наступления — Соболев, восточн. окраина — для 1-й армии, западная — для группы т. Чапаева. По занятии Соболева линия восстанавливается прежняя, согласно приказа № 02158.

Остальные линии согласно того же приказа.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой начдиву 22-й и всему гарнизону Уральска, № 02313, Саратов, 4 июля, 3 ч. 20 м. [1]

Наступление армий Южной группы на Уральск началось. Сегодня к вечеру наши части уже выходят на линию Глушица — Гаршино. Согласно моего приказа наши войска, не позднее 15 июля, должны очистить всю линию реки Урала и Уральской жел. дороги. Уверен в полном успехе начатого наступления и неизбежном развале врага. Ожидаю, что в ликвидации противника примет участие и гарнизон Уральска, ударив в нужную минуту в тыл врагу по особому моему распоряжению.

Реввоенсовет Южной группы, принимая во внимание факт более чем двухмесячной героической защиты города Уральска, убежден что доблестный гарнизон его исполнит свой революционный долг до конца. Будьте уверены — помощь и освобождение близки.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой в Совнарком В. И. Ленину, 11 июля 1919 г., 20 ч. 10 м. [2]

Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город.

Командующий Южной группой Фрунзе.

7. Развитие преследования противника после Уфы

Телеграмма командующего Восточным фронтом, № 03610, Симбирск, 19 июля 1919 г. [3]

Сего числа я вступил в командование армиями Восточного фронта.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 3-й, 2-й и 5-й армий, № 03632, Симбирск, 20 июля 1919 г. [4]

В связи с занятием 3-ей армией Верхотурья и подхода к Егоршино, 3-ей армии ставится, в дальнейшем, следующая задача: продолжая преследование противника, в возможно короткий срок овладеть райо-

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 113, л. 67.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 2, д. № 113, л. 290.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1032, л. 49.
[4] ЦАКА, ф. 106, д. № 1037, л. 46.

ном Синарская — Камышлов — Ирбит — Туринск и выйти уступом вперед в отношении 5-й армии с целью содействия последней при ее будущем продвижении вдоль Сибирской жел. дорожной магистрали.

Задача 5-й армии прежняя, то есть овладение районами Троицка и Челябинска. С 24 ч. 21 июля разграничительной линией между 5-й и 3-й армиями устанавливается Михайловский — ст. Полдневная — М. Шабурова — северный берег озера Малин — Нижне-Петропавловское — озеро Камышное,— все для 5-й армии включительно. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командарму 5-й командюжгруппы, № 03640, Симбирск, 22 июля 1919 г.[1]

5-й армии, продолжая выполнение задачи поставленной директивой № 03632, выставив заслон на направлении Верхнеуральск — Троицк, остальными силами своей Верхнеуральской группы повернуть на юг с целью очистить от противника район Верхнеуральск — отр. Полтавский — ст. Кизильская. В соответствии с этим левофланговым частям 1-й армии ставится задача — очищение от противника района завод Узянский — завод Преображенский — ст. Кизильская. В зависимости от этого между Южной группой и 5-й армией устанавливается разграничительная линия: Белорецкое — оз. Банное — ст. Кизильская,— для 5-й армии включительно. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 4-й и 1-й, Симбирск, 25 июля 1919 г.[2]

Поход на Туркестан решен в положительном смысле. Пойдут 3-я кав. дивизия и 24-я дивизия, которая на днях будет включена в состав армии. Подготовку следует вести немедленно, но наилучшей подготовкой явится выполнение 1-й армией в кратчайший срок поставленной задачи, т. е. овладение районом Орск — Актюбинск.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командюжгруппы, командармам 3-й, 5-й, № 03763, Симбирск, 26 июля 1919 г.[3]

На фронте 5-й и 3-й армии, несмотря на ввод противником новых дивизий, нами взяты Верхнеуральск, Челябинск, Ирбит, Алапаевск, Верхотурье и продолжается дальнейшее преследование противника. На участке Южной группы в Астраханском районе противник проявляет активность по обоим берегам Волги в направлениях на Баскунчак, Черный Яр и Енотаевск, где ему удалось несколько потеснить наши части. На Лбищенском направлении наше наступление развивается успешно. Также успешно идет наступление на Илецкой Городок. Севернее Оренбурга противник обнаруживает попытку выйти на тракт — Оренбург — Стерлитамак. Задачи фронта остаются прежние, то-есть: 1) окончательно добить войска Колчака, оттесненные нами к границам Сибири, 2) в кратчайший срок ликвидировать сопротивление Уральских, Илецких и Оренбургских казаков, 3) прочно обеспечивать за собой Астраханский район и жел. дорогу Астрахань — Покровск.

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1037, л. 44.
[2] Там же, л. 65.
[3] Там же, лл. 71—75.

Во исполнение изложенного приказываю:

1) Южной группе, продолжая выполнение задач поставленных директивой № 263/с, своей левофланговой группой, совместно с частями 5-й армии очистить от противника район южного Урала.

2) 5-й армии: а) теперь же направить всю 24-ю дивизию для совместных действий ее с левофланговыми частями Южной группы по очищению от противника района южного Урала, б) остальными силами армии, продолжая неослабно преследование противника и отбрасывая его к югу от Сибирской магистрали, овладеть в кратчайший срок районом Троицка, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Кустаная до Иковское.

3) 3-ей армии: а) продолжая энергичное преследование противника в самый короткий срок овладеть районами Шадринска и Туринска, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Иковское до Тобольска, б) при наступлении быть на уступе вперед по отношению к 5-й армии, содействуя тем последней при ее продвижении вдоль Сибирской магистрали; в) выделить одну дивизию во фронтовой резерв, расположив ее на участке жел. дороги Екатеринбург — Богданович.

4) Разграничительными линиями устанавливаются между Южной группой и 5-й армиями — завод Узянский — Темясова — отр. Губерглинский,— все для Южной группы включительно; между 5-й и 3-й армиями — М. Шабурова — северный берег оз. Маян — Нижне-Петропавловское — Окуневское,— все для 5-й армии включительно.

О получении настоящей директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Ф р у н з е.

Директива командующего Восточным фронтом командюжгруппы, командарму 5-й, № 03960, Симбирск, 4 августа 1919 г.[1]

С полуночи 5 на 6 августа 24-я дивизия передается из 5-й армии в состав Южной группы. Разграничительной линией между Южной группой и 5-й армией с того же времени устанавливается Верхнеуральск — отр. Полтавский — озеро Мамыр-Куль,— все пункты для Южной группы включительно. Южной группе, в связи с занятием нами Илецкого Городка и выдвижением 24-й дивизии к югу от Верхнеуральска, выполняя задачи поставленные директивами № 03763 и № 288/с, в кратчайший срок очистить от противника район Илецкий Городок — Илецк — Актюбинск — Орск, развив самые энергичные действия, главным образом, на флангах 1-й армии. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Ф р у н з е.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 3-й, 5-й, № 04003, Симбирск, 6 августа 1919 г.[2]

Перед 5-й армией в районе Челябинска противник сбит и отходит в восточном направлении, не оказывая упорного сопротивления. После короткого боя нашими частями занят Троицк. На фронте 3-ей армии противник боями пытается задержать наше наступление, особенно, на Шумихинском и Шадринском направлениях.

5-й и 3-ей армиями продолжать выполнение прежней задачи по выходу на р. Тобол.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1037, л. 87.
[2] ЦАКА, д. № 46—110, л. 18.

Ближайшими задачами ставлю:

3-ей армии а) Продолжая преследование противника захватить переправы через р. Миас и Исеть на участке от Воскресенское до Исецкая и овладеть районом Тюмени. б) Своей правофланговой дивизией продолжать содействие продвижению левого фланга 5-й армии вдоль Сибирской ж. л. дороги. в) По смене 21-й дивизии 5-й армией, вывести эту дивизию в резерв фронта, расположив ее на Сибирской ж. л. дороге. 5-й армии — на Курганском и Звериноголовском направлениях продолжать энергичное преследование противника не давая ему оправиться, направив главный удар вдоль железной дороги и обеспечив направление на Кустанай сильной конницей.

Разграничительной линией между 5-й и 3-й армиями до смены 21-й дивизии устанавливается Бродокалматское — ст. Чистое — раз. Бутырский,— для 3-ей армии включительно.

Командарму 5-й иметь в виду, что по смене 21-й дивизии частями 5-й армии, последняя должна будет направить свой левый фланг на Воскресенское.

О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 3-ей и 5-й, № 04071, Симбирск, 11 августа 1919 г.[1]

Перед 5-й армией противник отходит за Тобол, прикрываясь арьергардами.

Перед 5-й армией на Ялуторовском направлении неприятель пытается задержать наше наступление.

5-й и 3-ей армиям продолжать неослабное преследование противника и не дать ему привести свои части в порядок.

Ближайшими задачами ставлю: 5-й армии, продолжая преследование противника, главными силами выйти на рубеж р. Тобола к югу Белозерское, имея заслон в направлении на Кустанай. Ввиду проявления противником активности в Верхнеуральском районе, командарму 5-й коротким ударом, бригадой пехоты со всей свободной конницей, во фланг Верхнеуральской группе противника, оказать поддержку левому флангу 1-й армии.

3-й армии, преследуя противника, выйти на Тобол на участке к северу от Белозерское, сосредоточивая главные силы на Ялуторовск и выслав боевой отряд к устью р. Туры.

21-й дивизии, оставаясь в резерве фронта, перейти в район Кинельское — ст. Юргамыш — Колупаевка. Связь начдиву 21-й держать через штабы армий 3-ей и 5-й.

Разграничительной линией между 5-й и 3-ей армиями назначают: Толстопятово — Белозерское — Отставная,— все пункты для 5-й армии включительно.

О получении настоящей директивы и распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

8. Разгром Южной армии Колчака на путях в Туркестан

Директива командующего Восточным фронтом командюжгруппы, командармам 3-й и 5-й, № 04094, Симбирск, 13 августа 1919 г.[2]

Приказом Главкома Южная группа Восточного фронта переименована в Туркестанский фронт. Командующим Туркестанским фронтом назначен я.

[1] ЦАКА, д. № 46—110, л. 31.
[2] Там же, л. 49.

Разграничительной линией между Туркестанским и Восточным фронтами назначена: Тюпкильды — ст. Давленатово — пр. Табынск — зав. Узянский, отр. Полтавский — озеро Мамыр-куль, временно,— отр. Фершампенуасский — ст. Кизильская.

В состав Восточного фронта включаются 5-я и 3-я армии.

Разделение фронта произвести в 24 часа 14 августа.

Астраханскую группу переименовать в 11-ю армию.

Востфронту продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть западной Сибирью. При продвижении вперед прочно закреплять за собой пройденное пространство, организуя для сего необходимые гарнизоны.

Туркестанскому фронту: а) в кратчайший срок овладеть Уральской и Оренбургской областями, включительно до Гурьева, Актюбинска и Орска; б) подготовить экспедицию на Туркестан; в) подготовить 11-ю армию для наступательных операций в юго-западном направлении; г) 15 августа закончить подготовку удара на Царицын, в связи с действиями левого фланга Южного фронта.

Командарму 5-й теперь же вывести одну дивизию в резерв фронта, расположив ее в полосе жел. дороги Челябинск — Курган.

Туркестанскому фронту по овладении Сахарной вывести в резерв фронта одну стрелковую дивизию и сосредоточить ее на Уральской жел. дороге, а по овладении районом Актюбинск — Орск вывести в резерв фронта еще не менее двух дивизий.

О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Туркестанским фронтом командарму 1-ой и главкому войск Туркестана, 28 августа 1919 г.[1]

Разбив в ряде боев Южную и Уральскую армии противника наши войска выбросили их в район степей между Туркестаном и Европейской Россией. На днях должно последовать занятие нами и Актюбинска, что лишает противника последних опорных пунктов в районе казачьей области.

По полученным сведениям, подтверждающимся данными о последней группировке противника в районе Актюбинска и тракте Орск — Иргиз, противник решил отступать на Казалинск, имея в дальнейшем целью выход к берегам Аральского моря и Красноводску на соединение с англичанами.

Для недопущения этого и окончательного уничтожения остатков разбитых белогвардейских банд приказываю:

1) 1-й армии со всей энергией продолжать безостановочное преследование противника, имея ближайшей задачей овладение районом Ташкентской жел. дороги до ст. Челкар включительно и городами Иргиз и Тургай. Учитывая слабую населенность и огромность расстояний преследования, организовать по преимуществу кавалерии, использовав для этого все наличные силы конницы в виду компактной массы. При проведении операции все время стремиться охватывать пути отступления к югу, для чего усилить Актюбинскую группу и форсировать ее продвижение. Принять все меры к скорейшему восстановлению телеграфной и телефонной связи в тылу армии.

2) Главкому войск Туркестана немедленно усилить во что бы то ни стало, за счет резервов, а также и других направлений, Казалинскую группу и перейти в наступление, имея ближайшей целью занять и прочно закрепить за нами ст. Аральское море и далее продвижение

[1] ЦАКА. д. № 234—935, л. 19.

вперед на встречу войскам 1-й армии. Оперативные сводки посылать ежедневно по радио. Получение сего и об отданных распоряжениях донести.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Радиограмма командующего Туркестанским фронтом главкому войск Туркестана, № 03199, Самара, 2 сентября 1919 г.[1]

Наступление 1-й армии развивается успешно. Под Орском нами взято снова более 3000 пленных, много оружия, боеприпасов. Нашей пехотой занята ст. Мартук и продолжается наступление на Кара-Тугай. Наша кавалерия выходит к Актюбинску. В связи с этим подтверждаю крайнюю необходимость Туркестанцам удерживать ст. Аральское море и стремиться выдвигаться навстречу нашим наступающим на фронт Иргиз — ст. Челкар.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Телеграмма командующего Туркестанским фронтом в Ташкент главкому войск Туркестана, № 31, Вольск, 12 сентября 1919 г.[2]

Южная армия противника, преграждавшая пути в Туркестан, разгромлена окончательно. Нами взято свыше 45 тысяч пленных и масса трофеев. Передовые части 1-й армии подходят к району станции Джурун-Темир. Для уничтожения последних остатков войск противника, продолжающих еще держаться в районе станции Челкар и в интересах скорейшего восстановления связи с Туркестаном, приказываю: бросить Казалинскую группу в стремительное наступление в общем направлении на станцию Челкар и Иргиз.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Приказ войскам Туркестанского фронта, № 03587, Самара, 7 октября 1919 г.[3]

Вы доблестные войска 1-й армии многомесячными усилиями в бездорожном районе через горы, леса, по песчаным степям очищали путь в Красный Туркестан, где ваши братья вели упорную борьбу за свою свободу, где был приготовлен для окруженной кольцом врагов Советской России, столь нужный для нас хлопок, чтобы одеть нашу пролетарскую семью.

Рядом упорных, славных боев вы овладели Орском, Актюбинском, Темиром и множеством других больших и малых пунктов, разбив на голову громадную армию противника, превосходившую вас численностью в несколько раз. Ваш могучий дух воинов-революционеров, воинов великой рабоче-крестьянской армии дал вам славные победы.

Вы захватили за последний месяц свыше 55 тысяч пленных, много орудий, около 150 пулеметов, большое количество другой военной добычи. С напряженным вниманием и надеждой следит за вашими успехами вся Советская Россия; со страхом и трепетом следили за вами и наши враги — империалистические государства, чувствуя, что с вашей победой вольются нам новые силы, что мы несем освобождение

[1] ЦАКА, д. № 234—935, л. 25.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 255, л. 39.
[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 131, л. 124.

нашим далеким братьям — восточным народам и скоро, скоро настанет конец владычеству шайки капиталистов.

Свершилось. Путь на Туркестан свободен. Совет обороны РСФСР, высоко ценя услуги оказанные Советской республике нашей доблестной боевой работой славных войск 1-й армии, постановил.

1) Объявить вам, в лице красноармейского и командного состава благодарность отечества.

2) Выдать всему составу 1-й армии, участвовавшему в победоносном наступлении на соединение с Туркестаном, месячный оклад.

Еще раз сердечно поздравляю вас с вашим блестящим успехом. Твердо уверен, что вы навсегда закрепите свои победы там, в Красном Туркестане, куда мы теперь спешим на помощь нашим братьям.

Командующему 1-й армией приказываю сообщить настоящий приказ частям войск участвовавшим в победоносном движении армии и убывшим теперь новым назначениям.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе

Предлагаемые ниже материалы по шлезвиг-гольштинскому вопросу представляют не только исторический интерес. Перипетии этого вопроса, бывшие лишь этапом в политике Бисмарка кровью и железом создать Великопруссию, ярко рисуют картину агрессии, циничного торга малыми нациями, откровенного предательства их интересов путем шантажа.

Еще с конца XVIII в. (1773 г.) Шлезвиг был окончательно инкорпорирован Данией, составляя ее провинцию. Гольштиния, входя в состав Датского королевства на правах личной унии, оставалось в то же время германской землей и входила в конгломерат земель, носивших название «священной Римской империи германской нации». Положение не изменилось с ликвидацией последней Наполеоном (1806 г.), а затем и после Венского конгресса 1815 г. Оба герцогства были издавна связаны унией, по которой они были вечно нераздельны. Население этих герцогств было смешанным: в большей части Шлезвига оно состояло из датчан и говорило на датском языке, в Гольштинии преобладало немецкое население, при чем господствующие классы герцогств были либо немецкими, либо тяготели к немецкой культуре и языку. В Шлезвиге дворянство и прелаты вели насильственную германизаторскую политику. Судопроизводство, преподавание, проповедь велись на немецком языке.

Экономическое развитие Дании в первой трети XIX в., ломка феодальных отношений под влиянием буржуазной революции во Франции, вызвали к жизни торговую и промышленную буржуазию, содействовали национальной консолидации страны. Вынужденный отказ Дании от Норвегии (1815 г.) толкал датское правительство к большему освоению герцогств, особенно Шлезвига, и укреплению там своего влияния. Датская буржуазия горячо поддерживала эту политику. Шло усиленное вытеснение немецкого влияния, особенно в деревне. Немецкое феодальное дворянство в герцогствах оказывало решительное сопротивление политике датского правительства, разжигая немецкий национализм. С другой стороны, разбуженная наполеоновскими войнами, сделавшая первые успехи в укреплении своего экономического влияния, германская буржуазия, хотя еще и не отчетливо, начала понимать все значение омываемого двумя морями Шлезвига для торгового и морского могущества Германии. Из чисто местного шлезвиг-гольштинской вопрос становится общегерманским. По иронии истории он осложнился еще и тем, что в то время как датская буржуазия, которая вела борьбу с королем Фридрихом VI за ограничение абсолютизма и требовала введения конституции, в герцогствах поддерживала политику правительства, а феодальное дворянство в Шлезвиг-Гольштинии, защищавшее не столько «немецкое дело», сколько свои права и привилегии, в борьбе против датского правительства опиралось на объединительное движение германской буржуазии.

Революция 1830 г. усилила датское либеральное движение в королевстве и Фридрих VI был вынужден пойти на уступки. В 1834 г. был издан указ о сеймах. Их было четыре — два для Дании и по одному для каждого из герцогств. Это никого не удовлетворило. Датская буржуазия требовала единого конституционного сейма для всей страны, немецкая партия настаивала на создании отдельного сейма для обоих герцогств и вхождения Шлезвига в Германский союз. При преемнике Фридриха, Христиане VIII (1839—1848 гг.) консти-

туционный вопрос осложнился вопросом о престолонаследии. В то время как в королевстве допускалось наследование и по женской линии, в герцогствах наследование могло итти лишь по мужской линии. Христиан был стар и бездетен, бездетным был и его наследник — будущий король Фридрих VII. С прекращением старшей Гольштинской линии в Дании престол должен был перейти к Глюксбургской, в герцогствах же он должен был перейти к младшей мужской линии — к Августенбургскому дому и тем самым определилось бы раздельное существование герцогств и Дании.

Для избежания этого в 1846 г. Христиан VIII обнародовал «открытое послание», в котором указывал, что порядок наследования должен быть единым для всей монархии. Это срывало все расчеты немецкой партии. Она заявила протест, нашедший отклик во всей Германии; посылались многочисленные адреса, петиции университетов, обществ, заявления палат (баденской) и т. д., юристы изощрялись в казуистических тонкостях наследственного права и средневековых прерогатив герцогств. Гольштинский сейм обжаловал указ Христиана VIII в Союзный германский сейм. Последний мог лишь ответить, что он уповает на справедливость короля.

Со смертью Христиана VIII, наследовавший ему Фридрих VII обнародовал под давлением датской буржуазии указ (22 января 1848 г.) о создании общей для всего королевства конституции и общего сейма. Немецкая партия увидела в этом дальнейшее наступление на суверенность герцогств и усилила сопротивление. В условиях разразившейся революции 1848 г. движение приняло более острый характер. В Дании у власти стала либеральная буржуазия, т. н. Эйдеровская партия, требовавшая полного включения Шлезвига в королевство. С другой стороны общий подъем в Германии усилил в герцогствах немецкую партию, влил в нее буржуазные и демократические элементы. В Киле вспыхнуло восстание, было образовано временное правительство (граф Ревентлов, адвокат Базелер и др.), выдвинувшее герцога Августенбургского кандидатом на престол. Временное правительство обратилось за помощью к Союзному сейму и прусскому правительству. Сейм в свою очередь поручил Пруссии оказать военную поддержку герцогствам.

Началась германо-датская война. Ее ход и исход был определен, с одной стороны, ходом и развитием германской революции, борьбой революции с контрреволюцией, а с другой — всей международной обстановкой. Пруссия при всех колебаниях реакционно и легитимистски настроенного Фридриха-Вильгельма IV, по настоянию его министра фон-Арнима не прочь была военной прогулкой в Данию укрепить свою популярность в Германии в противовес Австрии, а затем разрешить вопрос путем сговора с Данией при сохранении всех принципов легитимизма, а главное, прав и преимуществ шлезвиг-гольштинского юнкерства. Но в условиях подъема революции этого достигнуть было нельзя. Немецкая партия в герцогствах стремилась к воссоединению с Германией. Многочисленные волонтеры из Германии, боровшиеся в герцогствах с датскими войсками, придавали всему этому делу революционный привкус. Образованный в Германии Союзный совет допустил в свою среду представителей герцогств. Феодально-реакционная политика Пруссии столкнулась с объединительной политикой немецкой буржуазии. Этим определилась вялость войны со стороны Пруссии. Хотя на суше она и одержала ряд побед, на море датчане блокировали ее и парализовали прусскую торговлю.

Между тем Дания, на основании стокгольмского договора 1720 г., подтвердившего переход Шлезвига к Дании и гарантированного Швецией, Англией и Францией, обратилась к державам за помощью. Шлезвиг-гольштинский вопрос перерастал в общеевропейский конфликт. Англия, ее премьер Пальмерстон заняли позицию поддержки Дании. Не в интересах Англии было укрепление Пруссии на берегах Северного и Балтийского морей и передача в ее руки контроля в проливах. Либерал Пальмерстон в то же время с нескрываемой враждебностью относился к развертывавшейся германской революции и опасался воссоединения Германии. Английский посол в Берлине Вестмореленд сделал два представления

прусскому правительству (11 и 18 марта). В своем ответе Пруссия заявила, что она лишь осуществляет директивы германского сейма, а главное, что она собирается отстаивать единство Шлезвиг-Гольштинии в пределах Дании и охранять интересы датского короля в гражданской войне в герцогствах. В результате Англия предложила Пруссии и Дании свое посредничество.

Более решительной была позиция Швеции. Последняя мобилизовала свою армию и флот и предупредила Пруссию, что занятие ею Ютландии будет означать войну. Столь же решительной была позиция и России. Для Николая шлезвиг-гольштинский вопрос был нарушением его легитимистских принципов установлений Священного союза, а поддержка восстания Пруссией укреплением ненавистных ему революционных элементов. К тому же Россия якобы имела и отдаленные права на Гольштинию. После смерти Петра III, принца Гольштинского, в 1762 г. последовал отказ Екатерины II за тогда еще несовершеннолетнего Павла от наследственных прав на часть Шлезвига и Гольштинии. Но этот отказ был обусловлен незыблемостью установленной датской династии, в случае же ее прекращения Россия оставляла за собой возможность предъявить свои права на герцогства.

Но и более реальные интересы руководили Николаем в его датской политике. Для России было важно, чтобы проливы находились в руках одной из мелких скандинавских держав. Захват их Пруссией мог отрезать Россию от Западной Европы. Поэтому, когда прусские войска подступили к датской границе, русский посланник в Берлине заявил прусскому правительству, что это «нанесет тяжелый удар интересам всех прибрежных на Балтийском море держав... Россия не может допустить такой случайности». Вопрос о переходе границ Россия выдвигала как casus belli. Развитие революционных событий в Германии, грозивших смыть все установления Священного Союза, боязнь революционных брожений в России и Польше, попытка Фридриха-Вильгельма использовать революционные события в Германии в целях укрепления и расширения Пруссии — были встречены Николаем с резкой враждебностью. Манифестом 14 марта 1848 г. Николай, этот «жандарм Европы», стал на страже установлений Венского конгресса и Священного Союза. 300-тысячная армия, подвинутая к западной границе России, должна была подкрепить манифест. Шлезвиг-гольштинский вопрос и позиция Пруссии в нем были для Николая частью его общей задачи «тушить пожар в Европе». В антипрусскую политику Николай попытался, но небезуспешно, втянуть и Францию. Переговоры, начатые Киселевым с Ламартином, с большим успехом были продолжены с Кавеньяком. Примирение Николая с республиканской Францией против монархической да еще связанной с ним родственными узами, Пруссией яснее всего говорило о тревоге русского царя.

Внутриполитическая обстановка в Германии и нажим извне толкали Пруссию к скорейшему завершению войны. Уже в конце мая генерал Врангель получил приказ оттянуть свои войска от Ютландии. 2 июля 1848 г. в Мальме (Швеция) было заключено перемирие. 26 августа в Мальме же было заключено новое соглашение на выгодных для Дании условиях. Протесты в Германии, нежелание Дании пойти на уступки вызвали 26 марта 1849 г. возобновление военных действий. Потребовались новые вмешательства России, ее угроза двинуть войска в Пруссию, чтобы при помощи Англии переговоры о мире возобновились. 2 июня 1850 г. был заключен в Берлине мирный договор, который по сути дела оставил неразрешенными все спорные вопросы. «В Шлезвиг-Гольштинии «меч Германии» заключил истинно-прусский сепаратный мир и предал своих союзников в руки превосходной враждебной силы. Англия, Франция и Россия решили положить конец независимости герцогств и высказали это намерение в протоколе, к которому присоединилась и Австрия»[1].

Еще до окончательного разрешения шлезвиг-гольштинского конфликта положение Пруссии осложнилось ее политикой в германских делах. Разгром прусскими войсками Дрезденского и Баденского восстаний (1849 г.) укрепил позиции

[1] Маркс и Энгельс. Соч. т. VIII, стр. 256.

Пруссии в Германии. Это дало возможность Фридриху-Вильгельму попытаться на месте разваливавшегося Германского союза создать т. н. Прусский союз, как первый шаг к созданию Великопруссии. Эрфуртский съезд должен был окончательно оформить конституцию вошедших в союз частью добровольно, частью принудительно германских государств. Но жалкая компромиссная политика прусской реакции и ее выразителя Радовица и не менее жалкая позиция германской буржуазии не могла вызвать поддержку широких масс германского народа и встретила решительное сопротивление Австрии и стоявшей за ее спиной России. «Пруссия не имеет права становиться во главе Германии»,— заявил русский посол в Берлине Мейендорф прусскому королю. Война с Австрией, а следовательно с Россией обозначала новое развязывание революции и Фридрих-Вильгельм капитулировал. Руководителю прусского кабинета Бранденбургу пришлось ехать в Варшаву, где тогда находился Николай, и дать обязательства отказаться от своих затей в Германии и от своих планов по отношению к Шлезвиг-Гольштинии, а также отказаться от поддержки гессенцев, восставших против своего короля. Под давлением России Радовиц был отставлен, но Россия не была удовлетворена, она хотела полного унижения Пруссии. Сменивший умершего от огорчения Бранденбурга, Мантейфель добился свидания в Ольмюце в 1850 г. с руководителем австрийского кабинета Шварценбергом и там принял все австрийские условия. Ольмюцкая капитуляция ускорила развязку войны и обеспечила уступчивость Пруссии.

По Берлинскому соглашению Дании было предоставлено право разделаться с восстанием в Шлезвиге, водворить «порядок» в Гольштинии было возложено на Австрию и Пруссию. Гольштинское временное правительство было ликвидировано, власть передана датскому, прусскому и австрийскому комиссарам. Предварительное решение по шлезвиг-гольштинскому вопросу было принято на Лондонской конференции держав (Англия, Франция, Россия, Швеция и Австрия) 2 августа 1850 г. После длительных торгов и борьбы наследником Фридриха VII был намечен принц Христиан Глюксбургский; герцог Августенбургский был вынужден отказаться от своих прав за приличную мзду в 6 млн. крон. Связи Шлезвига с Гольштинией были прерваны и Шлезвиг вынужден был уйти из Германского союза. Все вернулось к домартовским временам. Пруссия была унижена, Австрия могла торжествовать. Соглашения были ратифицированы державами 8 мая 1852 г., хотя германский сейм и отказался их признать.

Поворотным вопросом в шлезвиг-гольштинском вопросе, как и в европейской политике в целом, была Восточная война. Поражение России ослабило ее положение, как жандарма Европы. Некоторый период первую скрипку в Европе играла наполеоновская Франция. Враждебная России позиция Австрии во время Восточной войны, ее блок с Англией, колебания Пруссии привели к изоляции России и она с радостью приняла заигрывания Наполеона, желавшего получить в лице России эвентуального союзника. За уступчивую позицию Франции на Парижском конгрессе 1856 г. Горчаков отплатил Наполеону тем, что удержал Пруссию от вмешательства во время франко-итальянской войны, на котором настаивало общественное мнение Германии, и помог тем самым Наполеону овладеть Ниццей и Савойей.

1859 г. был началом нового периода в истории Европы. После десятка лет политической реакции наступает новая полоса буржуазно-демократических и национальных движений. Франко-итальянская война всколыхнула не только Италию, но и Германию. «Война 1859 г. всполошила также и Пруссию. Пруссия почти удвоила свою армию и поставила у кормила правления человека, который мог потягаться с русской дипломатией по крайней мере в одном отношении: в полной неразборчивости при выборе средств. Этим человеком был Бисмарк»[1]. Борьба за воссоединение Германии все отчетливее принимала характер борьбы между Австрией и Пруссией, борьбы между великогерманской и малогерманской партиями за решительное и окончательное преобладание в германских делах

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 31.

либо Австрии, либо Пруссии. Обострение шлезвиг-гольштинского вопроса подлило масла в огонь.

Еще в 1855 г. Фридрих VII ввел в Дании общую конституцию для всего королевства, по которой, на ряду с сохранением провинциальных сеймов, должен был быть образован общий сейм для всего королевства. Депутаты герцогств на сейме выразили свой протест против якобы нарушения конвенции 1852 г. Под давлением Пруссии и Австрии, пригрозивших экзекуцией, Фридрих датский отступил, отменив конституцию для Гольштинии, но сохранив ее для Шлезвига. Немецкая буржуазия, ее либеральный «Национальный союз» требовали вмешательства франкфуртского сейма. Такую же позицию занял и Лассаль. Свою брошюру «Итальянские войны и задачи Пруссии» он заканчивал обращением к Пруссии начать национальную войну из-за Шлезвиг-Гольштинии, уверяя, что в этом вопросе прусское правительство встретит поддержку демократии, якобы готовой стать под прусские знамена. Прочитав эту брошюру, Маркс, в письме Энгельсу, писал: «отнюдь не наши взгляды». Маркс и Энгельс боролись с оппортунистической политикой Лассаля, который своим приспособлением к победе Пруссии и Бисмарка, своими шатаниями в сторону национал-либеральной партии предавал последовательно-демократическую борьбу за немецкую республику. Сами они считали возможным в буржуазно-национальном движении оказать поддержку прогрессивной буржуазии в ее борьбе против феодализма и под этим углом зрения определяли «успех какой стороны желателен», при какой комбинации, при неудаче какой из реакционных феодально-абсолютистских, задерживающих подъем буржуазии сил будет больше «простора» для современной демократии, и для этого заботились о расширении обострения этого движения путем широкого участия в нем «плебейских» масс, в частности крестьянства. «Именно это соображение Маркса,— говорит Ленин,— о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассаля» [1].

Для Маркса шлезвиг-гольштинский вопрос был частным вопросом грядущей общенемецкой революции. Насколько был прав Маркс — показали события 1863—1864 гг. Русско-французское сближение 1856—1859 гг. привело к поддержке Россией Наполеона III во время назревавшей войны Франции с Австрией. Циркулярную депешу Горчакова русским представителям при немецких дворах с угрозами против последних в случае их военной поддержки Австрии, французские генералы считали равноценной стотысячной армии. Но уже вскоре после Виллафранкского мира эти отношения начинают охладевать. Виллафранкский мир не дал тех результатов, которые ожидала Россия — ослабления Австрии. С другой стороны попустительство Наполеона III и союзного с ним сардинского короля революционному движению в Италии также вызвало раздражение Александра II. Союз с Пруссией предвещал больше выгод, да и не так коробил монархические чувства Александра, как союз с Наполеоном III. Укреплению этих настроений русского двора много содействовал Бисмарк, назначенный тогда послом в Петербург. Наполеон III, в свою очередь чувствуя, что Россия ускользает от него, попытался установить дружественные отношения с Англией, воспользовавшись падением кабинета тори и приходом к власти Пальмерстона. С Англией был заключен торговый договор. Но присоединение к Франции Ниццы и Савойи вызвало бурю негодования в Англии и соглашение было сорвано. Англия попыталась даже заключить с Австрией и Пруссией конвенцию, направленную против Наполеона III.

Бисмарк использовал изоляцию Франции и усилил свою работу в России. Польский вопрос облегчил ему дело. При первых известиях о волнениях в Польше и начале восстания 1863 г. Бисмарк, тогда уже руководитель прусского кабинета, заключил с Россией конвенцию о совместной борьбе Пруссии и России

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 110.

против революционного движения в Польше (знаменитая Альвенслебенская конвенция). Бисмарк хвастался, что этой конвенцией он окончательно расстроил франко-русское сближение. Мечты Наполеона о Рейне при наличии складывавшегося русско-прусского союза потускнели. Осторожная позиция Франции в первое время польского восстания делает крутой поворот. Наполеон усиленно заигрывает с Меттернихом, обещая Австрии содействие против Пруссии и русских домогательств на ближнем востоке. В союз против России Наполеон пытался привлечь и Англию. Но ни Англия, ни Австрия не собирались таскать каштанов из огня для Франции. План совместных действий «во имя Польши» не удался. Англия и Австрия отделались лишь весьма осторожными представлениями.

Польский вопрос тесно привязал Россию к Бисмарку. Руки последнего в Европе были развязаны. Шлезвиг-гольштинский вопрос, обострившийся к концу 1863 г., со смертью Фридриха VII, Бисмарк решил использовать для активизации прусской внешней политики и этим же мечом разрубить гордиев узел конституционного конфликта внутри страны. Смерть Фридриха VII вновь поставила на повестку дня вопрос о наследовании. Герцогства отказались признать права Христиана IX герцога Глюксбургского и признали их за Фридрихом Августенбургским, несмотря на то, что отец его отказался от прав на престол в 1850 г. Франкфуртский сейм также признал права принца Августенбургского и решил поддержать их оружием.

Определением Германского союзного сейма саксонские и ганноверские войска вторглись в Гольштинию для захвата герцогств, отторжения их от Дании и создания из них самостоятельного государства в составе Германского союза. Под натиском врага датчане в январе 1863 г. отступили за реку Эйдер, границу Гольштинии и Шлезвига. Но реальная сила была в руках у Пруссии и Австрии. Бисмарк же не собирался поддерживать интересы Германского союза и не желал присоединения герцогств к последнему как самостоятельного государства. В его виды не входило дозволить кому-либо хозяйничать в областях, смежных с Пруссией. Шлезвиг с его выходом к двум морям ему нужен был для себя. «Бисмарк взялся за дело. Надлежало повторить государственный переворот Луи Наполеона, воочию показать немецкой буржуазии действительное соотношение сил, силой разрушить ее либеральный самообман, но выполнить ее национальные требования, которые совпадали с прусскими желаниями»[1].

Внешнеполитическая обстановка благоприятствовала Бисмарку. Англо-французское соперничество парализовало обе державы. Австрии пришлось примкнуть к Пруссии, так как она не могла предоставить всю полноту действий одной Пруссии, а без помощи России у нее не было сил заставить Бисмарка отклониться от раз принятых решений. Рехберг капитулировал перед Бисмарком. Оставался вопрос о России с ее традиционной датской политикой. Это ясно высказал Бисмарк Горчакову: «с европейской же точки зрения, все зависит от того, бросит ли Россия свою гирю на чашку весов великого герцога или же ограничится тем, что сама устранится из спора»[2]. Тут же он успокаивал, что России не придется выбирать между Пруссией и Австрией, ибо «наше согласие с Веной все время не оставляет желать ничего большего». Польский вопрос предрешил для Александра II его поведение в назревавшем конфликте. Любопытно, что у него даже прорывалось желание бросить свои польские владения. Это было несерьезно, но характерно для его самочувствия.

С первых же дней шлезвиг-гольштинского конфликта Александр II стал на сторону Пруссии. Он дал свое согласие на вторжение прусских войск в герцогства и склонял к этому Англию, ибо это, как он утверждал, оградит герцогства от происков герцога Августенбургского и немецкой революционной партии. Вся прусская экспедиция изображалась как защита решений 1852 г., а отнюдь не как покушение на целостность Датского королевства. Подчеркивание неприкосновенности Дании делалось специально для Англии, чья позиция чрезвычайно

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 473.
[2] «Красный Архив», т. 61, 1933 г., стр. 14.

тревожила и Россию и Пруссию. Александру II не хотелось влезать в общеевропейскую войну при наличии очень напряженных внутренних дел (еще не успокоенная Польша, крестьянские волнения на почве «реформы»), поэтому надо было не дать Бисмарку «солдатскими» методами отпугнуть Англию и бросить ее в объятия Франции. И Александр делал вид, что ему непонятны подлинные замыслы Бисмарка. Перед лицом мира надо было выступить под флагом защиты Лондонской конвенции 1852 г. «Во имя этих соображений,— поучает Горчаков Убри,— был задуман тот план, который я, по распоряжению императора, развил в моем письме к барону Будбергу, т. е. согласие на принятие собрания, предложенного Данией, подчинение копенгагенского двора оккупации Шлезвига австро-прусскими войсками в качестве залога выполнения обещаний 1851—1852 гг.— залога, не только не наносящего ущерба подписанному в Лондоне международному документу, но призванного обеспечить его осуществление путем удовлетворения всех заслуживающих уважения интересов». И тут же Горчаков особо подчеркивает, что «мы считаем необходимым, чтобы оба великие немецкие двора, не теряя времени, дали английскому кабинету заверения, могущие его успокоить» [1].

Помочь Бисмарку должен был Бруннов в Лондоне. Сам же Горчаков убеждал английского посла в Петербурге в том, что не следует мешать Бисмарку занять герцогство, ибо он не даст ходу происках герцога Августенбургского и немецкой революционной партии.

Но Бисмарку было мало русского «невмешательства», ему хотелось иметь от Александра II, а по возможности и от Пальмерстона прямое заверение, что в случае если Наполеон III решит использовать момент для захвата Рейна, Россия и Англия бросят свои войска и флот. И он пускает в ход испытанные методы — игру на самолюбии, запугивание, прямой шантаж. Якобы от имени короля Вильгельма I он говорит Убри — «его величество полагает, что у вас слишком много внутренних затруднений и потому вы не можете быть активными союзниками». Убри спешит заверить Горчакова, что он постарался разубедить в этом Бисмарка. Когда же Горчаков и Убри, не желая связывать себе рук, отклоняют неприятную тему о прямой поддержке Пруссии, Бисмарк пускает в ход более сильно действующее средство. В ряде бесед с Убри он дает понять, что если Россия не поддержит его, Бисмарка, он вынужден будет пойти на союз с Францией и тогда неизбежно встанет польский вопрос. Бисмарк запугивает Убри, что если Россия не даст согласия на оккупацию, то в создавшейся обстановке (конституционный конфликт, конфликт с сеймом) прусский король отречется от престола, ему, Бисмарку, придется уйти в отставку; у власти станут либералы; «но их первым действием, не будем себя обманывать, был бы союз с Францией». Со своей стороны Убри намекает Бисмарку, что это не реально, ибо от Франции Пруссия ничего не добьется, но сам он понимает, что Россия не может допустить разгрома Пруссии и Австрии Францией. Он пишет Горчакову: «Мы не должны упускать из виду... что разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом к лицу с Францией, позиция же императора Наполеона в польском вопросе не позволяем нам питать ни малейшего сомнения относительно такого соседства» [2].

Шантаж Бисмарка сделал свое дело. Русская политика становится все более предупредительной и тщательно расчищает все трудности на пути Пруссии. Когда политика «невмешательства» России и колеблющаяся позиция Англии чуть было не привели к капитуляции Дании и мирному урегулированию конфликта, Бисмарк взывает к Горчакову — «Дайте нам возможность обменяться несколькими пушечными выстрелами». Горчаков быстро уступает.

20 января 1864 г. началась оккупация. Слабые датские войска не могли противостоять войскам Пруссии и Австрии, последние быстро дошли до границ Ютландии и захватили ее. Под влиянием возбуждения общественного мнения в Лондоне забеспокоились. Англия настаивает перед Россией на вооруженном вмешательстве в пользу Дании. Александр II ответил, что он не возражает против

[1] См. ниже, стр. 62.
[2] См. ниже, стр. 66.

«морального» воздействия на Пруссию в интересах целостности Дании, но на вооруженное вмешательство он пойти не может. Попытка Англии договориться с Францией не привела ни к чему, ибо Наполеон III потребовал в качестве гарантии левый берег Рейна. На это Англия в силу своих династических связей с Пруссией не пошла и тем самым должна была договориться с Россией и Пруссией. Горчаков вновь просит Бисмарка успокоить Лондон, дать заверения о своих намерениях. Что и Пальмерстон готов был удовлетвориться формальной декларацией Бисмарка, видно из того, что он охотно воспользовался ею в парламенте и вычитал в ней то, что по признанию самого Бисмарка в ней вычитать нельзя было. Горчаков знал своего коллегу, он писал Меренгейму: «Нынешний британский кабинет настроен миролюбиво. Его намерение избежать конфликта с Германией не может быть поставлено под сомнение... Следовало бы, по нашему мнению, не упускать из виду того, что могло бы облегчить британскому кабинету эту задачу» [1]. Таким облегчением этой задачи, в целях успокоения общественного мнения Англии, должно было быть согласие на европейскую конференцию.

Директива Горчакова Бруннову, представляющего Россию на Лондонской конференции, не оставляет сомнений в русской позиции — «возврата к положению вещей, предшествовавшему войне, быть не может». На протесте Дании против распоясавшихся в герцогствах пруссаков, против чинимых там насилий над датским населением, Александр мог лишь написать: «Сильно преувеличено, но вероятно частью верно» и обойти его молчанием. Неприемлемой и дикой показалась Александру и Горчакову мысль, предложенная Францией, о возможности опросить население герцогств и узнать его пожелания, и она была категорически отвергнута.

Политика России, приведшая к захвату герцогств, придала самоуверенность Бисмарку: он заговорил с Россией другим тоном. Когда несообразительный Убри напомнил Бисмарку, что он обещал неприкосновенность Дании, последний ответил, что это было до войны, теперь же «если мы еще хотим поддерживать неприкосновенность датской монархии, так это именно потому, что мы так хотим, но мы к этому не обязаны» [2]. Бисмарк в пылу задора бряцает оружием и против Англии — это был все тот же метод шантажа и запугивания. На свидании с Александром II в Берлине 29 мая Бисмарк вновь пускает в ход свой излюбленный метод воздействия на Александра. Неудача Пруссии, говорил он, была бы в пользу революции, так как Пруссия все же выступает как защитница конвенции 1852 г., а Германский сейм, поддерживая герцога Августенбургского, действует революционным путем. В случае противодействия России ему, Бисмарку, предстоит стать на позицию сейма, т. е. революции; и Александр спешит похвалить Бисмарка за его взгляды и выразить желание, чтобы Пруссия всегда их придерживалась. Иезуитизм Бисмарка сказался и в том, что, пугая Россию своим возможным соглашением с Францией, он по сути дела это соглашение уже имел. Наполеон III, боясь возобновления Священного союза, считал выгодным поддержать Пруссию в вопросе о герцогствах и не дать ей превратиться в полного вассала России.

Конференция, запутавшаяся во всех противоречиях, в условиях явного нежелания России, а затем и Англии вмешаться в войну, по истечении перемирия разошлась.

Предоставленная самой себе, преданная державами Дания вынуждена была капитулировать и просить мира непосредственно у Пруссии и Австрии и уступить им герцогства. Бисмарк сделал первый шаг по пути объединения Германии «сверху». Но тут Австрия была уже не союзником, а врагом. Гаштейнская конвенция 1865 г. была лишь кратким перемирием. От Шлезвига путь вел к борьбе между Пруссией и Австрией из-за герцогства, к Садовой, но это предмет особой темы.

[1] См. ниже, стр. 75.
[2] См. ниже, стр. 87.

Бисмаркский путь разрешения международных противоречий, его методы шантажа и запугивания, игра на узкоклассовых интересах правящих сфер Европы — прельщают и по сей день его немецких фашистских почитателей и поклонников. Культ Бисмарка особо чтут в гитлеровской Германии. Следуя Бисмарку, Гитлер разыграл чехословацкую проблему и привел к Мюнхену. Но в современных исторических условиях политика шантажа и агрессии может дать лишь временные эффекты, и привести к дальнейшему обострению всех империалистических противоречий.

В Шлезвигском деле, при Садовой, Седане Александр II обеспечивал тыл Пруссии, а затем уже его преемнику пришлось искать спасения от «благодарности» Бисмарка в объятиях Франции и выразить сожаление по поводу своей позиции в 1864 г., давшей Пруссии выход из Балтики. Не меньше пришлось каяться и Англии, которая вскоре увидела в Киле мощный германский военный флот, угрожавший ее безраздельному господству на Северном море. Шлезвиг-гольштинский вопрос показал, что политика уступок агрессии, как бы она ни объяснялась услужливыми политиками и историками, есть политика слабости, неизбежно оборачивающаяся затем против попустителей.

Публикуемые документы хранятся в Госархиве Внешней политики. Фонд «Канцелярия министра» (К), подлинники на французском языке. Подготовлены к печати научным сотрудником Госархива Внешней политики Е. Моровской.

С. Лесник.

Депеша посланника в Берлине Убри[1] министру иностранных дел Горчакову[2], 15/3 января 1864 г.*

Г-н вице-канцлер,

Вернувшись вчера в Берлин, я поспешил поставить в известность председателя Совета министров[3] о моем возвращении. Он принял меня сегодня утром за несколько минут до того, как отправиться к королю. Время, которое он смог уделить мне, было недостаточно, чтобы вникнуть во все подробности положения, но тем не менее я имел возможность составить себе полное представление о том, какое значение приобрел в настоящее время датский вопрос[4] и счел себя обязанным довести об этом до вашего сведения утренней телеграммой[5].

Г-н фон-Бисмарк только что получил донесение фон-Сидова[6] о состоявшемся накануне заседании сейма. Собрание отклонило предложение Австрии и Пруссии приступить к оккупации Шлезвига, чтобы поддержать Лондонский договор и заставить Данию отменить конституцию 18 ноября[7], которая, по мнению обоих немецких дворов, равносильна инкорпорации Шлезвига.

Дискуссия была чрезвычайно оживленной. Делегат Саксонии даже возражал против прохождения австрийских и прусских войск через Гольштейн. Г-н фон дер Пфордтен[8] несколько раз выражал свое глубокое сожаление по поводу разногласий, возникших в политических взглядах различных союзных дворов. Третьестепенные правительства присоединились к точке зрения второстепенных дворов и этим решили результат голосования. Некоторые из них высказались за то, чтобы безотлагательно приступить к рассмотрению проекта, внесенного представителем герцогства Гессенского[9].

Настроение большинства сейма, таким образом, выявилось с полной определенностью. Не остается никаких сомнений ни относительно пи-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

таемых ими намерений, ни в их совершенно твердом желании упорствовать в намеченном пути, не считаясь с советами и интересами обеих великих немецких держав.

«Теперь,— заметил Бисмарк,— мы совместно с венским кабинетом возьмем дело в свои руки и приступим к оккупации Шлезвига, поддерживая Лондонский договор, но требуя отмены конституции 18 ноября — иначе говоря инкорпорации Шлезвига. Наши войска находятся в пути и так расположены, что имеют возможность совершить оккупацию в самом близком будущем. Точно так же действует и Австрия. Мы ждем только подписания соглашения с венским кабинетом, который обусловит наши совместные действия. Этот акт был бы уже подписан, если бы не некоторые, впрочем, мало существенные, возражения короля».

Я спросил у председателя Совета министров, действительно ли эта оккупация состоится так скоро, как это, повидимому, вытекает из его слов, и не было ли послано Дании предварительного ультиматума. Он ответил положительно на первую часть вопроса, не уточняя, однако, даты; касаясь второй части добавил, что ультиматум сроком в сорок восемь часов будет послан в Копенгаген.

Я обратил внимание председателя Совета министров на опасности такого решения и на тягостное впечатление, какое произведет на Европу этот почти смехотворный ультиматум, так как он не предоставляет копенгагенскому кабинету даже материально-необходимого времени, чтобы приступить к проведению требуемых от него чрезвычайных мероприятий.

Но мои высказывания, князь, не произвели впечатления и это убедило меня в том, что я нахожусь перед решениями, тщательно обдуманными и бесповоротно принятыми. Я должен был из этого заключить, что они явились результатом многочисленных совещаний последних дней.

Ссылаясь на опасности, которые породило бы для европейского мира осуществление этих решений, я особенно отмечал недостаточно определившуюся позицию тюильрийского кабинета, на его недавней циркуляр к второстепенным дворам [10] и, наконец, на общественное мнение Франции, которое, хотя и весьма мирно настроено, но добровольно никогда не отдаст в жертву Данию. Это относится особенно к настроению армии.

Г-н фон-Бисмарк ответил, что, придерживаясь условий Лондонского договора и обосновывая оккупацию Шлезвига этим документом, он, главным образом, старается охранять недавно установившееся четверное согласие [11], и что он хотел-бы, чтобы ваше превосходительство было осведомлено об этом его стремлении и намерении.

Я его спросил, имеет ли он в виду тщательно уточнить в Лондоне эту точку зрения,— а это представляется мне особенно необходимым, так как английский кабинет, повидимому, не расположен столь же легко рассматривать оккупацию Шлезвига. Он уверял меня, что не преминул сделать это, и прибавил, что ему впрочем до сих пор неизвестен текст французского циркуляра второстепенным дворам, о котором и барон де-Таллейран [12] еще ничего не знает.

В течение нашей беседы г-н фон-Бисмарк несколько раз подчеркивал важность решения его кабинета придерживаться Лондонского договора. «Вы понимаете,— сказал он мне,— насколько проще для нас было бы отречься от него. Германия была бы тогда солидарной, а Францию мы, вероятно, имели бы на своей стороне». Однако, князь, это единство действий со стороны Германии было бы возможно только в том случае, если бы державы, подписавшие договор 1852 г., воспротивились принятым в Вене и Берлине решениям и заставили бы оба

великие немецкие двора присоединиться к политике большинства сейма. Этой опасности можно пока не бояться *. Но кто может предвидеть возможные последствия оккупации Шлезвига? К тому же такой способ поддерживать четверное согласие, на что имеет притязания председатель Совета министров, не является разве предназначенным как раз для того, чтобы скомпрометировать соглашение, бывшее до сих пор скорее фиктивным, нежели реальным,— более на словах, чем на деле?

Таким образом, принятые здесь решения невольно внушают мне серьезные опасения и я, к сожалению, должен заявить вашему превосходительству, что они приняты окончательно, что самые дружественные наши советы, не могли бы их поколебать и что, если Копенгаген не примет спасительного решения [13], которого мы уже давно тщетно добиваемся, все заставляет полагать, что Шлезвиг вскоре станет ареной серьезных и печальных событий **.

Убри.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Убри, 19/7 января 1864 г. ***

Пользуюсь проездом г-на Васильчикова через Берлин, чтобы переслать вам документы, из которых некоторые представляют особый интерес. Используйте их весьма осторожно в Берлине, в этом случае позвольте мне обратиться с призывом к вашему знанию местных условий и к вашему такту. Полагаю эта предосторожность вдвойне необходима в момент, когда г-н фон-Бисмарк переживает кризис, исход которого может поставить его в затруднительное положение [14].

Мое письмо к Бруннову от 30 декабря [15] дает вам тему, развивая которую вы можете доказать г-ну председателю Совета министров, насколько мы заботимся об укреплении его положения и вообще о сохранении между четырьмя великими державами согласия, которое представляется нам более чем когда-либо необходимым для интересов общественного порядка и независимости правительства. С этой, именно, целью мы отклонили английское предложение о посредничестве не-немецких дворов, которое раскололо бы Европу на два лагеря [16]; по этим соображениям, после того как венский и берлинский дворы решили оккупировать Шлезвиг, мы отказались от обращения к сейму, которое предложил нам британский кабинет и на что мы уже дали было наше условное согласие.

Как вы увидите из телеграммы барона Будберга [17], французское правительство согласилось на этот демарш, но при условии, что протест против вступления в Шлезвиг будет предъявлен раньше всего Берлину и Вене и лишь дополнительно, в более смягченной форме,— Франкфурту. Из-за этого оттенка, смысл которого не мог ускользнуть от нас, мы и решили отказаться от этой комбинации. Мы продолжаем ставить на первое место тесное соглашение между берлинским и венским кабинетами для того, чтобы достигнуть разрешения спора, опираясь на Лондонский договор и комбинируя его с интересами, которые оба великие немецкие двора призваны защищать. Такое же значение придаем мы развитию соглашения между четырьмя дворами и не перестаем посвящать этому все наши усилия.

Во имя этих соображений был задуман тот план, который я, по распоряжению императора, развил в моем письме к барону Будбергу [18], т. е. согласие на принятие собрания, предложенного Данией [19], подчи-

* Помета на полях Александра II.: «конечно».
** Помета на полях Александра II: «Я также боюсь этого».
*** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

нение копенгагенского двора оккупации Шлезвига австро-прусскими войсками в качестве залога выполнения обещаний 1851—1852 гг.,— залога, не только не наносящего ущерба подписанному в Лондоне международному документу, но призванного обеспечить его осуществление путем удовлетворения всех заслуживающих уважения интересов.

Вот каким образом мы поняли намерения венского и берлинского кабинетов.

Английское правительство отклонило мысль о том, чтобы намекнуть копенгагенскому кабинету на необходимость подчиниться мирной оккупации Шлезвига, при наличии вышеуказанных оговорок. Оно считает эту комбинацию недопустимой, так как оно не уверено в намерении Пруссии. Так как берлинский кабинет действует заодно с венским, то это недоверие распространяется также на этот последний. Мы считаем необходимым, чтобы оба великие немецкие двора, не теряя времени, дали английскому кабинету заверения, могущие его успокоить, и мы полагаем, что они не колеблясь сделают это, ибо речь идет только о том, чтобы выразить свое мнение там, где это необходимо.

Соблаговолите говорить в этом смысле с г-ном фон-Бисмарком. Я просил г-на фон-Туна [20] телеграфировать об этом своему двору и сделаю то же самое по отношению к гр. Редерну [21] при первой же нашей встрече.

Изложенные мною выше соображения, равно как и мои письма к бар. Будбергу и к Бруннову, вполне введут вас в курс намерений нашего августейшего государя.

Оба великие немецкие двора, надеемся, убедятся, в какой степени мысли его величества императора заняты тем, чтобы облегчить им выполнение преследуемой ими тяжелой задачи, и насколько его величество преисполнено желанием перенести вопрос из круга скрещивающихся, а иногда и противоречивых интересов на такую почву, которая не задушила бы в зародыше установившееся было между четырьмя великими державами соглашение по вопросам значительно более серьезным, чем спор, волнующий умы на берегах Эйдера [22].

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова русскому послу в Лондоне Бруннову, 19/7 января 1864 г. *

Согласно одной из ваших телеграмм от 5-го лорд Россель [23] находит, что предложение, касающееся мирной оккупации Шлезвига, недопустимо, так как нам неизвестны намерения Пруссии.

Вы увидите из телеграммы Убри [24], что Пруссия, объявив оккупацию Шлезвига, заявляет о своем желании оставаться верной Лондонскому договору. А так как она выступает в полном согласии с Веной, то мы имеем право из этого заключить, что такова также и точка зрения Австрии.

Я навел г-д фон-Редерна и фон-Туна на мысль о том, чтобы они телеграфно предложили своим дворам сделать эту декларацию непосредственно Лондону и этим успокоить сомнения британского кабинета.

Я сказал этим господам, что мы во всяком случае приняли это заявление к сведению.

Горчаков.

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 20/8 января 1864 г. *

Г-н вице-канцлер,

Беседуя со мною о современном политическом положении, г-н фон-Бисмарк заметил, что опасности, заключенные в нем, гораздо менее серьезны со стороны Дании, чем со стороны Германии и Франции.

Пока еще трудно определить, каков будет конечный результат противоречивых стремлений, нарушающих внутреннее спокойствие Германского союза, равно как и результаты поведения правительств центра и юга, втянутых в движение, которое овладело умами в Германии по вопросу о герцогствах.

Не менее трудно кажется ему предугадать, что решит окончательно тюильрийский кабинет, и не захочет ли он в конце концов воспользоваться этими внутренними затруднениями в своих собственных целях.

В Париже пока держатся миролюбиво, но, повидимому, желают сохранить свободу действий, не высказываясь ни за одну, ни за другую сторону. Резкость оппозиции, требующей свобод, представляется председателю Совета министров более опасной, так как она может породить у императора Наполеона желание искать отвлекающих средств военного характера[25]. Тем не менее у него такое мнение, что государь раньше попытается сговориться с Пруссией, но, в случае, если она ответит отказом на его авансы, он выступит против нее.

Г-н фон-Бисмарк жалуется на молчание, которое Англия и Россия хранят при настоящем осложнении датского вопроса и тех затруднениях, которые еще могут быть вызваны им.

«Мы ничего не упустим,— сказал он мне,— для того, чтобы удержать позицию, которая соответствует вашим интересам, равно как и интересам английского кабинета. Мы точно соблюдаем Лондонский договор с единственной целью: оберегать недавно достигнутое соглашение между четырьмя правительствами, и никто ничего не делает, чтобы поощрить нас на этом пути и облегчить наше положение.

Мы находимся перед альтернативой: либо сохранить Лондонский договор и соглашение, о котором я упомянул выше, идя на внутренние затруднения в Союзе и в конечном счете на возможные осложнения с Францией, либо расторгнуть договор, действовать заодно с остальной частью Союза, а возможно и с французским кабинетом. Второй путь значительно облегчил бы наше положение. Мы тем не менее отдаем предпочтение первому, но надеемся, что наши затруднения будут оценены как вами, так и английским правительством. А между тем со всех сторон мы встречаем одинаковое молчание. Требовать, чтобы мы охраняли Лондонский договор и его постановления, чтобы мы открыто выступали против Союза и общественного мнения, не оказывая нам в то же время содействия на этом пути и не давая нам ни малейшего удовлетворительного заверения,— это требовать от нас действительно слишком многого и слишком полагаться на наши силы».

В своих заключениях г-н фон-Бисмарк пошел еще дальше; с.-петербургский и лондонский дворы должны, по его мнению, не только быть благодарны прусскому кабинету за его теперешнюю позицию, но должны заверить его, если потребуется, в своей материальной помощи, в случае, если проводимая в настоящее время прусским кабинетом политическая линия приведет его к европейским осложнениям. Бисмарк на этом не настаивал, но ясно указал на возможность такого исхода.

Так как Бисмарк каждый раз возвращался к опасностям, которые

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

возможны при занятой берлинским кабинетом позиции, и к вопросу о том, какие затруднения создаст для него наше молчание,— я осведомился относительно ответа английского правительства на заданный в свое время вопрос о решениях, которые были бы приняты Лондоном в случае, если бы император Наполеон вдруг решил произвести десант в Балтийском море. Стала бы Англия в таком случае защищать прусские берега?

«Ответ,— заметил председатель Совета министров,— был еще более туманным, нежели тот, который был дан С. Петербургу по аналогичному запросу вашего кабинета: гр. Россель ограничился замечанием, что он не предвидит таких случайностей.

Но,— продолжал г-н Бисмарк,— я также не имею ни малейшего представления о том, как вы оцениваете теперешнее положение и какова ваша позиция в виду возможных случайностей в будущем. Вот уже несколько недель, как Редерн мне не пишет, и от вас я не узнаю большего».

Я заметил министру-президенту, что вероятно и мы, как Англия, не считали необходимым заняться обсуждениями этих возможностей и что мне поэтому до сих пор не поручали сделать ему по этому поводу каких либо сообщений. «Я впрочем готов,— прибавил я,— поделиться с вами моими личными впечатлениями. По-моему мы находимся сейчас в положении аналогичном тому, в каком оказались вы, когда обсуждалась возможность французского десанта на наших балтийских берегах. Вы мне тогда ответили, что не можете дать немедленного ответа, что это будет зависеть от последующих событий и от положения, которое создастся в результате их, но возможно, что форс-мажор принудит вас к активному вмешательству [26]. Мне кажется, что наше теперешнее положение похоже на ваше. Мы будем приветствовать ваши успехи, если Франция попытается использовать теперешние затруднения. В случае неудач,— ведь надо учитывать возможности всяких случайностей,— мы посмотрим, что нам следует предпринять. Быть может условия форс-мажора заставят нас не допускать французские войска на берега Вислы. Но все это, повторяю, является только моими личными впечатлениями и, кроме того, стоит ли уже теперь обсуждать столь отдаленные возможности?»

Председатель Совета министров ответил, что положение, однако, не совсем одинаковое, так как в свое время он обусловил окончательное поведение Пруссии позицией Австрии. При возражениях, может быть даже при враждебном отношении со стороны этой державы, королевское правительство, очевидно, ничего не могло бы сделать. В настоящее время Австрия выступит заодно с Пруссией; это, по его мнению, видоизменяет соответствующие положения и должно было бы оказать свое влияние на решения императорского кабинета.

Избегая, князь, продолжения этой дискуссии, я поспешил перевести разговор на другую тему.

Смею надеяться, что ваше превосходительство одобрит те немногие, высказанные мною, личные мнения, от чего я не имел возможности уклониться при той настойчивости, какую проявил г-н фон-Бисмарк.

В результате этой беседы у меня создалось впечатление, что наше молчание стесняет прусский кабинет и что он предпочел бы, чтобы мы высказались благоприятно о его позиции по отношению к Лондонскому договору и в таких выражениях, которые связывали бы наши последующие решения.

Убри.

Помета Александра II: «Мы уже сказали все, что можно было сказать».

Письмо посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 23/11 января 1864 г. *

Ваше сиятельство,

Получив из парижского посольства извещение о приезде курьера, я поспешил переслать с ним наши сообщения, чтобы осведомить ваше превосходительство о настроениях, царящих в прусском кабинете. Мои сегодняшние донесения дают отчет о том, как принял г. Бисмарк наши предложения.

Во время беседы он снова вернулся к нашей позиции относительно корректности Пруссии, придерживающейся основ Лондонского трактата. На его взгляд, мы не сможем покинуть его в случае войны с Францией, и когда я ему заметил, что у нас достаточно внутренних забот [27], чтобы мы захотели еще активно вмешаться в чужие дела и что поэтому ему не следует строить расчетов на нашу материальную помощь, он возразил мне:

«Это как раз обычная точка зрения короля. Его величество полагает что у вас слишком много внутренних затруднений и потому вы не можете быть активными союзниками. Я постоянно оспариваю это мнение и стараюсь доказать противоположное. Но вам с вашей стороны не следует распространять взгляды, подобные взглядам короля. Разве вы можете остаться равнодушными зрителями, если, например, Франция займет Данциг».

Я ответил, что Россия, по моему мнению, в данную минуту очень сильна, и поэтому я не могу разделять взгляда тех, кто думает, что мы слабы или бессильны, но что у нас в самом деле много внутренних задач, требующих разрешения, и это может побудить нас остаться пассивными.

Эти замечания, князь, всегда говорятся вскользь, но так как г-н Бисмарк часто к ним возвращался, мне показалось, что следует их вам передать.

Сегодня был у меня с визитом ген. Габленц, командующий прусскими оккупационными войсками. Он просил меня засвидетельствовать вам чувства его глубокого почтения. Он также говорил в духе председателя Совета. «Пора,— сказал он мне между прочим,— вернуться к прежнему союзу [28]. Времена переменились, и он может установиться на других, более либеральных основах; но географические и политические условия остались прежние. Мы втроем представляем непреоборимую силу, которую Франция даже с помощью революционеров не сможет поколебать. Вернемся же к рациональной системе союзов, к нашим прежним добрым отношениям».

Поразительно сходство между словами председателя Совета и г-на Габленца. Не кажется ли вам, князь, что к нам возвращаются по мере того, как начинают ощущать нужду в резерве, который когда-то обеспечивал безопасность Германии, и что, намереваясь сделать вылазку на дальней северной окраине **, они чувствуют себя несколько нетвердо между нашей неподвижностью, с одной стороны, и молчанием Франции, с другой.

Но в словах как того, так и другого легко можно прочитать мысль о возможном братстве по оружию.

Не предполагая пока, что император Наполеон позволит склонить себя к вмешательству в осложнения, которые может вызвать датский вопрос, имеется все же одно соображение, которое мы не должны

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

** Помета Александра II: «Как всегда, они о нас вспоминают только тогда, когда они чувствуют себя в опасности».

упускать из виду, а именно, что разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом к лицу с Францией. Позиция же имп. Наполеона в польском вопросе не позволяет нам питать ни малейшего сомнения относительно последствий такого соседства [29]. И германский, и венский кабинеты прекрасно это понимают и, как видно, на такого рода соображениях базируют свои надежды и свои расчеты.

Что касается меня, князь, то я не стал бы утомлять вас предположениями о событиях еще далекого будущего, если бы не был твердо уверен, что сопротивление Германии было бы совершенно бессильно остановить поток, хлынувший от берегов Сены, в том случае, если бы он когда-нибудь направился в нашу сторону.

Депеши барона Николаи [30] заставляют предполагать о более миролюбивых решениях в Копенгагене. Но почему там всегда с таким опозданием принимают хорошие решения? *

Слово своевременность повидимому не входит в датский лексикон.

Убри.

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 23/11 января 1864 г. **

Господин вице-канцлер,

Сегодня утром я отправился к председателю Совета министров, чтобы передать ему сообщения, как это вашему превосходительству угодно было предписать мне в письме от 7 текущего января ***.

Сказав ему, что императорский кабинет преисполнен желанием оберегать принципы недавно достигнутого соглашения, а также упрочить его личное положение, я устно перечислил ему различные предложения, сделанные в последнее время по датскому делу.

Предложение английского кабинета о посредничестве не-немецких дворов было отклонено императорским кабинетом как неприемлемое в виду того, что разделяло Европу на два лагеря. Г-н фон-Бисмарк был уже осведомлен Редерном о нашем отказе.

Следующее предложение — обращение к общегерманскому сейму, на что мы первоначально согласились, также было отклонено, вследствие предложения г-на Друэн де-Люиса [31] направить берлинскому и венскому дворам предварительный протест против оккупации Шлезвига. Мы предпочли не санкционировать нашим согласием демарш, цель которого представляется сомнительной.

Доведя эти подробности до сведения председателя Совета министров, я в то же время обратил его внимание на нюансы, которые я с некоторого времени стал замечать в выражениях французского посла, внезапно сделавшегося более расположенным к Дании.

Он мне ответил, что он сам заметил это, что так же обстоит дело и с французскими официозными газетами и что поведение тюильрийского кабинета, повидимому, изменилось с тех пор, как второстепенные дворы оказали холодный и сдержанный прием недавнему циркуляру г-на Друэн де-Люиса [23].

После этого я заметил г-ну фон-Бисмарку, что мы ставили на первое место тесное согласие берлинского и венского дворов в разрешении спора опираться на Лондонский договор и комбинировать его с интересами, которые оба великие немецкие двора призваны защищать.

В связи с этим я его познакомил с планом соглашения, формулированным в этом духе императорским кабинетом. План этот, без ущерба для Лондонского договора и удовлетворяя все заслуживающие внима-

* Помета Александра II: «К сожалению, это правда».
** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.
*** См. выше стр. 61

ния интересы, имел в виду с одной стороны принятие предложенной Данией конференции, а с другой — примирение копенгагенского двора с фактом оккупации Шлезвига в качестве гарантии выполнения обязательств 1851—1852 гг.[33]

В заключение я прочел министру письмо вашего превосходительства от 7 января.

Так как я сделал некоторые заметки, извлеченные из писем вашего превосходительства, для того, чтобы передать наши сообщения с бóльшей точностью, то председатель Совета министров с своей стороны записал текст двух пунктов. Я не усмотрел никакого неудобства в этом и дал ему возможность скопировать выражения, в которых мы высказали наше согласие на предложение датского правительства о конференции.

Таким образом, князь, я придал нашим сообщениям достаточную полноту, исключив, однако, все то, что не имеет непосредственного отношения к делу герцогств и относится скорее к общим соображениям, или к частным подробностям. Г-н фон-Бисмарк принял наши предложения с удовлетворением.

Идея примирения Дании с фактом оккупации Шлезвига была для него неожиданной; по его мнению она представляет неоспоримые выгоды. Впрочем, он меня просил рассматривать это, как его личное и частное мнение, составленное вне официальных точек зрения.

Позволительно, однако, еще сомневаться в возможности практического осуществления этой комбинации. Захочет ли Дания отказаться без сопротивления от важных позиций, созданных давно и с огромными затратами, и как раз в виду возможностей, которые имеют место в настоящий момент? Сможет ли она согласиться на оккупацию половины своей территории, что обезоружит ее и поставит, так сказать, в полную зависимость от Германии? Трудно допустить, что она пойдет на это, не получив по крайней мере взамен положительных гарантий со стороны держав, которые стали бы ей советовать отказаться от большей части ее материковых владений.

Здесь продолжают считать, что Дания воспротивится оккупации Шлезвига. По словам председателя Совета министров, последние сведения, сообщенные ему гр. фон-Карольи[34], убеждают его в том же.

Как бы то ни было, князь, честь этой комбинации, задуманной в целях мира и согласия, все же принадлежит императорскому кабинету и было бы желательно, чтобы она оказалась приемлемой как для Дании, так и для других дворов, которым мы сделали это предложение.

Убри.

Депеша посланника Убри министру иностранных дел Горчакову, 25/13 января 1864 г. *

Г-н вице-канцлер,

Вследствие полученного в Лондоне и Париже известия о созыве датского ригсдага для изменения или отмены конституции 18 ноября, правительства Англии и Франции предложили своим послам просить Пруссию отсрочить на шесть недель оккупацию Шлезвига.

Сэр А. Бьюкенен[35] сформулировал свою просьбу письменно для того, чтобы, с одной стороны, согласно желанию председателя Совета министров, оставить в его руках письменное сообщение, а с другой,— имея в виду парламентскую оппозицию и осторожность, какая в таком деликатном вопросе требуется положением британского министерства, а также чтобы использовать это письмо в синей книге[36], которую оно при случае представит палатам по датскому вопросу[37].

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

Барон де-Таллейран сделал свое сообщение устно. Как ему угодно было мне рассказать, г-н фон-Бисмарк тотчас же ответил, что позиция обоих германских дворов по отношению к Германскому союзу и к общественному мнению вероятно помешает им уступить желанию Франции, что предшествующие отношения Дании с Германией не таковы, чтобы поощрять обе державы к дарованию новых отсрочек, что их теперешний образ действия и сроки, в течение которых должна была быть проведена оккупация Шлезвига, являются утверждением Лондонского договора и обязательств 1852 г.; что европейские дворы, выдвигая возражения против проектируемой оккупации, или создавая препятствия обоим державам, заставят их отказаться от политических принципов, которые они провозгласили, что в таком случае он сам должен будет посоветовать королю изменить эти принципы и принять точку зрения Союза для того, чтобы оказаться в согласии с Германией.

Барон де-Таллейран пытался доказать председателю Совета министров, что предложение о новой отсрочке на шесть недель не только не создает затруднений для обоих великих держав, но, наоборот, облегчает их задачу, так как речь идет о том, чтобы предоставить копенгагенскому кабинету время для проведения требуемых от него уступок. В заключение г-н фон-Бисмарк оставил за собой право получить распоряжения его величества сговориться с венским двором и обещал французскому послу дать устный ответ после того, как увидит короля.

Убри.

Депеша посланника Убри министру иностранных дел Горчакову, 28/16 января 1864 г. *

Г-н вице-канцлер,

Согласно телеграммы, которую ваше превосходительство оказало мне честь прислать сегодня утром [38], я поспешил испросить свидания у председателя Совета министров. Он пригласил меня к себе сейчас же, не взирая на срочные дела, которые помешали ему принять сэра Бьюкенена.

Я ему прочел вашу телеграмму, которую я заранее переписал, чтобы иметь возможность оставить ее у него в руках.

После некоторых колебаний и, сознаюсь, мало утешительного вычисления дат, касающихся подготовляемых решений, г-н фон-Бисмарк заметил, что он не ожидает в течение недели ускоренных событий, если не будет на это прямых приказаний короля, или выходки маршала Врангеля [39], всегда ищущего популярности.

Так как я горячо настаивал, он в конце концов попросил меня оставить ему текст вашей телеграммы, чтобы довести ее до сведения короля, которого он должен был увидеть утром. Я счел себя обязанным удовлетворить его просьбу.

Затем г-н фон-Бисмарк сказал мне, что он занят составлением ответа, который он собирается дать английскому кабинету относительно неприкосновенности датской монархии.

«Вот уже восемь дней,— продолжал он,— как я добиваюсь этого у короля и не достиг до сих пор удовлетворительного результата; сегодня я решил сделать это вопросом кабинета и в конце концов, если понадобится, созвать с этой целью у его величества совет министров. Мне удалось добиться полного согласия по этому вопросу, но не без труда удалось мне привлечь моих коллег к декларации, которую я собираюсь составить в ответ на английский запрос. Оппозиция гр. Ит-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

ценплитца[40] была тягостна, но мне удалось устранить ее. Надежда добиться успеха заставила меня даже отложить до завтра свидание с английским послом, и я буду вам благодарен, если вы при встрече с ним сообщите ему эти подробности».

Я выразил председателю Совета министров свое удовлетворение этими сведениями, настаивая в то же время на том, что заверения, которые он собирался дать британскому кабинету, должны быть даны срочно. В то же время я сказал ему, что поспешу ознакомить сэра А. Бьюкенена с подробностями, которые он мне только что сообщил по этому вопросу.

Говоря мне о своем намерении признать принцип неприкосновенности датской монархии, г-н фон-Бисмарк весьма конфиденциально сообщил мне, насколько сильно сопротивление короля в этом вопросе. «Я скорее отрекусь от престола»,— сказал ему недавно король в момент возбуждения и уныния.— Председатель Совета министров надеется тем не менее преодолеть это сопротивление и добиться принятия его величеством этой комбинации.

«Главное,— продолжал он,— заключается в том, чтобы угрозами не пытались заставить нас отказаться от оккупации Шлезвига. В настоящее время это невозможно. Король видит в этом вопрос военной чести и не считает поэтому возможным итти на уступки».

«Надо в особенности,— прибавил он,— не терять из виду, что в данном случае имеются только две возможности,— отречение его величества, столь уставшего, соскучившегося и утомленного всеми этими осложнениями, так же как и положением дел внутри страны, или же возврат к Германии и Союзу, с либеральным министерством, ибо совершенно очевидно, что мы не могли бы проводить политику, диаметрально противоположную той, которой мы до сих пор следовали. Королю тогда понадобились бы люди другого направления и пользующиеся полным доверием страны. Но их первым действием, не будем себя обманывать, был бы союз с Францией.

Оккупация Шлезвига на консервативных основах, враждебных теперешним происка̀м, с сохранением Лондонского договора и неприкосновенности датской монархии,— вот наша программа. Разве не в интересах европейских держав дать нам возможность осуществить ее?»

Я ответил председателю Совета министров, что не признаю необходимости перечисленных им крайних мер и что при некоторой уступчивости можно было бы избежать многих неудобств. В то же самое время я еще выразил ему свое сожаление по поводу непринятия во внимание отсрочки, которую просила Дания, если не во всем ее объеме, то, по крайней мере, как я позволил себе это изложить, хоть на несколько недель. Наконец, я указал, что союз с Францией представляется мне более чем сомнительным, даже при обстоятельствах, указанных им, так как совершенно очевидно, что императору Наполеону в этом случае было бы выгоднее всего принять сторону противников Германии, так как от Германии ему нечего было бы ожидать компенсаций.

Г-н фон-Бисмарк пытался опровергнуть эту теорию, но делал это неясно и не уточняя своей мысли. Полагаю, не ошибусь, утверждая, что по его замыслу основа такого союза покоилась бы на уступках и территориальных обменах, полюбовно согласованных.

В заключение я еще раз настаивал на важности телеграммы вашего превосходительства, совпадающей с довольно тревожными частными сведениями из Лондона. Этот факт, поставленный мною на вид, казалось, произвел на него некоторое впечатление, хотя он вообще мало доступен такого рода влияниям.

Покинув г-на фон-Бисмарка, я отправился к сэру Бьюкенену и сообщил ему подробности, которые председатель Совета министров поручил мне передать ему. Он поспешил телеграфировать их своему правительству. Было бы желательно, чтобы эти предварительные заверения произвели в Лондоне благоприятное впечатление, успокоили раздражительность английской официальной прессы. Прочитав мне сегодня утром очень резкую статью в «Times», сэр А. Бьюкенен, между прочим, отметил в ней несколько фраз, почти дословно заимствованных из депеш гр. Росселя.

Убри.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Убри, 28/16 января 1864 г. *

Уведомляю вас о получении ваших депеш от 8/20 и 11/23 января. Они тотчас же были представлены государю императору. Многие вопросы, поставленные вами в первой депеше, еще до получения писем, доверенных г-ну Васильчикову, будут разрешены и освещены после того, как эти письма вы получите. Я хочу, однако, ответить в целом, ограничиваясь главными моментами, чтобы, поскольку это в моих возможностях, распутать положение вещей, на которое нельзя пролить света иначе, как упрощая его и не уклоняясь от некоторых определенных принципов. Не буду возвращаться к желанию нашего августейшего государя облегчить задачу обоих немецких дворов, стараясь примирить принятые ими на себя международные обязательства с внутренними затруднениями и возбуждением умов в Германии. Моя предыдущая переписка давала вам достаточно доказательств этого желания.

Г-н председатель Совета министров кажется озабоченным опасностями, будто бы угрожающими Пруссии со стороны Франции, и намекает, не высказываясь определенно, на идею морального и материального соглашения между нами, Пруссией и Австрией, как на лучшее средство уменьшить серьезность этих опасений.

Мы далеки от того, чтобы отвергнуть мудрость таких предвидений. Но мы считаем, что существуют опасности, которые вызывают тем, что открыто готовятся вести с ними борьбу.

При современном хаосе в принципах и во взаимоотношениях было бы слишком рискованно пытаться предсказывать будущее. Можно, однако, уловить в этом отношении некоторые проблески, изучая данные, которые представляются нам в настоящее время.

Каково поведение французского правительства в настоящее время? Каковы цели, к которым оно должно стремиться? Тюильрийский кабинет очевидно выжидает. Он не отказывается от обязательств, которые он взял на себя Лондонским договором. Он обещает дипломатически их поддерживать. Но он сохраняет свободу действий, когда английское правительство просит у него материального содействия. Пока Франция верит в серьезность соглашения между четырьмя великими дворами, она будет искать союзников среди ультра-либеральных и революционных элементов, не скрывая от себя сравнительной слабости этой опоры перед лицом сплоченного союза четырех великих дворов. Циркуляр г-на Друэн де-Люиса второстепенным германским государствам, авансы французской прессы стремлениям национальностей относятся к тому этапу, когда это соглашение не казалось нарушенным[41]. С того момента, когда проектированная оккупация Шлезвига австро-прусскими войсками и отказ предоставить копенгагенскому ка-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. №

бинету отсрочку, необходимую для осуществления объявленных им уступок, дали почувствовать французскому кабинету возможность серьезного разногласия, быть может даже разрыва между Англией и обоими великими немецкими дворами, тюильрийский кабинет стал более расположенным к Дании, и французские газеты, быть может получив соответствующий лозунг, последовали этому примеру.

Отсюда мы без особого риска можем заключить, что позиция французского правительства окончательно определится в зависимости от взаимоотношений, которые установятся между четырьмя великими державами. Конечно, в Париже прекрасно дают себе отчет в том, что сохранение и развитие этого соглашения было бы для современной французской власти наиболее неблагоприятной комбинацией. Если бы тюильрийскому кабинету удалось приостановить его развитие или может быть даже разрушить его основы, это было бы для него, несомненно, самым ценным достижением.

Вот почему в интересах Пруссии, которой, как вы знаете, принадлежат все симпатии императора, равно как и в интересах всеобщего мира, мы неизменно настаивали на необходимости таким образом проводить датский вопрос, чтобы не оторвать Англию от обоих великих немецких дворов. Мы настаиваем на том мнении, что при настоящем состоянии Европы это соображение должно доминировать над всеми остальными.

Мы сомневаемся, чтобы настроение общественного мнения в Англии, интересы этой страны, стремление теперешних министров королевы Виктории сохранить власть, могли бы позволить им смотреть со скрещенными руками на все, что бы ни происходило в Дании.

Если все предложения английского кабинета и впредь будут отклоняться, если верность Лондонскому трактату договаривавшихся сторон будет подвергнута сомнению, то английские министры поневоле могут быть доведены до того, чтобы принять соглашение с Францией, соглашение, которое им на берегах Сены всячески будет облегчено; тогда Европа расколется на два лагеря, а великие интересы, которые мы намерены были охранять, подвергнутся серьезной опасности.

Лорд Нэпир [42] направил мне от имени своего правительства запрос, который первый статс-секретарь его британского величества разослал также и другим дворам, подписавшим Лондонский договор, расположены ли державы, подписавшие этот договор, к материальному сотрудничеству в случае, если бы попытались окончательно отторгнуть герцогства на Эльбе от датской монархии [43]. Английский посол прибавил, что это сотрудничество потребовалось бы только в том случае, если бы Германия не удовлетворилась выполнением обязательств, взятых на себя Данией в 1851—1852 гг.[44].

Выше я вам уже цитировал ответ г-на Друэн де-Люиса. С своей стороны, мы в своем ответе лорду Нэпиру ограничились двумя вопросами, а именно: 1) я его пригласил испросить у своего правительства уточнения рода и силы материальной помощи, которую английские министры в случае надобности окажут Дании, 2) решило ли английское правительство оказать Дании материальную поддержку даже в том случае, если бы некоторые из держав, подписавших Лондонский договор, уклонились от участия в этом.

Так как демарш, предпринятый лордом Нэпиром, был предписан ему по телеграфу, с указанием, что за этим незамедлительно последует депеша, то я еще добавил, что решения такой важности не могут быть приняты по тексту телеграммы, всегда неполному вследствие лаконизма, и что помимо ответов на поставленные нами вопросы мы будем ждать еще прибытия депеши.

При таком положении вещей мы, взывая к благоразумию берлинского и венского дворов, горячо рекомендуем им успокоить британский кабинет не в двусмысленных и требующих толкования выражениях, но ясным и точным образом, относительно верности своей в сохранении Лондонского договора в случае, если Дания выполнит обязательства 1851—1852 гг.

Нельзя по совести рекомендовать копенгагенскому кабинету подчиниться мирной оккупации Шлезвига, т. е. со связанными руками отдаться на волю великих немецких дворов, если нет возможности дать ему солидных и реальных гарантий в том, что это проявление покорности охранит неприкосновенность датской монархии. Согласно декларациям, сделанным как в Берлине, так и в Вене, мы имеем основание заключить, что точка зрения обоих великих немецких дворов не переставала быть именно такой; они оба торжественно объявили, что оккупируют Шлезвиг только для того, чтобы иметь залог выполнения этих обязательств. Выражая им вышеизложенное желание, мы, следовательно, просим только придать поддерживаемой ими обоими мысли официальный характер и практическое значение, что существенно будет содействовать сохранению всеобщего мира.

В своих заботах о сохранении этого мира они взвесят, не ограничиться ли, раз речь идет об одном лишь залоге, оккупацией части Шлезвига, отказавшись от нападения на Даневерк [45], который является последним оплотом материальной независимости Дании и сдача которого могла бы казаться копенгагенскому двору уступкой, невозможной при столь неопределенном положении вещей и в виду раздражения общественного мнения.

В ваших письмах и депешах содержатся точки зрения, которые вам были высказаны отчасти председателем Совета министров, отчасти же генералом Габленцом, о различных способах разрешения датского вопроса.

Мы полагаем, что все эти вопросы естественно найдут себе место на конференции, о которой г-н Квааде [46] повидимому решил вновь просить в более ясных выражениях, и именно в том направлении, в каком мы сформулировали наше согласие.

Вы знаете эту формулу по моим предыдущим соображениям. Мы не находим достаточно горячих выражений в защиту идеи этой конференции перед правительствами, к которым обращена будет просьба.

Горчаков.

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 31/19 января 1864 г. *

Господин вице-канцлер,

Сегодня утром я передал сообщения, которые вашему превосходительству угодно было приказать мне передать в письме от 16 января.

Г-н Бисмарк несколько раз прерывал чтение вашего письма, чтобы выразить свое полное согласие с взглядами, в нем изложенными.

Он заявил мне, что разделяет вашу точку зрения насчет того, что следует оставить в стороне всевозможные предвидения соглашения между тремя консервативными дворами, а равно и суждение вашего превосходительства относительно выжидательной позиции французского правительства, и затем добавил:

«Аргументы, приводимые князем, являются как раз теми аргументами, какие я постоянно привожу королю. Но я только даром трачу

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

слова, нисколько не продвигаясь в направлении преследуемой мной цели. Мне во что бы то ни стало необходимо иметь возможность прочесть этот документ королю. Даю вам честное слово, что я не сохраню копии его и что только король будет ознакомлен с ним».

В интересах того воздействия, которое мы стараемся оказать на решения прусского правительства, я нашел, что не следует отказывать в этой просьбе, имея в виду формальное обещание председателя Совета министров.

Относительно необходимости срочно созвать конференцию на основаниях, изложенных в нашем акте согласия, г-н Бисмарк заявил мне, что Пруссия со своей стороны отнюдь не отказывалась от участия в таковой; что ей в этом случае придется уточнить status quo в интересах тех требований, которые она могла бы поставить перед Данией. Он, однако, не настаивал на этом пункте и добавил, что возможно будет вести переговоры, продолжая военные действия. «Быть может,— заметил он,— конференция примет некоторые оговорки относительно границ Ютландии, и выскажется за поддержку военных действий обоих держав за пределами Ютландии». Я ответил, что эта конференция, возможно, начнет, подобно тому как это имело место в других случаях, с требования прервать враждебные действия. В этом случае обе армии сохранят свои соответственные позиции, и это позволит союзной армии оккупировать Шлезвиг за линией Даневерк.

Абзац письма вашего превосходительства, который относится к этому вопросу, был единственным пунктом, встретившим возражения со стороны председателя Совета министров. Он заметил, что король никоим образом не согласится на вашу комбинацию, которая, с его точки зрения, явилась бы посягательством на честь армии. Его величество все время держался в этом отношении весьма недвусмысленно. «К тому же,— добавил г-н Бисмарк,— Даневерк находится на расстоянии одного перехода от Эйдера. Как же мы в таком случае сможем оккупировать Шлезвиг, не занимая этих укреплений?».

Я посему, ваше сиятельство, полагаю, что подобная комбинация могла бы стать возможной лишь в том случае, если бы она явилась следствием выступления держав, уже собравшихся на конференцию.

Основываясь на письме вашего превосходительства, я снова настаивал на необходимости положительных и достаточных гарантий, которые могли бы успокоить весьма сильное беспокойство английского правительства.

Г-н Бисмарк ответил, что он над этим работает беспрестанно, но встречает то же противодействие со стороны короля, который не желает изъявить формального согласия принципу неприкосновенности датской монархии в выражениях, которые могли бы окончательно связать его будущие решения и собственную будущность. В конце концов он поставил свое поведение в зависимость от поведения Австрии; ждут решения венского кабинета, прежде чем высказаться окончательно. В виду этого ожидания назначенное на вчера заседание Совета министров было отложено. Г-н Бисмарк подтвердил мне, что он и его коллеги решили сделать вопрос о согласии на неприкосновенность датской монархии министерским вопросом. За последние 15 месяцев, заявил он, мы ни разу не высказывались так положительно и король должно быть понял, сколь серьезно наше решение.

Эти слова, ваше сиятельство, свидетельствуют, по-моему, о том, что министры на самом деле категорически высказались на счет требуемых Англией гарантий, но об их намерении подать в отставку в случае отказа его величества формально еще не было заявлено. Это нюанс, значение которого не следует упускать из виду.

Засим председатель Совета министров зачитал мне проект заявления, который он представил его величеству и который должен еще явиться основой для последующего обсуждения.

Первая часть проекта является положительной, точной. В ней признается принцип неприкосновенности, хотя и в связи с сохранением обязательств 1852 г. Вторая часть менее удовлетворительна. Здесь, говоря о возможности войны с Данией, устанавливается, что в этом случае Пруссия должна будет сговориться с европейскими державами относительно будущего положения датской монархии. Редакция этой условной части проекта декларации не совсем ясна, по-моему, и оставляет желать многого.

Я счел своим долгом не скрыть от премьер-министра, какое впечатление произвел на меня его проект. Он заметил, что только при помощи этой второй части, представляющей собою оговорки, ему удастся добиться от его величества принятия всего проекта, и чтобы дать мне доказательство того, с какими трудностями ему приходится бороться, он мне зачитал проект, который, действительно, был менее двусмыслен; этот проект был отвергнут.

Таким образом, эта декларация, выраженная в форме условной, не достигнет полностью цели, какую преследует своим требованием английский кабинет. «Зачем требовать от нас,— добавил председатель Совета министров,— столь положительных заявлений, сделать которые для нас весьма трудно. Не лучше ли было бы прибегнуть к конфиденциальным сообщениям, обращаясь к нашей добросовестности».

Очевидно, требование Англии стесняет прусское правительство, которое в настоящий момент скорее хочет локализовать войну, нежели предупредить ее.

«Дайте нам,— заявил мне между прочим председатель Совета министров,— обменяться с Данией несколькими пушечными выстрелами. Ситуация от этого только станет более ясной. Король в особенности стоит за то, чтобы военные действия его армии могли осуществиться».

Следует, таким образом, ожидать в скорости военных действий, и хотя г-н Бисмарк, сославшись на то, что он не знает, какие решения приняты его величеством и главнокомандующим, не захотел ответить на мой вопрос, когда обе армии начнут свои операции,— тем не менее очевидно, что мы накануне начала близкой кампании.

Во время нашей беседы председатель Совета министров упомянул о своем проекте личной унии для обоих герцогств. Он хотел бы знать наше мнение по этому вопросу. Я ответил ему, что не могу высказаться по этому вопросу. Этот вопрос, очевидно, будет составною частью европейской дискуссии, которая когда-нибудь возникнет по вопросу о герцогствах *.

У б р и.

Письмо министра иностранных дел Горчакова поверенному в делах в Берлине Моренгейму, 11 февраля/30 января 1864 г. **

Мне незачем возвращаться к жгучему вопросу момента. Взгляды государя императора вам своевременно сообщались в течение различных фаз, через какие проходил датский вопрос.

Ограничусь тем, что начну с пункта, до которого он дошел на сей день.

Вступление австро-прусских войск в Шлезвиг — факт совершившийся [47]. Оккупация этой страны также не замедлит стать совершившимся

* Помета Александра II: «Хорошо ответил».
** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

фактом. Обе великие немецкие державы таким образом достигли или вот-вот достигнут цели своей военной демонстрации против Дании, цели, о которой они заявили другим державам, подписавшим Лондонский трактат, т. е. получение залога, который гарантировал бы выполнение копенгагенским двором обязательств, принятых им на себя в 1851—1852 гг.

Г-н Бисмарк и г-н граф Рехберг [48] без сомнения припомнят, что желая, чтобы датскому министерству был предоставлен срок, который фактически позволил бы ему, не прибегая к государственному перевороту, выполнить данное им обещание — испросить у ригсдага отмены конституции 18 ноября,— мы с самого начала не возражали и не ставили препятствий вступлению австро-прусских войск в герцогство Шлезвиг. Государь император доверял декларациям, какими обе великие немецкие державы сопроводили эту меру. Мы склонились к тому, чтобы усмотреть в этом средство, могущее примирить права, освященные трактатом, заключенным между всеми европейскими великими державами, со справедливыми требованиями Германии, усмотреть в этом барьер против революционной агитации, которая судьбы герцогств, расположенных на Эльбе, сделала своим знаменем; усмотреть в этом шанс на устранение опасности, которая угрожала всеобщему миру; усмотреть в этом, наконец, средство для сохранения в неприкосновенности согласия между консервативными державами, начало которому мы столь счастливо установили и в котором мы продолжаем видеть комбинацию для спокойствия всего мира и для благоденствия великих интересов общества, что должно, по нашему мнению, занимать первое место в заботах государственных людей нашего времени.

Его величество, государь император, неизменно держится тех же убеждений, сохраняя ту же веру в благородство взглядов и лойяльность германского и венского дворов.

Если исходить из этого убеждения, как основы для наших политических расчетов, то решение сложных, волнующих Европу вопросов в высокой степени упростится.

Венский и берлинский кабинеты уже передали лондонскому кабинету декларацию, гласящую, что вступление австро-прусских войск в Шлезвиг не имеет иной цели, кроме гарантии выполнения обязательств, принятых в 1851—52 гг. [49].

Министры королевы Виктории использовали эту декларацию в первом же заседании парламента, при чем, однако, в речах лорда Пальмерстона и лорда Росселя имелся некоторый нюанс; нам было бы желательно, чтобы текст австро-прусской декларации не давал для него повода [50].

Нынешний британский кабинет настроен миролюбиво. Его намерение избежать конфликта с Германией не может быть поставлено под сомнение; но нам представляется, что было бы неблагоразумно предполагать, что он сохранит такое поведение в любом случае. Посему, в виду серьезности вопроса, следовало бы, по нашему мнению, не упускать из виду того, что могло бы облегчить британскому кабинету эту задачу и в первую очередь продолжать успокаивать его насчет мотивов, вызвавших вступление в Шлезвиг австро-прусских войск.

Я по телеграфу известил вас о том, что английский кабинет внес в Вене предложение о перемирии и что г-н граф Рехберг принял это предложение под условием, что датчане, эвакуировав Шлезвиг, отойдут на остров Альзен.

Государь император приказал вам поддержать это предложение в Берлине. Нам хотелось бы надеяться, что оно будет принято. В самом деле, раз Шлезвиг оккупирован австро-прусскими войсками, то цель их вступления в герцогство достигнута. В этом случае берлинский и

венский кабинеты имели бы тот залог, который гарантирует им выполнение обязательств 1851—52 гг. Не только Россия и Англия своими самыми энергичными усилиями будут содействовать достижению этого результата, но он, очевидно, точно так же входит в теперешние намерения копенгагенского кабинета. Мы поэтому никак не могли бы понять мотивов, которые побуждали бы отказать в перемирии, предложенном английским кабинетом, и в то же время не принять предложения о конференции, предложения, только что возобновленного датским министерством в выражениях, теперь исключающих всякую двусмысленность.

Если бы берлинскому и венскому кабинетам угодно было согласиться с этим ходом мыслей, то теперешний конфликт был бы направлен по пути обычного решения и обе великие немецкие державы своей великой мудростью устранили бы главную опасность, ныне угрожающую всеобщему миру. Пусть они позволят нам надеяться, скажу больше,— быть преисполненными веры, в то, что этот первостепенный интерес будет предметом их серьезного попечения.

Во всяком случае уже получен огромный результат для силы и независимости Германии, равно как и для европейского равновесия, результат, который, как это знают в Вене и в Берлине, не переставал быть предметом постоянного желания государя императора, а именно — союз между обоими великими немецкими державами, союз, скрепленный братством оружия, союз, который, надеемся, распространится для их взаимного величия и на вопросы, доныне их разделявшие.

Государь император приветствует этот союз и желает ему всяческого развития, сообразного тем великим интересам, какие он призван охранять.

Вы уполномочиваетесь зачитать это мое письмо г-ну председателю Совета министров. Копию его посылаю нашему поверенному в делах в Вене, обязуя его равным образом зачитать ее г-ну графу Рехбергу.

Горчаков.

Нота датского посланника в Петербурге Плессена[51] министру иностранных дел Горчакову, 13/1 февраля 1864 г.*

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества короля Дании, получил приказание сообщить его превосходительству вице-канцлеру, князю Горчакову, министру иностранных дел его величества российского императора, следующее:

Императорскому правительству вероятно сейчас уже известно, что Австрия и Пруссия приступили к военной оккупации Шлезвиг-Гольштинского герцогства. Хотя правительство короля и определенно решило всеми возможными средствами противиться такому несправедливому нападению, оно однако не может не сознавать того обстоятельства, что датская армия, как бы храбро ни защищала она родную страну, не сможет, в конце концов, устоять против врага, настолько превосходящего ее силами.

Поэтому нижеподписавшемуся было предписано просить у императорского правительства помощи для того, чтобы те великие жертвы, на которые Дания в своей законной защите принуждена была пойти, не были принесены ею напрасно. Правительство короля хочет верить, что императорский кабинет, который уже столько раз давал очевидные доказательства своей заботы о неприкосновенности и независимости Дании, и который именно в 1848[52] и 1859 годах громко заявил, что Шлезвигское герцогство после соглашений 1767 и 1773 гг.[53] всегда

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 37.

рассматривалось Россией, как составная часть датской монархии, и на этот раз, не колеблясь окажет действительную помощь Дании против той беспримерной агрессии, предметом которой только что сделалось Шлезвигское герцогство. Датское правительство питает надежду, что его ожидания не окажутся тщетными еще и потому, что те соображения, которые в 1848 г. побудили императорский кабинет признать обязательной гарантию, вытекающую из вышеупомянутых соглашений, могли получить лишь новую силу вследствие того, что императорское правительство подписало Варшавский трактат 1851—1852 гг.[54] и Лондонский договор 1852 г., договор, которым европейские великие державы снова торжественно подтвердили неприкосновенность монархии.

Нижеподписавшийся просит его превосходительство благоволить сообщить правительству короля мнение императорского кабинета относительно этого чрезвычайно важного вопроса, и пользуется случаем снова выразить его превосходительству вице-канцлеру глубокое уважение.

О. Плессен.

Помета Александра II: «Мы уже делали и будем делать все возможное для защиты прав Дании, морально. Что же касается материальной интервенции, то об этом не может быть и речи».

Депеша поверенного в делах в Берлине Моренгейма министру иностранных дел Горчакову, 15/3 февраля 1864 г. *

Господин вице-канцлер,

Депеша вашего превосходительства от 30 января/11 февраля получена мною третьего дня.

Чтобы сообщить содержание ее господину председателю Совета, я тотчас же испросил у него короткую аудиенцию.

Г-н Бисмарк любезно принял меня на следующий же день, и я поспешил телеграммой сообщить вашему превосходительству краткое содержание тех объяснений, которые вызвала с его стороны ваша депеша.

Мне остается лишь дополнить мое первое сообщение.

Общее впечатление, произведенное письмом, в котором вы, ваше превосходительство, излагаете точку зрения императорского правительства на настоящее положение вещей, было вполне благоприятным. Председатель Совета сказал мне, что он чрезвычайно доволен, видя, как наше правительство отдает должное тем побудительным причинам, которые руководили политикой обоих союзных дворов. Примирить стороны и не дозволить революционной пропаганде, стремящейся использовать возникший спор в своих целях, такова была, в самом деле, двойная цель их общей интервенции. Оба союзные двора были бы еще более довольны, если бы были также хорошо поняты всеми другими державами, согласием с коими они дорожат не менее нас, так как считают, что державы не менее их самих заинтересованы в достижении столь исключительно консервативного результата. Только при этих условиях можно ждать мирного разрешения вопроса. Опыт показал, к чему приводит игнорирование этих условий, поэтому необходимо в подобных условиях отдать себе полный отчет и иметь их всегда в виду. Всякое неокончательное решение лишь будет поддерживать брожение, которым пользуется в своих целях партия, стремящаяся вызвать беспорядки во всей Германии. История осудила компромиссы 1851—1852 гг. Союзные армии не для того пролили свою драгоценную кровь, чтобы вернуть им на некоторое время видимость ненадежного

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

существования. Соглашения, заключенные непосредственно между обоими великими германскими дворами и Данией, более не существуют. Война им положила конец. Германия более ими не связана. Обязательной осталась лишь декларация, только что переданная в Лондон, а именно: поддержание территориальной неприкосновенности Дании в том смысле, как о ней там упоминается, т. е. условно, и необходимость соглашения между державами относительно новых комбинаций, которые заменят ее вследствие предусмотренных обстоятельств.

По этому случаю г. Бисмарк выразил мне свое крайнее сожаление по поводу обращения датского правительства к трактату 1720 года [55]. «Этим необдуманным выступлением,— сказал он мне,— копенгагенский кабинет выбил у меня из под ног основания, на которые я опирался в своих возражениях против кандидатуры Августенбурга. Мне прежде всего досадно за него самого; что же касается вопроса о престолонаследии, то я решительно отдаю преимущество Ольденбургскому дому [56]. В данную минуту я не могу вам сказать ничего более. Вопрос изучается».

Переходя затем к другим пунктам письма вашего превосходительства, председатель Совета министров по вопросу о перемирии лишь подтвердил мне то, о чем я уже осведомил императорский кабинет. Больше я уже не буду к этому возвращаться. Ограничусь лишь ссылкой на недавний факт: на запрос Англии, не согласятся ли союзные державы на добровольную эвакуацию датчанами Альзена, телеграф только что передал в Лондон утвердительный ответ приблизительно такого же содержания, как тот, который я еще вчера тоже телеграммой передал вашему превосходительству [57]. Весьма печально, что публичные манифестации Тинксов [58] и самого председателя датского кабинета в том виде, как их приводят газеты, оставляют лишь слабую надежду на то, что Данию удастся убедить согласиться на шаг такой исключительной политической мудрости [59].

Я больше не настаиваю на этом безнадежном деле, но зато я направил все мои усилия, князь, на то, чтобы рассеять туман, которым сознательно или нет обволакивался вопрос о конференции.

Практический ум г-на Бисмарка не слишком вдавался в тонкости, вытекающие из самой редакции датского документа и из других связанных со всем этим побочных обстоятельств; кроме того я нашел, что он склонен видеть некоторую связь между датским и английским демаршем. Я старался убедить его, что, поддерживая и тот и другой, мы в состоянии вполне ясно представить себе их отношения друг к другу и что я могу только просить его рассматривать их независимо друг от друга. Я получил тогда от господина Бисмарка определенное заверение, что с того момента, как только перестанут обставлять конференцию какими бы то ни было условиями, он не замедлит тотчас же согласиться на нее и что для заявления об этом ему нужно лишь согласие австрийского правительства, в котором он не сомневается.

Прежде чем удалиться, князь, я счел нужным еще раз обратить внимание на серьезность вопроса, что прежде всего не следовало выпускать из виду, так как от этого вопроса зависят порядок и мир не только одной страны, ограниченной тесными пределами, но всей Европы. Я обратил внимание г-на Бисмарка на тот вероятный факт, что недостаточно бережное отношение к Англии бросит ее, с неизбежностью закона тяготения, в объятия Франции; приведя факты из истории, я напомнил ему, что англо-французский союз неизменно был сигналом революционной фазы, так как никакой консервативный интерес не мог объединить эти две державы соперницы. И я сделал из этого заключение, что крайнее упорство в направлении, по которому шла до сих пор прусская политика, приведет ее в прямое противоре-

чие с ее устремлениями, к содействию победе того дела, против которого она борется, и восстановит в крупном масштабе то, что она разрушит в малом.

Моренгейм.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 24/12 февраля 1864 г. *

Посылаю этот пакет с нашим курьером в Париж. Прошу барона Будберга переслать его вам тотчас с верным человеком. Но, если такой случай не предвидится в ближайшее время, то я прошу переслать его с нарочным. Не будучи уверен в судьбе, ожидающей мой пакет, я скажу вам, дорогой барон, только несколько слов.

Из текста телеграммы лорда Росселя, который мне сообщил лорд Нэпир, вы увидите, что британский кабинет дает нам понять, так же как и Франции, что настало время для посылки эскадры в Копенгаген. Но это лишь предположение и там определенно говорится, что акция трех дворов не пойдет далее роли посредников.

Я сказал лорду Нэпиру, что я, разумеется, должен узнать, каковы будут приказания государя императора; что лично я всегда желал идти вместе с Англией и ничего не имею против этой комбинации, но в данную минуту это является лишь моим личным мнением.

Я еще не имел возможности обсудить во всех подробностях этот вопрос с его величеством, но из нескольких помет нашего августейшего государя на полях телеграммы, в которой вы передавали просьбу британского кабинета, я могу заключить, что е. в. может иметь в виду эту комбинацию [60].

Сейчас, когда я вам пишу, я больше ничего не знаю, так как е. в. на охоте.

Итак это письмо только набросок, только проявление добрых намерений, чтобы поддержать вообще надежду британского кабинета на нашу помощь. Самый же вопрос должен быть разрешен при обсуждении деталей.

Прежде всего надо постараться, чтобы перспектива этой частью моральной, частью материальной помощи не вызвала у копенгагенского кабинета опасных иллюзий по поводу сохранения всеобщего мира. Последние известия из Копенгагена достаточно ярко свидетельствуют о воинственном раздражении, которое там господствует. Там не хотят ни конференций, ни перемирия, ни даже советов. Я убежден, что наша акция в соединении с акцией Англии будет содействовать торжеству более спокойных настроений и что мы справимся с этим временным лихорадочным возбуждением; но для этого следует категорически объяснить датскому правительству цель, которую имеют в виду дружественные дворы, и убедить его, что эти намерения не идут дальше. Надо также, чтобы и мы с своей стороны твердо решили не позволять увлечь себя дальше и чтобы роль посредников имела бы действенный характер, а не являлась пустой фразой.

Приняв эти положения, нам надлежало бы узнать:

1. Число и тоннаж судов, которые войдут в английскую эскадру.
2. Ответ французского правительства на подобное же предложение лорда Росселя.

Я не думаю, что следует теперь же рассматривать все эти вопросы, так как это свидетельствовало бы, что посылку эскадры мы рассматриваем, как вопрос бесповоротно решенный, и как бы уже осущест-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

вленный, тогда как события могут избавить от этой необходимости,— обстоятельство, на которое сам же лорд Нэпир первый указал мне.

Если я вам говорю об этом, то только для того, чтобы посвятить вас во все те возможности и подробности, которые нам желательно будет уяснить при случае. Я имею все основания думать, что донесения лорда Нэпира толкают к вооруженной акции и вообще к крайним мерам. Его английская гордость страдает при мысли, что величие его страны унижено действиями его правительства.

Он чувствует себя униженным и весь во власти одной мысли — избавиться от этого тягчайшего чувства. Интересы же всеобщего мира он отодвигает на второй план.

Мне приятно видеть, что кабинет, более спокойный, не разделяет этих эгоистических настроений, и я надеюсь, что он, как и до сего времени, будет смотреть на вещи шире.

При рассмотрении датского вопроса, никогда не следует упускать из виду, что мы придаем громадное значение сохранению наилучших отношений с Веной и Берлином. Если мы согласимся пойти на демонстрацию, предлагаемую Англией, то главным образом для того: во 1-х, чтобы помешать Англии броситься в объятия Франции и чтобы из этого не возникла коалиция, которая неизбежно была бы направлена против обоих великих германских дворов, во 2-х, чтобы таким образом приобрести влияние в Дании, которым мы воспользуемся только в целях умиротворения и, так сказать, укрепления самого датского правительства в его борьбе с бесчинствами и влиянием местной демагогии.

Горчаков.

Копия циркуляра датского министра иностранных дел Квааде датскому посланнику в Петербурге Плессену, 15/3 марта 1864 г. *

Г-н барон,

События, происходящие в данное время под покровительством австро-прусской армии в Шлезвигском герцогстве, принимают с каждым днем все более тревожный характер для интересов короля и будущности монархии. Необходимо обратить внимание дружественных правительств на этот прискорбный результат политики, проводившейся Германией по отношению к Дании. Может быть Европа яснее представит себе истинные мотивы германского вторжения и ту судьбу, которую германские правительства готовят для одной из старейших монархий Европы. Краткий очерк действий и поступков австро-прусских властей в Шлезвиге, который я даю в нижеследующих строках, позволит вам составить правильное представление о том способе, при посредстве которого обе державы стараются удержать за собой залог, вырванный ими из рук законного государя.

Известно, что когда великие германские державы решили занять Шлезвиг, они объявили Европе, что будут уважать верховную власть короля, что они займут страну лишь временно и что эта оккупация производится ими с единственной целью иметь материальную гарантию выполнения датским правительством некоторых своих обязательств 1851—1852 годов: равенство прав обеих национальностей и невключение герцогства в состав королевства. Позднее прусский комиссар герцогства г-н Зедлитц [61] заявил в указе от 8 февраля, что существующие в Шлезвигском герцогстве законы останутся в силе, поскольку военные операции и временное прекращение действий королевской

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. 37.

власти не потребуют нарушения этого порядка; что всем чиновникам, которые подпишут обязательство повиноваться власти, фактически находящейся в его руках, будет разрешено исполнение их обязанностей, до тех пор, пока они будут выполнять это обещание и не совершат правонарушения при выполнении своих обязанностей или помимо их, наконец, что всякого рода политические демонстрации того или иного характера попрежнему запрещаются.

Однако, события, происшедшие в Шлезвиге, находятся в полном противоречии с этими заявлениями; всюду были уничтожены эмблемы королевской власти, со всех общественных зданий сняты королевские гербы и даже камень, вделанный в стену городской ратуши с выгравированным на нем вензелем короля Фридриха VII, был вырван прусским комендантом. Отменяются законы, не имеющие никакого отношения к военным операциям и отнюдь не противоречащие временному прекращению действия королевской власти, и отменяются они не временно, но таким образом, что новая организация получает характер постоянства. Так, распоряжения, предшествовавшие переговорам 1851—1852 гг. и касавшиеся употребления языков в церквах и школах области со смешанным населением, были частично отменены указом комиссаров от 19 февраля и в большей части этой области немецкий язык сделался единственным разрешенным в церквах и школах в то время, как прежние постановления принимали во внимание тот факт, что народным языком является там частью немецкий и частью датский. Действуя таким образом, комиссары поставили большое число жителей, говорящих по-датски, в невозможность слушать проповедь на родном языке, тогда как прежде церковная служба совершалась попеременно то по-датски, то по-немецки. Указом от 22 февраля были приняты новые меры, имеющие в виду проведение новой системы в жизнь, и есть основания полагать, что не постесняются лишить мест почти всех священников и преподавателей низших школ вышеупомянутых приходов. В двух средних школах герцогства были удалены почти все учителя; одна из этих школ с составом учителей, враждебных правительству короля, была снова открыта; другая так и осталась закрытой; в 3-й средней школе герцогства учителям запрещено было продолжать преподавать. Чиновников королевского правительства увольняют поголовно всех, даже тех, которые подписали обязательство повиноваться комиссарам и выполняют это обещание. В юго-восточной части герцогства высшую власть вручили человеку, который в 1849 г. был военным министром мятежного правительства [62]; а в юго-западной части ее вручили человеку, подписавшему адрес мятежному правительству, в котором содержалась просьба о полном отторжении Шлезвигского герцогства от датской монархии.

Эти два человека, по своему усмотрению, назначают всех чиновников в южной части страны. Лица, которым комиссары предоставляют общественные должности в других частях страны, также, за небольшими исключениями, все люди, доказавшие свои революционные наклонности. По ложным доносам заключили в тюрьму с самыми грубыми приемами целую толпу почтенных должностных лиц и чиновников. В первых числах февраля судья г-н Блаунфельдт, несмотря на свой шестидесятилетний возраст, был связан и отведен пешком в сопровождении двух всадников в Рендсбург, где стража показывала его за деньги простонародью. Четырех священников в средней и восточной части Шлезвига арестовали на дому, отвели в тюрьму и бросили там на солому в сыром подвале, где уже находились прусские солдаты, обвиняемые в воровстве. Революционные демонстрации, как например, провозглашение претендента и отъезд депутаций, долженствующих его приветствовать, устраиваются открыто, не встречая ни малейшего препятствия со сто-

роны военных или гражданских властей захватчиков, в то время как они же стараются подавить всякого рода притеснениями все протесты и лойяльные манифестации большинства населения, оставшегося верным королю. Нигде не разрешается вывешивать старинного флага страны, тогда как комиссары немедленно разрешили употреблять флаги и кокарды, которые во время восстания 1848 г. служили символом бунта против законного правительства. Не пощадили даже памятника на кладбище в Фленсбурге, воздвигнутого в память воинов, погибших за дело короля. На глазах австрийского и прусского комиссаров, толпа, пришедшая из Гольштейна, испортила и уничтожила это произведение искусства, одно нахождение которого на кладбище должно было бы уберечь его от всяких посягательств.

Эти факты резко противоречат тем намерениям, о которых великие германские державы заявили Европе и о проведении которых в жизнь должны были заботиться их представители в герцогстве. Видя усердие, с каким комиссары стараются поддержать, часто самыми несправедливыми и произвольными мерами, старание мятежной части населения добиться включения Шлезвига в состав Германии, не трудно догадаться в чем тут дело. Нельзя не распознать властолюбивых замыслов, скрывающихся под заявлениями, посредством которых германские державы стараются усыпить совесть других государств Европы.

Может быть мне придется вскоре сделать вам подобное же сообщение о мероприятиях вражеских войск в Ютландии. На мой взгляд эти мероприятия во многих отношениях подобны тем, какие проводятся в Шлезвиге; но пока я прошу вас, г-н барон, при первом же удобном случае прочитать настоящую депешу его превосходительству князю Горчакову, добавив, при этом, что если он пожелает, то нет возражений против снятия с нее копии.

Кваade.

Помета Александра II: «Сильно преувеличено, но, вероятно, частью верно».

Депеша министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 28/16 марта 1864 г. *

Британское правительство препроводило нам предложение собрать в Лондоне на 12 апреля конференцию для обсуждения датско-германского вопроса. По повелению государя императора, мы немедленно выразили наше согласие.

Вследствие этого государь император соизволил назначить ваше превосходительство своим полномочным представителем на имеющую открыться конференцию. Не создавая себе иллюзий относительно открываемых этой конференцией перспектив на благоприятный исход, мы, тем не менее, полагаем, что самый факт ее созыва представляет значительный элемент, благоприятствующий миру.

Эта конференция вернет на обсуждение дипломатии вопрос, выведенный из ее сферы военными действиями; она заставит обе стороны уточнить пределы их обид и притязаний, до сей поры прикрытых опасной неопределенностью; она поставит воюющие державы лицом к лицу с державами, которые, оставшись вне конфликта, внесут точки зрения, менее пристрастные; она будет также стремиться к устранению крайних решений и к тому, чтобы привести борьбу интересов на почву примирения. С этой точки зрения мы можем только приветствовать конференцию, к созыву которой мы прилагали все наши усилия.

Исходя из этого убеждения, его величество государь император приказал мне снабдить вас директивами, которыми вы могли бы руковод-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

ствоваться при выполнении возложенной на вас задачи. Директивы эти являются, пожалуй, почти излишними, ввиду вашего отличного знакомства с перипетиями и настоящим положением данного спора, крайняя сложность которого к тому же затрудняет возможность наметить такие директивы. Посему я ограничусь общими указаниями, которые будут восполнены вашим опытом и тактом.

Вы могли проследить то направление, которое предписывалось нам вот уже восемь лет волей государя императора в этом вопросе [63].

Вашему превосходительству небезызвестно, что мы безусловно не стали на точку зрения тех интересов, которые ныне находятся в борьбе; мы оставались вдали от крайних направлений. Поскольку дело нас касается, мы поддерживали обязательства 1851—1852 гг. и соображения о европейском равновесии, в виду которых они были приняты; мы признавали права Дании, не отвергая притязаний Германии в их обоснованной части. Мы работали над тем, чтобы согласовать первые со вторыми и, работая в этом направлении, мы долгое время находились в согласии с кабинетами, подобно нам подписавшими Лондонский трактат. Наше моральное воздействие в особенности смыкалось с воздействием Англии сперва в целях предупреждения, затем — ограничения и, наконец,— примирения конфликта. В то же время мы в этом ходе мыслей признавали пользу, какую могли бы иметь военные действия обеих великих германских держав, поскольку они совершались бы в целях консервативных и были направлены на изъятие спора из сферы революционных увлечений. Будучи далеки от того, чтобы стеснять эти две державы, мы им оказывали доверие, которое, признавая их права, должно было тем паче привязывать их к их обязательствам. Мы прилагали усилия к тому, чтобы внушить британскому правительству то же настроение. Эти прецеденты, господин барон, устанавливают позицию, каковую вы должны занять на конференции. Стоя на этой почве, вы будете в состоянии поддерживать с полномочными представителями всех кабинетов, призванных заседать вместе с вами, отношения дружеской благосклонности и близости, которые с пользой смогут служить целям примирения, каковые мы не перестаем иметь в виду. С полномочным представителем Великобритании и держав, которые будут разделять ее точку зрения, вы будете в состоянии обсуждать и уточнять те уступки, какие следует рекомендовать той и другой стороне в целях достижения практического, справедливого и удовлетворительного соглашения. С полномочными представителями воюющих держав вы, равным образом, в дружеских конфиденциальных беседах, сможете обсуждать взаимные претензии, зондировать соответственные намерения и искать базу, на которой могли бы сойтись взаимные их интересы. Всякое решение, достигающее этой цели и отвечающее требованиям мира и общего равновесия, получило бы наше живейшее согласие.

Каким бы могло быть это решение? Вот чего мы не можем уточнить наперед. Это решение по необходимости будет зависеть от хода, какой примет обсуждение, и от намерений, какие будут обнаружены со стороны всех кабинетов, призванных в нем участвовать. Что касается нас, то имеется один существенный общий принцип, обусловливающийся сложностью этой проблемы и доминирующий над всем конфликтом. Это сохранение в неприкосновенности датской монархии и порядка престолонаследия, установлению которого мы содействовали в этих целях. При установлении этого принципа мы руководились великой идеей мира и европейского равновесия. Мы полагаем, что трактат, посвященный этому принципу, еще и поныне представляет наилучшую почву для сохранения этих преимуществ. Этот принцип представляется поэтому естественным исходным пунктом конференции, и было бы желательно, чтобы он остался неприкосновенным в ее решениях.

Однако, господин барон, верить в возможность безусловного возврата к положению вещей, предшествовавшему войне,— означало бы убаюкивать себя иллюзиями. Имевшие место военные события, взвешивание взаимных сил воюющих сторон и в особенности царящие в Германии настроения,— не позволяют надеяться на это. Даже с точки зрения права и справедливости нет возможности оспаривать некоторую обоснованность тех возражений, которые возникают у великих германских держав в связи с упорством, с каким датское правительство в течение вот уже 12 лет уклонялось от исполнения своих обязательств [64]. Отсюда вытекает необходимость поставить соглашение, в какой бы форме оно ни было заключено, под защиту более действенных гарантий.

Вопрос сводится к тому, какие гарантии будут признаны могущими удовлетворить одновременно притязания Германии, права Дании и интересы Европы.

В этом отношении мы пока знаем только одну идею или, по крайней мере, одно слово, которое скорее вытекает из сути вопроса, чем является сформулированным в дипломатических переговорах,— это личная уния.

Датское правительство отвергает эту комбинацию, рассматривая ее как первый шаг к полному расчленению. Второстепенные германские державы, повидимому, наоборот, склонны отклонить ее, как недостаточную.

Пруссия и Австрия со своей стороны, кажется, эвентуально согласны на эту комбинацию, но в форме еще нерешительной и не без некоторых значительных нюансов; венский кабинет не питает больших симпатий к личной унии, применение которой не являлось бы подходящим в Австрии. Остальные державы еще не высказались.

Что касается нас, то вашему превосходительству небезызвестно, что в обмене корреспонденцией, имевшем место в 1851—1852 гг. во время дискуссии, поднятой по датско-германскому вопросу, а именно в депеше графа Нессельроде, копию коей при сем прилагаю [65], начало личной унии намечалось министром государя императора, как комбинация эвентуально допустимая. По сему случаю указывалось даже на пример отношений, существующих между Швецией и Норвегией [66]. Не покровительствуя особенно подобному решению, мы, однако, ни в наших традициях, ни в наших особых интересах не находим достаточных мотивов для отклонения его à priori, если оно будет представлено на обсуждение конференции, хотя бы с некоторыми шансами на достижение соглашения.

Однако программа этого вопроса представляется весьма неопределенной. Принцип административной унии обоих герцогств с личной связью по отношению к датской короне может быть сопряжен с весьма существенными нюансами, как например, с большим или меньшим единством в области финансов или армии. Эти нюансы могут решающим образом модифицировать вопрос, укрепляя или, наоборот, чрезмерно ослабляя основной принцип неприкосновенности датской монархии. Само собой понятно, что в подобном случае наше содействие обеспечено комбинациям, содержащим первую из указанных возможностей.

Не распространяясь дальше по поводу наших предположений, мы не можем обойти молчанием два важных соображения.

Первое касается перемирия. В интересах гуманности или даже в целях увеличения шансов на благоприятный исход работ конференции, в качестве предохранения от того, чтобы военные события в любой момент не наносили ущерба ее работам, было бы весьма желательно, чтобы первым вопросом, какой будет передан на рассмотрение конференции, был вопрос о приостановке военных враждебных действий. В слу-

чае необходимости, ваше превосходительство уполномочено, по повелению его величества государя императора, взять на себя инициативу внесения такого предложения в указанных целях. Вам известны все подобные предложения, выдвигавшиеся безуспешно. Поэтому я воздерживаюсь от уточнения возможных условий перемирия. Наша поддержка заранее обеспечена таким предложениям, которые могут встретить общее согласие и предоставят наилучшие практические гарантии.

Второе соображение, на которое я должен вам указать, имеет отношение к тому случаю, если бы вопреки нашим пожеланиям и нашим усилиям Лондонский трактат 1852 г. был объявлен аннулированным. В таком случае государь император считает, что все отказы от прав, которые в свое время были сформулированы ради этого дела примирения, равновесия и мира, должны рассматриваться как вовсе не имевшие места, и что все державы, подписавшие Лондонский трактат, вновь вступают предположительно во владение прежними правами, вопрос о которых они должны будут вынести на решение Европы. Вы должны озаботиться тем, что при случае в категорической форме сделать эту оговорку от имени нашего государя императора [67].

Таковы, господин барон, общие указания, какие мы можем вам направить. Их можно резюмировать в следующих пунктах: перемирие, как, если не безусловный, то весьма значительный первый предмет дискуссии. Лондонский трактат 1852 г., как естественный исходный пункт конференции. Сохранение в силе постановлений этого трактата, если не в их абсолютной форме, то по крайней мере, по их смыслу, поскольку они затрагивают европейское равновесие, т. е. принцип неприкосновенности датской монархии и порядок престолонаследия.

Допущение личной унии, если бы она была предложена, как эвентуальная комбинация, могущая отвечать требованиям создавшегося положения.

В этом круге идей — принятие мер, более всего способных сделать прочной и действенной связь, которая прикрепит герцогство к датской монархии.

Наконец, в случае аннулирования Лондонского трактата — прямая оговорка о сохранении прав, отказ от которых последовал лишь в виду этого соглашения.

Государь император полагается на ваш большой опыт и испытанную прозорливость в деле выполнения доверенного вам поручения в видах примирения, согласия и общего равновесия, составляющих основу его политики и отвечающих интересам России. Его величество разрешает вам в этих целях использовать влияние, каким мы располагаем, и добрые отношения с кабинетами, чтобы послужить для них соединительным звеном и привести разъединяющий кабинеты конфликт к справедливым соглашениям, могущим обеспечить сохранение мира.

Ваше превосходительство соблаговолит нас известить, являются ли полномочия, какими вы снабжены, как посол императора при сент-джемском дворе, достаточными для утверждения вас в качестве полномочного представителя его императорского величества на конференции, или же для сего вам должны быть посланы особые полномочия.

Считаю не бесполезным присовокупить, что государь император охотно увидел бы допущенным к участию в переговорах полномочного представителя германской конференции, но что его величество не делает этого обстоятельства абсолютным условием для открытия конференции.

Горчаков.

Депеша министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 5 апреля/24 марта 1864 г.*

Г-н французский поверенный в делах, по приказанию своего правительства, зачитал мне депешу г-на Друэна де-Люиса, в которой высказано мнение, что следовало бы опросить население Шлезвига и Гольштейна и узнать его пожелания по поводу решения вопросов, от которых зависит его судьба.

Мы имеем основание думать, что то же сообщение было сделано и другим кабинетам, приглашенным к участию в конференции.

Я ответил г. графу Массиньяку [68], что пока я воздерживаюсь от возбуждения этой теории о воле населения в применении к вопросам политики, но не могу удержаться от напоминания, что, наряду с этой доктриной, существует принцип, освященный определенным договором, под которым вместе с нашей — имеется и подпись французского правительства; сей принцип есть неприкосновенность датской монархии, имеющей по признанию всех великих держав большое значение в смысле сохранения европейского равновесия. Я присовокупил при этом, что, если даже допустить принцип вмешательства воли населения по вопросам политики, еще следовало бы установить возможность его практического применения к герцогствам Шлезвигу и Гольштейн в нынешнем их положении.

Будучи оккупированы войсками Австрии, Пруссии и Германского союза, оба эти герцогства оказались, следовательно, под режимом состояния войны. При поддержке Германии там был провозглашен претендент на престол, его сторонники открыто ведут борьбу в его пользу перед лицом федеральных властей; таким образом, власть короля Христиана IX не только подверглась моральной атаке и поколеблена в умах населения, но и материально уничтожена.

Для того, чтобы принцип обращения к плебисциту мог иметь хотя бы видимость выражения пожеланий страны, необходимо было бы, чтобы конференция могла поставить страну в такое положение, в каком она находилась до настоящего кризиса, т. е. добиться вывода оккупационных войск, удаления претендента на престол, восстановления королевской власти и представляющих ее чиновников. А это как раз не во власти конференции, и даже, если бы подобный результат и мог быть достигнут, то невозможно было бы устранить последствия проводимого до сих пор политического воздействия и крайнего возбуждения страстей, в силу которых население герцогств подвергается совершенно одностороннему моральному и материальному давлению.

При этих условиях плебисцит, по нашему мнению, не мог бы представить гарантий, требуемых великими державами, задача которых состоит в том, чтобы найти серьезное решение вопроса, затрагивающего мир и общее равновесие.

Таков, г-н барон, смысл ответа, данного мною г. французскому поверенному в делах.

Передавая его вам для вашего осведомления, я должен, по повелению его величества, добавить, что ежели бы идея, о которой сказано выше, была бы высказана на конференции, вам предлагается высказаться отрицательно, опираясь на соображения, содержащиеся в настоящей депеше.

Горчаков.

---

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

Из депеши посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 21/9 апреля 1864 г.*

Господин вице-канцлер.

Соответственно вашим приказаниям я зачитывал председателю Совета министров депешу вашего превосходительства барону Бруннову от 24 марта, касающуюся опроса населения герцогств Шлезвига и Гольштинии о том, как должны быть решены вопросы, от которых зависит их судьба.

Г-н фон-Бисмарк, который во время чтения депеши обнаружил признаки сильнейшего нетерпения, выразил мне свое изумление по поводу того, что у нас могла появиться мысль вновь поставить герцогства в зависимость от Дании в условиях, существовавших до войны. В наши дни не раз проводились опросы пожеланий вновь образованных государств. В подкрепление своего мнения он мне привел примеры Греции [69], Бельгии [70] и весьма недавний еще пример — Ионических островов [71]. В Австрии во время прагматической санкции также прибегали к созыву штатов страны [72]. Поэтому г-ну Бисмарку представляется также невозможным в данных обстоятельствах не посчитаться с пожеланиями населения герцогств, опрос которых можно было бы впрочем произвести в форме совещательной и результат его мог бы остаться в папках конференции.

Я ответил его превосходительству, что приведенные им примеры, относятся только к престолам свободным или к вопросам внутренним, что мы не можем допустить тех же условий применительно к герцогствам при наличии заявлений его правительства, что Австрия и Англия так же категорически, как и мы, отвергают указанную комбинацию и что вследствие этого, по моему мнению, его соображения и на самом деле должны бы остаться только в папках конференции.

Он прервал меня, заявив, что речь идет не только о свободных тронах, но и о тронах о с в о б о д и в ш и х с я**, и тут же напомнил оговорки, высказанные прусским кабинетом относительно заявлений, которые были связаны с депешей вашего превосходительства, и на которые я только что сослался.

«Каково содержание этих заявлений? — сказал он.— Мы все время понимали, что они обусловлены только случаем занятия Шлезвига без открытой борьбы и мы постоянно делали оговорки на последствия войны, если она вспыхнет. После этого вы видели, какое сопротивление нам было оказано датчанами. Если мы все еще хотим поддерживать принцип неприкосновенности датской монархии, так это именно потому, что мы так хотим, но мы к этому не обязаны».

Я старался, князь, как мог, опровергнуть эту теорию, которая не должна вас удивлять после всех тех сообщений, которые я уже имел честь вам делать по поводу настроений в Пруссии, но которые тем не менее представляют собою реальную опасность. Я сказал председателю Совета министров, что эти заявления делались нам не раз; что мы не только верим им, рассчитывая на лойяльность королевского правительства, но кроме того, указывали на них — в духе умиротворительном — и другим кабинетам.

Г-н фон-Бисмарк не стал отрицать этого последнего момента, и, сделавшись не столь резким, подчеркнул, что необходимо найти решение, способное сохранить положение короля и дать удовлетворение стране. Я ему заметил, что мы отлично сознаем настоятельную необходимость подобного решения, что мы готовы этому содействовать, что трудность

---

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 18.
** Подчеркнуто в подлиннике.

восстановления старого порядка вещей очевидна, но что это положение не исключает возможности разумного решения, которое, будучи обсуждено со спокойствием, умеренностью и лойяльностью, могло бы равным образом дать удовлетворение политическим интересам других держав.

Особенное раздражение председателя Совета министров вызвала мысль о том, что население при опросе могло бы потребовать эвакуации герцогств. «Мы оккупируем герцогства военной силой,— заявил он,— и желание заставить нас их покинуть кажется просто странным».

«Вы знаете,— сказал я ему,— что поговаривали даже о том, чтобы оккупировать их швейцарскими войсками». «И голландскими»— заметил он с улыбкой.

«Вы видите,— продолжал я,— каковы неудобства этой комбинации, всю опасность которой нельзя даже взвесить с достаточной серьезностью...»

Убри.

Помета Александра II: «Очень опасаюсь, чтобы Бисмарк не добился еще большего усложнения положения».

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 26/14 апреля 1864 г. *

Господин вице-канцлер,

Немедленно по возвращении с королем из герцогств [73] г-н фон-Бисмарк пригласил меня к себе.

Цель, которую он преследовал, требуя моего визита к нему, заключалась в том, чтобы исправить поведение барона Пирха, который в припадке излишнего рвения, как будто преувеличил значение той вербальной ноты, с которой председатель Совета министров поручил ему обратиться к вашему превосходительству [74].

Он принял барона перед самым отъездом, даже не попросив его сесть, так краток был их разговор. Он поручил ему выразить вам чувства его дружеского расположения и вместе с тем заявить вам, что, несмотря ни на какие могущие произойти события, несмотря на временные отклонения его политики, вы, тем не менее, можете быть уверены, что его принципы и тенденции, известные вам с давних пор, останутся неизменными.

«Скажите князю Горчакову,— добавил г-н фон-Бисмарк,— что, что бы ни случилось, он на дне стакана всегда увидит те же цвета». Это его собственное выражение, которое я считаю долгом вам доложить. Этот намек связан с нашими отношениями и с общим политическим положением.

Я постараюсь резюмировать те мысли, какие по сему поводу были мне высказаны председателем Совета министров.

«Я поручил г-ну фон-Пирху,— заметил он мне,— заявить вашему кабинету, что датский инцидент я рассматриваю лишь как дело временное. Я продолжаю придерживаться этого мнения. Это интермедия, которая, как только она будет улажена, позволит нам вернуться к обычному ходу вещей.

Но с точки зрения нашего внутреннего положения, безусловно, необходимо, чтобы этот вопрос был закончен почетным и удовлетворительным образом. Нам необходим результат, который мог бы сохранить положение короля и мое собственное. Если бы я не мог показаться перед страной с высоко поднятой головой, я бы упал в общественном мнении. В этом случае мне пришлось бы уйти от дел и, кто

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. 18.

знает, не решил бы сам король, что ему лучше отречься от престола. Вы видите, таким образом, насколько наше положение серьезно и чревато затруднениями.

Что касается способа окончательного урегулирования наших споров с Данией, то, признаюсь, я сам еще его не знаю. Я соглашусь на такое решение, которое дало бы удовлетворение тому, чего требует мое положение и наш долг по отношению к стране.

Это решение может вытекать из нашего проекта личной унии. Также из создания независимого государства, образованного из герцогств, под скипетром Августенбургов или другой ветви Ольденбургского дома, или наконец из аннексии этих провинций Пруссией. Вы понимаете, что увеличение населения монархии на 500 тыс. душ не имеет для меня значения. Но именно в пределах этих четырех идей, мы можем надеяться найти необходимое решение.

Нам, следовательно, необходим успех. Но за исключением этого князь Горчаков может быть уверен, что найдет нас постоянно неизменными, несмотря на уклоны, в которые я, по его мнению, буду временами впадать и которые могут быть вызваны трудностью нашего положения».

В числе прочих уклонов председатель Совета министров, как на пример, указал на его согласие с теорией плебисцита. У него не было бы надобности примыкать к этой теории, если бы поведение Англии было иным, но в виду ее возрастающей враждебности, ему представляется, безусловно, необходимым относиться бережно к теориям, на которых базируется нынешнее французское правительство и которых он принужден, следовательно, придерживаться.

В ответ на эти заявления я ограничился замечанием председателю Совета министров, что ваше превосходительство не может рассматривать датский вопрос, как преходящий инцидент, в виду наличия важных интересов, связанных с этим вопросом. Вам как раз и приходится искать способов избежать осложнений, к которым он может привести. В этом заключается европейская сторона вопроса, которой, как мне настоятельно представляется, нельзя терять из виду.

Захватив с собой письмо вашего превосходительства от 7 апреля [75], полученное мною во время отсутствия председателя Совета министров, я его зачитал ему.

Он с удовлетворением принял содержащиеся в нем горячие призывы к умеренности, но вместе с тем заметил, что он не делает себе никаких иллюзий по поводу значения победы, которая только что одержана Пруссией [76]. Какое по сути дела значение имело для ее армии то, что она овладела позициями, которые защищались двадцатью тысячами человек? Этот триумф, который ему вдруг угодно было уменьшить вопреки тому, что здесь происходит после взятия Дюппеля, не требует, как ему кажется, умеренности со стороны победителя. Такова, по крайней мере, была скрытая мысль его замечания.

Этот разговор, ваше сиятельство, произвел на меня довольно тягостное впечатление.

С одной стороны я усматриваю твердо сложившееся намерение получить положительный, блестящий результат, предназначенный спасти положение короля и его министра. С другой стороны, намерение это идет так далеко, что допускает возможность территориальных аннексий, словом, тех вожделений, которые до сих пор открыто отвергались. Это не выставляется как основное требование, но с готовностью допускается, как один из возможных выходов из настоящих затруднений.

Кое-какие слова, сказанные председателем Совета министров барону Таллейрану, равным образом подтверждают это направление мыслей, которое я пока считаю неустойчивым, но на которое кажется без-

условно необходимым вам указать. Пред отъездом в герцогства Бисмарк сказал французскому послу: «Я отнюдь не настаиваю на Августенбурге, но ясно, что если бы я, как министр короля, мог получить благоприятный для моей страны результат, я от этого не отказался бы».

Судя по этим словам, можно предположить, что председатель Совета министров выступал против притязаний наследного принца Августенбургского лишь затем, чтобы постоянно иметь их на втором плане, как одно из решений, к которому обстоятельства могут заставить его прибегнуть в тот или иной момент.

В виду различных, дошедших до меня, сведений, я счел необходимым срочно доложить вашему превосходительству моей телеграммой от прошлого 11/23 [77] о том, что настал момент побудить г-на фон-Бисмарка выразить свои мысли более точно. Почти нет нужды добавлять, что я сделал это до того, как он с такой полной откровенностью изложил нам, в каком затруднительном положении он находится, а также и то, как эвентуально могут быть решены вопросы, вытекающие из настоящей войны.

Убри.

Помета Александра II: «Нахожу язык Бисмарка весьма мало успокоительным».

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Убри, 30/18 апреля 1864 г. *

Ваша депеша от 14/26 апреля мною получена 17/29. Я не замедлил повергнуть ее к стопам государя императора.

Сравнив то, что г-ну председателю Совета министров угодно было вам заявить по поводу ноты, которую он поручил г-ну барону Пирху передать нам, с тем, как мне ее изложил г-н прусский поверенный в делах, я, по совести, должен констатировать, что впечатление, произведенное на нас вашими сообщениями, нисколько не отличается от того впечатления, какое произвело на нас заявление г-на барона Пирха. Вы в этом убедитесь, когда вновь прочтете то, что я вам писал по этому вопросу и то, что вы мне сообщили об этом инциденте.

Но не этого вопроса хочу я коснуться, так как это означало бы вновь вдаваться в бесплодную полемику, которой нам желательно избежать.

Г-н фон-Бисмарк, приведя мое замечание о том, что неуместны тайны между друзьями, которые желают оказать услуги друг другу, был, как вы пишете, в некотором затруднении по поводу того, как понять это замечание.

Вы, со своей стороны, повидимому, полагаете, что мое замечание касалось того, что мы находимся в неведении относительно видов Пруссии и Австрии на окончательное разрешение датского конфликта.

Мы не можем ссылаться на неведение по этому вопросу. Берлинский кабинет не раз, хотя и в общих выражениях, излагал нам свою точку зрения. Венский кабинет шел еще дальше в смысле конкретизации, в чем вы сами могли убедиться из документов, которые постепенно поступали в берлинское досье.

Г-н Бисмарк заявил вам:

«С точки зрения нашего внутреннего положения безусловно необходимо, чтобы датский вопрос был закончен почетным и удовлетворительным образом. Нам необходим результат, который мог бы сохранить положение короля и мое собственное. Если бы я не мог показаться перед страной с высоко поднятой головой, я упал бы в общественном

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

мнении. В этом случае мне пришлось бы уйти от дел, и, кто знает, — не решил ли бы сам король, что ему лучше отречься от престола. Вы видите, таким образом, насколько наше положение серьезно и чревато затруднениями. Что касается способа окончательного урегулирования наших споров с Данией, то, признаюсь, сам еще его не знаю. Я соглашусь на такое решение, которое дало бы удовлетворение тому, чего требует мое положение и наш долг по отношению к стране».

Г-н Пирх мне заявил:

«По мнению г-на фон-Бисмарка безусловно необходимо, чтобы Пруссия из теперешней борьбы извлекла ту или иную выгоду, не важно какую, хотя бы только кажущуюся. Это требуется не только ради личного положения г-на фон-Бисмарка, но имея в виду короля и армию. Нельзя допустить, чтобы кровь прусских солдат была пролита напрасно. Страна не удовлетворится бесплодными лаврами. В этом отношении его величество придерживается столь твердых мнений, что он скорее решится отречься от престола, чем не добиться удовлетворительного результата».

На эти слова я дал ответ:

«Я должен просить г-на фон-Бисмарка, чтобы он несколько расширил конфиденциальные заявления, которые ему угодно нам делать. Он может быть уверен в сохранении нами безусловной тайны. Надо чтобы он указал, какие выгоды для него желательны. Мы желаем только облегчить его положение. Мы придаем огромное значение сохранению между нами дружеских отношений; но чтобы иметь возможность быть полезными, нам нужно знать, в каком направлении г-н фон-Бисмарк ищет выгоды».

Я уточнил мою мысль, закончив словами: «Друзьям не следует задавать загадок».

Таким образом здесь речь идет не о том, чтобы узнать, какие условия будут поставлены берлинским и венским кабинетами для решения датского вопроса, а о том, чтобы нас посвятили в секрет тех особых выгод для Пруссии, какие г-н фон-Бисмарк имеет в виду, дабы мы могли судить, возможно ли для нас оказать ему поддержку.

Г-н председатель Совета министров перечислил вам четыре модуса решения вопроса, среди которых он затронул аннексию герцогств Пруссией, правда, добавив, что увеличение населения на 500 тысяч душ не имеет для него значения.

Если в этом единственно заключалась выгода, которую господин председатель Совета министров имел в виду, то мы опасаемся, что он стремится к цели, которая вызовет сильную оппозицию. Мы считаем, что нам лучше воздержаться от обсуждения по существу возможности, на которой сам г-н фон-Бисмарк, повидимому, остановился лишь вскользь.

Но г-н председатель Совета министров добавил: «Нам безусловно необходим успех».

Мы допускаем такую необходимость, хотя успехи, уже достигнутые прусской армией, способны привязать страну к нынешнему министерству. Мы охотно готовы содействовать укреплению положения г-на фон-Бисмарка, но для всего этого, повторяю, нам необходимо знать, каков тот успех, который он счел бы достаточным для достижения этой цели, исключая территориальные приобретения, добиться принятия которых берлинскому кабинету оказалось бы весьма нелегко и которые, по заявлению самого г-на председателя Совета министров, для него значения не имеют.

Если г-н фон-Бисмарк вернется к этому вопросу, то вам поручается именно с этой точки зрения трактовать его. Я счел безусловно необхо-

димым войти во все эти подробности, так как мне показалось, что в Берлине не уловили смысла наших слов.

Впрочем, скажите г-ну председателю Совета министров, что государь император высоко оценил те чувства, какие он нам выразил относительно своего твердого решения итти вместе с нами, каковы бы ни были события или видимые действия. Нам хотелось бы быть уверенным в том, что г-н фон-Бисмарк разделяет наше убеждение, что бывают такие видимые действия, которые принижают человека и что он отнюдь не имеет в виду подобные.

После публичных заявлений г-на председателя Совета министров всякая прямая или косвенная поддержка притязаний принца Августенбургского, в наших глазах например, являлась бы актом, могущим вызвать упрек ему в досадной непоследовательности.

Когда г-н фон-Бисмарк вам заявил, что в общей политике датский вопрос играет сравнительно второстепенную роль, он вступил в круг наших мыслей, сводящихся к тому, что преследование этого интереса низшего порядка не должно подвергать компрометации общие интересы Европы. Если бы оказалось, что развитие датского вопроса может разделить или не разделить Европу на два лагеря, объединить действия западных дворов против усилий консервативных дворов, посеять раздоры в среде этих последних, — то вопрос этот перестал бы быть второстепенным и стал бы исходным пунктом комбинаций, пагубных для всей Европы. Вот почему мы не переставали и не перестаем настаивать на том, что безусловно необходимо внести в происходящие в Лондоне обсуждения[78] дух благоразумия и примирения. Обстоятельства не только трудны, — они представляются критическими, и усилия, а равно и объединенная мудрость всех друзей порядка только и в состоянии побороть грозящие отовсюду опасности.

Горчаков.

Письмо посла в Лондоне Бруннова министру иностранных дел Горчакову, 4 мая/22 апреля 1864 г. *

Дорогой князь,

Наши дебаты вращаются единственно вокруг вопроса о заключении перемирия[79]. Они до сих пор не дошли еще до обсуждения спорных вопросов по существу. Однако, мои беседы с германскими и датскими полномочными представителями позволяют мне составить себе довольно точное мнение о позициях тех и других. Вот как я их резюмирую.

Пруссия злоупотребляет своей победой. Со времени взятия Дюппеля и занятия Ютландии она повысила тон[80]. Она не хочет больше и для виду оставить неприкосновенной датскую монархию. Она берет назад свое предложение о сохранении личной унии. Она требует полной независимости герцогств, которые отныне должны быть отторгнуты от датской короны. Бигелебен[81] прямо скорбит по поводу такого нарушения слова. Ему казалось, что, будучи проездом в Берлине, он договорился с прусским кабинетом об основах соглашения, почти совпадающих с полученными мною инструкциями от 16/28 марта **. Теперь Пруссия уже не хочет того, чего она хотела тогда. Сказать правду, она даже не говорит, чего она хочет. Австрийцы в точности этого не знают. Программа сегодняшнего дня не похожа на программу завтрашнего. Австрия сожалеет о том, что зашла так далеко. Кнорринг[82] совершенно верно указывает вам на это. Я к этому должен добавить, что

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. 80.
** См. выше стр. 82.

граф Аппони[83] начинает замечать, насколько его отношения здесь стали портиться, с тех пор, как он обязан итти на поводу у пруссаков. Он не может поступать иначе. Его инструкции приписывают ему держаться на той же линии, что и его прусский коллега. Точное выражение воли его гласит: «Итти рука об руку с Пруссией».

Куда это его заведет?

Представитель Германского союза Бейст ведет переговоры при помощи прусских штыков. Он стоит на том, чтобы достигнуть наилучших условий сделки в пользу Германии. «Отторжение Шлезвига-Гольштейна от Дании» — вот программа Бейета. В глубине души он таит мысль об Августенбурге. Но он держит этот вопрос в запасе. Прежде всего ему нужно расторгнуть Лондонский трактат. Затем об остальном сговорятся с Пруссией. Австрия во всем этом играет жалкую роль. Она себя считает вынужденной следовать за Пруссией, дабы не потерять своей популярности в Германии.

Дания потеряла так много, что она уже не помышляет сохранить и то немногое, что у нее осталось. Она никого не слушает. Советы она черпает только из своего отчаяния. Тут уже рассуждать не приходится. Даже, если бы нам удалось получить для копенгагенского двора почетный компромисс, даже, если бы мы сохранили для него горцогства на началах личной унии, полномочные представители Дании не будут уполномочены принять эти условия. Они заявляют, что король Христиан IX погубит себя во мнении страны, если он национальное чувство принесет в жертву соображениям династическим. Это, может быть, верно в Копенгагене, но в Лондоне это парализует успех каких бы то ни было переговоров.

Из докладов Убри и Кнорринга вам уже известны подробности австро-прусских требований[84]. Я вас избавлю от пересказа. Ограничусь только заявлением, что одного вопроса о военном вознаграждении уже достаточно для краха всех переговоров. Убри доводит общую сумму этого вознаграждения до 17 милл. флоринов, из которых Австрия потребует 7 милл. Я боюсь, что оценка эта ниже действительной. Бигелебен мне сказал, что эти 7 миллионов представляют собою только расходы нынешней войны, а между тем Австрия потребует сверх того недоимок по прежней экспедиции, достигающих 5 милл. По секрету он сообщил мне также, что для императора Франца Иосифа вопрос о деньгах важнее всех остальных. Во время его прощальной аудиенции император обратил его особое внимание на этот пункт. «Нам нужны деньги. Достаньте нам денег».

Как преодолеть одно это затруднение, даже если бы удалось притти к соглашению по ряду остальных вопросов, также неразрешимых?

После того, как я изложил вам положение воюющих держав, проанализируем положение нейтральных. Есть ли у них воля и средства для того, чтобы отнять у пруссаков Ютландию и Шлезвиг и у германцев Гольштинию? Франция не хочет, Англия не может этого сделать.

Ясно, таким образом, что пруссаки являются хозяевами положения. Бисмарк это отлично знает.

Перейдем теперь к рассмотрению нашего положения. Мы явились на конференцию преисполненные доверия, что речь идет о том, чтобы договориться с другими державами о некоторых условиях, при которых будет сохранена неприкосновенность датской монархии. Пруссия и Австрия по отношению к нам высказались в этом смысле. Если та или другая изменит свое мнение, мы вполне свободны — выйти из переговоров, которые перестали отвечать нашим ожиданиям.

Вот, что я заявлю, если граф Бернсторф[85] завтра поставит под вопрос принцип неприкосновенности: я заявлю, что мои инструкции не позволяют мне отойти от принципа, который я считал обоюдно при-

знанным. Я не выйду за пределы полученных мною инструкций и сделаю соответственные оговорки в ожидании решений кабинета его величества. Государь император соизволит тогда рассудить, не лучше ли нам во время с честью уйти с конференции, чем присутствовать при обсуждении, где нам пришлось бы отойти от наших принципов, даже без малейшей надежды принести этим пользу интересам Дании *.

Прошу вас обдумать эту возможность, которая может стать действительностью в скором времени, как только мы приступим к рассмотрению до сих пор незатронутых вопросов.

В данных мне инструкциях от 16/28 марта уже предусмотрен тот случай, на который я здесь только что указал. Но в этом отношении инструкции имеют один пункт, который вы, быть может, сочтете необходимым изменить. В случае аннулирования Лондонского трактата 1852 г., мне эвентуально предписано объявить также аннулированными все заявления об отказе от своих прав.

В этом пункте, дорогой князь, имеется вопрос, который, должен в этом признаться, вызывает во мне колебания. Объявить аннулированными наши отказы от прав, на основании которых король Христиан IX вступил на престол, не означало ли бы это уничтожить нашей собственной рукой значение этого государя, уже признанного нашим монархом.

Если Гольштиния будет отторгнута от Дании, мы можем повторить наши оговорки, содержащиеся в Варшавском протоколе [86], поскольку они относятся к Гольштейн-Лоторингскому дому. Так я толкую данные мне директивы **. Чтобы строжайше выполнить приказание кабинета его величества, я прошу вас сообщить мне точные выражения, в каких должна быть сформулирована для включения в протокол наша оговорка, которая будет иметь в виду охрану прав императорского дома. В этом отношении никакая осмотрительность не будет чрезмерной, в виду того, что на собрании, где представлен Германский союз, наши оговорки без всякого сомнения вызовут контр-декларацию.

Должен здесь обратить ваше внимание на одно обстоятельство, которое меня особенно поражает. Бисмарк не раз настаивал, чтобы во Франкфурте было заявлено о наших правах, в частности на владение Килем [87]. Вы не последовали его совету, предвидя, без сомнения, что наша преждевременная претензия вызовет в Германии дискуссию, которая без малейшей для нас выгоды возбудит настроение против России. Совет Бисмарка показался мне и немудрым и неискренним. Он ведь слишком хорошо знает и людей и положение вещей в Германии. Поэтому он не мог не предвидеть, что наши претензии немедленно вызвали бы против нас взрыв возмущения. И заметьте: в то время как Бисмарк говорил Убри: «Осуществите ваши права», Бернсторф здесь заявляет каждому: «Этих прав не существует вовсе. Отказываясь в свое время от указанных владений, Россия получила соответственную территориальную компенсацию для Ольденбургского дома. Если бы Россия воскресила свои старые притязания, это значило бы, что она вторично требует того, за что уже получила эквивалент».

Вот, что говорит повсюду прусский посол в Лондоне, в то время как глава берлинского кабинета настоятельно советует нам осуществить наши права.

Кто из них двоих является искренним в своих выступлениях? Прежде чем нам решиться на компрометирующее выступление в Лондоне, следовало бы выяснить этот вопрос путем откровенного объяснения с

* Помета Александра II: «Если дела так пойдут, то нам ничего другого не останется сделать».

** Помета Александра II: «Я тоже так понимаю».

г-ном фон-Бисмарком. Необходимо, чтобы глава прусского кабинета заявил нам ясно, принимает ли он наши оговорки и имеет ли прусский посол в Лондоне распоряжение в случае надобности принять их. Один не может сказать: да, когда другой скажет: нет*.

Что касается наших оговорок, то они составляют скорее право, нежели факт. Ибо без войны, я хочу сказать без удачной для России войны, Германия, Англия и Швеция не захотят видеть над Кильским портом наш флаг.

Эти соображения рекомендуют нам большую осторожность в выборе выражений, в которых мы сделаем наше письменное заявление. Будьте добры их мне предписать, дабы я мог их воспроизвести буквально в соответствии с волей его величества, ничего не добавляя и не убавляя **.

Для передачи мне приказаний его величества по этому вопросу времени у вас будет совершенно достаточно. Наши переговоры идут не с такою быстротой, чтобы они могли опередить ваши сообщения.

Бруннов.

Письмо посланника в Лондоне Бруннова министру иностранных дел Горчакову, 1 июня/20 мая 1864 г. ***

Дорогой князь.

Если, вопреки нашим настояниям, Дания возобновит враждебные действия на море, то может случиться, что Пруссия захочет использовать свою победу дальше тех пределов, какие могла бы рекомендовать разумная политика.

Визит императора[88] мог бы в этом случае оказать берлинскому двору истинно дружескую услугу, напомнив королю, что самой лучшей его ролью была бы та, при которой он внес бы умиротворение в датский вопрос.

В самом деле, если бы Бисмарк понял эту истину, он бы заявил, что Пруссия, добившись силою оружия результатов, которых она хотела достигнуть, начиная эту войну, решает не итти дальше. Германия требовала, чтобы герцогства были освобождены от господства датчан. Ну, что ж, они свободны. Чего же хотят еще? Разве желают уничтожить остальную часть монархии? Пруссия вовсе не желает этого. Она об этом заявила. Она свое слово сдержит. Она сохранит национальную независимость государства, необходимую для поддержания равновесия на севере. В виду этого она не доведет войну до крайних последствий. Нет, она будет уважать великие интересы европейского мира, не взирая даже на провокации и враждебные акты, которые Дания будет продолжать.

Твердо заняв эту позицию, Пруссия оккупирует, до заключения мира, территорию на суше. Дальше она не пойдет. Она готова будет принять те предложения о примирении, которые ей сделает Дания. Переговоры о мире она возобновит, как только копенгагенский кабинет изъявит на то желание.

Если наш Бисмарк усвоит себе такой язык, он изгладит то неприятное впечатление, которое произведено повсюду его выступлениями. Он не подвергнет риску самое существование Дании. Он не даст Швеции повода послать свои войска на острова — под предлогом их за-

* Помета Александра II: «Справедливо».
** Помета Александра II: «Придется их составить».
*** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 80.

щиты, а в действительности с задней мыслью сохранить их для себя. Он не привлечет в Балтийское море английскую эскадру. Одним словом, он не отплатит нам злом за добро. Он оказал бы плохую нам услугу, низведя Данию до пределов одной Скандинавии.

Я предвижу такой конец, если Бисмарк не остановится во время.

Бруннов.

Депеша посла в Лондоне Бруннова русскому посланнику в Копенгагене Николаи, 13/1 июня 1864 г.*

Письмо вашего превосходительства от 6 июня я получил вчера, как раз в тот момент, когда я сделал новую попытку открыть гг. датским уполномоченным путь, могущий, по моему мнению, привести к почетному соглашению.

Попытка не удалась. Определенные инструкции, недавно полученные г-ном Квааде и г-ном Кригером, не позволили им пойти по пути, который я так старался открыть им. Я не жалуюсь на их отказ, но констатирую его с искренним сожалением. Ибо я предвижу, что этот отказ может повлечь за собой важные последствия.

Желая предотвратить их, пока это еще возможно, я очень прошу вас, господин барон, передать копенгагенскому кабинету в каком состоянии находятся в настоящее время переговоры и затем указать ему ту ситуацию, какая создастся, когда 26-го числа текущего месяца возобновятся военные действия.

Чтобы уточнить картину переговоров, я посылаю вам прилагаемую записку, озаглавленную: «Предварительные мирные условия» [89]. Я сообщил этот проект гг. датским уполномоченным во время конфиденциального собрания, состоявшегося вчера у лорда Росселя. На нем присутствовал французский посол и шведский посланник. Оба порекомендовали датским уполномоченным обратить на «предварительные условия» самое серьезное внимание.

Вы, ваше превосходительство, найдете в этой записке, точное резюме совещаний конференции до настоящего момента, когда я пишу вам.

Я включил только один новый элемент — параграф 9-й, как средство для ведения переговоров [90]. С этой целью я высказал предложение о возведении Рендсбурга в степень федеральной крепости для того, чтобы побудить германские дворы с их стороны облегчить заключение мирного соглашения какими-либо соответственными уступками.

В самом деле, прискорбный характер настоящих прений, к сожалению, заключается в том, что датские уполномоченные лишены основания, необходимого для ведения каких бы то ни было переговоров. Им нечего предложить, нечего обещать противной стороне. Герцогства, о которых идет спор, во власти германцев. Дания не в силах отнять у них эту территорию. Именно таково настоящее положение. Я достаточно серьезно изучил его и убедился, что датским уполномоченным надо иметь в руках бо́льшие средства для ведения переговоров, чем те, которые они имеют для того, чтобы добиться благоприятного результата.

Они уже дошли до предела их полномочий. Дальше итти они не могут. Это заявил, мне г-н Квааде. Я признаю и одобряю точное соблюдение им приказаний его государя.

Что касается меня, г-н барон, то долг мне повелевает сказать е. в. королю, почтительно, но вполне откровенно, что мы подходим к мо-

* МИД, канцелярия, 1867 г., д. № 81.

менту, когда всякая надежда на мир исчезнет и когда война станет печальной необходимостью.

Если бы эта борьба предоставляла Дании хотя бы малейший шанс на победу, я не посмел бы сомневаться в мудрости решения правительства возобновить военные действия.

Но, на мой взгляд, из всех войн самая прискорбная есть та, которая требует от нации жертв совершенно напрасных, без всякой надежды на успех. При данном положении вещей у Дании не будет даже того удовлетворения, что она встретится с врагом на поле сражения. Союзники будут спокойно оставаться на территории, которую они занимают. В герцогствах они установят правительство, которое Германский союз признает как бы на законном основании. На Ютландию они наложат тяжелую контрибуцию, в отместку за ограничительные мероприятия, которые Дания примет против германских торговых судов. Эти меры стеснят коммерческую деятельность Пруссии, не парализуя ее, так как посредством быстрого железнодорожного сообщения торговля Пруссии направится к портам Эльбы, которые останутся открытыми под покровительством австрийского флота. Ограниченная тесными пределами, война для Дании станет борьбой без славы, страданием без вознаграждения. Страна истощится в бесплодных усилиях. В конце концов она не выдержит давящей ее тяжести. Ибо как бы ни было сильно национальное чувство у преданного и храброго народа, оно сдастся в безнадежной борьбе. Тогда нация возложит на правительство ответственность за политику, потребовавшую от нее жертв, превышающих ее силы. Те, кто сейчас в Копенгагене требуют возобновления военных действий, первые же станут упрекать кабинет, зачем он уступил их крикливым требованиям. Дай бог, чтобы королю не пришлось увидеть этого.

Но прежде чем возобновятся военные действия, следует спросить себя, а каков будет их конец. Этот конец легко предсказать. Шлезвиг будет потерян полностью, тогда как сейчас можно было бы удержать большую часть герцогства. Ютландия будет раздавлена под тяжестью длительной оккупации, а сейчас достаточно было бы сказать одно только слово, чтобы прекратить ее. Союзники потребуют вознаграждения за военные издержки, и это будет окончательной гибелью датской монархии. Наконец, мир, который мог бы быть в данную минуту почетным, тогда принесет лишь унижения. Г-ну председателю Совета министров слишком дорого достоинство его страны, чтобы он захотел подвергать ее такому несчастью.

Я смею верить в успех усилий, которые он предпримет, чтобы предохранить Данию от опасностей, указанных мною, пока еще можно их предотвратить.

Даже сейчас до меня дошли слухи о последнем шансе, могущем привести к примирению. Это обращение к третейскому суду дружественной державы с целью сгладить трудности, которые встречает разграничение между Данией и Германией [91].

Если бы эта комбинация получила поддержку епископа Монрада [92], то она избавила бы его страну от бесконечных жертв, достоинство монархии не пострадало бы и надо надеяться, что это способствовало бы наступлению благодетельного и почетного примирения воюющих стран.

Как друг Дании, я не должен бояться говорить всю правду: непредусмотрительно возобновленная война будет гибелью монархии. Мир, мужественно заключенный, спасет трон и обеспечит независимость страны.

Бруннов.

Депеша посла в Лондоне Бруннова министру иностранных дел Горчакову, 22/10 июня 1864 г.*

Ваше сиятельство,

Моей депешей от 27 мая/8 июня за № 134 я предупреждал ваше превосходительство, что конференция в Лондоне приближается к концу.

Несмотря на такую уверенность я не упал духом. Я сделал попытку предоставить датским уполномоченным средства добиться заключения почетного соглашения.

11 июня лорд Россель пригласил их всех к себе на дружественное совещание с французским послом, шведским посланником и мною.

В этом собрании я кратко изложил положение в каком находятся переговоры и предложил выработать основу предварительных условий мира.

Имею честь представить вашему превосходительству эту мою работу, единогласно одобренную лордом Росселем, принцем де ля Тур д'Оверн [93] и графом Вахтмейстером [94].

Датские уполномоченные заявили о невозможности для них примкнуть к этим основным положениям. Хотя эти положения и соответствовали буквально заявлениям, которые датским уполномоченным поручено было сделать во время заседаний 2 июня, они побоялись превысить свои инструкции, присоединившись к предварительному акту, сформулированному в том виде, как я это сделал.

Боязнь, которую они выказали, видя перед собой близкую возможность заключить мир, доказала мне, как они стремились возобновить поскорее войну.

Они хотели этого. Я не могу не упрекнуть в этом г-на де Билля и г-на Кригера. Такового упрека не могу бросить и г-ну Квааде. Правда, он не осмелился противоречить своим коллегам, но тотчас же после нашего собрания он пришел ко мне и попросил дать ему мой проект предварительных мирных условий, для того, чтобы конфиденциально переправить его в Копенгаген.

Благонамеренный, но робкий г-н Квааде еще раз будет защищать перед своим кабинетом дело мира.

Я считаю это дело потерянным, если тенденции крайних одержат верх в совете короля.

Что касается меня, то совесть повелевала мне выполнить мой долг относительно этого государя. Я должен был указать ему на те последствия, которых следует ожидать, если Дания позволит увлечь себя на путь, могущий привести монархию к гибели.

Когда ваше превосходительство, прочтете мою депешу барону Николаи, вы отдадите мне должное и скажете, что и датскому кабинету я сказал правду, почтительно, но с полной откровенностью.

Он волен выбирать между миром и войной. Ответственность за выбор ляжет на советников короля. Что бы ни случилось, они не смогут упрекнуть уполномоченных императора, что они не указали им на опасность, которой они подвергнут судьбу монархии.

Брунов.

Помета Александра II: «Если военные действия возобновятся, то это будет, главным образом, по вине самих датчан».

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 79.

Письмо датского председателя Совета министров Монрада датскому поверенному в делах в Петербурге Винду, 28/16 июня 1864 г.*

Милостивый государь,

Лондонская конференция закончилась не вернув нам мира. Нейтральным кабинетам не удалось привести союзные державы к более правильной оценке их долга относительно политической системы Европы. В наших уступках мы дошли до крайних пределов, необходимых для существования независимости и автономии датского государства. Но ничто не могло удовлетворить честолюбивые замыслы германских держав.

С начала и до конца конференции мы были преисполнены самым искренним желанием придти к соглашению, хотя бы ценой принесения в жертву неоспоримых прав.

Когда конференция нашла, что приостановка военных действий необходима для успеха переговоров, мы подчинились и заключили перемирие в самый неблагоприятный для нас момент и на условиях, которые, будучи весьма тяжелыми сами по себе, сделались совершенно невыносимыми вследствие произвольного способа толкования их впоследствии вражескими военными властями. Во время переговоров мы видели, как союзные державы повелительным тоном отклоняли всякое обсуждение обязательств, взятых на себя в 1851—1852 годах той и другой стороной, а между тем эти самые обязательства союзники выставляли перед Европой в качестве причины и единственной цели войны. Лондонский договор и принцип неприкосновенности датской монархии были признаны всей Европой, как элемент необходимый в системе Европы, мы видели как их отвергали союзные державы, хотя они официально и дали обещание перед лицом других держав уважать этот договор и принцип, им установленный. Наконец, отбросив всякое стеснение, не удовольствовавшись тем, что они отняли у нас Гольштинию и Лауенбург, они потребовали еще и герцогство Шлезвигское, которое они хотят конфисковать в пользу Германии, пользуясь правом сильного, и самое большое на что они согласны, это оставить нам ничтожную часть этой старинной области, всегда принадлежавшей датской короне.

Тяжело было королевскому правительству покорно выполнять одно за другим все растущие требования. Так, полное веры в справедливость нашего дела и в авторитет публичного права, королевское правительство решилось начать борьбу, одну из самых неравных, в надежде найти в европейских советах ту поддержку, которую не могло оказать нам одно наше войско. Тяжело было и лично королю, который принял корону на основе Лондонского договора и который видел себя теперь принужденным обсуждать раздел страны, которая считала, что в нем и в его династии она нашла верную гарантию своей неприкосновенности.

Но как ни тяжелы были эти жертвы, они были принесены. «Если европейские державы в самом деле хотят расторгнуть Лондонский договор,— говорили уполномоченные короля,— его величество король во избежание возобновления военных действий, не будет противиться уступке некоторой части территории, однако при условиях, что он таким образом получит не только мир, но и полную независимость и автономию для оставшейся части его государства».

Полагая, что так оно и будет, они наметили в качестве новой границы линию Екернферд — Фредерикстад, но, считаясь с предложением, принятым нейтральными кабинетами, датское правительство

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 37.

решилось снова отодвинуть эту линию до г. Сли, пункта, предложенного Англией, думая этим приобрести для Дании поддержку четырех нейтральных держав. Размер уступаемой нами таким образом, в интересах мира, территории, значителен. Монархия теряла более четверти своей территории, у Дании отнимались на суше и на море преимущества чрезвычайной важности, причем в такой же степени увеличивались военные возможности Германии. Мы не могли бы идти дальше по пути уступок, не принеся в жертву самого существования Дании.

Но все усилия нейтральных кабинетов и все наши жертвы не поколебали упорства союзников. Покинув конференцию мы снова вернулись на нашу прежнюю позицию, основанную на Лондонском трактате и снова мы стали жертвой войны, ведя которую мы боремся за наше существование, опираясь на европейский договор и высший принцип публичного права. Союзные державы со своей стороны провозглашают право сильного и хотят, несмотря на осуждение всей остальной Европы уничтожить государство, виновное лишь в том, что оно не желает подчиняться их власти.

Вот печальный результат, к которому привел опыт конференции, но, констатируя его, я должен в то же время, констатировать и нечто более утешительное.

Каждый раз, когда во время переговоров правительство короля делало новый шаг по пути уступок, нейтральные державы, в особенности Англия, хотя и побуждали нас к этому, но все же правильно оценивали величие жертвы, которую мы приносим, отказываясь от нашего неоспоримого права.

Выдвинутое лордом Росселем предложение о заключении перемирия предполагало сохранение приобретенных нами преимуществ на море взамен сохранения союзниками преимуществ на суше. Английский министр иностранных дел неизменно признавал справедливость нашего требования, чтобы в основу переговоров были положены обязательства 1851—1852 гг. Лорд Россель не забыл, что инициатором Лондонского договора была главным образом Англия, и силой неопровержимой логики, доказал, что, приняв участие в этом акте, Пруссия и Австрия приняли на себя обязательство относительно других участников его. И когда в конце концов английский кабинет приступил к обсуждению вопроса об уничтожении договора, лорд Россель заявил, что «нейтральные державы имели право отказаться от торжественного договора, которым они признали неприкосновенность датской монархии, только в том случае, если это в состоянии положить основу для прочного и длительного мира» — и на этом основании он признал, что — «новая линия границы не должна быть проведена севернее владения Сли и линии Даневерка». Более того, когда уполномоченные короля намекнули, что мы согласимся на продолжение перемирия, лишь получив уверенность, что английское предложение станет базой будущих решений, лорд Россель заявил, что правительство само не внесет никакого предложения и не присоединится ни к какому предложению, сделанному другой державой и имеющему в виду проведение более северной пограничной линии, не убедившись предварительно в согласии датского правительства. Именно на основании этого обязательства уполномоченные короля согласились на продление перемирия.

Итак, шаг за шагом следовали мы по пути, рекомендованному нам нейтральными державами, и в особенности Англией. Мы полностью приняли предложение, инициатором которого была Англия, и когда мы объявили его нашим ультиматумом, лорд Россель от имени своего правительства, обязался его всегда поддерживать. И хотя мы не можем согласовать полностью это обязательство лорда Росселя с его последним предложением, имевшим целью уполномочить какую-либо

незаинтересованную державу заняться вопросом о проведении демаркационной линии, мы не менее уверены, что английский министр, предпринимая этот демарш, не хотел поставить себя в противоречие с предыдущим своим обещанием.

При возобновившихся военных действиях на поле битвы у Дании по прежнему нет союзников. Но справедливость нашего дела объединила уже вокруг нас симпатии кабинетов и общественное мнение всех наций. Мы вправе надеяться, что эти чувства не допустят, чтобы Дания потерпела крушение, и мы хотим верить, что правительства, которые высказали нам такую деятельную поддержку во время переговоров, не покинут нас и во время столь неравной и несправедливой войны.

Соблаговолите прочитать депешу министру иностранных дел и оставьте ему копию.

Монрад.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 13/1 июля 1864 г.*

Отсылаю вам Перова и завтра в 7 часов утра выезжаю в Киссинген. Император прочитал в Потсдаме [95] ваши депеши от 27 мая/8 июня [96]. Чтобы сократить мое письмо, прилагаю памятную записку, составленную с точки зрения политической г-ном Убри о пребывании государя императора в этой столице.

Государь император считал необходимым, чтобы я был в точности информирован о том, что было сказано в Потсдаме, дабы, прибыв после его величества, я мог продолжить переговоры, которые он там вел.

Я видел короля и г-на Бисмарка. Они оба настроены против Англии. Рассчитывая на сильное раздражение против Англии во всей Германии, король и Бисмарк уверены, что в случае разрыва с этой страной национальное чувство будет единодушно за них [97]. В этом они почерпают надежду на укрепление внутреннего положения прусского правительства против демократической партии, которой придется умолкнуть перед той силой, какая развернется в случае разрыва с Великобританией. Это чувство до такой степени ярко выражено, что перспектива открытой борьбы против Англии почти перестала внушать опасения.

Вот что я застал и вот что я, мне кажется, оставил.

Государь император подготовил почву словами хотя и дружескими, но твердыми, не позволявшими создавать себе никаких иллюзий и не допускавшими никакой двусмысленности.

Его величество приказал мне постараться дать дополнения, изложив те важные сведения, какие содержатся в вашей совершенно секретной депеше № 134.

В соответствии с этим государь император предписал мне сообщить по секрету г-ну Бисмарку о тех демаршах, какие были предприняты в Париже в целях создания англо-французского согласия [98]. По просьбе г-на Бисмарка я этот секрет сообщил и королю.

Я говорил с обоими с полнейшей откровенностью, исходя из того, что мы являемся для Пруссии подлиннейшими друзьями.

Я заявил, что мы готовы допустить, что разрыв с Англией, сожжение нескольких портов и приморских городов, парализование и временное уничтожение торговли не явится ударом по жизненным интересам Пруссии, хотя ее денежные дела, уже затронутые нынешней войной,

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

будут сильно задеты, а продолжение этой войны может причинить им еще больший ущерб.

Но не думаю, сказал я, что это будет единственный противник, какого Пруссия встретит на своем пути; мы не можем предугадать, как будут приняты в Париже последние предложения Англии, но, по теории вероятности, выбор императора Наполеона между соблазнами, которые ему выставит Пруссия, и выгодным соучастием, которое ему предложит Англия,— по моему мнению, почти не вызывает сомнений.

Король и г-н Бисмарк оба возразили мне, что император Наполеон должен быть более склонным вступить в союз с Пруссией против Англии, чем пойти по противоположному пути. Имея в виду вековую ненависть, какую питает Франция к Англии, и то обострение, какие имели место за последнее время, ничто не сможет сильнее укрепить династию Наполеона, и придать ей в стране более престижа и силы, чем открытая борьба со старой соперницей.

Не оспаривая этой мысли по существу, я позволил себе заметить, что подавляющее большинство французов — материалисты, что время утопий и рыцарских увлечений прошло; никто во Франции не станет закрывать глаза на те огромные жертвы, какие повлекла бы за собою для всех война с Англией и на неизвестный результат, какой может быть от нее получен, в то время как вожделение в сторону Рейна, которое не встретит возражений со стороны Англии, будет и менее дорогим и не вызовет столько трудностей при осуществлении, а в случае успеха, придаст императору Наполеону престиж, достаточный для укрепления его власти. Комбинация согласия с Англией, несмотря на охлаждение, происшедшее за последнее время, не переставала во Франции считаться символом взаимного могущества и благополучия. Если великие германские державы вынудят английских министров на открытую борьбу, те не поколеблются принять помощь Франции на условиях, которые будут продиктованы императором Наполеоном, не исключая условия о потворстве европейской революции. Возможно, что материальное содействие Франции не проявится немедленно, но возможно, что она подождет пока Англия свяжет себя настолько, что уже не сможет отступать, но в этом случае мне представляется более вероятным, что приманка, какую английский кабинет сможет предложить честолюбию императора Наполеона, привлечет его гораздо больше, нежели сравнительно неопределенные и даже несколько туманные выгоды, которые могут быть следствием союза с Пруссией.

Я также позволил себе напомнить королю и его первому министру о вековых традициях, соединяющих Австрию с Англией, и о стараниях, какие при всех обстоятельствах прилагал австрийский кабинет, чтобы сохранить для себя выгоды английских симпатий, и я спросил их полагают ли они, что Пруссия встретит в Вене действенную помощь, если между Англией и Пруссией вспыхнет война. Или же австрийское правительство, не объявляя себя противником Пруссии, постарается придать своей акции такой характер, который, уменьшая ее практическое значение, в то же время не порвет нитей ее старых связей?

«Что касается позиции России в этом случае,— добавил я,— она стала бы очень тягостной для государя императора. Конечно, до тех пор, пока провидению угодно, для счастья обоих народов, сохранить обоих ныне царствующих монархов, война между Россией и Пруссией, война, которую можно было бы отнести к категории братоубийственных войн, невозможна, и потому я безусловно исключаю такой случай; но имея в виду мотивы, которые могли бы привести к разрыву между Англией и Пруссией, для нас было бы невозможно явно обнаруживать

последней те симпатии, какие мы к ней питаем. Может даже случиться, что в случае появления английского флота в Балтийском море, государь император вынужден будет не остаться безучастным зрителем и тогда, ведь, не среди прусских кораблей будет развеваться наш флаг».

«Вы, конечно, не станете стрелять в нас»,— прервал меня король.

Я. «Нет, ваше величество, но уже одно присутствие нашего флага среди ваших противников явилось бы прискорбным доказательством того, что с точки зрения политической мы не можем быть за то дело, которое вы поддерживаете. Было бы крайней непоследовательностью, если бы мы поступили иначе».

Король. «Я понимаю это».

Я. «Наконец, ваше величество, вы думаете подавить у себя полностью и надолго демократический дух и оппозицию и привлечь на свою сторону всю Германию тем, что решительно бросите перчатку Англии, не считаясь с теми силами, какие она может собрать вокруг себя, а также с тем, что это может ослабить вашу страну. Ваше величество слишком хорошо знакомы с демократическими устремлениями и с духом крамолы, чтобы верить в искренность обращения. Движение, происходящее в Германии, имеет целью не только притязания на герцогства и унижение датской монархии,— это очевидно только знамя, только предисловие к пьесе. Что до сих пор сделали Пруссия и Австрия? Они взяли это дело в свои руки, чтобы довести его до той цели, какую в первую очередь поставила крайняя партия Германии».

Король. «Это верно, но мы хотели достигнуть этого сверху».

Я. «В тот день, когда инцидент этот будет улажен в удовлетворение демократии и вы пожелаете проявить у себя власть, т. е. пойти по пути противному устремлениям партии беспорядка, думаете ли вы, что она перестанет существовать».

Король. «Слишком дорогой ценой мне досталась уверенность в противном».

Я. «Да еще с тем дополнительным условием, что соединенные материальные выступления Англии и Франции усилят революционные элементы в остальной части Европы и увеличат силу и численность единомышленников, которых ваши заговорщики внутри страны найдут вне ее».

Для краткости передаю почти монолог, хотя в действительности это был оживленный разговор, прерываемый репликами с той и другой стороны.

Закончил я следующими словами: — «Если бы безопасность, независимость или честь Пруссии были определенно поставлены на карту, я первый сказал бы, что для сохранения этих ценных благ, можно любую опасность встретить лицом к лицу, даже будучи уверенным, что борьба будет безнадежной; государь император в подобном случае был бы проникнут таким чувством.

Но находится ли Пруссия в таком положении?

С точки зрения военной и даже политической вы одержали победу по всей линии. Стоит ли ради пространства в несколько квадратных миль больше или меньше компрометировать все эти выгоды и подвергнуть спокойствие и будущее Европы опасности всеобщего пожара, последствия которого даже учесть невозможно.

Вашему величеству небезызвестно, что мы всегда рассматривали датский вопрос, как вопрос сравнительно второстепенный, но призванный оказать огромное влияние на комбинацию, которая одна только может на продолжительное время обеспечить интересы порядка и до-

стоинство монархов в остальной части Европы, иначе говоря, может оказать влияние на оборонительный консервативный союз между Россией, Пруссией, Австрией и Англией, направленный против революционного духа и личных вожделений. Эта высокая политика неизбежно была бы принесена в жертву, так как разрыв между Англией и Пруссией существенно видоизменил бы соответствующие позиции великих держав.

Король слушал меня весьма терпеливо и беспрестанно поощрял меня к безусловной откровенности.

Прощаясь со мною, его величество добавил:

«Все, что вы мне сказали, очень серьезно. Я от себя этого не скрываю. Будьте уверены, что я зрело взвешу, что здесь нужно делать».

Г-на Бисмарка я нашел таким же, каким мы его знали в Санкт-Петербурге [99]: обширный ум с широким горизонтом, сразу схватывающий практическую сторону вопросов, но увлекаемый воображением или скорее, находящийся под давлением трудности положения. Я не нашел у него возражений ни на один из выдвинутых мною существенных пунктов, которые, казалось, должны входить в круг идей, какие он сам себе составил. Но он считал почти невозможным, чтобы эти идеи восторжествовали, учитывая личное его положение, как оно создалось в результате влияний, окружающих короля, и теперешнего направления мыслей его величества.

Он не раз приходил к следующему выводу: «Если я окажу давление на короля, он отречется от престола, и я все же уйду от дел, так как государь, который после него вступит на престол, с самого начала пойдет по пути либерализма, на который я не стану никогда».

Я ему сказал: «в наше время обладание властью не является такой приманкой, которая могла бы быть поставлена на одну доску с покоем частной жизни; но когда государственный человек убежден, как мне кажется убежден он, что его отставка повлечет за собою пагубные раздоры в его собственной стране, он не может позволить себе принести в жертву своим вкусам столь великие интересы; я посему отвергаю этот расчет, противный всякому человеку, преданному своему государю и своей стране.

Как в разговорах с королем, так и в разговоре с г. Бисмарком, я выдвинул вопрос о границах [100], вопрос, являющийся главным препятствием для восстановления мира.

«Мы уже находимся,— заявил я,— между двумя ультиматумами: чертой, от которой английский кабинет, по его заявлению, ни за что не хочет отклониться, и линией от Фленсбурга до Тондерна, которая, по утверждению Пруссии, является ее последним словом. Зона между этими двумя крайними пунктами не особенно обширна. Не могла ли бы каждая из противных сторон сделать шаг вперед и встретиться на полдороге? В случае, если самолюбие не позволяет ни той, ни другой стороне принять на себя инициативу, то не могла ли бы какая-либо нейтральная держава взять на себя предложение компромисса. Я в особенности имел в виду сохранение за Данией города Фленсбурга. Этот город не увеличил бы реальной силы той или другой стороны; но это звучное наименование, которое английские министры могли бы использовать перед британским парламентом, как успех, если только разрыв уже не является в Лондоне делом решенным, как единственное средство сохранения их политического существования и поднятия национальной чести. Тогда их решение держаться линии Шлея [101] было бы не более как предлогом. В этом отношении действительное положение вещей может быть оценено только в Лондоне, но размер ставки стоил бы того, чтобы такую попытку предпринять».

Не могу предсказать, даст ли практический результат то впечатление, какое мои слова очевидно произвели.

Г-н Бисмарк не выставил против меня непреодолимых возражений. Король выдвинул против меня только одно возражение: попечение о чести страны. Я не один раз позволил себе доложить е. в., что один он является единственным выразителем этой чести, что он поднял знамя ее слишком высоко, что и энергия его дипломатии не нашла себе равной ни в какой другой стране, поэтому нация никак не может усумниться в том, что эта честь находится в надлежащих руках.

На этом я кончаю.

Если в течение дня я соберу сведения о результатах моих бесед, то поделюсь ими с вами. Во всяком случае, почерпните, дорогой барон, из этого обзора те указания, которые вы сочтете возможным развить в интересах дела доверенного вам государем императором.

Горчаков.

Помета Александра II: «Очень хорошо».

Доклад Александру II министра иностранных дел Горчакова за 1864 г. *

Датско-германский вопрос

Когда последний отчет был представлен на благовоззрение вашего величества, попытки, сделанные в Копенгагене сообща всеми не-германскими великими державами для предотвращения вооруженного столкновения между Данией и Германией, только что потерпели неудачу, и война разразилась на берегах Эйдера. Разница в силах двух враждующих сторон была слишком велика, чтобы хотя на минуту можно было сомневаться в неизбежном исходе этого столь неосторожного обращения к оружию со стороны датского кабинета, который, не слушая советов своих друзей, следовал лишь за голосом народных страстей. И только тогда, когда датская армия принуждена была спешно оставить позиции Даневерка, всегда считавшейся в Копенгагене неприступной, датскому правительству пришлось оценить свое истинное положение.

После того, как оно отклонило предложение о перемирии, сделанное Австрией и Пруссией и рекомендованное сент-джемским кабинетом, который ни на минуту не переставал развивать в пользу Дании деятельность, более благожелательную, нежели удачную, только при виде, что последнее укрепление Шлезвига — высоты Дюппеля попадают в руки врага, министерство, наконец, уступило настояниям нейтральных держав и решилось принять предложение — перенести спор, угрожавший существованию датской монархии, на конференцию держав, подписавших трактат 1852 года.

Так как прискорбный ход переговоров, происходивших на этой конференции, собравшейся в Лондоне, и окончившейся неудачей, был уже изложен выше, я ограничусь, государь, тем, что напомню о том политическом акте, который произошел на одном из последних заседаний конференции и определил последующую линию поведения кабинета вашего величества в датско-германском вопросе. Этот важный акт — приказ вашего величества барону Бруннову напомнить Европе, что права российского императорского двора, которым должна вернуться вся их сила в случае аннулирования Лондонского договора, ваше величество передает великому герцогу Ольденбургскому. Герцог будет сам отстаивать их на основании прав, ему лично принадлежащих.

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 44.

Так как усилия держав, собравшихся в Лондоне, не увенчались успехом, и трактат 1852 г. был фактически аннулирован, судьба Дании снова оказалась во власти военного счастья. После взятия острова Альзена копенгагенскому кабинету ничего больше не оставалось делать, как только обратиться непосредственно к своим врагам с просьбой о мире[102], условия которого Пруссия и Австрия могли теперь диктовать, не представляя их на рассмотрение нейтральных держав; упрямство Дании, до последнего момента отклонявшей все предупреждения даже своих самых искренних друзей, лишило нейтральные державы в конце концов возможности быть ей еще полезными.

Мир, заключенный в Вене[103], без участия не-германских великих держав, при самых неблагоприятных для Дании обстоятельствах, не мог не быть тяжелым для датской монархии. Только своими советами в Вене и Берлине о необходимости умеренности, кабинет вашего императорского величества мог оказать некоторое влияние на переговоры, в которых он был приглашен принять прямое участие.

Так как последствием этого мира явилось полное отделение герцогств по Эльбе от Дании, доброжелательная забота о делах его высочества великого герцога Ольденбургского, которую ваше императорское величество соблаговолили проявить, не ограничилась простой передачей наследственных прав Готторпского дома его младшей ветви, и представители вашего императорского величества в Берлине и Вене получили приказания поддержать при этих двух дворах дело е. им. выс., а именно настаивать на тщательном рассмотрении наследственных прав, ему только что переданных. Когда же австрийское правительство, стремясь придти поскорее к решению вопроса о шлезвиг-гольштинском наследстве, предложило прусскому правительству немедленно признать принца Августенбургского, вы, ваше императорское величество, предписали графу Штакельбергу[104] указать графу Менсдорфу[105] на то, в какой мере подобный демарш сам по себе не соответствовал законам справедливости, и даже в том случае, если ваше императорское величество и будете это игнорировать, насколько он не соответствовал тому уважению к вам, на которое вы имели право рассчитывать; что вполне естественно и логично было бы беспристрастно рассмотреть права обоих претендентов; что вы, ваше императорское величество, тем более имели основание на это рассчитывать, что ваша позиция была совершенно лишена личной заинтересованности, так как вы изволили отказаться без каких-либо оговорок, от прав вашего дома в пользу великого герцога и что, в силу всех этих фактов требования немедленного признания одного из соискателей будет равносильно замене принципа права силой. Г-ну Убри было поручено в том же смысле высказаться перед г-ном Бисмарком.

Вследствие этого проект о немедленном признании принца Августенбурга, был аннулирован. Между обоими великими державами возобновились переговоры с целью прийти до начала рассмотрения вопроса о наследстве к соглашению о позиции, которую займут герцогства на Эльбе относительно Пруссии, чьи интересы на севере Германии и на берегах Балтийского и Северного морей требуют гарантий и некоторых мероприятий военного характера, несовместимых с полной суверенностью нового государства. Депеша г-на Бисмарка к графу Менсдорфу от 21 февраля[106] подробно излагающая требования, кладет начало новой и опасной для австро-прусского союза фазы датско-германского вопроса. Венский кабинет не нашел возможным выразить свое согласие на требования Пруссии, и ближайшее будущее покажет нам, суждено ли этому вопросу, много лет угрожавшему нарушить покой Европы, поколебать существование германской конфедерации.

[Горчаков].

Доклад министра иностранных дел Горчакова Александру I, 3 сентября 1865 г.*

Наши современные взаимоотношения с иностранными державами определились во время польского кризиса.

Этот кризис привел нас к следующим выводам:

1. Выяснилось, что несмотря на отсутствие антагонизма в интересах наших и Франции, и несмотря на возможность и выгоду соглашения между двумя странами, это соглашение не имело достаточной цены в глазах императора Наполеона, чтобы пересилить его приверженность к революционному «принципу народностей».

2. Стало также очевидно, что поведение других великих держав в этом кризисе было продиктовано желанием разрушить нашу, внушающую им подозрения, близость с Францией. Таким образом, близость эта доставила бы нам противников, не принеся верных друзей.

3. Польский кризис не только послужил нам уроком, но и принес с собой трудности, требующие немедленного разрешения, и фундаментальную работу в будущем.

Эти соображения должны преобладать в нашей политике.

Чтобы успешно выполнить нашу задачу в Польше, мы должны прежде всего стараться поддерживать всеобщий мир.

В продолжение десяти лет императорский кабинет не переставал руководствоваться этим принципом. Сообразно с велениями государя императора, наша внешняя политика не имела другой цели, кроме наших внутренних дел, и отстраняла все что могло бы их расстроить. Этот принцип, полезный и мудрый в то время, когда мы не были непосредственно заинтересованы в делах Европы, стал абсолютно необходимым после того, как мы в них вмешались, вследствие событий в Польше. Всеобщий европейский пожар должен был закончиться в Польше.

Кроме того наши отношения с соседними государствами имели для нас двойное значение: во-первых, по причине общности интересов в результате разделов, а кроме того, потому, что Германия — это дорога Польши. Мы должны были желать, чтобы согласие между двумя великими немецкими державами не было нарушено, потому что мы не могли бы принять сторону одной, без того, чтобы не бросить другую в объятия наших противников. Мы должны были желать, чтобы Германский союз не был поколеблен, потому что междуусобная война открыла бы двери иностранной интервенции, которая могла бы захватить и Польшу.

Эти убеждения руководили нами в осложнениях прошлого года в вопросах по поводу герцогств на Эльбе.

Мы поддерживали со всей силой своего влияния согласие между двумя великими германскими державами и приветствовали их решение взять в свои руки дело, чтобы спасти его от демократических поползновений второстепенных держав.

Конечно, мы не упускали из виду интересы и датской монархии, и если бы наши советы были услышаны в Копенгагене, может быть они избавили бы Данию от потери герцогств.

Если бы на Лондонской конференции великие державы, подписавшие протокол 1852 г., изъявили намерение поддерживать принципы права и равновесия, которые они сами установили, мы, конечно, присоединились бы к ним. Но положение Европы не допускало подобного решения. Правительства были разъединены глубоким недоверием друг к другу и принципы права и равновесия встречали весьма слабых защитников.

* МИД, канцелярия, 1865 г., д. № 44.

Нам не следовало выдвигаться на передовую линию, так как мы могли бы остаться в одиночестве.

Свидания в Берлине и Киссингене в прошлом году имели целью поддержать согласие между двумя великими германскими державами и в то же время рекомендовать им умеренность и сговорчивость по отношению к Дании во имя интересов порядка, мира и консервативности, перед опасностями всеобщей революции и французского честолюбия.

Наши усилия потерпели неудачу в силу создавшегося положения: решения Пруссии использовать до последнего предела благоприятную для нее обстановку и бессилия Австрии помешать этому.

В этот решительный момент мы отклонили предложения Англии о вмешательстве, потому что они имели целью морские действия, для которых английские силы являлись вполне достаточными, тогда как наше участие неизбежно повлекло бы осложнения на суше, которых мы должны были избегать.

Если бы мудрость этой предосторожности нуждалась в доказательстве, оно нашлось бы в ответе тюильрийского кабинета, когда такие же предложения были сделаны в Париже. Г-н Друэн де-Люис намекнул на то, что Англия покинула Францию в польском вопросе и намекнул на необходимость компенсации за те жертвы, которые император Наполеон должен был бы потребовать от своей страны.

Последующие события являлись естественным следствием предыдущих.

Судьба Дании свершилась. Оставалось закрепить результаты войны договором и позаботиться о будущем герцогств.

В этой новой стадии вопроса мы сохранили ту же осторожность.

В вопросе о герцогствах мы не были заинтересованы непосредственно, так как государь император передал права своего дома великому герцогу Ольденбургскому. Единственно чего желал государь, это чтобы судьба герцогств была определена на основе изучения вопроса, согласно с принципами монархического права и порядка, с гарантией безопасности для Дании и Европы, и особенно того, чтобы этот вопрос не послужил причиной разрыва внутри Германского союза. Великие германские державы, также, как и второстепенные, хорошо знали точку зрения императора. Он сообщил ее королю, когда были сформулированы прусские условия.

Наше вмешательство не шло дальше. Несколько раз французский кабинет косвенно зондировал наше мнение о возможности морского господства Пруссии в Киле, что, с его точки зрения, не могло совпадать с нашими интересами, как державы, владеющей берегами Балтийского моря. Мы не приняли этих намеков.

Конечно, императорский кабинет признавал важность тех изменений, которые были внесены в равновесие морских сил на севере Европы. Но мы не преувеличиваем значения этого факта. Великая морская держава не создается в один день или по желанию. Тем не менее, мы не можем скрыть, что вероятный исход этого кризиса не соответствует нашим интересам. Но те же соображения, которые побудили нас примириться с расчленением датской монархии, требуют от нас такой же осторожности по отношению к возможным последствиям этого факта.

Эта осторожность соответствует основной точке зрения императорского кабинета, а именно: при современном положении нашего государства и Европы вообще, главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче.

Соглашение, последовавшее за свиданием в Гаштейне, не изменило нашей точки зрения [107]. Мы сожалели бы о разрыве между двумя великими германскими дворами. Мы не верили в возможность его. Мы предвидели уступки в пользу Пруссии. Из предположений, вызванных этим инцидентом, самым вероятным представляется то, что Австрия не будучи в состоянии помешать увеличению Пруссии на севере и не решаясь на войну, чего ей не позволяет ее положение, захочет уменьшить свои затруднения путем компенсации.

Судя по взглядам, которые повидимому преобладают в Вене, эта компенсация может быть представлена в материальной помощи, имея в виду борьбу в Италии [108]. Австрия обеспечит себе залог в обмен на эту помощь.

Мы не высказали нашего мнения по поводу этого решения, предварительный характер которого позволяет нам молчать. Теоретический протест французского кабинета, который к тому же не был нам сообщен официально, имеет скорее характер поощрения протестам второстепенных государств Союза, чем серьезного выступления [109]. Лондонский кабинет не сообщил нам своего мнения.

При таком положении вещей мы будем ждать, чтобы события определились и чтобы выяснилась позиция великих держав Европы.

Его величество император остается совершенно свободным в своих решениях. Они будут направлены к соблюдению интересов России, которые, мы повторяем, заключаются в двух следующих принципах:

Устранить все, что могло бы нарушить работу в области реформы, преобразования; это является главнейшей задачей страны.

Препятствовать, поскольку это зависит от нас и не противоречит нашей основной задаче, чтобы в это время политическое равновесие не было нарушено в ущерб нам.

Наши отношения с двумя великими германскими дворами поддерживаются в направлении этих основных взглядов. Они остаются дружественными с Пруссией, но та цель, которую преследует берлинский кабинет и характер его современной политики, ни перед чем не останавливающейся, чтобы добиться своего, исключает возможность тесного сближения.

Что касается Австрии, то мы пришли к принципиальному согласию после свиданий прошлого года. Но на деле политика этой державы настолько зависит от настоящих ее затруднений внутренних и внешних, что никак нельзя полагаться на нее. Так, даже в вопросе о Дунайских княжествах, когда наши взгляды и интересы казалось были тождественны перед действиями князя Куза [110], мы встретили очень слабое содействие.

Опыт, проводимый ею в настоящее время в Венгрии [111] и который, как кажется, должен быть распространен и на Галицию, ведет ее по пути, который не сможет содействовать нашему сближению.

Наши отношения с Францией очень трудно определить. Польский кризис прервал их на время. Император Наполеон потерпел неудачу, что он признавал сам и что подчеркнул своим предложением общего конгресса. Мы не старались ухудшать его положение. Но все его поведение свидетельствует, что он видит во всем этом свою неудачу, но не ошибку, и что он ищет возможности получить удовлетворение, но не исправить сделанного.

События в Италии [112], Мексике [113] и Соединенных Штатах [114] в данное время отвлекли его внимание.

Свидания прошлого года не носили политического характера [115], но они способствовали личному сближению и благотворно повлияли на наши отношения. Это впечатление было закреплено симпатией, которую вызвало горестное испытание, пережитое нашим августейшим

государем во Франции, и тактом, который обнаружил император Наполеон при столь тяжелых обстоятельствах [116]. Личные отношения приобрели весьма сердечный характер. Но это не повлияло на политические отношения. Всюду, где мы приходим в соприкосновение, французский кабинет доказывает нам свою враждебность, не оправданную ни различием принципов, ни противоречием интересов. Особенно проявляет себя эта тенденция на Востоке. С явной враждебностью Франция вмешивается во все вопросы, которые затрагивают нас. Она проникает на Кавказ [117], в Армению [118] повсюду, где она может найти повод противодействовать нам. Трудно определить, в какой мере должно нести ответственность за это французское правительство. Весь механизм французской дипломатии направляется ненавистью к нам, которая была вызвана польским кризисом, а большое количество польских агентов среди низших чинов во Франции без сомнения способствует сохранению этого направления. Но правительство не делает ничего, чтобы его изменить. Мы не можем считать подобное постоянство фактом случайным. Оно является симптомом положения, подобного 1852 г., когда император Наполеон, придя к власти без союзников, перед лицом враждебной или недоверяющей ему Европы искал и находил на Востоке почву, где эта враждебность и это недоверие Европы переносилось с него на нас [119]. К несчастью, сейчас как и тогда благосклонность с какой Европа встречает все, что может уменьшить нашу позицию и ослабить возможность нашего влияния на Востоке, должна его ободрить в его намерениях.

Нам невозможно точно установить действительные пределы, какие может иметь эта тенденция французской политики, или определить ее срок. Но она настолько резко выражена, так постоянна, и, кажется, так глубоко вошла в привычки французской дипломатии, что если не серьезные последствия, которые сулит ей новый курс, мы не предвидим возможности вернуться к прежнему согласию.

Мы должны тем не менее оставить для этого двери открытыми, сохраняя повсюду позицию защиты и наблюдения. Неустойчивость современного положения Европы, терпимость, которую Англия выказывает по отношению к Франции, соперничество Пруссии и Австрии, ищущих установить с ней добрые отношения, заставляют нас сохранить предосторожность.

С Англией у нас имеется согласие во всех основных европейских вопросах. Как и мы, она хочет мира и равновесия в Европе, сохранения status quo на Востоке на основе договоров, успокоения страстей, путем примирения, и развития материального благополучия. Как мы, она осуждала поведение князя Куза и желает справедливого примирения и законного разрешения спора о монастырских имуществах.

Ее планы в Сирии и Египте тоже не противоречат нашим [120].

Но это согласие лишь в принципах. На деле английский кабинет проявляет уступчивость по отношению к Франции, что делает невозможным совместные действия с нами.

Эта ненормальность объясняется, как справедливо отметил наш посланник в Лондоне, тем, что английский кабинет нашего влияния в княжествах боится больше, чем французского. Из двух зол он выбирает меньшее. Это пристрастное решение выходит за пределы княжеств и проявляется в большинстве вопросов, волнующих Восток, даже там, где Россия не заинтересована непосредственно. Как кажется, оно связано с убеждением, вкоренившимся в сознание английских министров, что возвышение Франции связано с жизнью одного выдающегося человека и что его дела не переживут его. Они заключают из этого, что более благоразумно согласиться на союз, который обяжет императора Наполеона относиться с некоторой осторожностью к ан-

глийским интересам, нежели подвергаться опасностям, тем более, что войны времен первой империи оставили тягостное воспоминание в английском народе[121].

Это убеждение британского правительства весьма тягостно влияет на весь ход общей политики Англии и парализует благотворную деятельность, которую мы могли бы проводить сообща.

Еще более было бы прискорбно если бы события в Центральной Азии[122] неправильно оцененные лондонским кабинетом внесли бы в наши отношения повод к разногласиям, что несомненно оказало бы неблагоприятное влияние на наше политическое положение.

Помета Александра II: «Очень хорошо».

Примечания

1. Убри П. П., граф, русский посланник с 1863 г., а с 1871 г. посол в Берлине.

2 Горчаков А. М., князь, с 1856 г. по 1882 г.—министр иностранных дел, с 1867 г. также и канцлер российской империи.

3. Бисмарк, Отто, князь. Председатель Совета министров в Пруссии и в то же время министр иностранных дел с 1862 по 1871 г., канцлер германской империи с 1871 по 1890 г.

4. Датский вопрос — вопрос о герцогствах Шлезвиг и Гольштиния, которыми Дания окончательно овладела с 1806 г.; Венский конгресс 1814 г. оставил герцогства Шлезвиг, Гольштинию и Лауенбург в датском владении, причем последние два герцогства были признаны членами Германского союза. В 1848 г. революционно-освободительное движение захватило и герцогства, где образовалось временное правительство, объявившее войну Дании при поддержке Пруссии. В 1850 г. Пруссия заключила с Данией мир в Берлине, согласно условиям которого герцогства оставались в полном владении Дании, но с обязательством последней дать герцогствам конституцию. Восстание в герцогствах было подавлено, а в 1852 г. на Лондонской конференции представители Англии, Австрии, Франции, Пруссии, России, Швеции и Норвегии подписали протокол о неприкосновенности датского королевства и о порядке престолонаследия в нем. Однако 13 ноября 1863 г. в Дании утверждена была новая общая конституция, по которой герцогство Шлезвиг окончательно инкорпорировалось с Данией, что вызывало протест Германского союза, всегда настаивавшего на введении Шлезвига в Союз, и требование его отменить конституцию.

Смерть датского короля Фридриха VII (не оставившего прямого наследника) еще более усложнила положение. По Лондонскому протоколу 1852 г. датский престол переходил в этом случае по женской линии Ольденбургского дома к принцу Христиану Шлезвиг-Гольштейн Зонденбург Глюксбургскому, но в герцогствах Лондонский протокол не признавался и наследником считался представитель младшей мужской линии Готторпского Ольденбургского дома — принц Фридрих Августенбургский, который 18 ноября 1863 г. и объявил о своем вступлении на герцогский престол. Германский союзный сейм поддержал герцога Августенбургского и занял союзной армией Гольштинию. Представители Пруссии и Австрии на сейме заявили, что оба германские государства, хотя и поддерживают Лондонский протокол, но присоединяются к требованию Союза об отмене конституции 18 ноября 1863 г., нарушающей обязательства, данные Данией в 1850 г.

5. В телеграмме от 15/3 января Убри сообщал: «Сейм отклонил австро-германское предложение. Два великих германских государства намерены взять дело в свои руки и приступить сообща к оккупации Шлезвига, во имя поддержания Лондонского договора. Соглашение с Австрией будет заключено в ближайшее время. Войска в движении. Ультимативное требование сроком на 18 часов будет предъявлено Дании. Решения приняты. Положение серьезно».

6. Сидов — представитель Пруссии на общегерманском франкфуртском сейме.

Общегерманский сейм являлся органом Германского союза, созданного Венским конгрессом в 1815 г. Союз объединял немецкие независимые государства. Союзный сейм, собиравшийся во Франкфурте, состоял из уполномоченных отдельных государств. В зависимости от величины и значения, государства имели один или несколько голосов, или объединялись в курии, председательство и главное влияние в сейме принадлежало австрийскому уполномоченному. Герцогства Гольштиния и Лауенбург также входили в состав Германского союза, хотя Венским конгрессом 1815 г. и были оставлены в датском владении, в качестве вознаграждения за отделение от Дании Норвегии.

7. Речь идет о конституции от 13 ноября 1863 г., которая была утверждена новым королем — Фридрихом VIII 18 ноября и принята датским ригсдагом (парламентом), как основной закон для «королевства Дании и герцогства Шлезвигского». Введение Шлезвига, который до сего времени имел свое управление и сословный сейм, в общую с королевством конституцию, означало полное его слияние с Данией.

8. Пфордтен, барон,— представитель Саксонии на общегерманском сейме.

9. Представитель герцогства Гессенского на собрании франкфуртского сейма 14/2 января сделал предложение о немедленном введении союзных войск в Шлезвиг.

10. 12 января 1864 г. (31 декабря 1863 г.) Англия обратилась к европейским державам с предложением собрать конференцию для обсуждения датского вопроса, на что Наполеон III ответил циркуляром к второстепенным германским дворам с заявлением, что он согласится на предложения Англии с условием, если Германский союз примет участие в предполагаемой конференции.

11. Четверное согласие — согласие Австрии, Англии, России и Пруссии; этого соглашения особенно добивалась Россия, желая изолировать Францию за политику последней в польском восстании 1863 г., а также и потому, что видела в ней главный очаг «революционной заразы».

12. Таллейран — Перигор, барон,— французский посол в Берлине с 1862 г. по ноябрь 1864 г.

13. «Спасительное решение», которого добивалась Россия у Дании — это отмена конституции 13 ноября 1863 г. и добровольное согласие Дании на оккупацию Шлезвига австро-прусскими войсками, в чем русское правительство видело в некотором роде гарантию против революционной пропаганды в Гольштинии.

14. К этому времени борьба между Бисмарком и прусской либеральной буржуазией достигла крайнего напряжения. В 1863 г. палата вотировала недоверие министерству Бисмарка и была распущена. Король говорил об отречении от престола. Бисмарк же заявил, что он готов править без большинства и без бюджета. В новой палате опять преобладала оппозиционная партия и сессия 1864 г. была чрезвычайно бурной. Бисмарк рассчитывал укрепить свое положение и положение правительства крупной победой Пруссии на внешнем фронте.

15. Бруннов, граф,— русский посол в Лондоне с 1858 г. по 1874 г. В письме в Бруннову от 30 декабря 1863 г., пересланного в копии и Убри, Горчаков говорит о настоятельной необходимости поддерживать и укреплять четверное согласие. Для этого, по его мнению, надо с одной стороны успокаивать подозрительность Англии, явно не доверяющей Пруссии, а с другой удерживать Пруссию от чрезмерных притязаний. Кроме того, по мнению Горчакова, интересы России связаны с положением Бисмарка. Надо укреплять его положение внутри страны, убедить Данию согласиться на оккупацию Шлезвига, обещая за это изгнание из Гольштинии принца Августенбургского. В случае, если Англия предпримет морскую демонстрацию в пользу Дании, Россия намеревалась дружественно предупредить Австрию и Пруссию, что эта демонстрация направлена только против Союзного сейма, выделив их, таким образом, и присоединив к державам, подписавшим Лондонский трактат.

16. Т. е. поставило бы консервативные государства, бывшие члены Священного союза — Австрию, Пруссию и Россию против Англии и Франции.

17. Будберг, барон,— русский посол в Париже с 1862 г. по 1868 г.

Телеграммой от 15/3 января Будберг сообщал «...Просьба Дании о посредничестве здесь вручена. В принципе здесь не расходятся с английским проектом конференции; ответ и был дан в этом смысле. Англия предлагает декларацию четырех негерманских государств перед Германским союзом против могущего быть вступления в Шлезвиг. Друэн не отклоняет этого предложения, но желает, чтобы эта декларация была обращена официально в Берлин и Вену и чтобы в Франкфурте она являлась только инструкцией уполномоченным и не имела бы угрожающего характера».

18. Письма Горчакова к Будбергу в материалах, хранящихся в Госархиве внешней политики — не обнаружено.

19. Дания не хотела никакого собрания держав для разрешения вопроса о герцогствах, предвидя, что в открытой войне она может потерять меньше, нежели при решении вопроса «дружественными» державами, но русское правительство, не желая выступать активно в пользу Дании против Пруссии, настаивало, чтобы Дания обратилась к державам с предложением о созыве конференции.

20. Тун-Гогенштейн, граф, австрийский поверенный в делах в Петербурге с 1863 по сентябрь 1864 г.

21. Редерн, барон, прусский посланник в Петербурге с 1863 г. по 1866 г.

22. Эйдер — река, протекающая по Шлезвигу, впадающая в Немецкое море.

23. Россель Джон, граф, — английский министр иностранных дел с 1862 по 1866 г.

24. Упоминаемой телеграммы Убри в делах Архива внешней политики не обнаружено.

25. В 60-х годах империя Наполеона явно шла к упадку. Нарастающее недовольство различных слоев населения, громадный государственный дефицит, оживающее после разгрома 1848 года рабочее движение — все это заставляло Наполеона III искать выхода в авантюрных выступлениях во внешней политике.

26. Точных указаний на то, когда был поставлен Россией подобный вопрос, в материалах архива не обнаружено. Наиболее вероятное предположение, что произошло это в 1863 г., когда Россия опасалась активного выступления Франции в защиту Польши.

27. В это время русское правительство еще было занято кровавой расправой с участниками польского восстания 1863 г., отыскивая и пресекая повсюду «корни» революции.

28. Габленц имеет в виду Священный союз, оплот общеевропейской реакции, заключенный 26 мая 1815 г. в Париже между Россией, Австрией и Пруссией. Союз распался в 30-х годах.

29. Во время польского восстания 1863 г. Наполеон III, уступая давлению общественного мнения и надеясь завоевать симпатии либералов, встал на защиту Польши, обратившись к европейским державам с призывом созвать конгресс для разрешения польского вопроса. Наоборот Пруссия заключила с Россией конвенцию (секретная конвенция Альвенслебена) для борьбы с польской революцией. Австрия поддерживала то дипломатическое давление, которое старались оказать на Россию Англия и Франция.

30. В депеше от 21/9 января русский посол в Копенгагене Николаи сообщал, что датское правительство, следуя советам Англии и России, готово объявить собрание нового ригсдага, чтобы получить от него санкцию на отмену конституции 18 ноября 1863 г. Циркулярные ноты с извещением об этом решении будут направлены к дружественным державам (Англия, Россия, Франция и Швеция) с заявлением, что датское правительство решило вступить на этот путь, рассчитывая, что Пруссия и Австрия согласятся на продление срока ультиматума.

31. Друэн де-Люис,— французский министр иностранных дел с 1862 г. по 1866 г.

32. В своем донесении от 16/4 января русский посол в Париже Будберг сообщал, что в германских газетах опубликован циркуляр французского министра иностранных дел к французским представителям при различных германских дворах — членах Германского союза,— сообщающий им точку зрения французского правительства на предполагаемую конференцию по вопросу о Гольштинии. На основании опубликованного циркуляра можно вывести заключение, что Франция намерена отказаться от протокола 1852 года. На запрос Будберга Друэн де-Люис, заявил, что опубликованный в германских газетах циркуляр очень отличается от подлинного, не сообщая однако текста циркуляра. Это убедило Будберга в том, что опубликованный текст немногим отличается от подлинника.

33. 5 января (н. ст.) датское правительство обратилось к державам, подписавшим Лондонский трактат, с просьбой посредничества в вопросе о герцогствах, не уточняя формы, в какой это посредничество может быть осуществлено. Англия и Франция, воздерживаясь от решительного выступления, ответили заявлением, что просьба слишком неопределенна. Русское правительство, указывая на то же, настойчиво советовало Дании повторить обращение с просьбой о конференции, причем указало даже формулу этого обращения: «Датское правительство желало бы собрания держав, подписавших Лондонский трактат с присоединением представителя от общегерманского сейма, дабы обсудить средства разрешения германо-датского вопроса».

34. Карольи, граф, австрийский посланник в Берлине с 1860 г. по 1866 г.

35. Бьюкенен, Андрью, английский посол в Берлине с 1862 г. по 1866 г.

36. Синяя книга — английский сборник дипломатических документов, представляемых в парламент.

37. Общественное мнение в Англии было настроено в пользу Дании и требовало более решительных действий со стороны правительства. Между тем правительство (либеральное Пальмерстона) проявляло в датском вопросе чрезвычайную нерешительность. По мнению Бруннова эта инертность объяснялась тем, что «английский флот не может быть приведен в движение, не дав повода Франции двинуть свои армии. Пальмерстон не решается пройти Зюнд, не желая, чтобы Наполеон перешел Рейн. Поэтому оба государства остаются неподвижными».

38. Шифрованная телеграмма Горчакова Убри от 16 января следующего содержания: «Настоятельно просите не ускорять событий до прибытия моего курьера, выезжающего в пятницу утром. Возможный разрыв между Англией и великими германскими державами, разрыв, к которому присоединится несомненно и Франция, подвергнет опасности все интересы как общие, так и частные, и задушит в зародыше надежду на лучшее будущее Европы».

39. Маршал Врангель — командующий прусской оккупационной армией.

40. Итценплитц, граф,— прусский министр торговли, промышленности и общественных работ с 1862 г. по 1873 г.

41. Общественное мнение во Франции, отражавшееся во французской либеральной прессе, сочувствовало лозунгу национального освобождения, под которым шло революционно-освободительное движение в Италии, Польше, на Балканах, освободительное движение в Германии. Уступая общественному мнению, Наполеон III объявил национальное освобождение «принципом своей внешней политики.

42. Нэпир, лорд, — английский посол в Петербурге с 1861 г. по 1864 г.

43. 13/1 января Бруннов из Лондона сообщал шифром: «Совет министров решил вчера поставить перед негерманскими державами следующий вопрос: если герцогства Шлезвиг и Гольштиния будут силою отторгнуты от Дании, готовы ли они материальными средствами поддержать неприкосновенность датской монархии. Россель ожидает уклончивого ответа без практического результата. Большинство правительств предпочтут именно это, чтобы оправдать свое бездействие, перекладывая вину на другого. Не считаете ли вы поэтому возможным, дабы расстроить парламентские расчеты, объявить себя готовым, вместе с другими правительствами, рассмотреть меры, которые Англия предложила бы в этом случае». Заметка рукою Горчакова: «Какая жалкая политика»; заметка рукою Александра II: «Надо отдать им справедливость».

44. В 1848 г. в герцогствах поднялось восстание под лозунгом соединения Шлезвига и Гольштинии в одно целое и включения первой в состав Германского союза. Восстание было подавлено Данией, но Пруссия встала якобы на защиту герцогств и началась война, продолжавшаяся до 1850 г., когда был заключен мир с Пруссией, а несколько позднее восстание было окончательно подавлено. После этого Дания дала Шлезвигу независимое административно-политическое положение, а в 1852 г. сеймы шлезвигские и гольштинские получили законодательные права для вопросов местных.

45. Даневерк — древний пограничный вал, построенный датчанами еще в IX в. в защиту от соседних племен. После шлезвигской войны 1848 г., в которой Даневерк оказался плохой защитой, датчане с большими затратами снабдили Даневерк сильными укреплениями. В начале войны 1864 г. датская армия укрывалась за Даневерком, но потом без боя сдала его прусским и австрийским войскам.

46. Квааде, — датский посланник в Берлине с 1860 г. по январь 1864 г., когда после разрыва дипломатических отношений между Пруссией и Данией выехал в Копенгаген и 8 января занял пост министра иностранных дел.

47. Австро-прусские войска заняли город Шлезвиг 6 февраля (25 января 1864 г.).

48. Рехберг, граф,— австрийский министр иностранных дел с 1859 г. по 1864 г.

49. Телеграммой от 4 февраля/23 января Моренгейм сообщал: «Сегодня должна быть отослана телеграфом декларация в Лондон через представителей Пруссии и Австрии. В ней говорится, что, базируя оккупацию Шлезвига на договорных условиях 1852 г., оба правительства подразумевали и неприкосновенность как составную часть этих условий. Что если однако последствия, которые повлечет за собой сопротивление Дании подчиниться оккупации или активное вмешательство других держав вызовут необходимость комбинаций более соответствующих жертвам, какие оба правительства принесут, эти последние будут готовы установить эти комбинации вместе с державами, подписавшими Лондонский трактат».

50. По сообщению 9 февраля/28 января посла в Лондоне Бруннова Пальмерстон, делая сообщения в палате общин о датском вопросе, заявил, что хотя прусская декларация по поводу вступления в Шлезвиг и лишена, конечно, ясности, но по его мнению из нее следует заключить, что Пруссия и Австрия решили обсуждать могущие возникнуть вопросы вместе с державами, подписавшими Лондонский трактат. То же мнение о неясности декларации выражал Бруннову и Россель.

51. Плессен, барон — датский посланник в Петербурге с 1849 по 1867 г.

52. В 1848 г., когда в герцогствах Шлезвиг и Гольштинии поднялось революционно-освободительное движение под лозунгом отделения от Дании, Николай I послал в помощь последней свой флот.

53. Русский император Петр III был сыном гольштинского герцога Карла Фридриха и наследником его. В 1767 г. Екатерина II отказалась за сына Павла от прав наследования в Шлезвиг-Гольштинии в пользу датского короля. В 1773 г. по достижении совершеннолетия Павел подтвердил этот отказ.

54. Варшавский договор 5 июня/24 мая 1851 г. был заключен между Данией и Россией и содержал отказ Николая I от своего имени и имени своих наследников от престолонаследия в Шлезвиге и Гольштинии в пользу будущего наследника датской короны — принца Христиана Глюксбургского.

55. Тотчас по вступлении австро-прусских войск в Шлезвиг (6 января) датское правительство обратилось к Англии, России и Франции с просьбой о защите прав датского короля, при чем в обращении к Англии и Франции напоминалась их гарантия 1720 г., а к России — отречение от прав на герцогства 1763 и 1767 гг.

Гарантии Англии и Франции были даны Дании, когда она получила в вечное

владение Шлезвиг за участие в Северной войне против Швеции по миру 1720 г. Король Фридрих IV, занимавший в то время датский престол, происходил от Августенбургской линии королевского дома.

56. Герцоги Ольденбургские являлись младшей линией датского королевского и герцогского Шлезвиг-Гольштинского Готторпского дома. По соглашению с Александром II, который, будучи представителем старшей линии Готторпского дома, еще в 1862 г. уступал свои права герцогу Ольденбургскому, герцог Ольденбургский должен был предъявить свои права на герцогский престол в случае отделения герцогства от Дании.

Русское правительство предприняло этот шаг, во-первых, потому, что герцоги Ольденбургские были тесно связаны с Россией, а, во-вторых, первый претендент на герцогский престол герцог Августенбургский был кандидатом Германского союза, проводившего революционные, по мнению Александра II, объединительные идеи.

57. 14/2 февраля Моренгейм телеграфировал в Петербург: «Только что от Бисмарка. Пруссия поддерживает территориальную неприкосновенность датской территории, в выражениях своей декларации Лондону, т. е. условно, но считает себя свободной от всяких прямых обязательств с Данией. Если изменение станет необходимым, Пруссия отдает предпочтение Ольденбургу перед Августенбургом».

58. Тингсы — палаты датского парламента: фолькстинг — нижняя и ландстинг — верхняя.

59. Во французских и английских газетах от 9 февраля/30 января появились сообщения, что известие о взятии австро-прусскими войсками Шлезвига вызвало возмущение в Копенгагене, перешедшее почти в мятеж. Датский парламент обратился с адресом к королю, прося его защитить со всей энергией права страны.

60. В деле архива внешней политики имеется одна телеграмма Бруннова от 9/22 февраля, по поводу посылки английской эскадры, в которой против слов: «Россель с удовлетворением увидел бы наш флот присоединившимся, когда время года позволит это», имеется пометка Александра II: «Я надеюсь, что к тому времени положение дел улучшится».

61. После занятия австро-прусскими войсками Шлезвига там были назначены два комиссара: прусский — Зедлитц и австрийский — граф Ревертера.

62. Герцог Фридрих принц Ноэрский, герцог Августенбургский, претендент на престол в герцогствах, в 1848 г. был военным министром герцогств во временном правительстве и командовал войсками герцогств во время войны с Данией.

63. После крушения всей политической системы Николая I во время севастопольской войны 1853—1856 гг., закончившейся Парижским миром 1856 г., русское правительство заявило, что Россия отныне отказывается от вмешательства в европейские дела и отдает все свое внимание вопросам внутреннего порядка.

64. Герцогства Шлезвиг и Гольштиния являлись предметом постоянной борьбы между Данией и соседними европейскими государствами. Попытка установить status quo в 1852 г. Лондонским договором нарушалась постоянно Данией, стремившейся к полной инкорпорации герцогств.

65. Копии депеши Нессельроде в деле не оказалось.

66. Швеция и Норвегия с 1814 г. были объединены на основе личной унии, т. е. при общем короле самостоятельное управление, а для решения общих дел — соединенный государственный совет.

67. Здесь имеется в виду отказ Николая I в 1851 г. от своих прав на Шлезвиг и Гольштинию. См. «Варшавский протокол».

68. Массиньяк — французский поверенный в делах в Петербурге.

69. В Греции в 1862 г. был объявлен плебисцит по вопросу о кандидате на вакантный престол после отречения Оттона I.

70. В 1830 г. после отделения Бельгии от Голландии на национальном конгрессе был избран король Леопольд.

71. Ионические острова по Парижскому трактату 5 ноября 1815 г. были отданы под протекторат Англии. По требованию законодательного собрания островов в 1863 г. Англия отказалась от протектората и по выраженному этим же собранием желанию они в январе 1864 г. были присоединены к Греции.

72. Прагматическая санкция Карла VI о неделимости австрийских наследственных земель и о порядке наследования их была принята в 1720 г. представителями всех земель, входивших в состав Австрии.

73. Прусский король и Бисмарк ездили в герцогства на театр военных действий, где пробыли с 8 по 13 апреля.

74. В письме Горчакову от 26/14 апреля Убри сообщал, что в Петербург выезжает Пирх прусский поверенный в делах в Петербурге. «Он везет вам добрые слова Бисмарка, — писал Убри, — успокаивающие относительно позиции, какая будет определенно преобладать во всех решениях Пруссии даже тогда, когда видимость не всегда соответствовала бы этим добрым намерениям».

75. В письме от 19/7 апреля по поводу взятия Дюппеля (18 апреля) прусскими войсками Горчаков писал: «Из этой победы Бисмарк может извлечь для себя большую пользу как в смысле внутреннем, так и внешнем. Это для него решительный момент, и, я хочу надеяться, он блестяще выйдет из этого испытания. Он доказал свою силу, пусть теперь он успокоит кабинет своей умеренностью».

76. 18 апреля н/ст. прусскими войсками был взят Дюппель, где проходила укрепленная линия, прикрывавшая переправу на остров Альзен.

77. 23/11 апреля Убри послал Горчакову шифрованную телеграмму: «Крайне необходимо охладить Бисмарка, заставив его уточнить свои замыслы. Английское недовольство законно, так как язык, которого здесь придерживаются, таит заднюю мысль. Чрезмерные требования будут представлены в Лондоне». На тексте телеграммы помета Александра: «Очень боюсь, чтобы он там не спутал карты еще больше».

78. Лондонская конференция по вопросу о герцогствах открылась 20/8 апреля.

79. На первом заседании Лондонской конференции был поставлен вопрос о перемирии; после дискуссии по поводу того, входит ли сюда вопрос о прекращении военных действий на море, (этого добивалась Пруссия. Дания предлагала не включать этого пункта, т. к. в морских сражениях она имела преимущество над небольшим немецким флотом) воюющим сторонам было поручено послать своим правительствам предложение конференции о заключении перемирия. Перемирие было объявлено до 26 июня.

80. Оккупация Ютландии была закончена 28 апреля (н. ст.) и Врангель на нее наложил контрибуцию в 650 тыс. таллеров.

81. Бигелебен, граф,— представитель Австрии на Лондонской конференции.

82. Кнорринг,— советник русского посольства в Вене. В это время поверенный в делах за отсутствием посла Балабина.

83. Аппони, граф,— австрийский уполномоченный на Лондонской конференции.

84. В депеше от 26/14 апреля Убри сообщал австро-прусские требования: 1) личная уния герцогств с Данией при полной их независимости и при условии вхождения их в Германский союз: 2) превращение Рендсбурга в федеральную крепость; 3) создание морского канала, соединяющего Северное море с Балтийским и 4) военные издержки.

85. Бернсторф,— прусский представитель на Лондонской конференции.

86. Варшавский договор 1851 г. имел следующие оговорки:

1) евентуальные права двух младших линий Гольштейн-Готторпского дома будут формально сохранены;

2) права, от которых отказался августейший представитель старейшей линии за себя и своих наследников, в пользу принца Христиана Глюсбургского и его потомства, восстанавливаются в императорском российском доме, если угаснет линия мужского потомства принца;

3) так как отречение от прав августейшего государя императора имело целью способствовать комбинации, отвечающей, главным образом, интересам монархии, отречение перестанет быть обязательным в том случае, если вышеупомянутая комбинация не осуществится.

87. Киль — очень удобная гавань на Балтийском море.

88. Александр II выехал вместе с Горчаковым в Пруссию в начале июля (10—11 н. ст.). Свидания их с прусским королем и Бисмарком происходили сначала в Берлине, потом в Киссингене. Эта поездка и секретные переговоры вызвали беспокойство в Англии и Франции. Появились слухи о возобновлении Священного союза.

89. В своей работе «Предварительные условия мира» Бруннов в § 1 устанавливал общий принцип: датская монархия сохраняется в своей национальной неприкосновенности и полной автономии, как элемент, необходимый для сохранения европейского равновесия; далее идет целый ряд уступок в пользу Германии: отделение Гольштинии, герцогства Лауенбург, превращение Рендсбурга в федеральную крепость. За все это германские дворы обязуются не вмешиваться во внутренние дела Дании.

90. § 9 предварительных условий мира следующий: «исходя из чувства справедливости копенгагенское правительство не будет возражать против объявления Рендсбурга федеральной крепостью».

91. Предложение было сделано английским уполномоченным на Лондонской конференции.

92. Монрад, епископ,— с января 1864 г. по 8 июля председатель кабинета министров в Дании и министр герцогств.

93. Де ля-Тур д'Оверн, принц,— французский делегат на Лондонской конференции.

94. Вахмейстер, граф,— шведский делегат на Лондонской конференции.

95. В Потсдаме находился загородный дворец короля.

96. В депеше от 8 июня/27 мая № 134 Бруннов сообщал о ходе переговоров на конференции. Несогласия сторон по вопросу о границах, неуступчивость берлинского и венского кабинетов могут привести, по его мнению, к прекращению переговоров.

97. После неудавшейся Лондонской конференции взаимоотношения Англии и Пруссии чрезвычайно обострились. Англия обвиняла Пруссию в чрезмерных притязаниях и тайных аннексионистских планах, а Пруссия — в нарушении нейтралитета, указывая, что во время последней морской битвы в устьи Эльбы английские корабли сообщали датской эскадре наличие австро-прусских сил и своими маневрами парализовали действия союзного флота.

98. Свидание Александра II с прусским королем и австрийским императором в Киссингене возбудило в Англии и Франции подозрения, что там было заключено тайное соглашение на подобие Священного союза. Это заставило Англию пойти навстречу Франции, предложив ей выработать общие меры борьбы с прусской агрессией.

99. Бисмарк был посланником в Петербурге с апреля 1859 г. до конца 1862 г.

100. На Лондонской конференции главный вопрос, послуживший причиной прекращения переговоров, был вопрос о границах герцогств. Так Англия предлагала отделить от Дании Гольштинию и южные округа Шлезвига, а Германский союз, Пруссия и Австрия желали отделения всего Шлезвига.

101. Шлей — узкая и длинная бухта Балтийского моря на восточном берегу герцогства Шлезвиг. Длина ее 42 клм.

102. После падения министра Монрада, новый председатель кабинета министров Блюм вошел в риксдаг с предложением начать с Австрией и Пруссией переговоры о мире. Переговоры начались в Вене 26 июля и закончились 1 августа установлением прелиминарных условий, которые заключались в том, что Дания отказывалась в пользу Пруссии и Австрии от герцогств Гольштинии, Шлезвига и Лауенбурга. Ютландия оставалась в руках союзников до заключения мира.

103. 1 августа 1864 (н. ст.), в Вене были подписаны предварительные условия мира; Дания уступала герцогства Шлезвиг, Гольштинию и Лауенбург Пруссии и Австрии, Ютландия оставалась в руках союзных войск до заключения мира; до 15 сентября полное прекращение военных действий с правом продлить перемирие на шесть недель.

104. Штакельберг, граф,— русский посланник в Вене с 15 августа 1864 г. по 1869 г.

105. Менсдорф, граф,— австрийский министр иностранных дел с 27 октября (н. с.) 1864 г. по 1867 г.

106. В депеше от 21 февраля (н. ст.) 1864 г. Бисмарк сообщает венскому кабинету прусские требования, в случае если герцогства будут объявлены независимыми, а именно: «аннексия» Пруссией шлезвиг-гольштинской армии и передача Пруссии некоторых крепостей, ввиде гарантии против неизбежных, по мнению Бисмарка, попыток Дании вернуть себе герцогства, опираясь на датское население их.

107. 14 августа 1866 г. в г. Гаштейне был заключен между Пруссией и Австрией договор о разделе герцогства. По этому договору управление Шлезвигом было взято Пруссией, а Гольштинией — Австрией. Киль был сделан союзной гаванью. За $2^1/_2$ миллиона датских рикталеров Австрия уступила Пруссии свои права на Лауенбург.

108. В Италии в это время шло объединительное движение. Под властью первого короля Италии Виктора Эммануила объединились все итальянские земли, за исключением Савойи и Ниццы, захваченных Францией, Венецианской области, которой владела Австрия, и Рима, где господствовал на правах короля папа Пий IX.

109. 29 августа (н. ст.) 1865 г. французский министр иностранных дел направил своим представителям заграницей циркуляр с протестом против договора в Гаштейне. В нем Друэн де-Люис выражал сожаление, что указанный договор «не имеет иного основания, кроме силы и иного оправдания, кроме взаимных интересов двух участников дележа».

110. Дунайские княжества Молдавия и Валахия, объединенные в княжество Румынское под верховною властью султана, были ареной постоянно скрытой борьбы между Австрией и Россией. Раздражение Румынии против румынского господаря князя Кузы вызвало наложенный им секвестр на имущество греческих монастырей, находящихся в Румынии. Греческие монастыри играли для России роль политических агентов.

111. Между венгерским сеймом и австрийским правительством шла в это время борьба по вопросу о правах венгерского сейма, о федеративной самостоятельности Венгрии.

112. Итальянская политика Наполеона III, с одной стороны, поддерживавшего объединительное движение в Италии, а с другой отстаивавшего принцип сохране-

ния неприкосновенности светской власти папы, его обещание содействовать приобретению Италией Венеции, причем он то вел переговоры по этому вопросу с Австрией, то соглашался на союз Италии с Пруссией против Австрии, была крайне неудачна и привела в конце концов к разрыву франко-итальянского согласия.

113. В Мексике в результате революции 1867 г. установилось либеральное республиканское правительство, что вызвало интервенцию Англии, Франции и Испании, материально заинтересованных в сохранении там старого феодального режима. Англия и Испания вскоре устранились, а французские войска заняли Мексико и Наполеон III устроил избрание на мексиканский трон австрийского эрцгерцога Максимилиана.

114. В Америке в 60-х годах происходила гражданская война, между южными и северными штатами, закончившаяся победою США и провозглашением доктрины Монро: Америка — для американцев, что делало недоступным проникновение французских и английских капиталов в Америку.

115. 27 и 28 октября 1864 г. в Ницце произошло свидание Наполеона III и Александра II.

116. В апреле 1865 г. старший сын Александра II и наследник Николай умер в Ницце.

117. Русское правительство обвиняло Францию в том, что на Кавказе, где в этот период шло покорение и «усмирение» кавказских народностей царской Россией, действуют французские эмиссары. Во всяком случае русская политика на Кавказе неоднократно являлась предметом неофициальных представлений со стороны Франции.

118. Армения являлась предметом особого интереса России. Но попытки царской России «стать твердой ногой на Армянском нагорье» вызывали оппозицию со стороны Англии и Франции. Эта оппозиция закончилась установлением на Берлинском конгрессе в 1878 г. контроля над армянским вопросом со стороны 6 великих держав — участниц конгресса.

119. Горчаков, очевидно, вспомнил соперничество и борьбу России и Франции в пятидесятых годах за преобладающую роль в Палестине.

120. Виды Англии в Сирии и Египте — утверждение там английского влияния.

121. Империя Наполеона I.

122. После неудачи в севастопольской войне Россия обратила свою экспансию в Среднюю Азию, что вызывало опасения и недовольство Англии, опасавшейся за Индию.

Из истории рабочего движения конца 90-х годов и „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса"

90-е годы вошли в историю пролетариата России как важнейший этап соединения марксизма с рабочим движением. До середины 90-х годов социал-демократия существовала в России как идейное течение. «Группа «Освобождения Труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. «Только агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением» [1]. С этого момента социал-демократия становится «активной политической силой, неразрывно связанной с борьбою (как экономической, так и политической) рабочего класса» [2].

Слияние марксизма и рабочего движения осуществилось в России на базе быстрого развития капитализма и рабочего класса во второй половине XIX века. К концу XIX в. капитализм в России (несмотря на тормозящие его развитие крепостнические пережитки) достиг значительных успехов. В 1867 г. в стране было выплавлено 17 028 тыс. пудов чугуна и добыто 26,7 млн. пудов каменного угля. В 1897 г. производство чугуна поднялось до 114 782 тыс. пудов, а добыча каменного угля дала 683,9 млн. пудов. Одновременно шел интенсивный процесс создания новых промышленных центров. Донбасс, игравший в первые десятилетия после реформы незначительную роль в хозяйственной жизни страны, к концу XIX в. выдвинулся на положение ведущего промышленного района. Быстрыми темпами шло также развитие нефтяного капиталистического района на Кавказе. Добыча нефти, составившая в 1870 г. 1,7 млн. пудов, в 1895 г. поднялась до 384 млн. пудов.

Общее развитие капитализма, а следовательно и рост общественного и географического разделения труда дали толчок железнодорожному строительству. Длина первой железной дороги, построенной в 1838 г., равнялась 25 верстам. В 1878 г. ж.-д. полотно достигало 21 676 верст, а в 1898 г. оно равнялось 40.300 верст.

Промышленный подъем конца XIX в. развивался на базе широкого внедрения машин в производство. В одном только горном производстве число паровых машин с 1877 по 1893 г. увеличилось с 895 до 2 853. Машинное производство резко и круто вытесняло отсталые формы промышленности и содействовало концентрации производства и рабочего класса.

«За 25 лет, с 1865 по 1890 год, количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 т. до 1 433 тысяч, то есть более чем вдвое... К концу 90-х годов количество рабочих на крупных фабриках и заводах, в горной промышленности, на железных дорогах только по 50 губерниям Европейской России выросло до 2 207 тысяч, а по всей России — до 2 792 тысяч» [3].

На крупных предприятиях, составлявших в 1890 г. всего 4,4% фабрик и заводов, насчитывалось 71,1% всех рабочих. К концу 90-х годов XIX в. в России сложился «современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 353.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 218.
[3] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, стр. 6—7.

рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами» [1].

Со второй половины 90-х годов социал-демократическая партия в своем развитии опиралась на подъем массового рабочего движения. Рабочее движение в России особенно наглядно показало роль и значение привнесения социал-демократического сознания извне. «Разве наши стачки... не представляли только одних стихийных взрывов до тех пор, пока революционные кружки социалистов не взялись за широкую агитацию, за призыв рабочих масс к классовой борьбе, к сознательной борьбе против своих угнетателей?» [2]. Классовая борьба пролетариата становится сознательной политической борьбой пролетариата с того момента, когда «вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: самостоятельная рабочая соц.-демократическая партия» [3].

Зачатком революционной партии пролетариата в 90-е годы явился основанный и руководимый Лениным Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Петербург в конце XIX в. был наиболее передовым промышленным центром страны с вполне сложившимися кадрами квалифицированного потомственного пролетариата, имеющего боевые революционные традиции. В 1895 г. в Петербурге функционировало 107 предприятий по обработке волокнистых веществ с 21 505 рабочими и 73 предприятия по обработке металлов с 15 825 рабочими. Уже в 70-х годах в Петербурге имели место 63 случая забастовок и волнений рабочих, составивших 28% всех известных за это время в стране выступлений пролетариата. В эти же годы в Петербурге возник Северный союз русских рабочих — первая рабочая организация, пытавшаяся определить самостоятельные задачи пролетариата. В 80-е годы в Петербурге организовались первые марксистские организации — под руководством Благоева (1883—1884 гг.), Точисского (1886 г.) и Бруснева (1889 г.), в которых получили подготовку первые кадры передовых рабочих, составивших потом основное ядро рабочих в составе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Приезд Ленина в Петербург в конце 1893 г., вступление его в одну из существовавших в то время марксистских групп — так наз. группу «стариков» и возглавление им последней положили начало подлинно революционной социал-демократической организации в Петербурге и основы социал-демократической партии в России. Дав теоретическое обоснование задачам революционной социал-демократии в своей работе «Что такое «друзья народа», Ленин с исключительным упорством и блеском развертывает борьбу за революционный марксизм, за гегемонию пролетариата в предстоящей революции, за создание социал-демократической партии рабочего класса в России. «От пропаганды марксизма среди небольшого количества передовых рабочих, собранных в пропагандистских кружках, Ленин предложил перейти к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса» [4]. Этим самым Ленин выдвинул как центральную задачу тесную связь марксизма с рабочим движением и политическое руководство последним.

Деятельность Ленина и руководимого им Петербургского «Союза борьбы» имела исключительно важный результат: «...в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии» [5]. Обличительные листки, содержание которых основывалось на всестороннем и углубленном изучении порядков, царивших на фабриках и заводах Петербурга, сыграли роль призывного набата к мощной стачеч-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, стр. 7.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXX, стр. 4.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 535.
[4] История ВКП(б), стр. 18.
[5] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 537.

ной борьбе пролетариата. «Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах... Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками» [1].

Высшей точкой движения петербургского пролетариата в половине 90-х годов явилась стачка ткачей и прядильщиков в мае — июле 1896 г. Причинами стачки в Петербурге были непомерно длинный рабочий день и низкая заработная плата, поводом — нежелание предпринимателей оплатить рабочим коронационные дни. Петербургские стачки 1895—1896 гг. получили мощный отклик в стране и за рубежом и имели огромное значение в развитии самосознания рабочего класса России. Они научили рабочих России понимать «политическое положение и политические нужды рабочего класса» [2],— писал Ленин в прокламации «Союза борьбы» «Царскому правительству», они «создали массовое рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией» [3].

Рабочие Лондона и др. оказали стачке материальную поддержку и послали петербургским пролетариям свое приветствие, конгресс 2 Интернационала отметил особое историческое значение этой стачки петербургских текстильщиков. Петербургская стачка 1896 г. явилась по существу предвестником перехода центра революционного движения с Запада на Восток и выступления российского пролетариата в эпоху империализма в авангарде борьбы всего международного пролетариата.

Осуществляя под руководством Ленина соединение социализма с рабочим движением, Петербургский «Союз борьбы» связывал экономическую борьбу пролетариата с политической борьбой против царизма, воспитывал рабочих политически. Ленин и его соратники написали ряд листовок к бастующим рабочим, в которых наряду с требованиями сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда подчеркивалось бесправное положение рабочих, разоблачался гнет царизма и выдвигались политические требования. Под давлением забастовок петербургского пролетариата в мае — июне 1896 г. и в январе 1897 г. царское правительство вынуждено было издать закон от 2 июня 1897, ограничивающий рабочий день до 11½ часов.

Деятельность Петербургского «Союза борьбы» стала образцом деятельности для социал-демократических организаций других центров и пунктов страны. Повсеместно развертывается процесс объединения рабочих кружков в такие же союзы и начинается деятельность последних по руководству массовой борьбой пролетариата. В середине 90-х годов возникает марксистская организация в Закавказьи, внутри которой «в 1898 г. зародилась и оформилась революционная марксистская группа С. Цулукидзе, Ладо Кецховели и И. Сталин» [4]. В 1894 г. в Москве образуется московский «Рабочий союз», распространивший в дальнейшем свое влияние на отдельные с.-д. организации Центрально-промышленного района, в частности — на социал-демократические организации Иваново-Вознесенска, Костромы и др. пунктов. В конце 90-х годов в Сибири организуется «Сибирский социал-демократический союз». Во второй половине 90-х годов социал-демократические организации образуются в Нижнем-Новгороде, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Киеве, Николаеве, Туле, Самаре, Казани, Орехово-Зуеве и др. городах.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 403.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 458.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 391.
[4] Л. Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», 1937 г., стр. 11.

Образовавшийся в 1897 г. в Екатеринославе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» вел свою работу в широкой массе рабочих из среды местного и пришлого пролетаризирующегося крестьянства, опираясь при этом на прослойку из передовых квалифицированных рабочих, приехавших в Екатеринослав из старых промышленных центров России и получивших там революционную закалку. Созданный в 1897 г. в результате объединения социал-демократических кружков и групп Киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», наряду с работой среди рабочих крупных предприятий (заводов Гретера, Южно-русского, арсенала, пароходства, железнодорожных мастерских), распространил свою деятельность на ремесленных рабочих, положение которых в 90-е годы было особенно тяжелым. Им сначала издавалась популярная с.-д. газета для рабочих «Вперед», затем с.-д. газета «Рабочая газета». Возникшие союзы и другие с.-д. организации в той или иной форме стремились содействовать развитию массовой борьбы пролетариата, слиянию марксизма с революционным рабочим движением. Выпуская листовки, обращенные к рабочим, они указывали, как на пример, на петербургскую стачку текстильщиков и призывали рабочих к сплочению и организации, к борьбе против капиталистов и самодержавия.

В обстановке промышленного подъема стачечное движение пролетариата неуклонно нарастает. Всего за 90-е годы произошло 1 765 стачек, в которых участвовало 431 254 рабочих. С 1895 г. по 1899 г. бастовало, по неполным данным, 221 тыс. рабочих. Стачки носили наступательный характер. Основную массу стачечников дали текстильщики Петербурга и Центрально-промышленного района и металлисты (52% всех стачек и 82% всех стачечников). Несмотря на то, что против стачечников широко применялись репрессии (расчеты бастующих, аресты, высылки, вызовы войск, судебные преследования, выселение из фабричных квартир и т. п.), предприниматели в 47% случаев все же вынуждены были пойти на уступки рабочим. Массовое рабочее движение и «марксистский социализм, начавший уже пускать корни на русской почве» [1] шли по пути слияния. В роли вожаков массы, вовлеченной в экономическую борьбу, во многих местах выступают рабочие, получившие марксистско-теоретическую подготовку и закалку в первых социал-демократических организациях.

Образовавшиеся в 90-х годах «Союзы борьбы» предприняли шаги к объединению деятельности разрозненных с.-д. организаций, к созданию партии. На состоявшемся в марте 1898 г. 1-ом съезде партии (РСДРП) участвовали представители Петербургского, Московского, Киевского, Екатеринославского союза и Бунда (Ленина не было на съезде, он в это время находился в ссылке). Однако, провозглашение создания РСДРП первым съездом явилось формальным. Отдельные марксистские организации не были еще объединены и связаны организационно, у них не было еще единой линии, общей программы, устава и руководящего центра (ЦК РСДРП, избранный на съезде, был вскоре арестован). Выпущенный съездом манифест не выдвигал задачу завоевания пролетариатом государственной власти, обошел вопрос об его гегемонии и союзниках пролетариата в его борьбе против самодержавия и буржуазии.

Российская социал-демократическая рабочая партия была образована под непосредственным руководством Ленина на II съезде РСДРП на основе дальнейшего роста революционного рабочего движения и укрепления социал-демократических организаций в России в борьбе с оппортунистическими шатаниями и организационным разбродом и кустарщиной, порожденными влиянием «экономизма» в конце 90-х годов XIX в., однако этим не уменьшается значение периода 90-х годов, как важнейшего этапа на пути слияния рабочего движения с социализмом.

Публикуемый ниже материал, отнюдь не претендующий на всестороннее и развернутое освещение темы, в отдельных иллюстрациях отражает наиболее характерные стороны деятельности Петербургской, Московской, Нижегородской, Киевской, Екатеринославской и др. социал-демократических организаций второй половины 90-х годов. Мы видим здесь наглядную картину развертывания агита-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 9.

ционной деятельности социал-демократов по всей стране и нарастающего массового рабочего движения, идущего по пути слияния с марксизмом. Перед нами в отдельных иллюстрациях проходит деятельность по выпуску «обличительной литературы» Петербургского «Союза борьбы» и по руководству им стачечным движением 95—96-х годов, агитационная деятельность и руководство отдельными стачками Московского «Рабочего союза» и соц.-демократическими организациями Иваново-Вознесенска и Костромы (на Московско-Курской ж. д., на Горкинской м-ре Ковровского уезда, на ткацкой ф-ке Зотова в Костроме, на ф-ке Шлихтермана в Москве, на фабриках Иваново-Вознесенска). Они показывают также основное направление деятельности Киевского, Екатеринославского «Союзов борьбы», Нижегородской с.-д. организации, Донского комитета РСДРП и др.

Если в 90-х годах мы еще не повсюду видим стачки, развертывающиеся под непосредственным руководством социал-демократии, то это объясняется, с одной стороны, более поздним развитием промышленности и социал-демократии в ряде пунктов страны и, с другой стороны, началом в 1898 г. промышленного кризиса в стране. Засилье «экономизма» и кустарщины со второй половины 1898 г., захватившее Петербургский «Союз борьбы» (после ареста Ленина в декабре 1895 г. и др. «стариков» в 1896—1897 гг.) и распространившееся на ряд других организаций, в том числе на с.-д. организации Юга России, несомненно также оказало свое влияние на замедление перехода к развернутой и повсеместной борьбе пролетариата под лозунгами революционной социал-демократии, однако, деятельность социал-демократии дала свои результаты в дальнейшем.

После некоторого ослабления в 1898—1899 гг. революционная деятельность социал-демократии нашла свое выражение в том массовом подъеме политической борьбы пролетариата 900-х годов, который нашел свое выражение в политических демонстрациях 1901—1903 гг. Распространение деятельности с.-д. в ряде пунктов страны, включая Пензу, Саратов и др., наглядно иллюстрируют ленинское положение о том, что после взрыва крупных стачек 1895—1896 гг. рабочее движение «...как бы ушло в себя, распространяясь вширь и вглубь и подготовляя начало демонстрационного движения в 1901 году» [1].

Публикуемые документы могут послужить иллюстрациями к той части I главы «Краткого курса истории ВКП(б)», где дается характеристика деятельности Ленина по созданию партии во второй половине 90-х годов. Не претендуя дать исчерпывающий материал в отношении всех «Союзов борьбы», мы приводим документы далеко не всех, а только более крупных социал-демократических организаций того периода; часть документов (дабы не загромождать публикации излишними деталями и подробностями) дается в извлечениях.

Документы подготовлены к печати научным сотрудником Архива Революции М. Сыромятниковой. Часть документов взята из подготовливаемого к печати тт. Кобяко и Чмыховой сборника «Рабочее движение 1896—1900 гг.».

О. Чаадаева

I

Из записки министра внутренних дел Александру III, 11 декабря 1895 г [2]

С конца минувшего года замечено было усиление брожения среди рабочих на некоторых фабриках и заводах г. С. Петербурга, выразившееся в неоднократных стачках и забастовках. Обстановка последних позволяла заключить, что они происходят не без влияния извне со стороны лиц, занимающихся в столице преступной пропагандой среди рабочих. Вследствие сего были приняты меры особого наблюдения и розыски, выяснившие действительное существование в Петербурге особого кружка «социал-демократов», состоящего как из лиц интеллигентных, преимущественно учащейся молодежи, так и распропагандированных ими рабочих.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 11.
[2] ЦАР, ДП, всеп. зап. и докл., 1885 г., д. № 5, лл. 119 и сл.

Данными наблюдения установлено, что несколько молодых людей, составив из себя отдельную группу, присвоившую себе название «Центрального рабочего кружка», в течение настоящего года, войдя в сношения с рабочими, организовали из последних «Центральную рабочую группу» и, благодаря ее содействию, успели образовать между рабочим населением столицы несколько противоправительственных кружков в разных фабричных местностях города [1]. Действуя в означенных кружках, главным образом, путем устной личной пропаганды «Центральный кружок» вместе с тем прибегал к созыву рабочих сходок, распространению среди рабочих противоправительственных изданий, воспроизведению последних путем перепечатания на пишущих машинах и гектографах, сбору денег в рабочие кассы и т. п. Вместе с тем, пользуясь проявлением брожения или волнения среди рабочих того или другого завода, кружок стремился взять дальнейшее движение в свои руки и оказывать всякими путями содействие к продолжению беспорядков.

Принимая во внимание, что за последние месяцы кружок стал проявлять особо энергическую деятельность, приобретать материалы и инструменты для печатания и воспроизведения преступных изданий, а равно принял деятельное участие в происходивших в ноябре и декабре месяцах рабочих волнениях на Путиловском и Торнтоновском заводах,— признано было своевременным приступить к обыскам и арестам участников названного кружка. Обыски эти произведены в ночь на 9 сего декабря и вполне подтвердили имеющиеся указания на преступную деятельность заподозренных лиц.

Из числа лиц, у коих произведены обыски, подвергнуты аресту 29 и оставлено на свободе 17; в числе арестованных: 1 помощник присяжного поверенного, 3 инженера-технолога, 1 кандидат университета, 1 врач, 4 студента технологического института, 1 студент университета, 2 слушательницы высших женских курсов, 5 человек разного звания и 11 рабочих.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, присовокупляя, что по делу этому возбуждено расследование при С. Петербургском губернском жандармском управлении.

Министр внутренних дел Горемыкин.

Из справки департамента полиции о В. И. Ленине, 22 февраля 1914 г.[2]

Летом 1895 г. Ульянов ездил заграницу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым, с целью установить способы правильного водворения в Россию революционной литературы; затем, по возвращении в Петербург Ульянов участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее дело» [3], руководил

---

[1] Речь идет о возникшем в 1894 г. под руководством В. И. Ленина Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», развернувшем свою деятельность в 1895 г. Петербургский «Союз Борьбы» объединил все существовавшие в Петербурге марксистские рабочие кружки. Название свое он принял уже после ареста 9 декабря 1895 г. основного ядра «Союза» во главе с В. И. Лениным. «Под руководством Ленина петербургский «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.» (Краткий курс истории ВКП(б) стр. 18). Первой прокламацией «Союза» была написанная Лениным при участии рабочего Бабушкина прокламация «К рабочим Семянниковского завода», в связи с волнениями, возникшими на заводе 23 декабря 1894 г. (см .сборник «Листовки Петербургского Союза Борьбы за Освобождение рабочего класса», стр. 1—6).

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, л. 111.

[3] «Рабочее Дело» — подготовлявшаяся Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» популярная газета для рабочих. Издание газеты не состоялось. Рукописи статей готового к печати № 1-го газеты были захвачены полицией при

кружками Меркулова и Шелгунова[1] за Невскою заставою, посещал сходки у Ивана Федорова на Васильевском острове и в квартире Зиновьева[2] и Карамышева в Огородном переулке, именуясь «Федором Петровичем», и передал Меркулову деньги для поддержки рабочих, устроивших в ноябре 1895 г. забастовку на фабрике Торнтона.

Привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого Ульянов не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, отказался давать какие-либо объяснения о своем знакомстве с другими лицами и утверждал, что никогда не бывал в каких-либо кружках рабочих. Относительно найденных у него рукописей, из коих оглавление к первому номеру газеты «Рабочее дело» и две статьи о стачках оказались написанными рукою Ульянова, он уклонился от дачи показаний, но не отрицал, что эти рукописи и найденная у него статья о стачке в Ярославле написаны им. Свою поездку заграницу Ульянов объяснил желанием приобрести некоторые книги, из которых он мог указать только два сочинения.

По высочайшему повелению воспоследовавшему 29 января 1897 г. в разрешении означенного дознания Ульянов был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

Коллежский секретарь Васильев.

Донесение начальника Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 ноября 1895 г., № 7565[3]

Помощник мой в С.-Петербургском уезде подполковник Волков донес мне, что 6 сего ноября, в час пополудни, на фабрике шерстяных изделий Торнтона было вывешено объявление, предупреждавшее ткачей, что им будет уменьшена плата от 18 до 30 коп. с куска вырабатываемой ткани. Так как объявление появилось перед обедом, то во время обеда рабочие успели сговориться произвести стачку[4] и после обеда в числе 432 человек отказались работать, обратившись к фабричной администрации с требованием увеличить им заработную плату не только против размера, указанного в упомянутом объявлении, но также против той платы, которую они получали ранее. Стачка продолжалась до 11 часов утра 7 ноября, причем прекращению ее способствовали, как отмена фабрикой уменьшения заработной платы и арестование полицией 12 рабочих крестьян Калужской губернии, бывших зачинщиками стачки, так и распорядительность фабричного инспектора Рыковского, своевременно прибывшего и сумевшего уговорить рабочих приняться за работу.

арестах членов Союза в ночь на 9 декабря 1895 г. Программная статья для № 1 была написана В. И. Лениным. Ему принадлежали и несколько других статей, среди которых: «О чем думают наши министры» (Ленин, т. I, стр. 417—421). Предполагаемый список статей Ленина, см. Ленин, т. I, стр. 463. О подготовке «Рабочего дела», см. Н. Крупская, «Воспоминания о Ленине», стр. 16—18.

[1] В. Шелгунов и Н. Меркулов входили в «Центральную рабочую группу», которая работала в тесной связи с «Центральной организационной группой».

[2] Борис Зиновьев, рабочий, был одним из учеников Воскресной школы, где учительствовала Н. К. Крупская.

[3] ЦАР. ДП, II, 1895 г., д. № 26, ч. 33, л. 11.

[4] В связи со стачкой на фабрике Торнтона Петербургский «Союз борьбы» выпустил две прокламации к рабочим фабрики. Одна из них до сих пор не разыскана; она была выпущена перед началом забастовки и формулировала требования рабочих. Другая прокламация «Рабочие и работницы фабрики Торнтона» написана В. И. Лениным и была выпущена уже после окончания забастовки. Прокламация опубликована в сборнике «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 6—12.

О стачке на фабрике Торнтона см. подробно у К. Тахтарева-Петербуржца «Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг.».

Сообщая о вышеизложенном в департамент полиции, имею честь присовокупить, что во время стачки никаких беспорядков не произошло.

Генерал-майор Оноприенко.

Донесение петербургского градоначальника директору департамента полиции, 19 декабря 1895 г., № 18107 [1]

17 сего декабря, во вверенном мне управлении было получено агентурным путем сведение о том, что на Путиловском заводе предполагается распространение среди рабочих новых воззваний, приглашающих рабочих требовать увеличения заработной платы. 18 декабря таковые воззвания действительно появились и циркулируют среди рабочих.

Сообщая о сем вашему превосходительству, имею честь препроводить один экземпляр этого воззвания [2], полученного агентурным путем, и присовокупить, что распоряжения о расследовании для выяснения виновных мной сделаны.

Н. Клейгельс.

Из донесения Петербургского градоначальника в департамент полиции, 3 января 1896 г., № 65 [3]

Пристав 2 участка Выборгской части донес, что 2 сего января дворник дома № 32 по Б. Самсониевскому проспекту, запасный рядовой 93 пехотного Иркутского полка Семен Алексеев, разгребая снег подле означенного дома, рядом с ткацкой фабрикой Лебедева, нашел в снегу печатные на пишущей машинке воззвания к ткачам этой фабрики, начинающиеся словами: «Товарищи! 20 декабря вы доказали...» и подписанные «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», С.-Петербург, 1 января 96 г.», также другое воззвание, отпечатанное на пишущей машинке на четвертушке бумаги, озаглавленное «Требования ткачей на фабрике Лебедева», изданное, как значится на нем «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» [4]. В тот же день к приставу явился управляющий фабрики Лебедева купец Николай Смирнов и представил еще два таких же воззвания и три экземпляра «Требований ткачам на фабрике Лебедева», одинаковых с описанными выше, и заявил, что эти воззвания найдены на самой фабрике в ватер-клозете, одно же воззвание, отпечатанное на четвертушке бумаги, отобрано от ткача той же фабрики Дмитрия Быкова.

Сообщая о сем вашему превосходительству и препровождая помянутые экземпляры воззваний, считаю долгом уведомить, что, по имеющимся агентурным сведениям, воззвания эти были переданы 1 сего января рабочему фабрики Воронина, а сим последним распространены частью на фабрике Лебедева, частью же на фабрике Воронина.

Н. Клейгельс.

---

[1] ЦАР, ДП, III, 1895 г., д. № 684, л. 160.

На подлиннике след. пометка: «Экземпляр прокламаций передан к дознанию о «Петербургской группе социал-демократов» при предложении от января 1896 г.».

[2] Эта прокламация «К рабочим Путиловского завода» от 4 декабря 1895 г. имеется в указанном выше деле л. 164 и опубликована в сборнике «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 13—14. 4 декабря была выпущена еще одна прокламация «К рабочим Путиловского завода», содержащая только требования рабочих паровозо-механической мастерской, опубликована там же, стр. 14.

[3] ЦАР, ДП, III, 1895 г., д. № 684, л. 20.

[4] Указанные прокламации опубликованы в сборнике «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 22—23.

Из донесения департамента полиции начальнику Петербургского губернского жандармского управления, 4 января 1896 г., № 77 [1]

После арестов, произведенных в С. Петербурге в ночь на 9 декабря минувшего года [2] были получены агентурные указания на то, что в ближайшем будущем среди рабочих столичных фабрик и заводов должны появиться новые преступные воззвания. Действительно, 18 того же декабря, на Путиловском заводе обнаружены были прокламации, начинающиеся словами «Товарищи! В настоящее время производятся сбавки по всем паровозным работам...», в которых рабочие приглашаются к продолжению борьбы с фабричными порядками собственными силами, указывается на хорошие результаты, полученные ими благодаря стачкам, имевшим место в конце минувшего года на нескольких заводах и фабриках, а также проводится мысль, что рабочие в своей законной борьбе с фабрикантами не могут рассчитывать на правительство, которое всегда поддерживает капиталистов, каждого же, даже вполне справедливо протестующего рабочего признает бунтовщиком и, как такового, арестовывает и высылает из столицы.

Вслед затем на Александровском механическом заводе появились новые воззвания, обращенные уже ко всем петербургским рабочим [3].

В воззваниях этих, распространившихся тотчас же и на других фабриках, описываются в тенденциозном духе причины, вызвавшие забастовки и стачки на фабриках Торнтона, Лаферма [4], Товарищества механического производства обуви и других, указывается рабочим, что начальство в лице фабричного инспектора и бывшего градоначальника не только не оказало им какой-либо помощи в их справедливой борьбе с фабрикантами, но напротив кругом обвинило рабочих и т. п. «Мы просим хлеба», говорится в воззвании,— «и получаем камни». Поэтому рабочие приглашаются смело заявлять свои требования и держаться вместе для того, «чтобы всякая новая прижимка хозяев застала их единодушными и готовыми к борьбе.» [5].

При наблюдении по поводу распространения этих воззваний было замечено, что один из рабочих путиловского завода крестьянин Дмитрий Морозов уже после 9 декабря находился в сношениях с группой каких-то интеллигентов (из коих один с большим шрамом над глазом),

---

[1] ЦАР, ДП, VII, 1895 г., д. № 339, т. 3, лл. 16—17.

[2] В ночь на 8 и 9 декабря 1895 г. было арестовано основное ядро Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с В. И. Лениным во главе. Оставшиеся на свободе члены «Союза» решили показать, что аресты не остановили их деятельности и приняли официально название «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса», сопроводив этой надписью первую вышедшую после арестов листовку от 15 декабря 1895 г.

[3] Указанные воззвания-листовки опубликованы в сборнике «Старая Гвардия» 1895—1925 гг., стр. 274—275, 249—255, изд. 1926 г.; последняя прокламация «Ко всем петербургским рабочим», распространявшаяся 18 декабря 1895 г., опубликована в сборнике: «Листовки Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», стр. 16—20.

[4] Волнения на табачной фабрике Лаферм происходили 9 и 10 ноября 1895 г. из-за того, что приемщики немилосердно браковали работу. Самые старательные работницы не могли заработать более 45—50 к. вместо прежних 60. Начавшееся стихийное движение работниц принимает, благодаря «Союзу борьбы» более организованные формы: выставляются требования, которые фабричная инспекция считает подлежащими удовлетворению, заявляя в своем циркуляре от 20 декабря 1895 г., что «нельзя произвольно браковать товар», «хозяин может штрафовать за испорченные папиросы по табели». Требования рабочих фабрики Лаферм были оформлены «Союзом борьбы» в специальную листовку (см. «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 12); в связи с циркуляром фабричной инспекции также были выпущены две листовки: в конце января 1896 г. «Ко всем петербургским папиросницам» и «К папиросницам фабрики Лаферма». (См. там же, стр. 24—28).

[5] См. прокламацию «Союза» от 18 декабря 1895 г. «Ко всем петербургским рабочим» — сборник «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса» стр. 18.

от которых 17 декабря получил воззвания, появившиеся на другой день на Путиловском заводе, и получены указания, что вскоре после арестов 9 декабря несколько лиц, имевших ранее сношения с задержанными членами кружка «социал-демократов» решились продолжать агитационную деятельность в рабочем населении столицы, немедленно же составить и выпустить несколько новых воззваний, дабы этим путем поднять дух среди рабочих и доказать последним, что убыль некоторых из главных руководителей кружка нисколько не может ослабить энергию последнего в принятой им на себя деятельности...

2 сего января на фабрике Лебедева 2 участка Выборгской части обнаружены новые воззвания, изданные «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», из коих одно начинается словами «Товарищи, 20 декабря вы доказали...» [1], другое же озаглавлено «Требования ткачей на фабрике Лебедева» [2]. Четыре экземпляра этих воззваний найдены были в снегу дворником соседнего дома запасным рядовым Семеном Алексеевым, а пять представлены управляющим фабрикой купцом Смирновым, отобравшим один экземпляр «требований» от рабочего Дмитрия Быкова и нашедшим остальные в отхожем месте.

Наконец 3 января на снегу, у моста на Галерном островке найдены 58 экземпляров двух воззваний «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», из коих одно начинается словами «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших капиталистов хозяев», другое же, совершенно одинаковое по способу воспроизведения с воззваниями, обнаруженными на фабрике Лебедева, составляет дословную перепечатку уже ранее появившегося воззвания «Ко всем петербургским рабочим».

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 31 мая 1896 г. [3]

Вчера произошло прекращение работ пяти прядильных фабрик: Российской, Екатерингофской, Кенига, Митрофаньевской, Триумфальной. Рабочие требуют уплаты за три коронационных дня [4] и сокращения рабочего времени. Я признаю причиной отсутствие мер подобных тем, какие были приняты Астафьевым [5]. Ошибка директора Российской прядильной фабрики, который уступил требованиям рабочих. Я опасаюсь прекращения работ на других фабриках.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 31 мая 1896 г. [6]

Сегодня прекратили работу Невская прядильная, ниточная Половцева, Новая прядильная и ткацкая Кожевникова и ниточная, бывшая Жукова. Везде одни и те же требования: сокращение рабочего дня до 10 часов в сутки. Полиция действует слабо. Стачка находится под искусным руководством. По докладу товарища министра финансов про-

---

[1] Опубликовано в сб. «Старая Гвардия», стр. 276.
[2] Опубликовано там же, стр. 277.
[3] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 25, л. 52.
[4] 14 мая 1896 г. состоялось коронование Николая II. Фабриканты, желая показать свой «патриотизм», распустили рабочих на три дня, но при расчете уплатили лишь за один день — 14 мая, считая его табельным. Плата за 15 и 16 мая не была выдана, хотя за них и не штрафовали, как обычно за прогульные дни.
[5] Старший фабричный инспектор Владимирской губ., руководивший подавлением стачки 700 ткачей Горкинской мануфактуры, бывший против каких-либо уступок рабочим и вызвавший сразу же после начала стачки войска (ЦАР, ДП, II, 1896 г., д. № 15, ч. 9, лл. 27—29).
[6] ГАФКЭ, ф. № 229, д. № 25, л. 61.

сил у товарища министра внутренних дел самых сильных мер. Сейчас я был в департаменте полиции, меры уже приняты. Ночью будут аресты зачинщиков. Говорят, рабочие хотят вести себя спокойно до прибытия императора и подать прошение. Следствие на Екатерингофской фабрике производится вчера и сегодня.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 1 июня 1896 г.[1]

Сегодня прекратили работу Спасская, Петровская, Паля. На совете у градоначальника мы признали необходимым произвести усиленную высылку рабочих из столицы с некоторых фабрик, а рабочим других фабрик назначить расчет на понедельник. Всего в настоящее время не работают тринадцать фабрик.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур министру финансов, 3 июня 1896 г.[2]

Рабочие Старо-Сампсоньевской сегодня в 8 часов утра ушли с фабрики и пытались прекратить работы также на Ново-Сампсониевской и Охтенской, но это не удалось, так как рабочие этих фабрик поддались убеждению инспекторов Литвинова и Лебедева и продолжали работу. После обеда, вероятно, Ново-Сампсониевская и Охтенская прекратят работы, ибо рабочие боятся быть битыми участниками стачки. На Старо-Сампсониевской сейчас вывесили объявление, что если рабочие не приступят завтра к работам, то их уволят и вышлют из Петербурга. На Невской прядильной (мануфактуре) арестованы главные зачинщики стачки на этой фабрике. Зачинщик — старый рабочий, у которого при обыске найдены разные книги религиозного содержания и, между прочим, книга «Рабочий день» (Куда идут народные деньги)[3]. Старик читал эту книгу рабочим, в ней изложены истоки иностранных и наших стачек и предлагается нормальный рабочий день. На других фабриках положение то же, но Митрофаньевская, в числе 600 рабочих, приступила к работам. На фабрике Кенига вышли 170 человек.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 3 июня 1896 г.[4]

Сегодня остановлены работы у Кенига и на Митрофаньевской и прекратились на Ново-Сампсониевской и у Бека. На остальных забастовавших фабриках с числом 13.500 рабочих положение прежнее Наружных беспорядков нет, но настроение с каждым днем становится более беспокойным. Полицейские меры мало энергичны, несмотря на настояния фабричной инспекции. Последние дни обнаружены среди рабочих прокламации от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых требуется сокращение рабочего дня без уменьшения заработка

[1] ГАФКЭ, ф. № 229, д. № 25, л. 62.
[2] Там же, лл. 91—92.
[3] Брошюра «Рабочий день» (переделка с польского) издание Социал-демократического союза, напечатана в типографии «Социал-демократа» в Женеве в 1894 г., выпуск 8-й «Рабочей библиотеки»; опубликована в сборнике «Литература Московского Рабочего союза», стр. 205—248.
[4] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 25, л. 73. Воспроизведено с отпуска, написанного рукой Лангового.

и советуется действовать сообща, спокойно, без буйства и насилия, с уверенностью в успех[1].

Повидимому в этом смысле организуется вся стачка до настоящего времени. Очень желательно принятие более энергичных мер со стороны полиции к скорейшему прекращению стачки, ввиду несомненной ее незаконности, без каких-либо компромиссов с рабочими в отношении рабочего дня, так как такие компромиссы могут еще более ухудшить дело. Завтра утром ожидается сюда приезд министра внутренних дел, вызванного экстренно.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур министру финансов, 4 июня 1896 г.[2]

Сегодня прекратили работать 330 и 2 200 человек Невской прядильни Половцова. Главное требование сокращение рабочего дня до 10 часов вместо 12, без уменьшения платы.

У Кенига приступили к работе 150 и 1 200 человек. Рабочие ведут себя спокойно, посещают фабрики небольшими группами. Перед градоначальником фабричный инспектор настоял на принятии строгих мер, так как упорство и спокойствие рабочих представляются подозрительными, указывая на возможность поголовной стачки. Ввиду сего против рабочих Екатерингофской фабрики начато уголовное преследование, о чем сделано сегодня объявление рабочим других фабрик, с которыми предполагается поступить так же, если они не приступят завтра к работе. Инспекция дежурит на фабриках совместно с ревизорами.

Ланговой.

Из записки товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты Кичина по делу о распространении преступных изданий по поводу стачек рабочих, возникших в С.-Петербурге в мае и июне 1896 г.[3]

13 июня 1896 г. при С.-Петербургском губернском жандармском управлении начато, по сообщению департамента полиции от 12 июня за № 4987, производство дознания о распространении преступного содержания брошюр и воззваний среди петербургских рабочих по поводу стачек, возникших в мае и июне 1896 г.[4]. Обстоятельства, послужившие основанием к сему дознанию и выясненные как предшествовавшими дознаниями по однородному предмету, так и позднейшим наблюдением, заключаются в следующем.

В декабре 1895 и в январе 1896 года в С.-Петербурге был арестован ряд лиц, принадлежавших к так называемым «социал-демократическим» сообществам. Эти лица поставили своей целью постепенно научить рабочих организоваться в группы или союзы для борьбы с их

---

[1] В связи с забастовкой ткачей в Петербурге петербургский «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» выпустил следующие листовки: 1) «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен» — 30 мая 1896 г., 2) «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен» — 1 июня 1896 г. и 3) «Ко всем петербургским рабочим» — 3 июня 1896 г. Все они опубликованы в сборнике «Листовки Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 51—57). 4 июня «Союзом» были выпущены три листовки: 1) «К рабочим бумагопрядильни Кенига», 2) «Ко всем рабочим петербургских заводов», 3) К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина» и 5 июня «К прядильщикам возобновившим работу» (Там же, стр. 57—62).

[2] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 25, л. 76.

[3] ЦАР, М. Ю., 1896 г., д. № 13391, лл. 13—14. Заголовок подлинника.

[4] К дознанию было привлечено 128 членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в числе которых были Н. Крупская, И. Смидович и др.

хозяевами на почве экономических интересов, а затем, искушенную этим опытом рабочую массу увлечь в борьбу с правительством за политические права; для сего они устраивали тайные рабочие кружки и распространяли революционные брошюры и воззвания, подстрекавшие рабочих к устройству стачек, при чем почти в каждом из этих воззваний, которые издавались от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», рабочим внушалась мысль, что главным врагом их будто бы является правительство, оберегающее лишь права капиталистов. Аресты, произведенные по дознанию об этих лицах, в настоящее время оконченному, временно приостановили преступную деятельность «социал-демократов», но в половине апреля вновь появились такого же рода воззвания к рабочим от имени названного «Союза» по поводу наступления дня социалистического «праздника» 1 мая (19 апреля) [1].

23 мая сего года между прядильщиками Российской Мануфактуры (на Обводном канале) началось брожение, быстро распространившееся на значительную часть столичного бумагопрядильного фабричного района, с 27 мая по 5 июня возникли стачки на 17 бумагопрядильных и ниточных фабрик; на них забастовало до 18 тысяч рабочих [2], которые домогались от хозяев уплаты денег за коронационные дни, уменьшения рабочего дня до 10½ часов в сутки и предъявили ряд других требований по улучшению условий своего положения. К 14 июня на 15 фабриках стачки прекратились и рабочие возобновили работу. Хотя непосредственного участия интеллигентных агитаторов в самой организации этих стачек не было замечено, но едва-ли может подлежать сомнению, что преступная пропаганда «социал-демократов» в предшествовавшее

---

[1] Прокламация «Союза Борьбы» под заголовком «Рабочий Праздник 1-го мая» опубликована в сборнике «Листовки Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», стр. 42—45.

[2] По данным нелегальной литературы число охваченных стачкой предприятий и число участников летней стачки значительно превосходило число, указанное в правительственном сообщении и в материалах фабричных и судебных властей. Правительство в своем официальном сообщении убавило число стачечников больше чем на половину, стремясь умалить грандиозность движения.

Кроме того, к стачке ткачей присоединились металлисты Александровского чугунного, Невского металлического завода и слесари Путиловского завода.

В нелегальной подпольной брошюре Московского рабочего союза «Стачка рабочих на Московско-Курской жел. дор.» приводятся цифры 45 000 стачечников, которые больше приближаются к истине, что видно из следующей далеко не полной таблицы охваченных стачкой предприятий, которая дана в статье «Стачка рабочих С.-Петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик», напечатанной в № 1 «Листка Работника», ноябрь, 1896 г., стр. 5.

Название фабрик и заводов	Число рабочих
Российская (Калинкинская) мануф. около	1 500
Кенига (две фабрики) »	3 000
Воронина (на Резвом острове) »	1 000
Митрофаниевская (Обводный кан.) »	1 000
Новая Бумагопрядильная (там же) »	3 000
Екатерингофская (Волынкинская) »	5 000
Кожевникова (Воронежская ул.) »	6 000
Степанова (ватная фабр. по Тамбовской ул.) около	160
Поль (Александровская мануфактура) около	1 500
Спасско-Петровская (Максвеля) »	3 000
Шау (Выборгская сторона) около	1 000
Мальцева (там же)	неизвестно
Воронина (быв. Гука)	400
Гука (Васильевский остров)	неизвестно
Шухера (сахарн. зав. Вас. Остров)	неизвестно
Жукова (прядильня по Боровской ул.)	6 000
Штиглица (на Песках)	неизвестно
Ново-Сампсониевская	»
Старо-Сампсониевская	»
Николаевская мануфактура	»
Невское мануфактурное товарищество	»
Бека (Большая Вульфова улица)	»
Александровский чугунный завод	»
Невский механический завод	»
Варгунина (писчебумажная)	»
Путиловский завод 100 слесарей (ЦАР, инв. № 19922).	»

время не осталась без влияния на рабочих, действовавших во время стачек дружно и совершенно спокойно, за весьма немногими исключениями. Но уже с 30 мая, т. е. через несколько дней после того, как начали возникать стачки, между петербургскими рабочими стали распространяться воззвания от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых «социал-демократы» поспешили формулировать требования недовольных рабочих. Эти воззвания способствовали передаче брожения с одной фабрики на другую и повлияли на увеличение числа фабрик, остановивших работу. 30 мая появился листок, в котором формулированы по пунктам предъявленные рабочими требования и который озаглавлен «Чего требуют рабочие петербургских бумаго-прядилен» [1]. На другой день содержание этого, как бы наскоро составленного листка, вошло в воззвание «К рабочим всех бумагопрядилен». В последующие дни появился ряд новых воззваний, а именно 3 июня «Ко всем петербургским рабочим» и 4 июня «Ко всем рабочим петербургских заводов».

Эти воззвания имеют целью вовлечь в стачки не только бумагопрядильщиков, но и других фабричных и заводских рабочих и первоначальное требование о $10^1/_2$ часах работы в сутки возвышается до требования ввести повсюду восьмичасовой рабочий день. 4-го же июня появились воззвания: «К рабочим бумагопрядильной Кенига», «К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина»; 5 июня «К прядильщикам, возобновившим работу». В этом воззвании агитаторы пытаются снова вовлечь в стачку рабочих, вышедших на работу, обещают поддержку рабочих других производств и обольщают стачечников надеждой на материальную помощь со стороны заграничных рабочих [2]. 9 и 10 июня были выпущены воззвания «К рабочим новой бумагопрядильни» и «Русскому обществу» [3]. Кроме этих изданий появились в обращении воззвания, написанные от руки печатными буквами и начинающиеся словами «Товарищи рабочие» [4] и «Рабочим резиновой мануфак-

[1] Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» руководил стачкой ткачей, выпуская прокламации, помогая рабочим вырабатывать требования, организуя митинги и сходки забастовавших рабочих, собирая денежную помощь нуждающимся и их семьям. В первые же дни стачки рабочие 17 фабрик выбрали из своей среды представителей, которые на сходке, руководимой членами «Союза борьбы», выработали общие требования. 30 мая «Союз» издал эти требования отдельным листком под заголовком «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен». За время с 30 мая по 6 августа, когда движение ткачей замерло до новой вспышки забастовки в январе 1897 г., «Союз борьбы» выпустил до 25 прокламаций. Прокламации напечатаны в сборнике «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

[2] Стачка петербургских ткачей вызвала сочувствие за рубежом. Так, Лондонский Совет Рабочих Союзов обратился в августе 1896 г. к петербургскому «Союзу борьбы» с письмом об организации специального комитета по оказанию помощи стачке ткачей. В ответ на это письмо петербургский «Союз борьбы» послал лондонскому Совету Рабочих Союзов ответное письмо, выпущенное затем специальной прокламацией. Оба письма опубликованы в сборнике «Листовки петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 112, 115.

В годовом отчете «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» даются следующие суммы в числе поступавших на нужды стачки:

От немецких рабочих	238 р. 50 к.
Из Берлина	120 » 40 »
Из Вены	100 » — »
Из Англии	700 » — »
От еврейских ремесленников Нью-Йорка через доктора Адлера	359 » 36 »
Из Англии	300 » — »

[3] Прокламация «Союза Борьбы» «Русскому обществу» опубликована в сборнике «Листовки Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 65—67.

[4] Прокламация «Товарищи рабочие» была написана по материалам о забастовке текстильных фабрик.

туры» [1]. Все перечисленные воззвания воспроизведены гектографом и путем литографии. Но кроме сего у названных ниже лиц были отобраны печатное воззвание «Товарищи рабочие», изданное от «Рабочего союза», а также найдены печатные брошюры «Объяснение новых правил для рабочих» [2] и «Рабочие союзы или как взяться за ум» [3].

Кроме сего полицией были обнаружены у многих рабочих на петербургских фабриках указанные выше воззвания, которые также были найдены на улицах и в Екатерингофском парке, в том числе упомянутая выше печатная брошюра «Рабочие союзы или как взяться за ум». Составленные по сему поводу протоколы присоединены к сему дознанию...

Товарищ прокурора Петербургской судебной палаты К и ч и н.

Отношение петербургского градоначальника вице-директору департамента полиции, 12 июня 1896 г., № 8187 [4]

В дополнение к письму моему от 11 сего июня за № 8144 имею честь препроводить при сем вашему превосходительству вместе с протоколом 5 экземпляров воззвания от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» под заглавием «К прядильщикам, возобновившим работу» [5] и 2 экземпляра печатной брошюры, озаглавленной «Рабочие союзы или как взяться за ум», из коих 5 воззваний и 1 брошюра были найдены в воронке водосточной трубы у здания Нарвской части завернутыми в цветную тряпицу, а другой экземпляр той же брошюры поднят на улице в деревне Волынкиной.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Н. К л е й г е л ь с.

Из обзора важнейших донесений за 1897 г. [6]

[Петербургский] «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» продолжал свою преступную деятельность и в 1897 г. На место арестованных в 1896 г. его участников явились новые агитаторы, которые, зорко следя за настроением рабочего класса на фабриках и заводах, пользовались малейшим поводом недовольства рабочих, чтобы не дать затихнуть рабочему движению. Уже с начала 1897 г. среди рабочих вновь стали появляться разные заграничные сочинения революционного содержания, воззвания и другие издания от имени «Союза» [7]. Таковы брошюры: «Три закона», «Что делают русские цари для народа»,

---

[1] Прокламация «Рабочим резиновой мануфактуры» (без подписи) призывала к предъявлению перечисленных в тексте ее требований и к забастовке в случае неудовлетворения их; она была напечатана в «Сборнике свободной печати» — «Наше время», 1897 г., стр. 61—63, издание общества народного права — ЦАР инв. № 7607.

[2] Брошюра «Объяснение новых правил для рабочих» или «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» опубликована в сборнике «Литература Московского Рабочего Союза», стр. 250—281.

[3] Брошюра «Рабочие союзы или как взяться за ум» была издана в марте 1896 г. «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и напечатана в Женеве в типографии «Союза русских социал-демократов».

[4] ЦАР, ДП III, 1896 г., д. № 580, т. I, л. 129.

[5] Указанная прокламация опубликована в сборнике «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 61—62. Эта прокламация была выпущена 5 июня 1896 г., когда начали работать забастовавшие первыми рабочие Екатерингофской мануфактуры, Российской и Малой Триумфальной.

[6] ЦАР, ДП, обзоры, 1897 г., л. 12.

[7] В фонде министерства юстиции имеется специальное дело о распространении нелегальной литературы на Невской бумагопрядильной фабрике (М. Ю., 1897 г., д. № 11367.

«Как министр заботится о рабочих» [1], газета «Петербургский рабочий листок», выпущенная в январе 1897 г.[2] и воззвание, изданное в том же месяце от имени «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным», призывавшее к пожертвованиям в помощь стачечникам, ввиду забастовок. Производившиеся [дознания] указывали на существование вновь организованных кружков среди рабочих.

Доклад министра внутренних дел Горемыкина Николаю II, 4 января 1897 г.[3]

2 сего января на Петровской и Спасской ткацко-прядильной мануфактурах т-ва Губерт и К° рабочие, в числе 2 700 человек, прекратили работы[4] при следующих обстоятельствах.

С раннего утра между рабочими было заметно волнение, после же обеда в час дня все вернулись на фабрику, но рабочие Петровской мануфактуры, заняв свои места, к работам не приступали. На предложение администрации объяснить причину забастовки, рабочие, не давая никаких объяснений по существу, вышли во двор и стали шуметь, требуя, чтобы их впустили в прядильное отделение.

Прядильщики, в свою очередь, подняли шум, стучали в окна, пока администрация не распорядилась отворить двери, после чего рабочие этого отделения также вышли во двор. В то же время несколько забастовавших ткачей пришли во двор Спасской мануфактуры, рабочие которой тотчас же прекратили работы.

Ближайшей причиной забастовки рабочие выставляют: продолжительность рабочего дня, а также недостаток тепла в помещении Петровской мануфактуры и чрезмерно высокие штрафы, будто бы налагаемые администрацией при забраковке изделий. Независимо от изложенного имеются указания, что кроме выставленных рабочими претензий, причиною забастовки послужили слухи, основанные на статьях, появившихся в конце декабря в некоторых газетах и неправильно понятых рабочими, будто бы с началом нового года будет введен новый закон

---

[1] Брошюра «Как министр заботится о рабочих», комментирующая отношение правительства к рабочим, была написана по поводу циркуляра министра Витте к фабричным инспекторам; циркуляр давал инструкции, как поступать во время стачек. Она была издана в Женеве в 1896 г. ЦАР, инв. № 165.

[2] «Петербургский рабочий листок» — непериодическое издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в январском номере которого за 1897 г. подводились итоги стачки ткачей и прядильщиков в Петербурге в январе 1897 г., (ЦАР, инв. № 6071), № 2 «Листка» вышел в сентябре 1897 г., ЦАР, инв. № 6973.

[3] ЦАР, ДП, III, 1896 г., № 606, ч. I, л. 45а. На подлиннике пометка царя: «Разве не было разбросано прокламаций?» и отметка министра внутренних дел Горемыкина: «Надлежащие сведения по данному предмету донесены его величеству 9 января 1897 г.» (последний доклад в архиве не обнаружен.— *Ред.*).

[4] Указанные фабрики были те самые, рабочие которых еще летом заявили, что они забастуют в новом году, если правительство не выполнит данных тогда обещаний о введении через 2—3 месяца сокращенного рабочего дня.

Рабочие выставили летние требования и просили «Союз борьбы» напечатать листовки, приглашая все фабрики примкнуть к забастовке.

Описание хода забастовки см. в книге Тахтарева: «Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 г.».

В связи с этой забастовкой на Петровской и Спасской мануфактуре т-ва Губерт и К°, часто называвшейся по имени б. владельца фабрики Максвеля, петербургский «Союз борьбы» выпустил прокламацию «К петербургским ткачам и прядильщикам», в которой отмечал значение этой забастовки, вызвавшей решение правительства о введении сокращенного рабочего дня во всех ткацких и прядильных фабриках с 16 апреля. Этот срок был взят правительством, чтобы внести успокоение в среду рабочих и тем предупредить их выступления 19 апреля в день празднования 1 мая. В прокламации также отмечалось, что «к стачке уже примкнули рабочие фабрики Штиглица, Кенига, Калинкинской, Екатерингофской». Прокламация опубликована в сборнике «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 126—127.

о нормировке рабочего дня. В течение 3 и 4 сего января забастовка продолжается.

4 сего января рабочие Александровского чугунного завода также прекратили работы, причем предъявили заводской администрации следующие требования: 1) окончание работ по субботам в 2 часа дня; 2) зачет в рабочее время времени, употребленного на выдачу заработной платы и 3) право пользования существующим на заводе рабочим фондом по мере надобности, а не только при увольнении, как в настоящее время.

Рабочие держат себя спокойно.

Министр внутренних дел Горемыкин.

Из донесения петербургского градоначальника в департамент полиции, 13 января 1897 г., № 627 [1]

По поводу происходивших с 2 сего января забастовок на некоторых петербургских фабриках, охранным отделением производится особое негласное расследование, ввиду имеющихся указаний на участие кружка лиц, именующего себя «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в подстрекательстве к продолжению фабричных беспорядков [2]. Считаю долгом препроводить при сем 140 экземпляров воззваний изданных от имени этого кружка 9 сего января, годовой денежный отчет за период с 1 декабря 1895 г. по 1 декабря 1896 г. [3] и два экземпляра брошюры «Как министр заботится о рабочих».

Клейгельс.

Донесение петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 января 1897 г., № 30 [4]

4 сего января я получил по телефону от подведомственного мне унтер-офицера с Александровского механического завода сведение о том, что рабочие паровозных мастерских, после обеденного перерыва, работ не пожелали возобновить и собрались на улице против мастерских в числе около двух тысяч человек. Причиной столь внезапной забастовки послужило неудовольствие рабочих на неудовлетворение ходатайства, возбужденного ими через начальство завода еще после забастовки 8 июня 1896 г. об установлении по субботам работ до 2 час. пополудни без обеденного перерыва. Отсутствие определенного ответа на это ходатайство в течение 7 месяцев, в связи с брожением, вызванным среди рабочих забастовкой на находящихся в непосредственном с Александровским заводом соседстве двух частных бумагопрядильных фабрик Губерта, возбуждающим образом подействовали на умы рабочих.

По получении означенного известия, я по телефону дал соответствующее наставление старшему жандарму Осипову, вследствие коего им

---

[1] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 59.

[2] «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» старался поддержать дух стачечников. 9 января была распространена в 1500 экз. прокламация «Ко всем петербургским прядильщикам», в которой указывалось на противоречивое поведение правительства относительно стачечников. 11 января была выпущена вторая прокламация «Ко всем петербургским рабочим» с призывом ко всем рабочим петербургских фабрик и заводов организовать немедленно помощь забастовавшим товарищам; прокламация опубликована в сборнике: «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 128—129.

[3] Указанная прокламация под заголовком «Петербургским ткачам и прядильщикам», а также денежный отчет опубликованы в сборнике «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 г.», стр. 126—127 и 116—120.

[4] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606 ч. I, л. 53.

было объявлено рабочим, что я в самом скором времени прибуду на завод, что вопрос их интересующий находится на рассмотрении подлежащего начальства, но в виду общего значения его для всех казенных железных дорог разрешен в моментально скором времени быть не мог, что наконец я прошу их разойтись.

Воспользовавшись предложенным мне администрацией дороги экстренным поездом, я отправился на завод, где и застал дело уже в следующем положении. Толпа, собравшаяся было против паровозных мастерских, поголовно разошлась. Незначительные части еще пытались проникнуть в вагонные мастерские с целью побудить, работавших по обыкновению в последних, товарищей к забастовке. При этом рабочие требовали от того же старшего жандарма личных со мной переговоров, но по приближении экстренного поезда удалились.

Ввиду наступления двух праздничных дней подряд и имеющихся у меня сведений, следует ожидать возобновления забастовки во вторник 7 января. Сегодня, 5 января, по моей просьбе г. начальник Николаевской железной дороги назначил совещание между начальниками службы тяги и обеих мастерских завода, при участии его самого и моем, с целью редактирования объявления, за подписью его пр-ва, скрепленного мной, предупреждающего рабочих о вреде, который принесут всякие демонстрации их делу в настоящем положении последнего. Объявление это будет вывешено на заводе 6 января. Копия его при сем представляется[1].

Засим в виду того, что зависимость возникших на заводе беспорядков от постороннего влияния вполне установлена, что рабочие бумагопрядилен Губерта, собираясь в кучки на улице около завода, прямо задерживали 4 января шедших уже в мастерские на работу после обеда товарищей (рабочих), г. начальник дороги вместе с сим обратился к г. с.-петербургскому градоначальнику с письмом, в коем просит зависящего его превосходительства распоряжения по поводу предупреждения уличных скопищ в окрестностях завода[2].

Подполковник Ладыженский.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции, 8 января 1897 г., № 336[3]

7 сего января рабочим на Российской бумагопрядильной мануфактуре с утра было вывешено объявление от имени правления этой фирмы о том, что с 16 апреля сего года работа будет производиться с 6 ч. утра до 12 ч. дня и от 1 ч. до 7 час. вечера, а по субботам от 6 ч. утра до 4 ч. вечера[4]. Явившиеся в обычное время на фабрику рабочие, ознакомившись с этим объявлением, забастовали. В то же время на Екатерингофской мануфактуре в деревне Волынкиной, где вывешено такое же объявление, мальчики мюльного отделения в числе 180 чело-

[1] В объявлении говорится, что «Правление дороги советует рабочим не следовать вредным посторонним влияниям, имея при этом ввиду, что всякие беспорядки могут повлечь за собой только печальные для рабочих последствия» (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 53).

[2] В письме начальника дороги сообщается: «Забастовавшие на соседних с нашим заводом бумагопрядильнях — Спасской и Петровской рабочие, в числе около 6 тысяч, оказывают очень вредное влияние на рабочих Александровского завода. В субботу, 4 января, собравшись партиями на улицах, они не допускали наших рабочих проходить после обеденного перерыва на завод, так что работа в паровозных мастерских полдня не производилась. Были также попытки помешать работать и в вагонных мастерских, расположенных тораздо далее от берега Невы» (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 54).

[3] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 55.

[4] Копию объявления см. ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, д. 43.

век, прекратили работы, как равно и на Невской бумагопрядильной мануфактуре (М. Болотная ул. д. № 12), перестали работать без объявления причин 80 мальчиков мюльного отделения, а после обеденного времени из общего числа 1 900 рабочих не явилось на работу 255 человек. На этой последней фабрике, вывесившей, равным образом, с утра тождественное объявление о сокращении числа рабочих часов (до 11½ часов) [1], в мюльном отделении рабочим Петром Ларионовым была обнаружена в 10 час. утра брошюра женевского издания под заглавием «Как министр заботится о рабочих», 1896 г.

Сообщая о сем департаменту полиции в дополнение к письму моему от 4 сего января за № 207 [2] с препровождением протокола, составленного полицией [3], имею честь присовокупить, что помянутая брошюра взята от местного пристава товарищем прокурора г. Зарудным для представления прокурору судебной палаты.

Генерал-майор Клейгельс.

ВЕДОМОСТЬ

рабочих забастовавших фабрик в С.-Петербурге, 11 января 1897 г. [4]

№№ пор.	В районе какого полицейского участка	Наименование фабрик	Общее число рабочих на фабрике
1	Петергоф	Екатерингофская	750
2	3-го у-ка Нарвской части . .	Российская	750
		Кенига	1 280
3	3-го у-ка Рождествен. части .	Невская	1 300
		Невская ниточная	1 553
4	Охтенского у-ка	Охтенская	600
			6 733

Полковник Секеринский

Из доклада старшего фабричного инспектора С.-Петербургской губ. в департамент торговли и мануфактур, 15 декабря 1898 г., № 60 [5]

Имею честь при сем представить в департамент торговли и мануфактур прокламацию [6], которая была разбросана вчера в большом количестве экземпляров на фабриках Петровской и Спасской Губерта, и донести, что около 2 час. пополудни вчера все рабочие (около 2 800 чел.) обеих этих фабрик прекратили работу, не заявляя никаких требований фабричной администрации и требуя прибытия фабричного инспектора для переговоров с ними.

[1] Объявление в делах не обнаружено.

[2] В письме № 207 сообщается о забастовке 4 января 1 700 рабочих Александровского завода (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 42.)

[3] См. ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 56.

[4] ЦАР, ДП, III, 1896 г., № 606, ч. I, л. 68. Заголовок подлинника.

[5] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 26, л. 59.

[6] Скатившийся к этому времени на позиции экономизма Петербургский «Союз борьбы» выпустил в связи с забастовкой на фабрике Петровской и Спасской мануфактур (Максвеля) и фабрики Паля прокламации, составленные на основе списка требований самих рабочих, выбросив из них однако политические требования, а именно: требование свободы стачек и свободы собраний. Рабочие были недовольны отсутствием этих требований в прокламациях.

Получив об этом сообщение по телефону в 2½ часа пополудни, я прибыл на фабрики Губерта в 3½ часа, причем рабочих на фабрике уже не было. По распоряжению местного пристава было сообщено немедленно в фабричные квартиры рабочих о моем прибытии и рабочие начали собираться у ворот Спасской фабрики для переговоров со мной. Пристав просил рабочих войти на двор, но они отказались исполнить это и просили меня выйти к ним за ворота. Около ворот я застал толпу рабочих в 300—400 человек, при чем рабочие заявили, что за последнее время у них понизился заработок вследствие того, что пустили в работу плохую пряжу и начали плохо шлихтовать основу, а 20 ноября, не взирая на падение заработка, у 90 ткачей, которые имели сносный заработок, понизили задельную плату, причем не сочли нужным спросить ткачей о согласии работать по пониженной расценке. Когда же была вывешена 6 ноября пониженная расценка, ткачи заявили мастерам, что они не могут работать по пониженной расценке и просили передать их заявление директору фабрики Ивану Ивановичу Ферветтеру. После этого заявления из толпы начали кричать, что рабочие требуют повышения платы по всем расценкам, сокращения рабочего дня до 10 часов и удаления мастера Андрея Фомича Пирсона, из-за которого будто бы были беспорядки 2 года тому назад среди рабочих Серпуховской фабрики Коншина[1], с появлением которого 1½ года тому назад на фабриках Губерта начали понижать плату рабочим и который груб с работницами, а также удаления писаря Дулина, который очень груб с рабочими...

Вчера в 10 час. вечера ночная смена ткачей соседней фабрики К. Я. Паля, в количестве около 500 человек, бросила с криком работу, а сегодня утром дневная смена, в таком же количестве рабочих, вышла на работу, но спустя час оставила фабрику, причем заявили фабричной администрации требования о повышении расценков и введении 10-часового рабочего дня. Таким образом, на фабрике К. Я. Паля сегодня работают только в ситцепечатной около 500 человек, а все рабочие ткацкой в количестве около 1 200 рабочих, не работают...

Старший фабричный инспектор Г. Рыковский.

II

Отношение московского губернатора московскому обер-полицеймейстеру, 27 сентября 1895 г., № 2136 [2]

Департамент полиции уведомил меня, что рабочие расположенной в районе 5-го стана Московского уезда Даниловской мануфактуры, ввиду неотступного наблюдения за ними, вызванного появлением в обращении среди них преступного содержания брошюр и воззваний[3],

---

[1] Речь идет о стачке на фабрике Коншина в начале марта 1897 г. Рабочие требовали увеличения зарплаты, удаления мастеров, которые брали с рабочих взятки, и др.

[2] ЦАР МОО, 1895 г., д. № 85, л. 74.

[3] В 1895 г. среди рабочих фабрик и заводов Москвы широко распространялись брошюры и воззвания Московского «Рабочего Союза». В июле 1895 г. на сходке рабочих, состоявшейся на Даниловском кладбище, распространялось воззвание Московского «Рабочего Союза», начинающееся словами: «Товарищи, пора опомниться, пора взяться за дело». 10 августа это воззвание было распространено на фабрике Даниловской мануфактуры, вместе с воззванием Московского «Рабочего союза», начинающегося словами «Товарищи рабочие. Наше положение с каждым годом все ухудшается». 15 августа вновь состоялась сходка рабочих на Даниловском кладбище, на которой было распространено воззвание Московского «Рабочего союза» с обращением «Товарищи работники», начинающееся словами «За границей рабочий добился 8 или 9 часов рабочего дня...». Эти воззвания опубликованы в сборнике «Литература Московского рабочего союза», стр. 68, 70, 71, изд. «Московский рабочий». В августе на

стали за последнее время собираться в смежной с городом Москвою местности Даниловской слободе в портерной, содержимой Елизаветой Деренго, и отдельных комнатах Ново-Сахаровского трактира, сделав названные заведения излюбленными местами для своих сходок.

Так как означенные портерная и трактир находятся в Даниловской слободе, в районе 2-го участка Серпуховской части, то о вышеизложенном по принадлежности имею честь сообщить вашему превосходительству.

Губернатор Булыгин.

Из донесения старшего фабричного инспектора Московской губернии московскому обер-полицеймейстеру, 23 ноября 1895 г., № 10681 [1]

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что один из владельцев фабрики товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, а именно Сергей Иванович Прохоров, явившись ко мне 22 сего ноября вечером, сообщил о замечаемом в последнее время каком-то брожении среди рабочих их фабрики.

По его словам рабочие стали собираться по временам в кучки и при приближении кого-либо из администрации быстро рассыпаются, пряча какие то листки; недавно же смотрителями было замечено, что отработавшая свое время смена женщин, вместо обычного немедленного выхода с фабрики, на некоторое время позамешкалась у выхода, как будто о чем то совещаясь.

До администрации фабрики дошли кроме того слухи, что между рабочими в последнее время, особенно, ходит по рукам какая то брошюра под заглавием «Пять последних стачек» [2].

Не так давно один из ткачей, Алексей Алексеев, улучив время, когда никого не было рабочих, сообщил с испуганным видом дозорному фабрики (прося не выдавать его, так как боится, что рабочие убьют), что у них между рабочими образовался какой-то комитет, в который хотят привлечь и его. По его словам, комитет этот состоит из 50 членов, между которыми большую роль играют двое рабочих. Руководит этим обществом будто бы какой-то студент, живущий в Кудрине.

Комитет, собирая с рабочих по 20 коп., выписывает откуда то брошюры и книжки, которые распространяет среди рабочих, и недавно даже послал с этой целью на фабрики гор. Серпухова и Наро-фоминской мануфактуры несколько человек выборных.

По сообщению рабочего, члены комитета собираются периодически для совещаний на Ваганьковском кладбище и недавно чуть было не были накрыты полицией...

и. д. старшего фабричного инспектора Московской губернии

И. Федоров.

ф-ке Даниловской мануфактуры распространялась первая агитационная брошюрка без заголовка, на 6 страницах, Московского «Рабочего союза» (ЦАР, ДП, IV, 1894 г., д. № 314, т. II, л. 180). Брошюра также опубликована в указанном выше сборнике, стр. 60.

Московский «Рабочий Союз» — первая Московская социал-демократическая организация, ведущая свое начало с 1892 г. В апреле 1894 г. образовался «центральный рабочий кружок» из представителей всех заводских кружков. Официальное свое название «Рабочий Союз» принял на первомайском собрании 1895 г. С начала 1896 г. организация выпускала свои прокламации за подписью «Московский Рабочий союз».

[1] ЦАР, МОО, 1895 г., д. № 85, лл. 86—87.

[2] Повидимому, речь идет о брошюре Московского рабочего союза «Стачки и их значение для рабочих (с описанием пяти стачек, бывших весной и летом 1895 г.)» (Опубликовано в сборнике: «Литература Московского рабочего Союза», стр. 185—204).

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел, 14 марта 1896 г.[1]

Доношу вашему высокопревосходительству: 11 марта на фабрике Горкинской мануфактуры в сельце Горках Ковровского у. забастовали рабочие, числом около 700 чел. Принятые фабричным инспектором и исправником меры к прекращению стачки не имели успеха. По донесению их, беспорядки принимают угрожающий характер. Командируется сегодня на место вице-губернатор с батальоном пехоты из Владимира.

Губернатор Теренин.

Отношение владимирского губернатора в департамент полиции, 30 марта 1896 г., № 1789[2]

В дополнение донесений моих в депешах от 14 и 22 марта о стачке ткачей на фабрике товарищества Горкинской мануфактуры в сельце Горках, Ковровского у. имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующие подробные по этому делу сведения:

11 марта вторая смена ткачей, заменившая первую в 10 час. утра, проработав не более четверти часа, прекратила работы и направилась толпой в фабричную контору. Здесь рабочие заявили заведующему фабрикой Руссову свое неудовольствие на объявленную им 6 марта новую расценку на летний срок найма, требуя увеличения оной. Получив отказ от заведующего фабрикой, рабочие пожелали видеть хозяина фабрики, который в то время находился в Москве, и приезд его ожидался не ранее 18—20 числа. Узнав об его отсутствии, рабочие тем не менее на фабрику не возвратились, а, воспользовавшись будто бы сказанными Руссовым словами «убирайтесь вон, вы мне надоели хуже собак», решили немедленно прекратить работу и оставили фабрику, причем, по словам заведующего, ткачи первой смены силой удалили многих рабочих второй смены,— преимущественно женщин,— которые хотели приступить к работам.

13 марта паровая машина на фабрике была пущена в ход в час дня, но никто из рабочих не явился, хотя почти все они были в сборе около фабрики и стояли большими и малыми группами подле фабричных ворот. Нижними жандармскими и полицейскими чинами было обнаружено, что сборища эти имели целью никого не допускать к фабричным воротам и воспрепятствовать пройти на фабрику тем из рабочих, которые пожелали бы начать работу.

На другой день, 14 марта, рабочие вновь не пошли на работу, продолжая толпиться большими группами вокруг фабрики, обнаруживая крайне возбужденное настроение; ругали урядников и нижних жандармских чинов самыми площадными словами, бросали в них комьями снега и делали им угрозы, причем до момента прибытия войск держали себя крайне дерзко и вызывающе. Фабрика и усадьба фабриканта были оцеплены рабочими и вообще стачка была замечательно хорошо организована[3]. Заведующий фабрикой Руссов, в предупреждение мо-

[1] ЦАР, ДП, II, 1896 г., д. № 15, ч. 9, л. 16.

[2] Там же, лл. 26—31.

[3] На рабочих Ковровского уезда имел влияние Иваново-Вознесенский «Союз», образовавшийся летом 1895 г. К началу 1896 г. деятельность Союза расширяется, устанавливается связь с окрестными фабриками. В феврале 1896 г. были произведены первые аресты членов организации, в начале лета — вторичные. Уцелевшие после арестов члены Союза к осени 1896 г. восстанавливают организацию и стремятся возобновить прежнюю работу: организовать кружки на каждой фабрике, представители которых должны входить в состав Центрального Иваново-Вознесенского Рабочего Союза («Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет», Изд. «Союза русских социал-демократов», 1900 г., стр. 21—23, ЦАР, инв. № 1381). Иваново-Вознесенская с.-д. организация с января 1898 г. была тесно связана с Московским «Рабочим союзом».

гущих возникнуть дальнейших осложнений, ночью уехал из с. Горок, его вывезли с женой на подводе, покрытых рогожами, чтобы скрыть от подкарауливавшей его толпы.

Так как к назначенному и объявленному рабочим сроку — 4 часа дня 13 марта никто из них к работам не приступил, а между тем срок найма оканчивался лишь в четверг — 21 марта, то все рабочие, прекратившие работу, оказались нарушившими договор найма и, для привлечения к уголовной ответственности чинами фабричной инспекции, совместно с уездным исправником, был составлен по обстоятельствам дела протокол, который и передан по принадлежности; причем полицией указано 12 главных зачинщиков и подстрекателей к стачке. Прибывшим в сельце Горки судебным следователем по особо важным делам приступлено к производству следствия.

Командированный мной на место беспорядков владимирский вице-губернатор князь Урусов приехал на фабрику в 2 часа ночи 14 марта, а за ним прибыл 3 батальон 10 гренадерского Малороссийского полка.

Прежде всего вице-губернатор распорядился учредить патрули из солдат для защиты фабрики, поместив в фабричных казармах одну роту; затем утром было объявлено рабочим, что в 10 час. вице-губернатор будет говорить с ними на площади перед фабрикой и в назначенное время князь Урусов выехал к рабочим, коих с посторонними зрителями собралось до 2 000 чел. Толпа эта, сравнительно спокойно выслушав вице-губернатора, по отъезде его на квартиру, одно время будто бы решилась идти работать, но после убеждений некоторых из зачинщиков начала шуметь и кричать, что не станет на работу, пока не увеличат расценку и не исполнят других их требований. Весь день после этого, даже часть ночи, народ толпился на площади, но вице-губернатор не нашел нужным распорядиться разогнать толпу, опасаясь сопротивления.

Из 17 человек, привлеченных к следствию в качестве обвиняемых, распоряжением следственной власти 6 заключены под стражу и отправлены под конвоем в Шуйскую тюрьму, 4 не розысканы, а остальные были арестованы по распоряжению вице-губернатора до окончания срока найма и расчета на фабрике, так как, по имевшимся сведениям, они имели дурное влияние на остальных рабочих.

На следующее утро толпа стала видимо уменьшаться, 18 числа начали работать 60 чел., 20 числа стояло на местах уже 400 ткачей, а 21 марта более 1 000 чел. явились в фабричную контору записываться на работу на новый срок.

Есть основание полагать, что стачка произошла вследствие подстрекательства злонамеренных людей.

Губернатор Теренин.

Прокламация Московского «Рабочего союза», июнь 1896 г.[1]

Товарищи!

27 мая в Петербурге забастовали рабочие Екатерингофской бумагопрядильни. Затем к ним присоединились Новая бумагопрядильня Максвель, Кениг, Штиглица и другие, всего 17 фабрик с 30 тысячами человек. Все они сообща требуют:

---

[1] ЦАР, МОО, 1894 г., д. № 377, л. 25.

Воспроизводится с гектографированного подлинника. Прокламация распространялась среди рабочих завода Бромлей и на заводах Добров-Набгольц, Гоппера и на фабрике Бестужева.

К началу 1896 г. члены Московского «Рабочего союза» установили довольно прочные связи среди рабочих московских фабрик и заводов. По архивным данным члены Московского «Рабочего союза» сами или через организованных рабочих проводили ра-

1. Сокращения рабочего дня.
2. Повышения расценок.
3. Чтобы по субботам шабашили везде в 2 часа.
4. Чтобы заработок выдавался без задержки в двухнедельные сроки.

Кроме того, каждая фабрика выставила еще свои особые требования, например: уничтожение штрафов за прогул и опоздание, улучшение хозяйских квартир, вежливое обращение мастеров с рабочими и пр.

Забастовщики держатся вот уже третью неделю и ни хозяева, ни правительство ничего не в силах поделать. Вызваны были войска для усмирения, но усмирять было некого, так как рабочие ведут себя очень мирно.

На тех заводах и фабриках, где еще продолжается работа, идут сборы в пользу стачечников. Долго ли протянется стачка и чем она кончится, неизвестно, но несомненно, что хозяева не скоро ее забудут, так как они терпят от нее громадные убытки.

Нам, московским рабочим, живется не легче, чем нашим петербургским товарищам. И нас хозяева заставляют за грошевую плату работать до полного изнеможения. И у нас пускаются в ход разные условия, чтобы урвать что-нибудь из этого скудного заработка. Жаловаться нам некуда — инспектора нас не хотят и слушать. А как заботится о нас правительство видно хотя бы вот из чего. На фабрике Максвель инспектор, убеждая рабочих прекратить стачку, заявил, что правительство уже обсудило закон о сокращении рабочего дня и что осталось только его подписать. На вопрос рабочих, когда же его подпишут, он отвечал: не раньше, чем года через два.

Облегчить свою тяжелую участь, товарищи, мы можем только сами собственными силами, начав борьбу против хозяйских притеснений. Теперь для этого время самое удобное. Если бы и в Москве устроилась такая же общая стачка, как в Петербурге, то хозяева, испуганные питерской стачкой, теперь скорее, чем в другое время, смогут нам уступить. Да и нашим петербургским товарищам, если к ним присоединимся мы, легче будет добиться своего.

Московский «Рабочий союз».

Прокламация Московского «Рабочего Союза», 1896 г.[1]

Товарищи рабочие!

27 мая в Петербурге на 17-ти бумагопрядильных и ткацких фабриках прекратили работу до 30 тысяч рабочих и требуют сокращения рабочего дня и повышения заработной платы.

Забастовщики держатся и до сих пор. Они ведут себя мирно и спокойно, держатся так умело и дружно, так упорно настаивают на своих требованиях, что петербургское начальство ничего не может с ними поделать и уже не на шутку перепугалось. Что фабриканты и правительство действительно побаиваются петербургских рабочих, видно из

боту на следующих предприятиях: заводах Гоппер, Грачева, Доброва и Набгольц, Листа, Старый Бромлей, Новый Бромлей, Людвиг Смит, Вейхельт, Фугельзонг, Доггауэра, Липгарта, Газовом, Перенуд, Гужон, Филиппова и фабриках Бахрушина, Шредера, Мещерина, Досужева, Цинделя, Михайлова, Агафонова, Грессар, анонимного Об-ва, Прохорова, Гилля, Гогенталь, Жако и К-о, Алексеевской канительной, Алексеевской шелковой, Ганшина, Носовской, Варц, Мориц Паль, Костанжогло, серебряных заведениях Андреева и Овчинникова и жел. дор. мастерских Смоленских, Курских и Рязанских, т-вах Измайловской м-ры и Раменской м-ры. Милютина с-вей в Бронницком уезде (ДП, III, 1896 г., д. № 295, л. 66).

В марте 1896 г. «Рабочий союз» послал в Париж за подписью 605 рабочих адрес французским рабочим по поводу 25-летия Парижской Коммуны. Членами Московского «Рабочего союза» проводились собрания рабочих по вопросу организации касс и др.

[1] ЦАР, инв. № 9728. Воспроизведено с литографированного подлинника без подписи.

того, что 15 июня, т. е. на третьей неделе от начала стачки, в Петербурге появились листки...[1]

Товарищи! Правительство первый раз открыто и печатно обращается к рабочим с увещанием прекратить стачку, и в то же время оно позаботилось, чтобы ни в одной газете не было известий о петербургской стачке. Разве это не показывает, как много страху нагнали дружные забастовщики на фабрикантов и правительство, которое защищает их интересы. Правительство привыкло при каждой стачке «усмирять бунтовщиков» — нагонит войска и вся недолга. А что поделать с такими забастовщиками, которые не бьют, не ломают, а крепко и дружно стоят на своем, с полным и ясным сознанием своих интересов и требований. У правительства со страху-то, видно, голова закружилась и в глазах затуманилось, как говорится,— ему небо с овчинку показалось. А то разве оно решилось бы обращаться к рабочим с подобным лживым и откровенно нахальным увещанием. Ведь оно должно было знать, что если забастовщики так ловко и дружно ведут свое дело, так значит они хорошо понимают свои интересы и требования, стало быть они ясно сознают, что их интересы вполне противоположны интересам фабрикантов. И никакие уверения правительства, что ему «одинаково дороги как интересы фабрикантов, так и рабочих», тут не помогут.

О том, что по мнению министра финансов стачки устраивают злонамеренные люди, не стоит и говорить. Не зато ли он их называет злонамеренными, что они раньше других поняли и сознали, что интересы рабочих вполне противоположны интересам капиталистов. Не за то ли, что, поняв это, эти люди стали горячо и открыто разъяснять своим товарищам, как бесстыдно обкрадывают рабочих фабриканты и заводчики, заставляя работать до кровавого пота и за самую нищенскую плату. И вот, когда рабочие потребовали сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, капиталисты твердят, что рабочих научают этому злонамеренные люди. Теперь, товарищи, вы видите, что эти люди оказываются злонамеренными для капиталистов-хозяев, так как от их преданности рабочему делу страдают карманы капиталистов.

Министр финансов говорит в своем обращении, что стачка разорительна для рабочих. Не верьте, товарищи! Он нагло врет. Стачка — это единственное средство в настоящее время, посредством которого рабочие могут добиться улучшения своего положения. Русские рабочие не участвуют в издании законов, как рабочие других стран. А русское правительство в угоду капиталистам издает такие законы, по которым даже единственное орудие борьбы рабочих с хозяевами — стачка — оказывается незаконным.

Что за стачки рабочих наказывают тюрьмой, а на защиту хозяйских интересов высылают войска, пускаются в ход нагайки, розги, штыки и пули,— это давно уже знает каждый из нас. Теперь же министр финансов откровенно и во всеуслышание объявляет, что правительство не терпит стачек, а следовательно, что оно всецело стоит на стороне фабрикантов и заводчиков. И после такого откровенного признания министр финансов так нагло смеется над рабочими, говоря, что закон защищает рабочих. Где же эта защита? Смотрите сами: стачки рабочих беззаконны; союзы рабочих для борьбы с хозяевами незаконны; стачечные и всякие другие кассы рабочих — не разрешаются законом; собираться рабочим, чтобы потолковать сообща о рабочем деле — тоже нельзя; печатание книг, которые выясняют рабочим их положение и научают их, как вести борьбу с капиталистами, преследуются законом. И заметьте, товарищи, что одно и то же, что для рабочих беззаконно,

---

[1] Далее опускается циркуляр Витте к стачечникам от 15 июня 1896 г. (см. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 481—482).

то для фабрикантов и других хозяев — вполне законно. Капиталистам правительство разрешает стачки и союзы и съезды, которые они устраивают с тем, чтобы успешнее и вольготнее можно было эксплоатировать и прижимать рабочих. Правительство разрешает печатать и книжки только такие, которые защищают капиталистические порядки.

В конце своего обращения министр финансов советует рабочим долг свой исполнять по закону и жить по правде божией. При этом он ни полсловом не обмолвился, что законы-то эти писаны в угоду фабрикантам и заводчикам. А о «правде божией» вряд ли кто лучше рабочих знает. Жить вечно полуголодными, ходить грязными и оборванными и тесниться по сырым подвалам — не это ли «правда божия»?

Так кому же и знать такую правду, как не рабочим.

Товарищи рабочие! Петербургская стачка научает нас, как много значит вести дело умело, дружно и сообща. Когда петербургские рабочие дружно выступили с ясными и определенными требованиями, их стали бояться не только фабриканты и заводчики, но и правительство, которое до сих пор так рьяно защищает хозяйские интересы.

Товарищи, в нас самих, значит, сила, и сила великая, коли боится нас даже царское правительство. Нужно только ясно сознать свои интересы, дружно и крепко стоять за свое освобождение от капиталистов — хозяев.

Из донесения начальника Орловского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 2 июля 1896 г., № 914[1]

2 сего июля, после обеда рабочие Московских мастерских Московско-Курской железной дороги, собравшись толпой, заявили помощнику начальника мастерских, технику Сластенину, что они не будут более работать, если нижеследующие их требования останутся без удовлетворения.

1) Выдать рабочую плату за коронационные дни в день освящения в мастерских императорского поезда.

2) Вывесить в мастерских расценочную ведомость на год на все отдельные части, дабы они вперед знали, за какую цену они работают.

3) Разъяснить им правила о больничной плате.

4) Цену в условии на изделную вещь делать до начала работы, а не по окончании ее.

5) Расчет за 5 платформ произвести, согласно условия, по 18 рублей, а не по 16 рублей, как это неправильно сделано мастером Борцовым.

6) Чтобы уплатить им за половину дня 2 июля, не взирая на то, что они работ не производили, заявляя вышеназванные требования[2].

Полковник Красовский.

---

[1] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. II, лл. 49—50. На подлиннике помета: «Доложено г. министру. Приказано, указав на этот случай, сообщить Моск. обер-полицеймейстеру о желательности скорейшей ликвидации рабочего кружка, намеченного к наблюдениям. 3/VII. Зволянский».

[2] По сообщению моск. обер-полицеймейстера в департамент полиции эти мастерские, будучи расположены между громадным металлическим заводом Московского акционерного об-ва и железнодорожным заводом г. Перенуда «служили центром обмена мыслей и действий злоумышленников.»

Рабочий кружок московских мастерских Московско-Курской ж. д. имел связь с Московским «Рабочим союзом».

В связи со стачкой в мастерских Московско-Курской ж. д. 6 июня среди членов Московского «Рабочего союза» были произведены аресты, однако вскоре Московский «Рабочий союз» возрождается и ведет работу по подготовке стачек в мастерских Московско-Брестской и Московско-Казанской жел. дорог, что приводит к новым арестам 11 ноября и 9 декабря 1896 г.

Стачка рабочих на Московско-Курской ж. д., 3 июля 1896 г.[1]

30 мая 1896 г. начались стачки на петербургских бумаго-прядильных фабриках, к которым примкнули некоторые заводы. Число стачечников простиралось до 45 000 человек.

Скоро об этих стачках стало известно в Москве и множество листков с требованиями петербургских рабочих были расклеены в железнодорожных мастерских Московско-Курской ж. д. и некоторых других фабриках. Событие в Петербурге и порядки давно возбуждавшие недовольство рабочих в мастерских этой дороги вызвали стачки 3 июля 1896 г.

Этому способствовал, кроме того, еще отказ уплаты за коронационные дни и день освящения императорского поезда.

Стачка началась при следующих обстоятельствах: в 8 часов утра 3 июля мастеровые различных цехов, в количестве 200 человек, пригласили начальника мастерских для объяснения: будет ли им заплачено за коронационные дни. За отсутствием начальника мастерских объяснения с рабочими взял на себя его помощник Сластенин, дерзко отвечавший: «не платили и не будут платить». После подобного заявления мастеровые разошлись, тут же решив забастовать.

Немедленно было сообщено всем начальствующим, что в мастерских бунт. Через несколько времени прибыл начальник мастерских Крыжановский и жандармский подполковник Карамзин. Жандармский подполковник, проходя толпой и ожидая встретить бунтовщиков, был удивлен спокойствием, господствующим среди рабочих. Начались опять увещания начать работу, но без результата. Тогда жандармский подполковник Карамзин и начальник мастерских, ссылаясь на то, что нельзя говорить сразу с тысячной толпой, предложили рабочим выбрать по 5 человек от каждого цеха для переговоров. Рабочие отвечали, что пошлют своих бригадиров под условием полнейшей их безопасности и обязательного удаления начальства мастерских во время объяснения. Требования эти были исполнены. Начальство мастерских удалилось, а бригадиры с Карамзиным остались на дворе мастерских, где они заявили от лица рабочих следующие требования[2].

Когда все эти требования были записаны и Карамзин обещал походатайствовать об удовлетворении их, явился в мастерские начальник службы тяги Христианович. Несмотря на то, что Христиановичу были предложены уже записанные требования рабочих, он все-таки захотел объясниться с ними лично. От лица рабочих стал говорить один столяр, который указал, что заработок их за последние три месяца упал чуть ли не вдвое. Причем он объяснил, как некоторые мастеровые совершенно больные ждут по несколько месяцев ответа на 4 прошения об отпуске, несмотря на заключение врачей о необходимости скорого отпуска.

После изложения указанных выше претензий начальник тяги заявил, что это такие требования, из-за которых не следовало бы начинать стачку, так как их можно удовлетворить при первой просьбе. Выборные заметили на это, что они все пороги обили, ходивши за разре-

---

[1] ЦАР, МОО, 1896 г., д. № 49, лл. 198—199. Из брошюры Московского «Рабочего союза» (июль) 1896 г. Воспроизведено с копии.

Появление настоящей брошюры вызвало среди жандармских властей большой переполох. Московская охранка сообщала в департамент полиции: «Принимаемые жандармско-полицейской властью меры в значительной степени обусловливаются появлением в мастерских прокламации «Стачка в Курских мастерских». (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 2, лл. 102 и 112).

[2] Требования опускаются, так как они приведены в предыдущем документе.

шением недоразумений; Христианович считал все рассуждения оконченными, но рабочие не расходились и заявили желание, чтобы им заплатили за день стачки. Христианович возмутился. Тогда рабочие указали, что они не по своей вине не работают, а что их вынудили к этому. После немногих переговоров и это требование обещали исполнить.

Вследствие сильного уменьшения расценок Христианович предложил принять расценки Ковровских мастерских, где рабочие никаких претензий по поводу их не заявляют. Один из рабочих заметил Христиановичу «в Коврове довольны,— перенеси-ка их в Москву; Ковров — деревня, Москва — город». Предложение Христиановича не было принято.

Через два дня, как обещал Карамзин, он лично прочел мастеровым, что просьба их уважена и что за коронационные дни им будет уплачено, а еще через день в проходной висело объявление «Начальнику Московских мастерских.— За коронационные дни и день освящения императорского поезда будет уплачена поденная плата, представить табель. Христианович».

За дни стачки плата была также включена в табель. Расценки обещали пересмотреть, равно как и другие требования[1].

Прокламация Московского «Рабочего союза», 21 сентября 1896 г.[2]

Рабочим

мастерских Московско-Курской железной дороги.

Товарищи! Вы помните, конечно, какие требования были нами выставлены во время стачки 3 июля. Вы помните также, что начальство наше, по ходатайству жандармского полковника Карамзина, этого волка в овечьей шкуре, обещало исполнить их. Прошло уже два месяца и что же? Такие ли расценки у нас, каких мы добивались? Такая ли плата за «больные» дни, какую мы хотели? Вывешены ли табели во всех цехах, как мы требовали? Нет, нет и нет. Нас надули самым наглым образом. Да разве обманывать привыкать-стать нашим эксплоататорам капиталистам и правительству? Не обманывают ли они нас каждый день, высасывая наши последние соки и набивая свои карманы нашими кровными денежками? Не норовят ли они каждую минуту содрать с нас не одну, а три шкуры? Ну а пусть кто-нибудь из нас осмелится указать на их злоупотребления: его тотчас же прогонят.

Другое дело, когда рабочие дружно отстаивают свои интересы. Хозяева видят, что силой тут не возьмешь, да это им и не выгодно подчас. Не прогнать же всех рабочих. Не посадить же их всех в тюрьму, когда работа спешная, когда в виду громадные барыши. Тут они поневоле идут на уступки, хотя и здесь стараются, если можно, обмануть нас. Так было и у нас в июле.

Мы бросили работу и дружно заявили свои требования. Правительство, напуганное петербургской стачкой, боялось, чтобы все московские рабочие не присоединились к нам. Оно пошло на уступки; полились сладкие речи, увещания и обещания. Мы поверили, а теперь видим, что верить нашим эксплоататорам нельзя...

---

[1] В начале октября 1896 г. в связи с сокращением штата в мастерских Курской жел. дор. были уволены 13 рабочих, руководителей июльской забастовки, «которые по своему поведению и имеющимся о них полицейским сведениям могли быть признаны вредными для порядка в мастерских» (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. II, лл. 115—116).

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1896 г., д. № 606, ч. II, л. 96. Воспроизведено с гектографированного подлинника.

Ведь уверяют они, что между ними и нами нет розни, что отношения их к нам отеческие, дружеские. Хороши же наши отцы, которые на наши деньги строят себе дворцы, ездят на резиновых шинах, бросают сотни и тысячи на ветер в то время, как мы ходим в лохмотьях, живем в подвалах, иной раз даже не имеем на хлеб.

Хорошо отеческое попечение нашего правительства, которое приказывает стрелять в нас и бросает в тюрьму, когда мы решаемся заявить, что и мы рабочие имеем право на лучшую жизнь. Друзья, которые заставляют работать и день и ночь, платя гроши! Пока мы здоровы и нужны им, они держат нас, а то — ступай околевай на улице.

Наше положение становится все хуже. Наш «бедный» хозяин — правительство, очевидно, боясь вылететь в трубу, с 1892 года начал уменьшать расценки. Какое ему дело до того, что мы выбиваемся из сил, что наши семьи голодают. Под страхом стачки, начатой в удобное время, оно исполнило часть наших требований и обещало исполнить остальные. Но когда стачка кончилась и все успокоилось, на наши требования наплевали.

Неужели нам, товарищи, помириться этим? Неужели бросить всякую надежду на улучшение своего положения?

Нет, товарищи! Мы видели, как боятся наши притеснители наших дружных действий. При первом удобном случае, когда будет много спешной работы, мы все бросим работу и не примемся за нее, пока не исполнят всех наших требований.

Помните, товарищи, что счастье рабочих в их руках, а сила их в их союзе. Когда мы разъединены, мы слабы, а когда соединимся — мы сила, которую не сокрушат ни хозяева, ни правительство. Не будем же, товарищи, терять понапрасну времени. Составим кружки по мастерским, выберем от них представителей, которые сообща будут заведывать всеми нашими делами. Устроим кассу [1], накопим денег, чтобы во время стачки с успехом выдержать борьбу. Примкнем к общей Московской рабочей кассе, о существовании которой вы знаете, и под руководством Московского «Рабочего союза» мы будем бороться за освобождение рабочих от их притеснителей. Итак вперед, товарищи, и мы добьемся улучшения своего положения и будем жить так, как должно жить человеку.

Да здравствует борьба за лучшую жизнь!

Московский «Рабочий союз».

Телеграмма фабричного инспектора в департамент торговли и мануфактур, 25 сентября 1896 г. [2]

С обеда ткачи фабрики Зотовых 330 чел. прекратили работу [3], не желая согласиться работать по таксе на зимний период времени, которая ниже летней. Желают установления летних цен, удаления заведующе-

[1] Речь идет о кассах взаимопомощи, которые преследовали не только экономические цели, но и политические. Они являлись центром пропаганды в широкой массе социал-демократических идей, служили орудием для развития классового и политического сознания рабочих, поэтому полиция зорко следила за существовавшими на фабриках, заводах и в мастерских рабочими кассами.

По поводу призыва в данной прокламации об устройстве кассы отдел железнодорожного жандармского управления писал в департамент полиции: «Из собранных же негласным путем сведений оказывается, что, как значится в прокламации об устройстве рабочими касс, таковая касса уже существует между металлическим заводом Московского акционерного общества, бывшего Гужона и упомянутыми мастерскими, но весьма возможно, что и другие фабрики или заводы принимают в этом участие». (ЦАР, МОО, 1896 г., д. № 49, лл. 165—166).

[2] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 53, л. 45.

[3] Инициатором этой стачки явился местный социал-демократический кружок, организованный в 1895 г. Кружок занимался пропагандой среди костромских рабочих.

го ткацким отделом Нечаева и шлихтовального мастера Соколова; рабочие толпились вне фабрики, среди них много пьяных. Увещания невозможны.

Горбунов.

Прокламация Московского «Рабочего союза», 3 октября 1896 г.[1]

Товарищи! 25 сентября в Костроме забастовало 400 ткачей фабрики Зотовых. Стачка началась с того, что на зиму были вывешены расценки ниже не только летних, но и прошлогодних зимних. Рабочие отказались принять их и отправили с жалобой ходоков к инспектору. Но последний не пожелал даже их выслушать. Тогда ткачи после получки жалованья прекратили работу. Они требуют: 1) прежних расценок, 2) уничтожения примерок и других мелких злоупотреблений, 3) смены управляющего Нечаева.

Тотчас же на место стачки явился инспектор и, как водится, начал стращать рабочих тюрьмой и Архангельской губернией. Но угрозы инспектора пропали даром. На смену ему явился полицеймейстер и приказал рабочим разойтись и не буянить. Те еще заявили свои требования, и решив их отстаивать до последней возможности, мирно разошлись по домам. О стачке ткачей, об их дружном отпоре притеснениям заговорили и на другой фабрике тех же Зотовых, где работало до 3 000 человек. Рабочие этой фабрики готовы присоединиться к стачке: остановка лишь за средствами. Их хватит забастовщикам на неделю, много на две. Городские ссудные кассы закладов не берут. Остается надеяться на стороннюю помощь.

Московский «Рабочий союз» отослал в Кострому 200 руб., но этого мало, а потому он решается обратиться к нам, московские рабочие, за посильной денежной помощью для костромских товарищей. Их дело ведь в то же время и наше дело, и только поддерживая друг друга, мы можем одержать победу над нашим общим врагом — хозяевами.

Московский «Рабочий союз».

Из донесения начальника Костромского жандармского управления прокурору Московской судебной палаты, 4 октября 1896 г., № 747[2]

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что 25 минувшего сентября ткачи льнопрядильной мануфактуры Зотовых в г. Костроме, в числе трехсот тридцати человек, не явились после обеда на работы, а столпились на улице вблизи фабрики, где, по прибытии на место фабричного инспектора, заявили ему следующие требования: 1) о сокращении рабочих часов до десяти, 2) об уравнении зимней и летней таксы заработка, 3) о плате за действительно вытканное количество полотна и 4) об уменьшении штрафов и невычете за трехдневный прогул. Фабричный инспектор объявил им тут, что пока они не явятся на работы, никакие заявления от них принимаемы не будут. При отъезде фабричного инспектора толпа смеялась и кричала «ура» и, по требованию полицеймейстера, разошлась по домам.

На следующий день стачка всех ткачей продолжалась, а толпа на улице уменьшилась до 150 чел., причем они выделили своего вожака,

---

распространял социал-демократическую литературу, устроив рабочую кассу и библиотеку нелегальных книжек. Кружок руководил стачкой и поддерживал стачечников денежной помощью. (Брошюра «Рабочее движение в Костроме». Издание союза Русских Социал-демократов, 1902 г., Женева, ЦАР, б-ка, инв. № 1384).

[1] ЦАР, б-ка, инв. № 19886. Воспроизведено с гектографированного подлинника прокламации.

[2] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 18524, лл. 5—6

который объяснялся с полицеймейстером и фабричным инспектором, подал собственноручное заявление о требованиях рабочих, в котором они прибавили 5-й [пункт] — смену заведующего ткацким отделением Нечаева за то, что он черезчур строг и будто их обсчитывает. Войти на фабрику столпившиеся рабочие отказались из боязни арестов и разошлись по требованию полиции. Следующие дни и по настоящее время забастовка продолжается. На совещании у губернатора было решено арестовать в тот же день вечером намеченных девять зачинщиков и на следующий день, 2 октября, с раннего утра, расставить кордон полицейских, которые способствовали бы желающим беспрепятственно пройти на фабрику для работ, предполагая, что, если сто рабочих станут у станков, за ними последуют остальные и стачка прекратится. Но мера эта не принесла желаемого результата: пока полиция находилась на улицах, никто из забастовавших рабочих из домов не выходил, а как только кордон был снят, образовались кучки до сорока человек.

20 же числа мной были получены агентурным путем сведения, что в винной лавке Сапожникова рабочий фабрики Зотовых Цецерин высказался: «стачечники два раза получили субсидию — первый раз семьсот и другой сто рублей, а откуда, это наше дело».

Вследствие сего и приняв в соображение, что забастовавшие ткачи никаких беспорядков не производят и, несмотря на неимение средств к пропитанию, к работам не приступают, и что из числа намеченных зачинщиков некоторые вели знакомство и общение с лицами, состоящими под надзором полиции, а потому необходимо предполагать, что для стачки есть скрытые руководители и пособники...

(Подпись).

Из брошюры «Двухнедельная стачка ткачей на фабрике бр. Зотовых в Костроме» [1]

Мощный оттолосок летней стачки 17 петербургских фабрик гулко пронесся не только по России, но и за границей, достиг также и малочисленной, но бодрой духом кучки рабочих ткачей на фабрике бр. Зотовых в Костроме. 25 сентября рабочие-ткачи, в числе около 400 человек, из них половина женщин, не явились в обычное время на работы, и пустота и безмолвие воцарились в ткацком отделении Зотовской фабрики...

День на пятый или шестой после начала стачки были арестованы ночью 6 человек полицией и 5 жандармами...

Заключенные рабочие настолько умно вели себя, что этим не мало огорчали полицию, пытавшуюся неоднократно выведать от них фамилии главарей стачки, а также разузнать, не было ли посторонних кого-нибудь из интеллигенции. На все распросы и подходы полиции с этой целью рабочие неизменно отвечали, что никаких зачинщиков не было, что все мол сразу не пошли на работу.

«Да ведь начал же кто-нибудь первый-то. Подал же кто-нибудь вам мысль об этом»,— горячилась полиция. «Никто не подавал никакой мысли, так, значит, сообща не пошли на работу — вот и весь тут разговор», отвечали рабочие. Так полиция ничего и не могла от них до-

[1] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 3, лл. 113—119. Воспроизведено с копии брошюры.

О стачке ткачей на фабрике братьев Зотовых в Костроме была помещена статья в сборнике «Работник» №№ 3—4, 1897 г., издание «Союза русских социал-демократов» в Женеве, стр. 64—68.

В ней приводятся тождественные сведения.

биться и, продержав дней пять под арестом, выпустила, не имея решительно никаких причин к дальнейшему их задержанию.

Дело ткачей перешло к судебной власти, и вот мы видим, что следователь и товарищ прокурора высказываются в пользу рабочих; они говорят, что подобные, происходящие мирным путем забастовки не есть преступление, но им возражает прокурор, настаивая на обвинении рабочих в заранее подготовленной стачке...

В обществе рабочие нашли полное сочувствие: общественное мнение было за, а не против них и престиж Зотова, как гуманного, весьма образованного, интеллигентного человека и общественного деятеля, сильно пошатнулся. Общество местное выразило свое сочувствие не на словах только, но также и на деле, помогая стачечникам материально. Также сочувственно откликнулись на протест Зотовских ткачей Петербург и Москва, выразив это сочувствие присылкою материальной помощи, а Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» ободрил сверх того своих Костромских собратий коротким приветственным письмом [1]. Всего за время стачки поступило денежной помощи: от местного общества — 120 р., московских рабочих — 200 р., московских студентов — 50 р. Из Петербурга — 115 р., из одного провинциального города — 50 р. и из Петербурга же от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — 200 р., всего — 735 р.

Среди рабочих весьма быстро распространился слух, что московские и петербургские рабочие прислали им свою помощь. Помощь, особенно нуждавшимся во время стачки, вначале рабочие оказывали сами, устраивали складчину в пользу беднейших.

...Стачка имела воспитывающее влияние, сплотила между собою стачечников и даже нестачечников.

Благотворное значение ее выразилось еще и в том, что сейчас же с началом стачки все местные фабриканты дали немаловажные льготы на своих фабриках и сам же Зотов был вынужден согласиться на требование чесальщиков из боязни, чтобы и они не примкнули к ткачам, что и было решено среди чесальщиков, если не будут удовлетворены их требования. Фабричная администрация сразу понизила свой тон с рабочими, благодаря этой стачке, и всюду на фабрике мастера и всякого рода управители стали замечательно любезны к рабочим. Рабочие других фабрик и неучаствовавшие в стачке зотовские рабочие благодарили ткачей за те улучшения, которые произошли в их собственном положении благодаря стачке...

Р е з у л ь т а т ы — относительно требований рабочих: примерка полотна уничтожена, переноска машин и материалов на станки производится теперь уже не рабочими. Обещано через месяц или два повысить заработную плату.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 октября 1896 г., № 796 [2]

В настоящее время стачка, продолжавшаяся 13 дней [3], прекратилась, на работу не вступило лишь 20 человек. Работа началась на прежних условиях за исключением лишь постановленного ткачами ус-

[1] Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» 4 октября выпустил листок с обращением: «К рабочим бумаго-прядильной фабрики Зотова в г. Костроме», в котором, называя стачку костромских рабочих «делом всего рабочего класса», шлет забастовавшим рабочим «первую помощь и предлагает дальнейшую поддержку». Листок напечатан в книге «Листовка Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 95.

[2] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 3, л. 111.

[3] По подсчетам фабричного инспектора означенная стачка длилась 12 дней, а с праздниками 16 (ГАФКЭ, ф. 299, д. № 53, лл. 44—72).

ловия о плате за действительно выработанное количество полотна и отмены штрафа за трехдневный прогул, за который, виновные в том, теперь будут уволены с фабрики.

Генерал-майор Никольский.

Записка Московского охранного отделения, 22 октября 1896 г., № 2861 [1]

Деятельность Московского охранного отделения выражается в настоящее время в следующем:

Во-первых, оно заканчивает дознание об организаторах так называемого «Московского Рабочего союза», деятельность которого выразилась в организации в течение всего июня, ряда рабочих сходок (число членов до 500 человек), с целью устройства общей забастовки, по примеру С. Петербурга, а также в пропаганде на различных фабриках и заводах, числом до 50-ти.

Во-вторых, выясняется вновь организовавшийся социал-демократический кружок, являющийся продолжателем предыдущего и наименовавшийся «Рабочий союз»; до сего времени деятельность его выразилась в нижеследующем:

А) в издании на мимеографе и пишущей машине «Ремингтон» ряда брошюр и прокламаций, каковые, во-первых, прокламация от 8 августа, в которой предлагается рабочим не пугаться арестов 6-го июля [2], а стойко продолжать рабочее дело; во-вторых, брошюра «Касса и для чего она нужна рабочим» [3], в которой предлагается рабочим организация так называемых «боевых» касс для поддержания забастовавших; в-третьих, «Стачка рабочих на Московско-Курской железной дороге 3 июля 1896 г.». В этой брошюре доказывается, что рабочие кругом обманываются своим железнодорожным начальством, так как до сего времени ни одно из обещаний, на основании коих рабочие оставили мысль о забастовке, еще не исполнено; в-четвертых, брошюра «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на Международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне в 1896 г.» [4], в коей излагается общее положение рабочей организации в России.

Б) Организовано транспортирование заграничных изданий в Москву; получено несколько транспортов, один с книгами — для рабочих, а другой — для интеллигенции. Из новинок революционной литературы циркулируют три: во-первых, Кольцов «Царское правительство и рабочие», во-вторых «Что делают русские цари для народа» (народное издание) и в-третьих, газета «Работник» [5] (иллюстрированная)... Замечена и детально разработана начинавшаяся агитация мастерских Курской ж. д., своевременно узнано о забастовке на фабрике бр. Зотовых в г. Костроме и подробно выяснена агитация по этому поводу в г. Москве: прокламация и сбор денег.

---

[1] ЦАР, МОО, 1896 г., д. № 415, лл. 293—294.

[2] См. примечание на стр. 143.

[3] Брошюра: «Касса. Для чего она нужна рабочим и как ее устроить» издана на мимеографе «Рабочим Союзом» в сентябре 1896 г. за подписью «Московские сознательные рабочие» (ЦАР, инв. № 2143).

[4] «Доклад, представленный делегацией социал-демократов в 1896 г. Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г.», изд. «Союза русских социал-демократов», Женева (ЦАР, инв. № 355).

[5] «Работник» — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896—1899 г. заграницей под редакцией группы «Освобождение Труда». Под этой же редакцией одновременно выходили еще «Листки Работника». Вышло 6 номеров «Работника» (в трех книгах) и 10 номеров «Листка». Последний № 9—10 «Листка Работника» в 1898 г. вышел под временной редакцией, так как группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов». В организации издания «Работника» принимал деятельное участие В. И. Ленин.

Телеграмма прокурора Московской судебной палаты в министерство юстиции, 11 ноября 1896 г.[1]

Доношу вашему высокопревосходительству, что в Московское охранное отделение поступили сведения, что организовавшийся в Москве социал-демократический кружок перешел к агитации, подготовив забастовку на завтра в мастерских Казанской железной дороги, к которой должны присоединиться остальные такие мастерские. В виду этого сегодня ночью будут обысканы, арестованы 19 интеллигентов, 37 рабочих[2].

Прокурор палаты Посников.

Прокламация Московского «Рабочего союза», январь 1897 г.[3]

Товарищи!

Летом в Петербурге была громадная стачка бумагопрядильщиков. После целого месяца нужды и лишений забастовщики взялись наконец за работу, поверив обещаниям правительства, что через полгода исполнят их требования — сократят рабочий день до 10½ часов. Но вот прошли эти полгода, а все оставалось по старому. Обманутые рабочие решили вновь прибегнуть к могучему, уже испытанному ими средству — к стачке. 2 января прекратили работу фабричные от Максвеля. 7-го к ним присоединились рабочие Паля, Штиглица и Охтенской бумагопрядильни. Число забастовщиков быстро дошло до 20 тысяч. Хозяева и правительство страшно перепугались. Они собрались на совещание обсудить требования рабочих. Решено было сделать им небольшую уступку — сократить рабочий день до 12 часов, что было немедленно исполнено. Забастовщики на этот раз удовлетворились этой уступкой — мороз и голод заставили их приняться за работу. 13 января все фабрики пошли полным ходом[4]. Но рабочие не теряют надежды добиться своего,— при первом же удобном случае они думают возобновить стачку. Можно уже теперь уверенно сказать, что они одержат верх над хозяевами — так дружно и упорно стояли они на своем во время прежних забастовок.

Вообще в Петербурге теперь правительство очень боится рабочего движения. Оно пробовало заглушить его преследованиями, тысячами арестовывало и высылало рабочих, но все напрасно — рабочее движение все росло, захватывало новые заведения и крепче укоренялось на старых. Тогда правительство решило употребить другой прием — задобрить рабочих уступками. Так, в начале января рабочие казенного Александровского завода потребовали, чтобы работа по субботам и под праздники кончалась в 3 часа. Их требование было немедленно исполнено. Но этого мало. Новые порядки, по распоряжению министра, были распространены сначала на петербургские, а потом на все русские

---

[1] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 13545, л. 1.

[2] Произведенные обыски дали следующие результаты: «По обыскам взято две пишущие машинки, ручной самодельный типографский станок, 4 мимеографа, 5 гектографов, 2 пуда неоконченных тиснением на мимеографе листов манифеста коммунистической партии и значительное количество других нелегальных изданий». (ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 13545, л. 2).

[3] ЦАР, б-ка, инв. № 28129. Воспроизведено с листовки, напечатанной на гектографе. Прокламация была выпущена в связи с происходившей в январе в Петербурге стачкой ткачей, документы см. выше.

[4] Согласно записке директора деп. полиции Зволянского от 14 января 1897 г. работы возобновились 13 января:
а) на Невской ниточной с утра полностью,
б) у Кенига с 11 час. утра,
в) на Российской мануфактуре с 12 часов дня.
Приступят к работе 15 января: Невская бумагопрядильная и Екатерингофская мануфактура (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 1, л. 79).

казенные железно-дорожные мастерские. И у нас в Москве на Курской, Смоленской и даже Рязанской дорогах уже работают по субботам только до 3 час. Так, рабочие Александровского завода добились облегчения участи не только для себя, но и для своих товарищей по всей России.

Честь и слава петербургским рабочим, отважным борцам за общее русское рабочее дело. Мы, их московские товарищи, шлем им сердечный привет и от души желаем им одержать победу с возможно меньшими жертвами [1].

«Рабочий союз».

Телеграмма московского обер-полицеймейстера в департамент полиции, 1 марта 1897 г., 206 [2]

27 февраля на шерстопрядильной фабрике Шлихтермана с утверждением старшего фабричного инспектора было вывешено объявление, что окончательный расчет будет произведен не к пасхе, а к 15 марта. 28-го две денных смены не вышли на работу, и рабочие, в числе 500 человек, забастовали. По соглашению инспектора с фабричной администрацией решено было их немедленно расчитать. Приглашенные к содействию чины полиции были встречены неприязненно рабочими, запершимися в верхней казарме; полицеймейстер Будберг и трое городовых получили легкие поранения. Вслед за сим с моим приездом порядок был водворен. Рабочие, в количестве 254 человек, расчет коим фабрика не успела бы сделать в этот день, разбиты на три партии, и за невозможностью оставить их, по местным условиям, для ночлега на фабрике, отправлены в пересыльную тюрьму, где утром 1 марта по получении расчета будут освобождены, за исключением нескольких главарей.

Подполковник Трепов.

Из заключения прокурора Московской судебной палаты по делу о «Рабочем союзе», 9 сентября 1897 г.[3]

...Летом 1896 г. после того, как был ликвидирован «Московский Рабочий союз», на смену ему выступила небольшая группа лиц, поставивших себе задачей социал-демократическую пропаганду в среде рабочего населения Москвы [4]...

Средствами для пропаганды послужили: а) издание при помощи мимеографа оригинальных произведений и воззваний социал-демократического направления от «Рабочего союза», а также переводных сочинений социально-революционного характера и распространение этой литературы между интеллигенцией и рабочими, б) приобретение из-за границы и распространение нелегальных книг и в) личная пропаганда через посещение рабочих членами «Союза» и собеседование с ними в

---

[1] Январская стачка петербургских рабочих имела значение и для рабочих всей России. 25 января последовал приказ царя министру финансов относительно немедленного созыва комиссии для выработки проекта закона о сокращении рабочего дня с тем, чтобы этот проект был немедленно передан на обсуждение в Государственный совет, который обязан рассмотреть его в весеннюю сессию. («Листок Работника», № 3—4, ноябрь 1897 г., стр. 2).

[2] ЦАР, ДП, III, 1896 г., № 606, ч. 2, л. 213. В связи с этой стачкой Московским «Рабочим союзом» была выпущена специальная прокламация (ЦАР, МОО, 1897 г., д. № 126, л. 61).

[3] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 6 13545, лл. 97 и сл.

[4] Первый Московский Комитет РСДРП образовался осенью 1898 г. В состав его вошли А. М. Ульянова-Елизарова, М. Ф. Владимирский, А. В. Луначарский и Лукашевич.

направлении исключительно социал-демократическом без отношения к вопросам государственного строя...

Первым, по времени появления, изданием «Рабочего союза» была брошюра «Стачка рабочих на Московско-Курской жел. дороге», представляющая описание этого незначительного инцидента, происшедшего 3 июля 1896 г. и окончившегося удовлетворением всех требований рабочих. За нею следовали выпущенные в сентябре того же года две брошюры. Первая из них носит заглавие «Касса; для чего она нужна рабочим и как ее устроить». В этом издании ссылкою на пример западно-европейских товарищей доказывается необходимость русским рабочим для успеха в борьбе с фабрикантами устроить боевую, нелегальную кассу, которая послужит для поддержки забастовщиков, для помощи заключенным товарищам и для приобретения нелегальной литературы.

Следующая брошюра озаглавлена «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на Международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне в 1896 г.». В ней описываются успехи рабочего движения в России за последнее время и выражено суждение о том, что «Русский абсолютизм» стоит на страже интересов предпринимателей. Дознанием не был обнаружен автор первой из упомянутых брошюр. «Касса» была перепечатана с гектографированного нелегального сочинения, а «Отчет» представляет перевод с немецкого.

14 октября 1896 г. кружком было воспроизведено и распространено воззвание, обращенное «Ко всем московским рабочим». В нем перечисляются случаи столкновений, имевших место в последнее время между представителями труда и капитала в разных городах и в частности в Костроме на фабрике Зотовых,— столкновений, окончившихся повсеместно торжеством трудящихся масс, а в заключение сказано: «Мы должны гордиться и радоваться этому; в нашем сознании противоположности классовых интересов, в нашей борьбе с ненасытными эксплоататорами заключается вся наша сила, в ней залог нашего освобождения от ненавистного ига капитала. Будем же откликаться посильной помощью на всякую попытку рабочих других городов. Их интересы — наши интересы, и каждая их победа ведет к победе всего русского пролетариата».

3 ноября того же года, в виду слухов о возникшем брожении в среде учащейся молодежи «Центральный комитет Рабочего союза» обратился к московским студентам с прокламацией, убеждая их бросить бесцельную борьбу на академической почве и посвятить свои силы рабочему делу. Касаясь причин студенческих волнений, составители воззвания упоминают, что «правительство с воцарения Александра III вплоть до настоящего времени систематически душит все живое и мыслящее в России, уничтожает всякую тень появления свободы с чьей бы то ни было стороны». Это воззвание было распространено в Московском университете и вызвало даже гектографированный ответ «нескольких лиц, участвующих в студенческой организации», в сочувственном тоне.

Последнее воззвание «Рабочего союза» появилось 4 ноября, за неделю до ликвидации кружка. Оно обращено ко всем рабочим завода Дангауэр в Москве и заключает в себе совет предъявить хозяевам ряд требований и в случае неисполнения их не выходить на работу. Главное из этих требований — сокращение рабочего дня до 10 часов с перерывом на 1 час для обеда. Прокламация была распространена, но никаких практических последствий не имела.

Кроме того, им предпринята была перепечатка двух заграничных подпольных сочинений: «Манифеста коммунистической партии» Маркса — Энгельса и биографического очерка «Фридрих Энгельс.» Однако ни та ни другая работа не была окончена вследствие ареста...

Вся описанная деятельность членов «Рабочего союза» была направлена к пропаганде в массе фабричного населения... Данные, обнаруженные в этом отношении агентурным наблюдением и в большинстве подтвержденные формальным дознанием, указывают на то, что пропаганда в краткий четырехмесячный период времени захватила до тридцати рабочих, из которых около 10 человек были заняты в мастерских императорского технического училища и железных дорог Брестской и Московско-Казанской, остальные же работали на восьми частных заводах...

При обыске... взяты: 1) двадцать один экземпляр печатных женевских, лондонских и подпольных изданий революционного содержания, в том числе: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», К. Маркса и Фр. Энгельса «Манифест коммунистической партии», С. Дикштейна «Кто чем живет», Плеханова «Фердинанд Лассаль», два номера журнала «Социал-демократ» за 1890 г., Гауптмана «Ткачи» и «Царь-голод», «Объяснение новых правил для рабочих» и газета «Работник» за май 1896 г. с иллюстрацией, изображающей рабочий праздник, 2) две нелегальных по содержанию брошюры на немецком языке Шиппеля и Кампфмеера о рабочих союзах и социализме, 3) гектографированная нелегальная брошюра Альфонса Туна «История революционного движения в России» в двух экземплярах, 4) восемь тетрадей, в которых переписаны от руки: М. Шиппеля «Рабочие союзы», перевод популярного изложения «Капитала» Маркса по Каутскому, В. Засулич «Очерк истории международного общества рабочих», М. Цебриковой «Ссылка и каторга», К. Маркса «Наемный труд и капитал», его же «Введение к критике философии права Гегеля с предисловием П. Лаврова» и посредством пишущей машины: К. Маркс «Гражданская война во Франции» с предисловием Ф. Энгельса к 3-му немецкому изданию, 5) 19 экземпляров воззвания «Рабочего союза» от 14 октября 1896 г. «Ко всем московским рабочим», два экземпляра прокламации «Центрального комитета рабочего союза» к московским студентам от 3 ноября 1896 г., четыре экземпляра воззваний того же кружка ко всем рабочим завода Дангауэр от 4 того же ноября и один экземпляр «Отчета делегатов русской социал-демократии, читанного на социал-демократическом конгрессе в Лондоне», издания «Рабочего союза», 6) нелегальная рукопись о положении русского рабочего по поводу выставки в Чикаго, 7) список нелегальных изданий, 8) семь счетов, относящихся к транспорту заграничной рабочей литературы, 9) около тысячи неупотребленных билетиков для «благотворительной лотереи» и, наконец, 10) мимеограф малого размера, не бывший в употреблении, и разные принадлежности к работе на подобном приборе (протокол осмотра т. IV, лл. 30—121)...

Прокурор палаты Посников.

Донесение владимирского губернатора в департамент полиции, 27 декабря 1897 г., № 1043 [1]

23 сего декабря, при объявлении на фабриках товариществ мануфактур Ивана Гарелина сыновей и Никанора Дербенова сыновей в г. Иваново-Вознесенске новых правил, согласованных с законом 2 июня 1897 г. [2] о продолжительности и распределении рабочего времени,

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 3, л. 51.

[2] Закон 2 июня 1897 г. устанавливал для дневной смены 11½-часовой рабочий день, а для ночной — 10-часовой.

Законом установлено 66 праздничных дней в году. «...Обычное число праздников в году было до сих пор у рабочих такое же, как и у остальных граждан. Наше

ткачи означенных фабрик, заявив свое неудовольствие на сокращение праздничных дней и на запрещение работать друг за друга, стали выражать в крайне дерзкой форме разные требования и домогательства, между прочим о том, чтобы по предпраздничным дням работы заканчивались в 6 час., затем, несмотря на разъяснения и убеждения фабричного инспектора и полицеймейстера, работы прекратили, причем заявляли, что они «желали бы исправить и прежние порядки», и высказывались так: «снимите со стены новые правила, и мы пойдем работать».

После этого ткачи фабрики Маракушова и Кокушкина также оставили работу, предъявив фабричному инспектору те же требования. Таким образом, на означенных фабриках забастовало более 3 000 ткачей. 24 числа все рабочие разошлись по домам и вернутся на фабрики после праздников 29 числа. Имеются сведения, что по возвращении на фабрики рабочие не намерены возобновить работы, а лишь продолжать свои домогательства.

Всех ткачей на фабриках в Иваново-Вознесенске, работающих при одинаковых условиях с упомянутыми фабриками, до 12 тыс., и если на остальных фабриках рабочие не предъявляли своих домогательств, то лишь потому, что новые правила еще не были им объявлены. Вообще дело представляется крайне серьезным и нужно ожидать важных осложнений, тем более, что подобные же недоразумения возникли на фабриках в г. Шуе и с. Тайкове, Шуйского у. Поэтому, для предупреждения беспорядков, могущих произойти по возвращении на фабрики ткачей, я, по совещании с старшим фабричным инспектором, начальником губернского жандармского управления и прокурором окружного суда, признал необходимым обратиться к содействию военной силы, которая одна лишь может подействовать отрезвляюще на рабочих и предупредить возникновение беспорядков. Вследствие сего, согласно моей просьбе, по распоряжению е. и. высочества командующего войсками Московского военного округа, командирована из Москвы одна сотня казаков, которая и прибудет в Иваново-Вознесенск вечером 28 числа, а затем сделано распоряжение о посылке туда же, в случае надобности, и баталиона пехоты из Владимира.

Об изложенном имею честь уведомить департамент полиции.

Губернатор Теренин.

Телеграмма Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 декабря 1897 г., № 811 [1]

Забастовало десять тысяч. Прибыл с войсками, распоряжаюсь. По предложению губернатора выясняю претензии. Спокойно.

Генерал Воронов.

«христианское правительство», заботясь о здоровье рабочих, выкинуло из этих обычных праздников четвертую часть, целых 22 дня, оставив только 66 обязательных праздников» (В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 147).

В законе пункты о сверхурочной работе имели много лазеек для фабрикантов, так что существующее положение в действительности мало изменилось.

Ленин в статье о фабричном законе 1897 г. говорит, что «Значение нового фабричного закона состоит в том, что он с одной стороны, является вынужденной уступкой правительства, что он отвоеван у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими... С другой стороны, значение нового закона состоит в том, что он необходимо и неизбежно дает новый толчок русскому рабочему движению» (В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 154).

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 3, л. 61.

Отношение владимирского губернатора в департамент полиции, 28 декабря 1897 г., № 1048 [1]

В дополнение к отношению моему от 23 декабря за № 1043 о забастовке ткачей на трех Иваново-Вознесенских фабриках — товариществ мануфактур Ивана Гарелина сыновей, Никанора Дербенева сыновей и Маракушева и Кокушкина,— имею честь уведомить департамент полиции, что вчерашнего же числа забастовали еще ткачи фабрик: товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры — 2 180 человек, Никона Гарелина — 885, наследников Зубкова — 600 и младших Гандуриных — 400. Все эти рабочие прекратили работы, разошлись по домам. Вчера же ночью отправлены в Иваново-Вознесенск 2 батальона пехоты из Владимира в составе 700 человек, а сегодня отправляются 2 сотни казаков из Москвы. Для распоряжений по настоящему делу командируется в Иваново-Вознесенск вице-губернатор.

По имеющимся сведениям, есть основание полагать, что настоящие забастовки происходят вследствие подстрекательства извне, так как никаких основательных поводов к неудовольствиям рабочих на упомянутых фабриках в действительности не существует. Притом рабочие заявляют свои претензии даже против таких правил, которые на их фабриках вовсе не установлены. По сообщению местного помощника начальника губернского жандармского управления, на Иваново-Вознесенских фабриках замечается много лиц посторонних, не принадлежащих к числу рабочих, за которыми пока установлено строгое наблюдение; с прибытием же войска будут произведены аресты.

Губернатор Теренин.

Телеграмма владимирского губернатора департаменту полиции, 30 декабря 1897 г. [2]

В дополнение отношений № 1043 и 1049 сообщаю: забастовка ткачей продолжается и распространилась на другие фабрики в Иваново-Вознесенске. Забастовало 13 588 рабочих на всех 12 ткацких, двух прядильных и одной ситцевой фабриках. На месте распоряжается вице-губернатор, там же находится начальник жандармского управления и старший фабричный инспектор. Вчера ночью арестовано 28 зачинщиков; войска командировано только одна сотня казаков и два батальона пехоты, каковое количество, в виду крайней серьезности положения дела, упорства и возбуждения рабочих, а также разбросанности забастовавших фабрик по городу на протяжении семи верст, считаю весьма недостаточным, о чем 27 и 29 числа телеграфировал начальнику штаба и командующему войсками округа, прося командировать в Иваново-Вознесенск еще казаков и пехоты, но, не получая ответа, сейчас вновь телеграфирую его высочеству.

Губернатор Теренин.

Телеграмма Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 декабря 1897 г. № 869 [3]

На остальных фабриках еще забастовало четыре тысячи, всего четырнадцать. Условия, сопровождавшие прекращение работ, не признаются судебной властью за стачку. Распоряжением вице-губернатора принимаются принудительные меры к восстановлению работ. Приказа-

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 3, л. 20.
[2] Там же л. 151.
[3] Там же л. 18.

но арестовать шестьдесят зачинщиков, будут привлечены по охране. Причины прекращения работ — недоразумение и смута, порожденные применением нового закона, также стремление воспользоваться и выговорить разные льготы[1].

Генерал Воронов.

Прокламация Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1898 г.[2]

Письмо к рабочим Иваново-Вознесенска.

Товарищи!

До нас дошел слух, что вы объявили стачку в числе 10 000 человек. Московский «Рабочий союз» шлет вам свой привет и пожелание полного успеха. Мы слышали, что поводом к стачке послужило: 1) предпринятое обществом иваново-вознесенских фабрикантов сокращение числа дней, празднуемых рабочими в году, 2) внутренние распорядки, крайне тяжелые для рабочих (напр. 5½-часовые смены на ситцевых фабриках и т. д.).

Мы слышали, что господа капиталисты не поцеремонились ввести новое требование для рожениц из женщин-работниц: являться на фабрику через 4 дня после родов, тогда как жены этих же фабрикантов оправляются от родов по 6 недель. Для господ фабрикантов работница женщина, очевидно, не человек, а просто рабочая машина, приносящая им деньги. Узнав все это, мы решили, товарищи, написать вам, кроме дружеского привета, несколько слов об отношении Московского «Рабочего союза» к стачкам вообще и к вашей стачке в частности. Капиталистическое производство есть прежде всего производство прибыли для капиталистов. Из 11—12 часов рабочего дня капиталист оплачивает часа 4 в форме заработной платы, остальные же 7 или 8 часов идут в пользу капиталиста. Отсюда понятным становится постоянное стремление капиталиста увеличивать число рабочих дней в году и число рабочих часов в течение дня, уменьшая при этом расценку. Все уловки фабрикантов, пускаемые ими в ход, известны хорошо самим рабочим. Капиталисты всегда и везде стремятся выжать больше соку из рабочего,— рабочие со своей стороны всегда и везде стремятся положить предел бессовестной капиталистической эксплоатации.

У рабочих есть один только способ защиты: бить фабриканта рублем — отсюда стачка. Отказавшись от работы и объявив стачку, рабочие заставляют этим гг. фабрикантов терпеть несомненные убытки. Фабрикант упорствует, рабочие тоже и, по обыкновению, стачка кончается в пользу той стороны, которая проявит больше упорства, вы-

[1] Корреспонденция из Иваново-Вознесенска об этой стачке в «Листке Работника» подчеркивает, что «В Иваново-Вознесенске уже с 23 декабря длится грандиозная стачка на всех (за исключением 2-х) тамошних фабриках. Число забастовавших достигает до 30 000 чел. Повод забастовки— различные прижимки и несправедливости хозяев на каждой фабрике — немедленно повлек за собой забастовку на всех остальных. На некоторых главной причиною было исключение из числа нерабочих дней некоторых праздников... В Иваново стянуто порядочно войск, но забастовщики держатся спокойно и выдержанно, так что ни к каким насилиям прибегнуть не удается... Рабочие держались очень дружно и стойко. Войскам положительно не представлялось случая проявить себя хоть мелочью. В результате стачки прибавили число праздников, а также сократили число часов работы накануне праздников» («Листок Работника», № 6, февраль 1898 г., стр. 7).

Подробное сообщение местной социал-демократической группы об этой стачке было напечатано в № 8 «Листка Работника», июнь 1898 г., стр. 23—32. Там же напечатан циркуляр старшего фабричного инспектора заведующим фабриками Владимирской губ. от 17 января 1898 г. (как результат стачки), согласно которому число сверхурочных, необязательных работ на каждого рабочего не должно превышать 120 часов в год.

[2] ЦАР, МСП, 1899 г., д. № 39, лл. 314—315. Воспроизведено с копии.

держки характера. Правда, условия далеко не равны: фабрикант, терпя убытки, не терпит с своей семьей голода и лишения; рабочему же приходится выносить всю тяжесть стачки на своих боках, но, если справедливость имеет сама по себе какую-нибудь силу, то эта сила всецело на стороне рабочих: рабочие борятся за свое законное право, право иметь кусок хлеба и немного отдыха среди каторжного, непрерывного труда.

На Западе, наши товарищи — английские, французские и немецкие рабочие, путем многочисленных стачек, добились следующих результатов: 1) стачки их привели к сознанию, что сила рабочих в объединении; немецкие рабочие, например, соединились уже почти в 3-х миллионную партию (социал-демократия); эта грозная внушительная сила, перед которой теперь заискивают даже короли и императоры. 2) Многочисленные рабочие стачки, вызывая остановку производства и волнения, заставили правительства всех европейских стран издать фабричные законы, улучшающие положение рабочих. У нас 2 июня 1897 г. вышел также новый фабричный закон и он также явился результатом стачек и вообще русского рабочего движения (напр. стачка петербургских рабочих в мае 1896 г.). 3) Стачки рабочих в Европе, часто кончаясь победой фабрикантов, все же в общем своем результате привели там к сокращению рабочего времени и к повышению заработной платы; например, в самоткацком производстве русский рабочий в среднем получает 13 или 14 руб. в месяц, работая 3 588 часов в году, в Англии же рабочий, занимаясь 2 810 часов в году, получает 41 р. 50 к. в месяц. Разница, кажется, большая. Отсюда следует, что значение стачки не только экономическое — оно гораздо шире.

Иваново-вознесенские товарищи! Помните, что не ваша только судьба зависит от стойкости вашего поведения в данном случае. Вы, борясь за свои интересы, боретесь за интерес всего русского рабочего класса. Пусть это сознание вдохнет в вас энергию для продолжения той борьбы, которую вы начали. Московский «Рабочий союз» приветствует вас и, желая вам успеха в борьбе с эксплоататорами, по мере своих средств будет помогать вашему правому делу.

Вперед товарищи! Взойдет и для нас заря!

Из брошюры «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе»[1]

В настоящее время нашими рабочими становится уже на очередь вопрос о более раннем окончании работ накануне праздников, но иваново-вознесенские фабриканты предупредили рабочих и первые сделали нападение на них, воспользовавшись неясностью закона 2 июня 1897 г.

Дело в том, что до издания этого закона по отношению к взрослым рабочим не было никаких правительственных распоряжений о воспрещении работы в праздники. Установление праздничных дней всецело зависело от воли фабриканта, или, вернее сказать, от соглашения фабриканта с рабочими, которые слишком цепко держались за некоторые, в особенности, церковные праздники. Закон о продолжительности рабочего дня впервые установил 66 обязательных праздничных дней, а празднование остальных предоставил воле фабриканта. Воспользовавшись этим ивановские фабриканты уменьшили на несколько дней издавно существующее в нашем районе число праздников. Лишь только об этом было объявлено рабочим, как они заволновались. На другой же день после объявления, 22 декабря 1897 г., забастовали рабочие Т-ва мануфактур И. Гарелина с сыновьями, тотчас же к ним присо-

[1] «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе (за последние 15 лет)». Издание Союза русских социал-демократов, стр. 13. (ЦАР, инв. № 1382).

единились рабочие фабрики т-ва мануфактур Н. Дербенева с-я, и затем постепенно ткачи всех остальных фабрик (кроме маленькой фабрики Щапова) примкнули к забастовке. К ткачам присоединились все прядильщики, и скоро пламя стачки перешло и на ситцепечатные фабрики (Фокина, Витовых и др.). Это был первый в нашем районе случай забастовки, в которой приняли участие и рабочие ситцепечатных фабрик. Число забастовавших, с каждым днем увеличиваясь, быстро дошло до 15 тысяч человек. Тогда хозяева фабрик, не успевших примкнуть к стачке (т-во Куваевской мануфактуры, Полушин и др.) сделали уступки своим рабочим и тем предотвратили дальнейшее увеличение числа забастовавших. Были вызваны 2 баталиона солдат и сотня казаков, но насилий со стороны войск не было.

Как и всегда, ткачи держались дружнее других: они стали на работу только 13 января 1898 г., после того как фабриканты отчасти удовлетворили их требования насчет праздников. Ситцепечатные рабочие уступили скорее, главным образом, потому, что многие из них, пользующиеся хозяйской квартирой, были немедленно лишены ее, как только примкнули к стачке. Таким образом, стачка продолжалась 3 недели и в ней приняли участие 15 тысяч человек.

Все время настроение было самое бодрое; были фабрики, которые только из чувства товарищества примкнули к стачке, хотя на них и не было сокращения праздничных дней. К сожалению местная, социал-демократическая организация, незадолго перед тем понесшая большой урон, еще не успела к этому времени оправиться и потому не могла принять широкого участия в стачке. Попытки издать во время стачки листок не удались. После стачки были пущены по рукам особые воззвания, которые не могли иметь успеха. Некоторые члены местного Союза приняли участие в агитации и очень скоро в качестве руководителей забастовавших рабочих явились наши товарищи: ткач Кирилл Николаевич Отроков, ныне уже умерший, и еще один, фамилии которого мы не называем по конспиративным соображениям. Оба товарища вступали в переговоры с вновь забастовавшими рабочими, выясняли и формулировали их требования, объясняясь с начальством, и кстати распространяли среди стачечников нелегальную литературу. По вечерам они собирали в домах сходки, говорили о выставляемых требованиях и особенное внимание обращали на рабочих, которые по своим личным качествам могли бы быть руководителями стачки. Оба товарища положительно обладали особенным умением говорить с толпой и влиять на нее.

Понятно, вскоре они были арестованы в числе других 50 рабочих и затем высланы. Отроков был выслан в Повенец Олонецкой губернии, где ему пришлось от нужды заняться пилкой дров, работой слишком тяжелой для ткача. Он попросился в другой город и здесь умер в 1899 г. от болезни сердца, вызванной переутомлением.

Прокламация Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1898 г.[1]

Теперь почти всякий рабочий знает, что его интересы совершенно противоположны интересам хозяев. Капиталисту выгодна низкая заработная плата, так как ему больше остается барышей; ему также выгоден длинный рабочий день, ибо в его руках каждая минута превращается в деньги. Капиталисту также выгодно невежество и разрозненность рабочих, так как при этих условиях он может сильнее давить рабочих. Противоположность интересов тут очевидна. Поэтому рабочим

[1] ЦАР, МСП, 1899 г., д. № 39, л. 316. Воспроизведено с гектографированного подлинника.

нечего ждать от хозяев помощи и участия, им надо самим устраивать свои дела и заботиться о своих выгодах. (По своей воле хозяин не уступит — надо его заставить уступить.)

Только совместной, дружной борьбой рабочие могут добиться улучшения своего положения. Но для того, чтобы борьба не осталась бесплодной, рабочим необходимо соединиться в один прочный товарищеский союз и иметь на всякий случай свою рабочую кассу. Рабочие других стран давно поняли огромную важность касс, и они у них имеют самое широкое распространение. Пусть каждый сознательный и честный рабочий устраивает среди своих товарищей такие кассы взаимопомощи, привлекая сначала хоть несколько человек. Кассы эти очень помогут рабочим в случае стачки или нужды.

Из прокламации Московского Комитета РСДРП, 1899 г.[1]

Письмо к московским наборщикам.

Товарищи![2]

...На наших фабриках и заводах стали встречаться теперь смелые, честные и сознательные рабочие социал-демократы. Эти рабочие на той или другой фабрике обыкновенно соединяются в кружок или союз, члены которого общими силами стараются пробудить сознание своих темных товарищей; они разъясняют им, что всякая нужда рабочих происходит оттого, что их обирают (эксплуатируют) хозяева-капиталисты; убеждают в необходимости товарищеской поддержки и борьбы; знакомят с положением рабочего вопроса у нас и заграницей и т. д. Кроме устной пропаганды, кружки нередко прибегают к помощи разрешенных (легальных) книг, а где можно, то и неразрешенных, в которых совершенно ясно и просто разъясняется рабочее дело. На некоторых заводах союзы имеют свои кассы, из которых деньги, вносимые в них самими рабочими, идут в их же пользу: на покупку полезных книг и другие нужды.

Таким образом, на фабрике, где успел завестись социал-демократический кружок,— рабочих, не понимающих своего рабочего положения, становится меньше. Поняв же свое положение, рабочие сумеют постоять за себя, и где стачками, где угрозами, а где единодушным заявлением своих требований или одним лишь выражением неудовольствия, достигают значительных улучшений в своем положении.

Самым верным и надежным средством борьбы рабочих с капиталистами служит стачка. И здесь социал-демократические кружки нередко приносят значительную пользу рабочим: они умеют хорошо организовать стачку и с успехом руководить борьбой. Видя необходимость стачки на фабрике, союз обыкновенно заранее подготовляет к ней рабочих. Когда же рабочие более или менее подготовлены, он, выждав подходящее время, расклеивает и разбрасывает в мастерских объявления, прокламации, в которых выставляются требования, и так объявляется стачка. Во время стачки союз всеми силами старается, во-первых, уговорить рабочих действовать дружно и не уступать фабрикантам, во-вторых, предостерегает их от скандалов и насилий и вообще бунтовства, что хозяева стараются нарочно вызвать, чтобы можно было пустить в ход полицию или войска, и таким образом, так сказать, связать рабочих по рукам и ногам.

---

[1] ЦАР, инв. № 1159. Воспроизведено с брошюры издания Союза русских социал-демократов, Женева, типография Союза, 1899 г.

[2] Опускается первая часть прокламации, рисующая условия жизни и работы наборщиков.

Дружные и спокойные стачки рабочих почти всегда бывают удачны, если они объявлены во время, т. е. тогда, когда у хозяев много заказов и они не могут нанять посторонних рабочих. Капиталисты вообще очень боятся дружных и спокойных стачек, и тем более боятся, когда у них много заказов; в это время каждый день простоя приносит им тысячи рублей убытков; в это время, понятно, они легче идут на уступки. В настоящее время стачки нередко не ограничиваются одной какой-нибудь фабрикой, а распространяются одновременно на множество фабрик того или другого производства, а иногда и на все фабрики и заводы той или другой местности, округа и даже государства. Подобных массовых стачек страшно боится и само правительство и, чтобы успокоить рабочих, издает законы, облегчающие их участь во всем государстве.

С помощью таких стачек рабочие могут не только значительно улучшить свое экономическое положение, но при случае могут добиться от правительства и политических прав, как мы то и видим на примере наших братьев — заграничных рабочих.

За последние годы стачки рабочих происходят почти на всем необъятном пространстве России. С удивительною настойчивостью они проводились в Москве, Петербурге, на Урале, в Одессе, Киеве, Лодзи, Иваново-Вознесенске и множестве других городов. Мы, конечно, не можем в кратком письме останавливаться долго на этих стачках, тем не менее считаем нужным указать на результаты хотя некоторых из них.

Всем, вероятно, известны и памятны величественные стачки петербургских рабочих в 1896—1897 гг. Вот результаты их: заработок рабочих повысился где на 10, а где и на 20 процентов. Хозяева и мастера не осмеливаются ругать и обижать рабочих, а также ранее назначенного времени пускать в ход машины и позже их останавливать, делать незаконные штрафы и вычеты и т. д. Наконец, благодаря этим массовым стачкам, и только им, 2 июня 1897 г. был издан закон об 11½-часовом рабочем дне, который, несмотря на все свои недостатки, все же облегчил рабочим борьбу за улучшение своего положения. И все это совершено в каких-нибудь два года, тогда как до стачек 1896 г. петербургские рабочие десятки лет не могли дождаться от хозяев и правительства даже самых незначительных льгот и уступок. Московские механические рабочие еще недавно получали весьма незначительную плату и работали 12—13 часов в сутки.

После стачек 1896—1897 гг. рабочее время на всех московских механических заводах сократилось до 9—10 ч. в сутки, при заработке рабочих в 35—90 р. в месяц или в среднем рублей 45—50. Этим, однако, московские механические рабочие далеко не удовлетворились. Их стремление куда шире. Борьба их с капиталистами лишь в самом начале. Можно надеяться, что уже очень недалеко то время, когда мы будем свидетелями новой и новой борьбы московских механических рабочих с целью, во-первых, сокращения рабочего времени до 8 ч. в день, во-вторых, с целью еще большего повышения заработной платы и вообще улучшения в их положении.

Как далеко, очень далеко нам московским наборщикам до всего этого! И так всегда бывает с теми рабочими, которые подобно нам тихо сидят, ничего не требуют, а переносят все безропотно. В других странах как раз наоборот,— наборщики являлись передовыми борцами за рабочее дело.

Пришла пора, товарищи, и нам приняться за работу. Кушнарские наборщики уже сделали почин и, как вам известно, не безуспешно; не много они похлопотали, а заработок свой повысили от 7% до 10%. Подумаем же, товарищи, над своим положением, будем плотнее объединяться в кружки и, по примеру других рабочих, дружно отстаи-

вать свои интересы и свое человеческое достоинство; будем научать тому же и своих малосведущих товарищей.

От наших стараний, и только от них, зависит и наше благосостояние и наша свобода.

«Освобождение рабочих есть дело самих рабочих», сказал великий наш учитель и борец за рабочее дело Карл Маркс.

Московский комитет
российской социал-демократической рабочей партии.

Из заключения прокурора Московской судебной палаты по делу о «Московском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» 10 июля 1899 г.[1]

В конце 1897 г. в городе Москве появилась организация социал-демократического характера, принявшая наименование «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и состоявшая преимущественно из студентов императорского Московского технического Училища.

Организация эта была ликвидирована в ночь на 12 марта 1898 г. и дело о ней, по распоряжению департамента полиции, было направлено в Московское губернское жандармское управление для производства формального дознания в порядке, указанном 1035 ст. уст. угол. суд. (т. I. л. д. 5).

...После же возникновения в Москве дела о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в августе месяце 1898 г. в городе Иваново-Вознесенске, вследствие сведений о производимой там среди местного рабочего населения противоправительственной агитации социал-демократического характера, был произведен ряд обысков и арестов лиц, заподозренных в этой агитации.

По производстве об этих лицах расследования в порядке положения об охране, в Владимирском губернском жандармском управлении было приступлено также к производству формального дознания по обвинению означенных лиц в преступном деянии, предусмотренном 318 ст. улож. о наказ., каковое дознание затем, согласно с предложением прокурора Московской судебной палаты от 10 октября 1898 г. за № 1508, было присоединено к упомянутому дознанию о Московском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в виду тесной связи его с последним...

Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» являлся группой лиц, занимавшихся распространением заграничных, нелегального характера изданий среди учащейся молодежи и, главным образом, среди фабричного населения столицы.

В практической деятельности эта группа придерживалась правил агитации, изложенных в брошюре «Об агитации»[2], которая была переиздана «Союзом» на гектографе. Следуя основной агитационной тактике действовать исключительно на почве мелких нужд и требований члены группы, вступая в сношения с рабочими отдельных фабрик и заводов, старались прежде всего узнать нужды каждой фабрики и завода в отдельности, записывали их со слов рабочих и затем излагали их в своих прокламациях. По этой программе были выпущены «Союзом» воззвания: «К рабочим фабрики Зелих», «К рабочим Садовниче-

---

[1] ЦАР, МЮ, вр. канц., 1899 г., д. № 11489, лл. 135 и сл.

[2] «Об агитации» — брошюра, получившая широкое распространение с 1894 г. Содержанием брошюры была мысль о необходимости перехода в деятельности социал-демократов от экономической пропаганды в кружках к агитации в широких массах.

ской фабрики десятичных весов», и «К рабочим Иваново-Вознесенского района».

Одновременно с этим упомянутая группа стремилась к расширению своих связей среди рабочих в различных пунктах столицы с целью организовать рабочую демонстрацию 19 апреля (1 мая нового стиля)...

Московский «Союз борьбы» находился, повидимому, в сношениях с южными и западными подобными же организациями, на что указывали как циркулировавшие среди лиц, принадлежавших к Московскому «Союзу», специально киевские издания газеты «Вперед» [1]...

Относительно же тайного сообщества среди рабочих в г. Иваново-Вознесенске агентурным путем было установлено, что еще летом 1897 г. получались сведения о существовании в этом городе противоправительственной агитации, выражавшейся в попытках к образованию тайных кружков, в устройстве небольших сходок для совместного чтения и обсуждения произведений нелегальной литературы, и в сборе денег на тайные библиотеки, на вспомоществование административным ссыльным и т. п. предметы. Затем, когда был ликвидирован обнаруженный в Иваново-Вознесенске кружок социал-демократов и принадлежавшие к нему восемнадцать человек были высланы из пределов Владимирской губернии, на место их явились новые лица [2]...

У рабочих Иваново-Вознесенска стали попадаться нелегальные листки московского издания, а именно «Устав рабочей кассы Московского «Союза борьбы», «Устав для касс взаимопомощи», «Программа Московского «Союза борьбы» и листки под заглавием «Письма к рабочим Иваново-Вознесенска».

Вышеприведенные, добытые агентурным путем сведения, нашли себе подтверждение и в данных формального дознания, которым деятельность сообщества, принявшего наименование «Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в кружке среди рабочих Иваново-Вознесенска обрисовалась в следующих основных чертах.

В начале 1897 г. в городе Москве, по инициативе бывшего студента Ново-Александрийского сельско-хозяйственного института Виктора Алексеева Ванновского, среди студентов императорского Московского технического училища образовался кружок лиц, марксистов по убеждениям, желавших посвятить свою деятельность благу народа. Кружок этот, цель которого первоначально ограничивалась лишь стремлением членов его к «саморазвитию», в видах подготовления себя к указанной деятельности, в конце 1897 г. поставил себе задачи более активного характера и по инициативе того же Виктора Ванновского, составившего и издавшего программу деятельности кружка, принял наименование «Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Принадлежавшие к кружку лица, веря в антагонизм среди различных общественных классов и в эксплоатацию низших слоев общества высшими, поставили себе целью, в видах улучшения материального положения рабочих, поднятие их умственного уровня и подготовление их к систематической борьбе с капиталистами. Сначала этой цели предполагалось достигнуть путем образования особых кружков в рабочей среде, влияя на рабочих словом и целесообразно подобранной

---

[1] «Вперед» — подпольная Киевская рабочая газета, № 1 и 2 изданы группой «Рабочее дело», а с № 3 она издавалась Киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». № 1-ый газеты вышел 8 декабря 1896 г. Вышло 10 номеров до весны 1900 г. «Вперед» переросла рамки местной газеты, собирая и публикуя корреспонденции со всех концов революционной России. №№ 1-ый и 3 «Вперед» были опубликованы в «Пролетарской Революции» 1927 г., № 6 (65), а № 2 в «Пролетарской Революции», 1927 г., № 12(71).

[2] Речь идет о членах Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», специально командированных в Иваново-Вознесенск в феврале 1898 г. с целью организации рабочего кружка.

легальной литературой, но затем при быстро обнаружившейся неудовлетворительности такого способа воздействия, было признано необходимым прибегнуть к нелегальной литературе.

Наравне же с распространением нелегальных изданий, агитация между рабочими производилась и посредством обращения к ним с особыми воззваниями, в которых внимание их останавливалось на разных нуждах и требованиях, возникавших на той или другой фабрике, причем члены кружка, заводя знакомства среди рабочих, старались выбирать между ними таких, которые бы по своему умственному развитию могли влиять на своих товарищей и стать таким образом посредниками между интеллигентными деятелями и рабочими.

Кружку была придана довольно твердая организация, выражавшаяся в распределении обязанностей между входившими в состав его лицами.

Виктор Ванновский, будучи инициатором кружка, являлся и главным в нем распорядителем, а вместе с тем принимал горячее участие в агитации среди рабочих...

Для воспроизведения исходящих от него воззваний и прокламаций кружок располагал пишущей машиной «Меррит», мимеографом и гектографом, на которых были отпечатаны: «Отчет Московского кружка распространения народного образования», известные нелегальные брошюры «Речь Петра Алексеева» и «Об агитации», озаглавленная «Для интеллигентных читателей», прокламации «К рабочим фабрики Зелих» и «Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска» и описание стачки в Иваново-Вознесенске. Кроме того, Виктором Ванновским было приобретено несколько фунтов типографского шрифта, который, однако, остался без употребления, будучи выброшен Ванновским ввиду предполагавшегося у него обыска. Два транспорта необходимых для пропаганды нелегальных изданий, преимущественно заграничных, были доставлены кружку из Минска...

Помимо сношений, имевших целью получение нелегальной литературы, Московский «Союз борьбы» сносился и с другими организациями того же рода ввидах объединения их деятельности.

В январе 1898 г., желая заявить о себе, Союз послал одного из своих членов в Иваново-Вознесенск для собрания сведений о бывшей там в 1897 г. стачке, описание которой решено было издать.

В виду возникшей в конце 1897 или начале 1898 гг. среди действующих в разных центрах империи социал-демократических организаций мысли об объединении их в одну Российскую социал-демократическую партию, в г. Минске в начале марта 1898 г. собрался съезд делегатов рабочих союзов: Московского, Петербургского и обще-еврейского в России и Польше. Делегатом от Московского «Союза» на этот съезд был послан Александр Ванновский, и на съезде этом было решено выделить из членов всех организаций «Центральный комитет», на обязанности которого должно было, между прочим, лежать пополнение отдельных групп, в случае ликвидации, новыми членами, управление же деятельностью каждой отдельной организации возложить на выбранный из членов этой организации «местный комитет».

Затем после съезда в Минске Московский «Союз борьбы» стал именоваться Московской группой Российской социал-демократической партии, ...причем первое заседание этого комитета происходило 10 марта. После же заседания Александр Ванновский передал черновик прокламации «Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска», которая, касаясь приезда в этот город комиссии для исследования причин неудовольствия рабочих, заканчивается словами: «Докажем, что мы и без комиссии сумеем добиться своего права. Да здравствует рабочая солидарность, да здравствует наша молодая партия».

На этом окончилась деятельность социал-демократической группы, называвшейся Московским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», так как 11 марта группа эта была ликвидирована и большинство членов ее были подвергнуты аресту [1]...

Прокурор палаты Посников.

III

Из записки Нижегородского охранного отделения, 22 июня 1896 г., № 1406 [2]

Из имевшихся в департаменте полиции сведений усматривается, что за последнее время революционная пропаганда социал-демократического характера, найдя для своего распространения благодарную почву в среде фабричных рабочих, начала приобретать внутри империи серьезное значение и, по своей силе, едва ли не превышает пропаганду всех остальных революционных фракций.

Так, между прочим, департаментом были получены указания, что речи революционного содержания, произнесенные на рабочих сходках в Вильне, воспроизведены посредством гектографа и находятся в обращении отдельными брошюрами между рабочими многих фабрик. В Москве, Владимире, Нижнем-Новгороде, Киеве, Казани, Самаре, Саратове, Харькове и Ростове-на-Дону имеются уже, будто бы, вполне организованные революционные рабочие кружки, преследующие чисто социал-демократические цели [3]. Среди этих кружков стали возникать толки о необходимости объединения и созыва для сего конгресса русских рабочих, на котором, между прочим, могла бы быть выяснена наличность организованных рабочих групп.

Дальнейшие сведения указывали, что пропаганда, благодаря энергии вожаков социал-демократов и восприимчивости рабочих, действует весьма успешно в смысле привлечения новых членов; так например, до Рождества 1893 г. в Москве, будто бы, было лишь пять человек, сочувствовавших социал-демократическому движению, к апрелю же 1894 г. число это возросло до 20; в Нижнем-Новгороде одна из социал-демократических групп возросла в течение всего нескольких месяцев с 7 до 40 человек, другая же группа числила в своем составе около 20 организованных рабочих. Вообще в Нижнем-Новгороде, будто бы, нет ни одной сколько-нибудь крупной фабрики, между рабочими которой не велась бы настолько деятельная пропаганда, что по некоторым данным можно было ожидать в непродолжительном времени увеличения членов рабочих групп до 200 человек. Независимо от сего на Сормовском заводе, Нижегородской губернии, пропаганда также ведется весьма успешно и при том при участии даже местной фабричной администрации. Из других рабочих центров обращали на себя внимание Саратов, рабочая группа которого организует особую кассу, и Киев, в коем число вполне организованных рабочих революционеров достигло к весне 1894 г. до 100 человек.

Из вышеприведенных данных видно, что в Н. Новгороде среди рабочих ведется пропаганда весьма успешно и объяснить это можно тем,

---

[1] Далее опускается перечисление вещей, отобранных при обыске.

[2] ЦАР, ДП, VII, 1896 г., д. № 255, ч. II, лл. 132 и сл. Записка была послана в департамент полиции 9 июля 1896 г. при отношении нижегородского губернатора № 1987.

[3] Наиболее активными работниками в деле пропаганды марксизма и организации соц.-дем. рабочих кружков в Н. Новгороде, возникших с 1891 г., были П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев, С. И. Мицкевич и др. Приезды В. И. Ленина в Н. Новгород в августе 1893 г. и в январе 1894 г. оказали большую помощь нижегородским марксистам в борьбе с народниками.

что здесь с давнего времени водворились в большом числе лица, скомпрометированные в политическом отношении, направив свою деятельность исключительно в рабочую среду...

В 1892 г. был организован в Нижнем-Новгороде кружок из учащейся молодежи местных — реального училища, гимназии и семинарии...

Кружок этот, постепенно развиваясь, изменял направление свое; из прежнего кружка, не имевшего политического характера, организованного учащейся молодежью в видах самообразования, направление его постепенно изменяется: о самообразовании уже нет и речи, на собраниях возбуждают вопросы о положении рабочего класса и способе улучшения их быта, и вообще в 1894 г. кружок этот уже преследует исключительно противоправительственные цели, ведя усиленную пропаганду среди рабочих фабрик и заводов...

Результат преступной деятельности Кузнецовского кружка[1] в Сормове среди заводских рабочих выразился распространением 12 января сего года воззваний близ Сормова и исходящей оттуда же молвой, могущей иметь неблагоприятные последствия для всероссийской выставки, которая, как ходил тогда слух, конечно, распускаемый праздными людьми, будто бы минирована.

Сормово по местоположению своему, количеству рабочих и условиям жизни представляется весьма заманчивым пунктом для пропагандистов; находится оно в близком расстоянии от заречной части Нижнего, с которым имеет легкое постоянное сообщение, посредством железной дороги, соединяющей Сормово с Нижегородским вокзалом; число рабочих развитых, преимущественно грамотных, доходит до 7 тысяч человек...

Видимо безнаказанность виновных в распространении воззваний к рабочим 12 января ободрила предпринимателей сего, так как спустя 3 месяца вновь были разбросаны воззвания близ завода Курбатова...

3 апреля 1896 г. около 4 часов утра некоторыми из рабочих механического завода Курбатова, идущими на работу, были найдены на дороге семь экземпляров гектографированного воззвания к рабочим, шесть экземпляров которого, в том числе один изорванный, к сему прилагаются (седьмой экземпляр представлен в департамент полиции)...

Разбросанные здесь 3 апреля воззвания по содержанию и выполнению их во многом сходны с разбросанными 19 октября 1894 г. и 12 января с. г. воззваниями, и хотя в последнем воззвании говорится о неправильных действиях механика завода и несправедливости в отношении увольнения рабочего Бритова, но этот случай взят не из сочувствия к положению уволенного рабочего, а исключительно для возбуждения рабочих к активной деятельности для образования «рабочего союза», союзной массы и вообще к устройству стачек, что, главным образом и рекомендуется в воззвании...

Вообще из имеющихся ныне агентурных сведений видно, что рабочая среда завода Курбатова представляет много заманчивого в смысле пропаганды, для лиц специально революционной партии...

Имеются, между прочим, указания из агентурного источника на то, что имели быть подложены в ящики рабочих в мастерских и разбросаны близ заводов Курбатова, Доброва и Набгольц, Тер Акопова и

[1] Жандармы называли «Кузнецовским кружком» местную социал-демократическую организацию, считая, что Кузнецов в ней играл главную роль. Но он был только одним из организаторов социал-демократического движения в Н. Новгороде. По своим взглядам он приближался к экономистам (см. Пролет. Револ. 1934 г., № 3, стр. 253). Кузнецов и упоминаемый в публикуемом документе Колин, арестованные 13 августа 1896 г., оказались предателями, давая подробные сведения о деятельности кружка.

Сормовских, воззвания к рабочим вообще о празднования в текущем году [1 мая], по примеру устраиваемых рабочими заграницей в этот день празднеств. Действительно в ночь с 29 на 30 апреля с. г. в указанных местах были обнаружены гектографированные воззвания на листах и полулистах бумаги, частью рукописные, а частью писанные от руки печатным шрифтом и судя по содержанию и выполнению таковых, можно притти к заключению, что писанием их для копирования на гектографе заняты были несколько лиц.

Всех воззваний было обнаружено 36 экземпляров, из которых разбросано было близь завода Курбатова 10 экземпляров, по дорогам, ведущим к двум заводам Доброва и Набгольц 16 экземпляров, затем в разных цехах Сормовских заводов найдено 5 экземпляров, на заводе Тер Акопова 1 экземпляр и наконец представлено содержателем кузницы Франком, содержателем типографии Ржонсницким и чиновником Ивановым 4 экземпляра, полученные названными лицами по почте. Затем разными лицами представлено еще 13 экземпляров, всего 49 экземпляров, в том числе на листах бумаги 30 экземпляров и на полулистах 19 экземпляров, к сему прилагаемые в особом пакете, там же находятся 4 чистых конверта с адресами и две металлические кнопки, употребляемые чертежниками, которыми были прикреплены к тумбам два воззвания в конвертах...[1]

Полковник (подпись).

Прокламация Нижегородского социал-демократического кружка, 17 августа 1896 г.[2]

Письмо к нижегородским рабочим.

Товарищи!

Недели три тому назад было напечатано во всех газетах описание громадной стачки, которая была в июне месяце этого года в Петербурге. Много бывает у нас стачек в разных местах,— бывают стачки не меньше петербургской,— да только редко о них позволяют писать в газетах. Боятся, как бы рабочие в других местах не взяли примера со своих товарищей. А про петербургскую стачку не писать нельзя было, столько она наделала шуму, что все равно и без газет о ней узнали бы. Так уж не лучше ли самим написать да постараться выгородить себя, а всю вину свалить на рабочих.

И действительно, прочтите вы описание,— и с первого раза — выйдет так, что во всем виноваты рабочие. Пришло им в голову ни с того, ни с сего взбунтоваться — взяли да устроили стачку. А когда им объяснили, что бунтовать не дозволяется, — они мало-по-малу успокоились и взялись за работу.

А попробуйте вы внимательно разобрать описание, попробуйте разобрать, как жилось нашим петербургским товарищам до стачки, почему они устроили стачку и чего они добивались,— и вы увидите, что дело было совсем иначе. Их заставляли работать по 13—14 часов в день и платили за эту каторжную работу так мало, что им приходилось жить впроголодь. Хозяева всячески старались урезать у них то время, какое

[1] В 1896 г. 10 июня была забастовка в Сормове на котельном и судостроительном заводе Годяева из-за задержки зарплаты. Требования были удовлетворены (ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 3, лл. 160—161).

[2] Инв. № 20434. Воспроизведено с гектографированного подлинника без подписи. Прокламация с рисунком рабочего, разбивающего молотом цепь, и с флагом, на котором следующая надпись: «Счастье рабочих в их собственных руках, сила их в их союзе». Прокламация распространялась в ночь на 17 августа в Нижнем-Новгороде по Кузнечному переулку, на заводе Курбатова и на Сормовском заводах (ДП VII, 1896 г., д. № 255, т. III, л. 38).

им оставалось для отдыха; после работы они, измученные и усталые, должны были чистить машины; хозяева тихонько переводили часы и таким мошенническим образом заставляли их работать лишнее время.

Терпелив наш брат рабочий, много всяких подлостей выносит он молча, но всякому терпению бывает конец. И петербургских рабочих вывели наконец из себя. Во время коронации заставили их три дня гулять, а потом взяли да вычли за это время. Тогда началась стачка. Газеты пишут, что в стачке принимали участие 14 тысяч рабочих, но на самом деле гораздо больше. Люди, приехавшие оттуда, сообщали, что в стачке участвовало более 30 тысяч человек.

Тридцать тысяч наших товарищей бросили работу и не принимались за нее три недели. Рабочие требовали уменьшения рабочего дня до 12-ти часов, удаления некоторых мастеров за грубое обращение, уплаты за коронационные дни и прекращения чистки машин во время обеда. Кое-что было исполнено сейчас же, как только были заявлены требования. И несомненно, что рабочие добились бы всего, если бы у них были средства. Но они не готовились к стачке, не копили денег заранее, и потому не могли долго держаться. Пока было что закладывать, они держались, но когда жены и дети начали голодать, пришлось стать за работу.

А все-таки недаром прошла эта стачка, и ошибается тот, кто скажет, что рабочие ничего не добились. Когда стачка прекратилась, хозяева начали мало-по-малу исполнять требования рабочих. Еще бы! Порядочно-таки страху набрались они за это время, да и убытков потерпели не мало. Уж лучше исполнить то, что требуют рабочие, чем выводить их из себя и вызывать на новую стачку. Кто знает? Ведь не все стачки могут кончиться так скоро и хорошо для хозяев. И многие требования рабочих в настоящее время исполнены.

Недаром, значит, наши петербургские товарищи вступили в борьбу; этой борьбой они добились улучшения своего положения. Нечего нам теперь далеко ходить за примерами, незачем нам теперь указывать на заграничных рабочих, которые добились себе лучшей доли. Наши собственные русские товарищи показывают нам пример. Кто скажет теперь, что наше положение улучшить нельзя, что это уж свет так устроен, чтобы мы всю свою жизнь мучились? Неправда. Мы мучимся, пока не боремся, а когда начнем бороться, прекратятся наши мучения.

Товарищи! Представьте себе спящего человека, на которого злые люди наложили тяжелые и острые камни. Эти камни давят и режут его, ему больно от них и трудно дышать. Он чувствует во сне, что что-то тяжелое и страшное давит его, он мечется, охает, стонет, но это не помогает, камни продолжают лежать, продолжают давить и резать. Такого человека нужно разбудить, чтобы он открыл глаза, увидел давящие его камни и постарался сбросить их.

Наш брат рабочий,— пока он темен,— напоминает такого человека... Чувствует он, что его что-то давит, чувствует он, что ему скверно, стонет он целую жизнь, топит подчас свое горе в вине, а все-таки спит и настоящей причины своих несчастий не видит и сбросить с себя камней не старается.

Очнемся же, товарищи, как очнулись петербургские рабочие! Откроем глаза на свое положение. Сбросим с себя проклятые камни, которые натерли нам столько глубоких ран.

Объединимся, устроим союз, накопим средств для борьбы и вступим в борьбу со своими притеснителями.

К делу, товарищ! Да здравствует рабочий союз! Да здравствует борьба за лучшую жизнь!

Ваши товарищи.

Из доклада министра юстиции министру внутренних дел, 3 мая 1897 г., № 1042 [1]

...13 июня 1896 г., в виду полученных агентурных сведений о существовании в гор. Нижнем-Новгороде преступного сообщества, стремящегося распространять противоправительственные идеи среди фабричного населения, был произведен, в порядке положения об усиленной охране, целый ряд обысков у лиц, заподозренных в принадлежности к упомянутой организации, при чем у большинства из них найдено значительное количество запрещенных изданий и рукописей, преимущественно по рабочему вопросу.

Возбужденным вследствие сего при местном губернском жандармском управлении формальным дознанием установлено, что в Нижнем-Новгороде одновременно существовали два тайных кружка, из коих один, образовавшийся в августе 1893 г., был известен под названием «социал-демократов» и старался путем систематической агитации среди рабочих подготовить их к борьбе с капиталистами, в видах улучшения современных условий фабричного труда, а другой именовавшийся группою «народовольцев» и проявивший свою преступную деятельность лишь в сентябре 1895 г., ставил своею задачей доставление народу «политической свободы».

Для осуществления этих целей организаторы и наиболее видные члены означенных сообществ, стремясь вовлечь на противоправительственный путь рабочих, устраивали сходки, на которых читались запрещенные издания, раздававшиеся затем участникам собраний, и произносились речи возмутительного содержания; вместе с тем помянутые агитаторы, беседуя о тяжелом положении фабричного населения, указывали на необходимость для последнего добиваться улучшения своего быта упорною борьбою с капиталистами и правительством.

Постепенно расширяя круг деятельности, руководители группы «социал-демократов» воспроизводили на гектографе, при участии лиц, сочувствовавших их намерениям, подпольные брошюры, составляли воззвания революционного характера, распространяли таковые на фабриках и заводах и вошли в сношения с проживающими заграницей политическими эмигрантами с целью водворения в пределы России нелегальных сочинений...

К настоящему дознанию привлечены в качестве обвиняемых 88 [человек], преступная деятельность коих представляется в следующем виде:

1. Кружок «социал-демократов»...

Задавшись целью вести социалистическую агитацию среди рабочих и установив обширные связи с последними, устраивали при их участии сходки, на которых личными беседами, чтением подпольных изданий и распространением сочинений преступного характера старались подготовить фабричное население к открытой борьбе с капиталистами. Придавая особенное значение письменной форме пропаганды, обвиняемые составляли воззвания, которые отпечатывали на имевшемся в их распоряжении гектографе и разбрасывали в значительном количестве на нижегородских фабриках и заводах...

Министр юстиции статс-секретарь Муравьев.

---

[1] ЦАР, ДП, VII, 1896 г., д. № 225, т. IV, лл. I и сл.

IV

Из ведомости прокурора Саратовской судебной палаты о 34-х обвиняемых, 19 апреля 1900 г.[1]

Вследствие агентурных указаний на то, что среди рабочих города Саратова ведется преступная пропаганда, при Саратовском губернском жандармском управлении возбуждено было формальное дознание, данными коего установлено, что летом 1898 г. в г. Саратове образовался тайный противоправительственный кружок, который присвоил себе впоследствии наименование «Саратовской социал-демократической группы». Ближайшею своею задачею поставил распространение социалистических идей среди трудящегося населения, в видах возбуждения в последнем недовольства современным экономическим и государственным строем. Для осуществления означенной цели члены сообщества вступали в непосредственные сношения с наиболее развитыми рабочими и при их помощи устраивали в окрестностях г. Саратова и у себя на квартире конспиративные собрания и сходки, на которых читали произведения нелегальной литературы, произносили речи о необходимости организации союзов, касс и стачек, а также раздавали присутствовавшим на сборищах запрещенные сочинения. Наряду с этим участники помянутого кружка составляли и воспроизводили на гектографе преступные воззвания, приглашающие рабочих к борьбе с капиталистами и демонстративному празднованию дня 1 мая, а затем весной 1899 г. приступили к изданию подпольной газеты «Саратовский рабочий», успев отгектографировать и распространить первые два ее номера в значительном числе экземпляров[2].

Кружок предполагал устроить тайную типографию и имел для оказания материальной помощи во время забастовок нелегальную кассу, пополнявшуюся членскими взносами в размере одного процента с заработанного рубля.

К настоящему дознанию привлечено 34 лица...

V

Из заключения прокурора Саратовской судебной палаты, 8 октября 1899 г.[3]

...В январе 1898 г. было обнаружено существование в г. Пензе кружков социал-демократического направления, поставивших своей целью изменение отношений между хозяевами и рабочими в интересах улучшения быта последних путем пропаганды социал-демократических идей, устройства рабочих касс, организации стачек, забастовок и т. п. Кружки эти состояли из лиц, служащих при Сызрано-Вяземской железной дороге, к которым впоследствии присоединились студенты, высланные в г. Пензу под надзор полиции, воспитанники разных учебных заведений г. Пензы, рабочие, а также два чиновника Пензенского отделения государственного банка, один частный поверенный и другие лица. Лица, стоявшие во главе кружков, собирали сходки в гостини-

[1] М. Ю., вр. канц. 1899 г., д. № 11806, лл. 37—39.

[2] В № 2 этой газеты, вернее журнала, издававшегося местной социал-демократической группой, в отделе хроники сообщалось о ряде случаев, когда отдельные рабочие протестовали против злоупотреблений администрации. На заводе Беринга в июне 100 человек токарей и кузнецов добились своевременной выплаты заработной платы. Об этих выступлениях есть корреспонденция в № 7 «Рабочего дела», август 1900 г., стр. 42—44.

[3] М. Ю., вр. канц., 1898 г., д. № 11446, т. II, лл. 1—2.

цах, за городом в лесу, в частных квартирах, произносили речи, возбуждающие рабочих против хозяев, внушали о необходимости единения между рабочими, предлагали на обсуждение проекты касс взаимопомощи на случай забастовок, делали попытки к сбору денег для этой цели и собирали, хотя и незначительные, суммы. Кроме того, они устраивали обширные библиотеки запрещенных книг и брошюр по рабочему вопросу, в числе которых были сочинения и революционного характера. Эти издания широко распространялись между служащими в железно-дорожных депо и мастерских и между воспитанниками местных учебных заведений[1]. Были также попытки привлечь к сообществам рабочих местных фабрик и заводов, а также пропагандировать вражду и ненависть к помещикам-землевладельцам среди крестьян на почве земельных отношений. Означенная преступная деятельность однако не вызвала ни стачек ни каких-либо других беспорядков.

Результатом дознания было привлечение к нему 56 лиц в качестве обвиняемых по 251, 252 и 318 ст. улож. о наказ.

VI

Из обзора важнейших дознаний за 1898 и 1899 гг.[2]

...В Екатеринбурге, с весны 1898 г., среди рабочих екатеринбургских мастерских Пермь-Тюменской железной дороги и расположенных в окрестностях города фабрик и заводов начали распространяться различные издания социально-революционного направления, в том числе гектографированные воззвания к «рабочим Урала» за подписью «социал-демократическая группа на Урале», приглашавшая рабочих примкнуть к общей борьбе для достижения всеобщего избирательного права, свободы сходок, стачек и печати.

Негласное наблюдение дало возможность произвести ряд обысков у лиц, заподозренных в распространении упомянутых изданий...

Были обнаружены принадлежности подпольной типографии и более одного пуда шрифта, а также свыше 100 экз. печатных сочинений преступного содержания и 77 экз. приведенных выше гектографированных воззваний; на некоторых экземплярах была печать «группы социал-демократов на Урале»...

Найдены штемпель «группы социал-демократов на Урале» и, в числе других нелегальных изданий, 6 экземпляров вновь появившейся брошюры революционного направления под заглавием «Пролетарская борьба»[3], отпечатанной в найденной типографии. В брошюре этой проводилась мысль, что конечная цель «пролетарского движения — создание социалистического общества — может быть достигнута лишь при завоевании рабочими политической власти. Средством борьбы для достижения означенной цели рекомендовалось устройство «общей забастовки».

---

[1] В этом же заключении прокурора был указан следующий список литературы, которая распространялась среди рабочих: «Манифест коммунистической партии», «Первое мая 1892 г.», «Социал-демократ», «Хитрая механика», «Кто чем живет», «Речь П. Алексеева», «Программа работников», «Варлен перед судом исправительной полиции», «Задачи рабочей интеллигенции», «Рабочий день», «Эрфуртская программа», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Русский рабочий в революционном движении», «Как бельгийские рабочие боролись за свободу», «Законы о штрафах», «Работник» за май 1896 г., «Доклад русских социал-демократов на конгрессе в Лондоне», «Листок работника», «Что делают русские цари для народа», «Работник» № 1 и 2, «Как министр заботится о рабочих», «Царь-Голод».

[2] ЦАР, ДП, Обзоры, 1898 г., стр. 77—81.

[3] Пролетарская борьба —сборник № 1, изданный Уральской социал-демократической группой в 1899 г.

Ленин в сочинении «Что делать?» подверг критике эту брошюру.

«Пролетарий держит в своих руках,— говорилось в брошюре,— все национальное производство, плоды которого достаются не ему. В этом вся его сила. Если он не имеет возможности сейчас же преобразовать капиталистическое общество в социалистическое, то он имеет возможность приостановить все национальное производство и, сдавивши таким образом горло буржуазии, вынудить у нее то, без чего она не может существовать.

Общая забастовка вызовет общую пертурбацию во всей экономической жизни страны. При таком способе борьбы пролетарии оказываются непобедимыми и неуязвимыми. Буржуазия, со всеми прихлебателями, не может вынести приостановки промышленной деятельности целой страны, ибо это означает для нее полное разорение. При всеобщей забастовке буржуазия не в состоянии заменить забастовавших рабочих другими,— этих других рабочих неоткуда взять. Против рабочих, забастовавших вместе во всех промышленных центрах, совершенно бессильна многомиллионная русская армия, со всеми ее штыками, шашками, пулями и ядрами. Нельзя пересажать в тюрьмы, нельзя перестрелять или перевешать полтора-два миллиона мирных граждан, которые не буйствуют, ничего не разрушают, никого не убивают, ничего и никого не трогают, а просто лишь не хотят работать. На подготовление всеобщей стачки и должны быть направлены все усилия современных революционеров. Работа — без сомнения колоссальная и чрезвычайно трудная, но она плодотворная,— это единственная плодотворная в революционном отношении работа в настоящий момент».

...Весною 1899 г. участники «группы социал-демократов на Урале» были задержаны и привлечены к дознанию в качестве обвиняемых [1].

Изданные «группою социал-демократов на Урале» подпольные произведения получили распространение не только в Екатеринбурге и его окрестностях, но и в населенных рабочими местностях Уфимской и даже Оренбургской губернии. Так, в мае 1899 г. на Тихвинском прииске, Троицкого уезда Оренбургской губернии были найдены экземпляр брошюры «Пролетарская борьба» и воззвание «к рабочим Урала» [2].

VII

Из прокламации Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 26 ноября 1897 г. [3]

Письмо ко всем киевским рабочим.

Товарищи! Между рабочими и хозяевами везде, где они существуют, идет постоянная, непримиримая вражда. Хозяева всегда заботятся лишь о том, как бы удлинить рабочий день, как бы сократить заработную плату и этим увеличить свои барыши, а рабочим, наоборот, выгодно и необходимо иметь гораздо более отдыха и более заработка, чем они имеют теперь. И фабриканты и рабочие всячески стараются добиться своей цели. В начале борьбы, пока у рабочих нет еще достаточно опыта и понимания своего дела, выигрыш обыкновенно остается

---

[1] Некоторые члены этой группы были связаны с Киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

[2] 17 мая были забастовки: на Сысертском заводе Соломинского и Турчанинова в Пермской губернии (120 человек) с требованием увеличения зарплаты (ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 25, л. 1) и на Катов-Ивановском заводе Уфимской губернии рабочих доменного цеха с требованием увеличения поденной платы (ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 91, л. 8).

[3] ЦАР, инв. № 1549. Воспроизведено с мимеографированного подлинника. Прокламация была напечатана в «Листке работника» № 6, февраль 1898 г., стр. 8—12.

на стороне хозяев. Однако у рабочих есть одно могущественное средство — союз. Пока каждый из рабочих в одиночку добивается для себя каких-либо уступок, то его, конечно, и слушать не станут. Когда же все рабочие какой-нибудь фабрики или мастерской вместе потребуют сокращения рабочего времени или повышения платы, капиталисты, т. е. хозяева заводов и фабрик, становятся уступчивее и внимательнее: они вынуждены исполнять требования рабочих, если не хотят вывести их из терпения и вызвать на время забастовку, лишающую фабрикантов барыша. Что единственная, но зато непреодолимая, сила рабочих — союз, в этом раньше или позже должен убедиться всякий рабочий. Чем рабочие развитее, смышленее, сознательнее, тем лучше они понимают, что им нужно объединиться и стоять всем за каждого и каждому за всех.

Заграничные рабочие и работницы — английские, бельгийские, германские, французские — давно уже приняли это и успели многого добиться своим единодушием. Русские рабочие в этом отношении сильно отстали от своих заграничных товарищей. Тем не менее притеснения и лишения и их научили искать защиты от хозяев в союзе. Вот уже несколько лет во всех больших русских городах рабочие начинают дружно заявлять притеснителям-капиталистам свои требования, грозить им оставлением работы и устраивать стачки, и этим они принудили фабрикантов не к одной уступке.

Киевские рабочие и работницы стали сознательно и дружнее стоять за свое дело всего каких-нибудь два года. Стремление киевских рабочих облегчить свое положение стало особенно заметно за последний год. За это время у нас в Киеве произошли такие события, о которых знать и подумать следует всякому рабочему. Борьба рабочих за лучшую жизнь у нас началась недавно, и все-таки рабочим некоторых заводов, где они действовали смелее и дружнее, удалось добиться уступок. Стачкой ли, угрозой, единодушным заявлением требований или одним выражением неудовольствия рабочие достигли некоторых изменений к лучшему на заводе Графа, в мастерской Рожнецкого, в мебельной фабрике Кимаера, в табачной фабрике Когана, на заводе Гретера, в Южно-русском машиностроительном заводе, в корсетной фабрике Дютуа, на заводе Шиманского, у Людмера, Кравеца, Хмельницкого, Гловмана и в некоторых других местах. Одни хозяева вынуждены были сократить число рабочих часов, другие — повысить плату, третьи — обязались ввести правильную расплату, возвратили беззаконно удерживаемые деньги и уменьшили несправедливо взимаемые штрафы. Некоторые из этих уступок были незначительны, но для рабочего дела они очень важны: они показали, какой трепет на фабрикантов, мастеров и фабричного инспектора наводят объединенные рабочие.

Все эти события указывают на то, что и в Киеве рабочие, по примеру Петербурга, Москвы и заграничных городов, поднимаются в защиту своих прав против капиталистов. Число рабочих, понимающих необходимость бороться общими силами против врага, число сознательных рабочих растет изо дня в день. Более толковые рабочие учат менее сознательных товарищей. Запрещенные (нелегальные) книжки, описывающие жизнь и борьбу заграничных рабочих и указывающие путь к лучшей жизни русских рабочих, читаются нарасхват. Наконец, в последнее полугодие на фабриках и заводах стали появляться листки, напоминающие рабочим про несправедливых фабрикантов и убеждающие их требовать уступок. Эти листки (прокламации), издаваемые Киевским рабочим комитетом и киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», до сих пор были распространены более, чем на 25 киевских фабриках и заводах. Во многих местах они появлялись по несколько раз. Кроме листков на некоторых заводах

были распространены и книги, в которых говорилось о рабочем деле. Листки находили на улицах, на фабричных дворах и на базарах, их наклеивали на телеграфных столбах и на заборах. Всего их было распространено 6500 экземпляров. 6500 раз они призывали рабочих к борьбе за свои права, за лучшую жизнь. Этот призыв разнесся по всему почти Киеву, и теперь у нас немного найдется таких рабочих, которые не читали листков или, по крайней мере, не слыхали о них.

Усиливается стремление киевских рабочих к лучшей жизни, растет и крепнет рабочее движение в Киеве. Оно возрастало бы еще быстрее, если бы рабочие принимались за свое дело с большею смелостью. Но у них не всегда хватает решительности заявить свои требования или стачкой добиться исполнения их. Рабочих часто смущает то, что им приходится иметь дело не с одними фабрикантами, но и с их сильными защитниками и помощниками,— с правительством. В борьбе рабочих с капиталистами полиция и жандармерия, фабричные инспектора и министры, закон, суд и войско,— одним словом все правительство, всегда на стороне фабрикантов и всегда против рабочих. Для кого это не совсем было понятно, того легко могут в этом убедить недавние киевские события.

С появлением листков жандармы стали требовать рабочих на допросы, пытаясь узнать, кто принес листки, кто подбросил их, что говорили читавшие их. Некоторых рабочих подвергали аресту, надеясь тюрьмой добиться от них указаний относительно распространителей листков. В истекшее полугодие было арестовано около 30 рабочих. Так как они могли сказать только то, что нашли или видели листки, то их, продержав один или два дня в тюрьме, освобождали. Лишь нескольким рабочим пришлось сидеть более. Чтобы узнать, кто подбрасывает листки, полиция сделала у рабочих более 40 обысков. Но и обыски не помогли найти виновников...

Жандармскому генералу и полицейским мало дела до того, что рабочим плохо живется, что их грабят и обижают. Но и жандармы и полиция сразу всполошились, когда заметили, что рабочие могут потребовать лучших условий и тем уменьшить доходы капиталистов. Они стали разыскивать странных [1] преступников, осмелившихся напомнить рабочим про постоянные обиды и грабежи и призвать их к борьбе с бессовестной эксплоатацией (обиранием).

Они хотели наказать их и отучить рабочих от всякой мысли о борьбе за лучшую жизнь. «Я тюрьмой вышибу рабочим из головы эти мечтания» — орал однажды пред «преступниками» жандармский генерал. Ни он, ни полиция и не стараются скрыть того, что они защищают только хозяйские интересы и в обиду хозяйского кармана дать не хотят. У фабрикантов деньги, а деньги такая сила, пред которой преклоняется и державное начальство. Обыскать рабочего, как преступника, арестовать его, продержать без вины в тюрьме — все это готовы сделать полиция и жандармерия, лишь бы обеспечить фабрикантам спокойствие и доходы. И не в одном Киеве такие фабриканты, не в одном Киеве такие жандармы. Везде, где рабочие вступают в борьбу с хозяевами, будет ли это в Киеве или в Петербурге, в Москве или в Варшаве, в Ярославле или в Одессе, в Белостоке или Домбровe — везде начальство и власти спешат к фабрикантам с содействием и помощью. Исполненные любезности по отношению к капиталистам, полицейские пристава, полицеймейстеры и жандармские генералы поступают так же, как и высшее начальство — губернаторы, генерал-губернаторы и министры. Все они, все правительство — всегда к услугам фабрикантов, всегда против рабочих.

[1] Так в подлиннике.

Многим рабочим, конечно, это было известно и раньше. Кто из сознательных рабочих не знает, что правительство только потому наказывает за стачки, чтобы не лишать фабрикантов дешевых и послушных рабочих? Не затем ли оно запрещает печатать, распространять и читать книжки, описывающие нужды рабочих и средства борьбы с хозяевами, чтобы не мешать капиталистам поживиться насчет рабочих? Не затем ли оно объявляет противозаконным всякий рабочий союз, всякое собрание, где рабочие обсуждают свое дело, чтобы препятствовать рабочим сговариваться против хозяев? Не для того ли следят за рабочими и подслушивают их разговоры сыщики, чтобы сажать в тюрьму тех рабочих, которые учат товарищей бороться против обид и обмана? Лицемерное правительство иногда старается убедить рабочих, что оно хлопочет о нуждах рабочих, но всякий рабочий должен помнить, что оно заботится лишь о барышах их притеснителей.

Но ведь правительство — сила. Когда оно вступает в союз с капиталистами, то с таким врагом не легко справиться. Поэтому, может быть, рабочим следовало бы бросить мысль об улучшении своей участи, покорно переносить все, что ни пошлет судьба, не пытаясь собственными силами завоевать для себя счастье? Нисколько. Всегда и везде, за границей и в России, правительство стояло и стоит на стороне капиталистов, а между тем заграничные рабочие успели значительно сократить рабочий день, повысить заработную плату и добиться такой свободы, о какой не имеют даже понятия многие русские рабочие. А когда-то и заграничным рабочим жилось так же, как теперь живется русским, и даже хуже. Все улучшения, которые они имеют, не с неба к ним свалились, они были достигнуты упорной и продолжительной борьбой. Ведь и в Петербурге правительство помогает капиталистам не хуже, чем в Киеве, жандармы и сыщики следят за рабочими не менее усердно, чем у нас. Тем не менее, петербургские рабочие устраивают громадные стачки, в одной из которых участвовало 35 тыс. человек, и принуждают фабрикантов и само правительство к уступкам. Наконец, и у нас в Киеве, как это ни огорчает капиталистов и жандармов, рабочие собираются, читают запрещенные книги и листки, устраивают стачечные кассы, празднуют Первое мая и заставляют хозяев исполнять свои требования. А жандармы ничего не добились арестами и обысками.

Против правительства у рабочих то же средство, которым они борются с хозяевами, т. е. союз. Когда сотни или тысячи рабочих устраивают стачку, когда сотни или тысячи рабочих празднуют Первое мая, то правительство не может ни посадить их всех в тюрьму, ни отдать всех под суд, ни выселить из города. Когда лучшей жизни потребуют все русские рабочие,— а в России рабочих миллионы, тогда не хватит на них ни тюрем, ни сыщиков, ни жандармов, и правительство будет вынуждено исполнить все требования.

Борьба русских рабочих первоначально была направлена исключительно против хозяев. Это была борьба чисто экономическая: больше заработка, больше отдыха, больше справедливости — вот и все, чего на первых порах требовали русские рабочие. Но правительство само поторопилось заявить рабочим, что оно — слуга капиталистов и враг рабочих. Оно бросило рабочим вызов к борьбе, и рабочим остается только принять этот вызов. Добиваясь уступок от капиталистов, рабочие будут в то же время вести войну против всех полицейских и жандармских хитростей и беззаконий, помогающих фабрикантам грабить и притеснять рабочих. Всякая стачка, всякое рабочее собрание, всякий союз будут средством борьбы не только против капиталистов, но и против правительства, преследующего, в угоду капиталистам, рабо-

чие союзы и стачки. Кроме борьбы с хозяевами, борьбы экономической, рабочим приходится вступить в борьбу с правительством — борьбу политическую. Хорошо сделало правительство, сразу показав рабочим, что от него можно ожидать. Всегда лучше иметь дело с открытым врагом, чем с тайным...

Итак, то, что за последний год случилось в Киеве, должно научить киевских рабочих, что и для них наступила пора подумать об улучшении своего положения. У них есть сила, сила эта заключается в союзе. Эта сила доставит им победу и в экономической и в политической борьбе за лучшую жизнь, за счастье.

Пусть же скорее придет то время, когда перед могучей силой рабочего союза дрогнут испуганные сердца капиталистов и их прихвостней жандармов, полицейских и чиновников.

Киевский рабочий комитет.

Из заключения прокурора Киевской судебной палаты, 9 сентября 1899 г.[1]

...Совокупностью приведенных данных вполне установлено, что в конце 1896 г., в начале 1897 г., одновременно с возникновением в столицах и других крупных центрах России тайных преступных сообществ социал-демократического характера, известных под именем «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», такое же сообщество составилось и в Киеве из лиц, принадлежащих к интеллигентной среде, частью к рабочему классу. К нему же примкнули впоследствии и вошли в его состав Екатеринославский кружок и группа лиц, издававших «Рабочую Газету»,— подпольный социал-демократический орган. Установив правильную организацию сообщества с центральным «Рабочим комитетом» во главе и общей рабочей кассой, вступив в сношения с другими революционными партиями и имея целью ниспровержение, в более или менее отдаленном будущем, существующего в России государственного и экономического строя, интеллигентные представители «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса» ближайшей своей задачей поставили воздействие на рабочую среду, объединение рабочих и подготовление их к экономической и политической борьбе путем возбуждения их к неисполнению распоряжений правительства, к устройству стачек и вражде с работодателями, причем для осуществления этой задачи организовали рабочих в отдельные кружки, собирали их на сходки, снабжали их нелегальной литературой, устраивали чтения, пропагандировали социал-демократические идеи и вообще воспитывали их в революционном духе, стараясь выработать в среде их деятельных агитаторов и помогая материально стачечникам и арестованным за рабочее дело товарищам...

Прокурор Киевской судебной палаты Арсеньев.

VIII

Рапорт прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции, 20 октября 1898 г., № 1036[2]

В дополнение к телеграмме моей от 16 октября сего года имею честь донести вашему превосходительству нижеследующие подробности по делу о беспорядках, происшедших в м. Юзовке, Бахмутского уезда 11, 12 и 13 текущего октября.

[1] М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 13601, л. 21.
[2] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1898 г., д. № 11714, л. 4.

17 минувшего сентября в м. Юзовке были разбросаны в большом числе гектографированные прокламации за подписью «Донской комитет российской социал-демократической рабочей партии» [1], призывающие рабочих к стачке с целью принуждения хозяев к увеличению рабочей платы (дознание об этом производится в порядке положения о государственной охране, высочайше утвержд. в день 14 августа 1881 г.).

20 этого же сентября у доменных печей завода Новороссийского общества (он же Оховский завод) собралась толпа рабочих около 150 человек, уговаривавшая других рабочих оставить работы и итти к хозяину требовать прибавки жалования. Но при первой угрозе десятника призвать полицию рабочие тотчас же разошлись по местам и порядок более не нарушался.

13 октября с. г. мною была получена телеграмма прокурора Екатеринославского окружного суда о забастовке рабочих на каменноугольных шахтах Новороссийского общества и о производимом ими разрушении завода. Вследствие этого мною немедленно был командирован на место товарищ прокурора судебной палаты Шмидт с целью установления на месте условий ведения об упомянутом событии предварительного следствия.

По прибытии на место 15 октября утром товарища прокурора Шмидта оказалось следующее: работы на шахтах с утра 14 октября шли нормальным порядком и все рабочие возобновили на шахтах работы. Беспорядки же, как оказалось, заключались в следующем: за неделю до 11 октября контора завода стала получать от некоторых рабочих сведения о том, что 11, 12 и 13 октября произойдет стачка рабочих на шахтах, что в эти дни рабочие на работы не выйдут. При допросе полицейским надзирателем лиц, сообщивших эти сведения, лица эти подтверждали их, разъясняя, что об этом говорят рабочие в шахтах, но кто именно — неизвестно. Вместе с этим десятские при работах также стали слышать между рабочими, выходящими из шахт, разговоры о том, что они боятся приходить на работу в шахту, что им грозят, что если они прийдут в назначенные числа на работы, то погибнут, так как в шахтах будто бы перережут канаты (доступ на поверхность), закроют вентиляторы и взорвут стволы (входное отверстие в шахту). Предупрежденная об этом полиция и горный инженер 11 октября при смене рабочих в 6 час. утра явились к центральной шахте и застали рабочих, которые отказывались спуститься для работ в шахту и отговаривали других. На требования инженера и полицейского надзирателя объяснить причину отказа их приступить к работе и высказать свои желания и жалобы, рабочие никакого ответа не давали и наконец разошлись по домам; в шахту спустились лишь 179 человек вместо полного комплекта утренней смены в 650 чел.

То же самое повторилось и вечером 11 октября, когда вместо полного комплекта в 550 чел. (вечерняя смена) приступили к работе лишь 110 чел., остальные же рабочие, пытавшиеся уговаривать товарищей не работать и не отвечавшие инженеру на расспросы его о причинах их неудовольствия, разошлись по домам, не производя при этом, впрочем, беспорядка.

12 октября в центральную шахту спустились утром 316 человек (вместо 650), а вечером 416 (вместо 550). И на этот раз являвшиеся к шахте, но отказавшиеся от работы рабочие никаких требований не заявляли и объяснений инженеру не давали. После того, как рабочие вечерней смены, в числе 100—150 чел., отказались спуститься в шахту, они, около 7 ч. вечера, двинулись от шахт с криком и свистом вдоль мастерских металлургического завода Новороссийского общества, при-

[1] Прокламации в деле не обнаружены.

мыкающего к центральной шахте, и кричали рабочим завода, чтобы те бросали работы; при этом толпа бросала камнями в окна мастерских, разбивая стекла, и, таким образом, разогнала из мастерских около 2000 рабочих, бросивших работы и оставивших без присмотра, на полном ходу, все машины, паровые двигатели и доменные печи. Пробегая затем по местечку мимо домов рабочих, толпа требовала, чтобы оставшиеся дома рабочие присоединились к ней, и била стекла у тех, кто к ним не выходил. В это же время появилась казачья сотня, при виде которой толпа разбежалась и участники беспорядка попрятались в домах. Казаки тогда же арестовали в домах 27 человек, подозреваемых в беспорядках.

В ночь с 12 на 13 октября было вывешено в местечке Юзовке и его заводах печатное объявление прибывшего в этот день уездного исправника и горного инженера, предупреждающее рабочих, что те из них, которые в 6 ч. утра 13 октября не возобновят работ, получат расчет. Тем не менее, утром 13 октября в центральную шахту спустилось для работ лишь 410 человек (вместо 650), а вечером 394 (вместо 550). В этот день, кроме того, и в заводской шахте работали далеко не все рабочие.

В 10 ч. вечера 13 октября, вследствие телеграммы исправника, в м. Юзовку прибыли два батальона пехоты из г. Екатеринослава и 14 утром рабочие на шахтах приступили к работам в полном комплекте.

На всех прочих шахтах Новороссийского общества при Юзовке порядок на шахтах вовсе не нарушался.

14 октября утром в Юзовку приезжал екатеринославский губернатор князь Святополк-Мирский, расспрашивавший рабочих о причинах произведенного беспорядка, причем рабочие объяснили, что на работы они не спускались вследствие страха, который они испытывали по поводу распространившихся слухов о том, что шахты будут взорваны и вентиляторы закрыты.

По распоряжению губернатора исправник уполномочен выслать из м. Юзовки до 400 рабочих, принимавших участие в стачке.

С целью выяснения причин рабочего волнения товарищ прокурора Шмидт при содействии уездного исправника (жандармский офицер не мог прибыть на место) расспрашивал рабочих, принимавших и не принимавших участие в стачке и, таким путем, добыл следующие сведения:

Среди рабочих шахт Новороссийского общества еще с 1894 г. существует неудовольствие против администрации завода по следующему поводу:

До 1894 г. завод платил за выработку угля 12 р. 50 к. за каждую тысячу пудов выброшенного на поверхность угля. Эти деньги завод выплачивал артельщикам, которые с своей стороны уплачивали рабочим, поденно, в размере от 1 р. до 1 р. 50 к., причем каждый рабочий должен был выработать и выдать на поверхность не более трех вагонов угля. С 1894 г. завод уменьшил плату, назначив вместо 12 р. 50 к. — 10 руб. за одну тысячу пудов. От этого поденная рабочая плата рабочих не уменьшилась и они продолжали получать прежнюю плату, но артельщики, чтобы не потерпеть от нового порядка, стали требовать от рабочих, для зачета им полной поденной платы, выработки каждым не трех, а уже четырех и более вагонов в день. Для того, чтобы достигнуть этого, артельщики стали самым настойчивым образом, с бранью и побоями, «выбивать» работу, стремясь, чтобы каждый рабочий выработал по возможности не только четыре, но и более вагонов. Такая работа, производимая в низких коридорах, в согнутом положении и, большей частью, в воде, стала прямо непосильной. Артельщики стали противиться отдыху рабочих. Между тем, рабочие за излишне

против прежнего выработанный уголь не получают ни копейки лишней. В виду этого рабочие при допросе их заявили, что они все желают, чтобы завод платил деньги за выработанный уголь не артельщику, а им самим. К этому основному, так сказать, требованию рабочие заявили другое второстепенное — о том, чтобы их выпускали из шахт на поверхность, не выжидая 6 ч. вечера или утра, в тех случаях, когда они успевают окончить свои «уроки» задолго до срочного часа, что в центральной шахте не допускается, и рабочие сотнями и по нескольку часов сидят в шахте у ствола (выхода) мокрые и голодные без дела.

По словам рабочих об этих своих требованиях они администрации (конторе) не заявили, во-первых, потому что не надеялись на успех заявления, так как вообще контора оставляет всякие заявления без последствий, а во-вторых, потому что боялись, чтобы такое заявление не имело своим единственным последствием расчет.

Только когда в сентябре между рабочими появились разбросанные по Юзовке листки (прокламации)[1], стали говорить, что будет забастовка; содержание прокламаций рабочие передавали друг другу в извращенном виде; говорили, что если рабочие пойдут в шахты на работу, и почему-то стали называть 11, 12 и 13 числа октября, то спустившимся грозит опасность погибнуть, ибо будут перерезаны канаты подъемных машин, будут закрыты вентиляторы, снабжающие шахты воздухом, и будут взорваны «стволы» (входные колодцы)... Благодаря этим толкам в названные числа не пошли на работу.

По совету присутствовавшего на месте лица прокурорского надзора уездный исправник решил выслать административным порядком на родину, на основании циркулярного распоряжения министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. за № 7587, лишь тех из стачечников (все они — пришлые рабочие), которые по спискам шахты отказывались от работы в течение всех трех дней.

Таких оказалось всего 276 человек, из которых предположено еще оставить лиц живущих с семьями и детьми и обзаведшихся недвижимою собственностью или хозяйством.

Приведение этой меры в исполнение назначено на 20 и 21 октября сего года.

Администрация, осведомленная товарищем прокурора Шмидтом о причинах беспорядков, как они выяснены расспросом рабочих, заявила, что ей никогда подобных жалоб заявляемо не было и она их узнает впервые от товарища прокурора. Вместе с тем директор общества — Юз выразил, что вполне согласен с справедливостью жалоб и примет меры к постепенной реформе порядка вознаграждения рабочих и устранению справедливых жалоб их.

Прокурор Харьковской судебной палаты Давыдов.

Из донесения фабричного инспектора 2 уч. Екатеринославской губ. старшему фабричному инспектору той же губ., 9 мая 1899 г., № 564[2]

Имею честь уведомить вас, для представления г. председателю губернского по фабричным делам присутствия, о результате произведенного мной 4 мая с. г. расследования о волнении среди рабочих Дебальцевского механического завода.

---

[1] Прокламаций в деле не обнаружено.
[2] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 47, лл. 69—70.

Управляющий завода заявил мне, что 1 мая все рабочие, явившись на завод до начала работ, обратились к нему с следующей просьбой [1].

1) Установить рабочий день в 10 часов взамен существующего в $10^1/_2$ час.

2) Прекращать работы по субботам и в кануны праздников в 2 часа дня и установить празднование 1 мая.

Управляющий заводом объяснил рабочим, что он не вправе изменять правила внутреннего распорядка без согласия фабричной инспекции, и предложил им ожидать приезда инспектора, а пока приступить к работам, на что рабочие изъявили согласие.

3 мая на завод прибыл уездный исправник и убедился, что рабочие механического цеха самовольно прекратили работу на полчаса раньше до свистка, желая таким образом установить 10-часовую работу в день. По требованию исправника рабочие вновь приступили к работам. 4 мая утром, будучи на заводе, рабочие обратились ко мне с вышеупомянутыми просьбами и, кроме того, заявили следующие неудовольствия:

1) Заводоуправление без согласия рабочих изменило к 1 мая с. г. распределение рабочего времени, а именно: установило начало и окончание работ в 5 ч. утра и 5 ч. вечера вместо указанных в правилах внутреннего распорядка 6 ч. утра и 6 ч. вечера, что рабочие находят для себя крайне неудобным.

2) По субботам и в кануны обязательных праздников работы продолжаются $10^1/_2$ часов, вопреки закону 2 июня 1897 г. о нормировке рабочего времени [2].

3) На сдельные работы в литейной рабочим не выдаются ордера или заказы и цены на них устанавливаются, произвольно, мастером при окончании работ.

4) Жилые дома для рабочих — «мазанки» — сыры, холодны и вредно влияют на здоровье рабочих.

5) Цены на квартиры взимаются вместо 6 руб. по 7 руб.

6) При заводе и в окрестностях нет бани.

и 7) При квартирах для рабочих не имеется никаких служб, даже нет чуланчика для дров.

Я объяснил рабочим, что требование их об изменении рабочего дня и установлении новых праздников незаконно, так как оно несогласно с ст. 96 Устава о промышленности [3], и ознакомил рабочих с ответствен-

---

[1] «В ночь с 27 на 28 и утром 28 апреля 1899 г. на заводах: Гартмана, Новороссийского общества, Дебальцевском и Донецко-Юрьевском рабочими сих заводов были во множестве найдены, неизвестно кем разбросанные, воззвания Российской социал-демократической рабочей партии к 1 мая.

Осмотром отобранных у рабочих воззваний установлено следующее: все они по содержанию, формату и печати совершенно между собой тождественны и видимо изготовлены в одном и том же месте; отпечатаны воззвания красной и черной краской и имеют заголовок «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Воззвание к 1 мая — 19 апреля», а подписаны: «Донской Комитет Российской социал-демократической рабочей партии»... (Из заключения и. д. прокурора Харьковской судебной палаты, 23 сентября 1900 г., ЦАР, М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11605, лл. 9—10).

Прокламацию см. ЦАР, М. Ю., вр. к., 1899 г., д. № 12036, л. 7.

[2] «...до сих пор [до издания закона 2 июня 1897 г.— Ред.] почти на всех фабриках, работы по субботам оканчивались раньше обыкновенного. Один исследователь, собравший много сведений по этому вопросу и вообще близко ознакомившийся с фабричным бытом, утверждал: в среднем выводе можно безошибочно принять, что по субботам работа заканчивается за 2 часа до урочного времени. Значит, закон и тут не упустил случая, превращая обычный отдых в обязательный, оттягать за эту уступку у рабочих еще хоть полчасика. Полчасика в каждую неделю, это составит в год (положим 46 рабочих недель) — 23 часа, т. е. два дня лишней работы на хозяина... Недурной подарок нашим бедным неимущим фабрикантам!» (В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 148, ст. «Новый фабричный закон»).

[3] Ст. 96 Устава о промышленности запрещалось до окончания договора владельцам предприятия изменять условия найма, а рабочим требовать их изменения.

ностью, которой они подвергаются по ст. 1353 Улож. о наказ.[1], если они самовольно прекратят работы и поэтому я не в праве войти в рассмотрение незаконно предъявленного ими требования. Что же касается остальных 7 пунктов, то я обещал немедленно проверить их и справедливые их требования будут удовлетворены.

Рабочие, обсудив между собой мое разъяснение, заявили мне, что они незаконных требований предъявлять не были намерены и что они согласны продолжать работу по существующим утвержденным правилам внутреннего распорядка, но просят устранить существующую несправедливость.

Все заявления рабочих по расследовании подтвердились и управляющий заводом в моем присутствии в мастерских объявил рабочим, что их законные требования будут немедленно удовлетворены. Рабочие, дав обещание в точности исполнять правила внутреннего распорядка, приступили к продолжению работ.

Администрация Дебальцевского завода вообще упорно уклоняется от исполнения законных требований фабричной инспекции, внесенных неоднократно в инспекторскую книгу при заводе.

8 апреля с. г. мной был составлен протокол и присутствие по фабричным делам наложило на управляющего заводом взыскание в 500 рублей. 4 сего мая я опять составил протокол, препровождаемый мной в губернское присутствие по фабричным делам.

Я имею честь покорнейше просить ваше высокородие обратиться к его сиятельству г. начальнику губернии с просьбой, не признает ли он возможным оказать административное воздействие на заводоуправление для приведения к исполнению законных требований фабричной инспекции, занесенных в инспекторскую книгу, и о которых я имел честь своевременно сообщить вам.

Фабричный инспектор 2 уч. Фейгин.

IX

Прокламация Екатеринославского Комитета РСДРП, 8 июля 1899 г.[2]

Товарищи рабочие! Готовьтесь к бою. Организуйтесь в союзы. Составляйте кружки в 10—15—20 чел., собирайте гроши, составляйте суммы, ибо наступает момент жестокой борьбы, а если мы будем иметь союзы, обладающие средствами, то нам легко будет выдержать натиск не только наших угнетателей капиталистов, но и натиск нашего правительства. Организуйтесь в союзы, тогда легче будет нам держаться друг-друга и труднее будет полиции что-нибудь с нами сделать.

Наших товарищей железнодорожных рабочих, решивших отстаивать свои интересы, общие интересам всех рабочих, полиция убрала в тюрьму, пригласив с этой целью солдат[3].

---

[1] Стачка и предъявление рабочими требования о повышении зарплаты или изменения других условий найма царскими законами карались как преступление. Ст. 1358[1] Уложения о наказании устанавливала за это мерой наказания тюремное заключение на время от 4 до 8 месяцев — для агитировавших за проведение стачки и для участников — на время от 2 до 4 месяцев.

[2] Воспроизведено с текста, напечатанного в Киевской рабочей газете «Вперед», № 7, сентябрь 1899 г., стр. 25—26.

[3] 25 июня считается железнодорожным праздником в память начала основания железных дорог. Этот праздничный день был подтвержден циркуляром министра путей сообщения.

В 1899 г. начальство жел.-дор. мастерских решило заставить рабочих работать в этот день. Рабочие потребовали, чтобы этот день был праздничным или чтобы работа в этот день была оплачена в полуторном размере, как в праздничные дни. Ад-

Да, если бы мы были организованы в союзы, то не дали бы наших товарищей увести в тюрьму. Мы должны помнить, что дело, которое начинается в каком-либо отдельном заводе или мастерской,— наше общее дело. Подумайте хорошенько и вы в этом легко убедитесь.

Мы уже говорили в прошлом своем листке к железнодорожным рабочим, что необходимо отстаивать кануны пяти праздников, отнятых у нас, и показать, что мы не позволим самовольно лишать нас часов нашего отдыха.

Как же поступили полиция и жандармы с нашими товарищами, когда те стали отстаивать свои интересы? Окружив их, безоружных, штыками нескольких рот солдат, по одиночке выводили их из мастерских, направляя против одного целый лес штыков. А какой-то офицер, обнажив саблю, искал случая броситься на них и начать рубить головы.

Наши требования, клонящиеся к тому, чтобы улучшить свое положение, встречаются как бунт. Мы не можем собираться говорить о своих делах, а если собираемся, то против нас посылают казаков и жандармов: вот и теперь казаки с гиканьем, размахивая в воздухе нагайками, бросались на толпу наших товарищей. Да, когда мы собираемся поговорить о наших делах, это считается бунтом, а когда собираются наши угнетатели-капиталисты для обделывания своих делишек, то это не только не считается за бунт, но на их собраниях присутствуют сами министры. По первому призыву наших угнетателей им на помощь летит разная сволочь в лице жандармов, полицеймейстеров и губернатора.

Вы видите, как наше правительство всегда поддерживает наших угнетателей. Нас бьют, сажают в тюрьмы, ссылают в Сибирь без суда, а за что, товарищи? Лишь за то, что мы хотим улучшить свое положение.

Когда мы начинаем стремиться к улучшению своего положения, то всегда является начальство в лице полицеймейстера, губернатора и жандармов, которые стараются уверить нас, что они все думают о нас и стараются нас защитить.

Нет, товарищи, не будем верить всем этим обещаниям. Мы все видели, что они вместо того, чтобы исполнить свои обещания, поспешили засадить наших товарищей в тюрьму. Довольно, товарищи, будем верить только себе и больше никому. Присоединяйтесь к тем, кто стал во главе нашего дела и стремится отстаивать интересы всех рабочих. Вы знаете, что в России существует социал-демократическая рабочая партия, которая только одна защищает наши интересы. Становитесь же под знамя этой партии, т. е. организуйтесь в тайные союзы, составляйте кассы, требуйте права сходок и собраний, требуйте 8-ми часовой рабочий день.

Товарищи! Если бы все бросили работу на всех заводах в тот же день, когда забастовали рабочие в железнодорожных мастерских, если бы мы в этот день выставили на каждом заводе свои требования, тогда наша полиция не могла бы всюду поспеть, застращивать нас, да и нехватило бы места в тюрьме, которой полиция привыкла нас пугать. Тогда мы без большого труда смогли бы добиться того, чего

министрация отказала и рабочие решили забастовать. 26 и 28 июня (27 было воскресенье) шли волнения среди рабочих.

28 июня появился среди рабочих листок Екатеринославского Комитета РСДРП, в котором повторялись требования рабочих об окончании во все предпраздничные дни работы в 2 часа и об увеличении расценок. После закона 2 июня 1897 г. у рабочих были отняты 5 предпраздничных канунов. 28 июня — канун праздника 29 июня — рабочие не пошли на обед и бросили работу в 2 часа. 30 июня в мастерские были введены войска и было арестовано 40 человек.

в одиночку добиться очень трудно. Итак, когда возникнет на какомлибо заводе стачка, тогда старайтесь поддерживать ваших товарищей, объявляя стачку и у себя на заводе.

Екатеринославский комитет Российской соц.-дем. рабочей партии.

Телеграмма екатеринославского вице-губернатора министру внутренних дел, 16 июля 1899 г., № 4423[1]

Забастовка на Мариупольских заводах началась девятого. Рабочие потребовали прибавки 50 процентов[2]. Накануне найдено полицией большое количество разбросанных по заводам прокламаций[3]. Десятого тревожное состояние продолжалось. Из Мариуполя вызвана была рота солдат. Четырнадцатого начались серьезные беспорядки.

Телеграфное и телефонное сообщение между заводами и городом и ближайшей станцией рабочими прервано. В тот же день послал из Юзовки полусотню казаков, 15-го — из Екатеринослава два батальона. Утром, того же числа, на место беспорядков выехал начальник губернии.

За губернатора вице-губернатор Князев.

Телеграмма екатеринославского губернатора министру внутренних дел, 16 июля 1899 г. № 156[4]

В дополнение телеграммы от 14 июля[5] докладываю, что при действии оружием трое убито, четверо ранено. Теперь беспорядки прекратились, работы на обоих заводах возобновились; войска из Екатеринослава прибыли. Подробности представлю почтой.

Губернатор князь Святополк-Мирский.

Из доклада екатеринославского губернатора министру внутренних дел, 21 июля 1899 г., № 4798[6]

В дополнение к телеграммам от 15 и 16 сего июля о беспорядках, происшедших на заводах Никополь-Мариупольского общества и акционерного общества «Русский Провиданс» в Мариупольском уезде, имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующие сведения:

---

[1] ДП, V д-во, 1899 г., д. № 370, ч. 1, л. 57.

[2] Об обстоятельствах возникновения забастовки на мариупольских заводах (Никополь-Мариупольский и «Провиданс») начальник Екатеринославского губернского жандармского управления в донесении своем в департамент полиции от 22 июля 1897 г. за № 2426 писал: «В мае и июне месяцах сего года рабочие Никополь-Мариупольского завода возбуждали вопрос о прибавке заработной платы, ввиду повышения заводоуправлением цен на квартиры и каменный уголь...

Бесплодное двухмесячное ожидание разрешения, выраженное в описанной просьбе, вопроса о прибавке заработной платы, поданной муфторезами, естественно должно было оборваться от напряжения. И действительно лопнуло 10 сего июля и заменилось побуждением перехода к активной форме действий, выразившейся желанием немедленного получения ответа» (ЦАР, ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1, л. 80).

[3] Упоминание об этих прокламациях мы находим в докладе временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел за октябрь — ноябрь 1901 г.: «28 апреля и 6 июля 1899 г., близ г. Мариуполя Екатеринославской губ., на металлургических заводах «Провиданс» и Никополь-Мариупольского общества были обнаружены в значительном количестве прокламации под заглавием «Воззвание к 1 мая» и «Письмо к мариупольским рабочим» с оттиском штемпелей «Донского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», подстрекавшие трудящееся население к стачкам» (ЦАР, м. ю., вр. к., 1899 г., д. № 12036, л. 52).

[4] ЦАР, ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1; л. 59.

[5] Телеграмма в деле отсутствует.

[6] ЦАР, ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1; лл. 75—76.

Забастовка рабочих началась в механическом цехе завода Никополь-Мариупольского общества с 9 июля; рабочие требовали увеличения им заработной платы и, будучи неудовлетворены в своем требовании, они не выходили на работы до 12 июля, а означенного числа утром, собравшись у главных ворот завода, стали препятствовать другим рабочим итти на работу и, несмотря на многократное объявление им о нежелании администрации завода удовлетворять их требование и после объяснения незаконности их насильственных действий, а также об ответственности, которой они за это подвергнутся, рабочие все же настаивали на своем и не хотели расходиться, в виду чего, в предупреждение могущих произойти беспорядков, при малочисленности полиции, тогда же и. д. мариупольского уездного исправника была вытребована на завод квартирующая в Мариуполе рота Перекопского резервного батальона и при содействии ее забастовщики были окружены, причем нежелавшие подчиниться требованию заступить на работы были арестованы и препровождены в городскую тюрьму, после чего на заводе с 13 числа водворился порядок.

Но вслед за сим, того же 13 числа, около 2 час. дня, прекратили работы рабочие почти всех цехов завода «Русский Провиданс» и, собравшись толпой около 1000 человек, требовали увеличения заработной платы до 50%, сокращения рабочего времени на ½ часа в день и удовлетворения других заявленных ими администрации завода претензий [1]. О таковых требованиях рабочих и. д. уездного исправника, совместно с приглашенным им жандармским ротмистром Минкевичем (окружной горный инженер отсутствовал) было заявлено дирекции завода, а рабочим объявлено, что заявление жалоб и требований скопом незаконно и чтобы они избрали из своей среды для переговоров по два человека от каждого цеха, а прочие разошлись бы на работы, чего рабочие исполнить не захотели и продолжали шуметь и буйствовать. Администрация завода также категорически отказалась удовлетворять хотя-бы некоторые требования рабочих. Переговоры с рабочими и администрацией завода продолжались до 14 июня, какого числа рабочие вновь отказались начать работу и, когда были вывешены объявления об отказе администрации удовлетворить их требования, они толпой направились к доменной печи, желая воспрепятствовать продолжению работы таковой, и с этой целью бросали камнями в рабочих при домне и в полицию (один камень попал в плечо и. д. исправника). Ввиду такого поведения толпы бунтовщикам приказано было разойтись с предупреждением, что в противном случае в них будут стрелять. Тогда толпа направилась к рабочим баракам. Здесь по указанию жандармского ротмистра задержаны были 7 человек, самых ярых главарей подстрека-

[1] Рабочие требовали улучшения жилищных условий. Даже департамент полиции так писал о быте рабочих: «За исключением казарм и отдельных домиков, вмещающих в себя около 4000 человек, для остальных 3757 человек сколочены шалаши из легких досок, без помоста. Эти шалаши служат и зимними и летними помещениями. Возможность затоков дождевой воды служит причиной образования внутри шалашей разлагающейся грязи, низводящей физическое существование людей, помещающихся здесь, без разделения мужчин и женщин, на общих нарах, усыпанных мириадами насекомых, к уровню жизни животных. Бань на обоих заводах не имеется. Не имеется ни церкви, ни молитвенного дома.

Отношение заводоуправителей к интересам рабочих не только не отзывчиво, но большей частью имеет эксплоататорский характер и сверх того еще несправедливо, обидно и способно вызвать раздражение. Так на заводе «Провиданс» русскому рабочему уплачивается за какое-нибудь дело 1 руб., за то же дело иностранец, стоящий по ремеслу ниже, получает 3 рубля. На этом заводе из 15 тыс. руб., отпускаемых Главным управлением завода в награду заводским рабочим, русскому рабочему не уделяется ни копейки...» (Из доклада V делопр. в департамент полиции от 16 декабря 1899 г. в особое совещание, образован. согласно 34 ст. Полож. о гос. охране — ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1, л. 132).

телей, которые ввиду усиливающегося возбуждения толпы были отправлены в городскую тюрьму под конвоем из нижних воинских чинов и 5 полицейских городовых. Но по дороге в город толпа бунтовщиков напала на конвой с целью отбить арестованных и при этом осыпала конвойных градом камней. Тогда конвойные вынуждены были прибегнуть к оружию, был сделан один выстрел, коим из нападавших один убит и один ранен. После того бунтовщики бросились на соседний Никополь-Мариупольский завод, где разбивали камнями стекла в окнах зданий, в двух местах разломали забор, отделяющий заводский двор от площади с рабочими бараками, в механическом отделении завода уничтожили все стекла; другая толпа собралась у главной конторы, намереваясь разгромить таковую, в предотвращение чего к конторе отправлен был один взвод. Одновременно с этим несколько сот рабочих начали проникать в заводский двор через выломанный забор, намереваясь оттуда начать разгром конторы. Тогда три взвода, бывших в распоряжении и. д. исправника, были разделены на части и контора была защищена снаружи и со стороны двора. Взвод, защищавший контору со стороны двора, толпа все время осыпала камнями и кричала «бей офицеров, бей начальство».

При этом офицер, командовавший взводом, и несколько нижних чинов получили сильные ушибы камнями. Ввиду безвыходного положения командир этого взвода произвел в толпу два залпа, после чего толпа разбежалась, прекратив нападение на контору, и рассыпалась по окрестностям завода. Убитых рабочих оказалось два и раненых три человека.

Получив по телефону донесение о начавшейся на заводах забастовке, я тогда же обратился к начальнику 34 пехотной дивизии с просьбой о посылке на заводы одного баталиона от расположенных в Екатеринославе войск, и так как собрать и отправить тотчас на место беспорядков просимого баталиона не представлялось возможным, в виду того что в это время большая часть нижних чинов находится в распуску на вольных работах, то я в то же время дал телеграмму командиру расположенной в Юзовке, Бахмутского уезда, отдельной Донской казачьей сотни о немедленном командировании на место беспорядков полусотни казаков, каковая, прибыв на заводы к утру 15 числа, рассеяла толпы бунтовщиков, после чего там порядок уже более не нарушался. Того же 15 числа, в 6 час. утра, на заводы отправлен был поездом собранный к тому времени один баталион пехоты, а в 7 час. вечера того же дня туда же отправлен еще один баталион. Я отправился на место беспорядков также 15 числа с ближайшим утренним поездом и по прибытии туда, застав беспорядки прекратившимися, распорядился об отсылке обратно в Екатеринослав одного из прибывших баталионов, другой же баталион, а также казачья полусотня мною оставлены на заводах до времени полного успокоения волнений[1].

Обо всем происшедшем начальником жандармского управления и чинами уездной полиции производится ныне дознание на предмет установления виновных в подстрекательстве и производстве беспорядков.

Губернатор Святополк-Мирский.

---

[1] За время стачки было арестовано 150 человек; более 500 человек было выслано, 87 человек были привлечены к уголовной ответственности.

19 июля был пущен Никополь-Мариупольский завод, 20-го «Провиданс», хотя работали первое время не все цехи и мастерские.

Из прокламации Екатеринославского Комитета РСДРП, 1899 г.[1]

...Товарищи! Такие столкновения происходят чуть ли не каждый день по всей России. Везде хозяева усматривают в малейших, вполне законных требованиях наших бунт и тут же находят верного друга, помощника и радетеля их интересов в лице правительства. Правительство никогда даже не выслушивает объяснений рабочих, а всегда откликается на первый зов хозяев и отдает в их распоряжение штыки и пули, которые делают свое дело: выбивают из нашего строя одних, а других загоняют в мастерские, где все остается по-прежнему.

Товарищи! Вы видите из этого, как лживы уверения нашего правительства, что оно заботится о наших интересах. Можно ли после этого верить правительству, что оно может улучшить наше положение? Вы знаете, что теперь на всех заводах усилен штат полиции, которая своими шпагами и револьверами должна подавлять малейшую нашу попытку хотя немного улучшить свое положение. Все это ясно показывает, что наше правительство является для нас таким же врагом, как и наши хозяева, но более сильным, и от него нам ждать нечего. Будем же надеяться на самих себя, будем раскрывать глаза тем из наших товарищей, которые еще продолжают верить в благие желания правительства. Всякая наша борьба с хозяевами должна быть в то же время борьбой с правительством, и мы не положим оружия до тех пор, пока не добьемся: права стачек, собраний, права свободно выражать свои желания, защищать свои интересы, не боясь быть посаженными в тюрьму или быть застреленными солдатами. А всего этого мы только тогда достигнем, когда все будем организованы.

Организуйтесь же в союзы, составляйте тайные кассы в 5, 10, 20 человек, из каждого союза выбирайте по одному человеку, которому все члены союза более всего доверяют; пусть эти люди сходятся между собой для решения всего того, что касается нас всех; пусть каждый союз имеет своего кассира, который должен будет собирать и хранить взносы членов союза (20—25 к. в месяц), а эти деньги пригодятся на случай стачки. У нас работы много, но мы ведь привыкли работать. Так за работу, товарищи! Будем же все помнить, что у нас есть враг — это хозяева. Мы с ними легко справились бы, если бы нам не мешало наше правительство. Значит у нас теперь два врага. Будем же бороться с ними обоими. Штыками и пулями нас не победить, раз мы будем представлять из себя одно. Становитесь же под знамена Российской социал-демократической рабочей партии, добивающейся уничтожения хозяев и правительства.

Но помните, товарищи! Приглашая вас на борьбу, мы против уничтожения мастерских, машин или частных построек, против насилий, оказываемых во время стачек над отдельными лицами и, между прочим, над евреями. Поймите, братья, что мастерские, заводы, машины созданы нашим трудом, облиты нашим потом и кровью — они наша собственность.

Но если мы ими не пользуемся, то только потому, что хозяева берут все это в свои руки и находят в этом поддержку со стороны правительства. Зачем же нам уничтожать то, что нам принадлежит по праву? Когда мы победим наших хозяев, то все то, чем они теперь владеют, будет принадлежать нам. Зачем же нам все это ломать и уничтожать? Воздержитесь от этого, товарищи! Зачем нам бить евреев, как это часто бывает во время стачек? Между евреями есть такие же ра-

[1] Воспроизведено с текста, напечатанного в Киевской газете «Вперед», № 7, сентябрь 1899 г., стр. 29—31. Прокламация была выпущена комитетом по поводу расстрела рабочих во время стачки на Мариупольских заводах.

бочие, как и мы, которые ничего не имеют, кроме рук, которыми они так же работают, как и мы. Есть между евреями и хозяева капиталисты, но они такие же враги нам, как и наши русские купцы, заводчики и фабриканты. Всякий пролетарий — рабочий, будет ли он еврей, русский, поляк, немец, француз — наш брат. Каждый из них хочет, чтобы все, что они производят, принадлежало всем, а не отдельным лицам. Каждый же хозяин — капиталист, будь он русский, немец, еврей, поляк, — наш враг, потому что мы все на них работаем, потому что они ничего не делают, а забирают в карманы барыши, потому что они собственники всего того, что мы сработаем. Вспомните, что петербургские рабочие во время стачек 1896—1897 годов не только не ломали мастерских и машин, но не было видно ни одного пьяного из рабочих.

Правительству и хозяевам выгодно, чтобы мы ломали мастерские, ибо в этом случае они могут придраться и пустить в ход оружие, а когда все спокойно, им придраться не к чему. Будем же подражать нашим более опытным товарищам, рабочим Петербурга и других городов.

Прокламация Екатеринославского комитета РСДРП, декабрь 1899 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия

Ко всем екатеринославским рабочим

Товарищи! Кто из нас не знает, какие средства употребляет наше правительство всякий раз, когда мы, рабочие, выступаем с какими-нибудь требованиями для улучшения своего положения? Кто из нас может забыть, как расправились с нашими товарищами железнодорожными рабочими во время забастовки летом этого года? Из-за того только, что наши товарищи потребовали освобождения их от работы в день железнодорожного праздника 25 июня, который праздновался администрацией железнодорожных мастерских, на рабочих нагнали войска и массу народа отправили в тюрьму. После того, как появились книжки, распространенные Комитетом, касавшиеся нашего положения, опять начались обыски и аресты. Рабочих типографии Яковлева всех обыскали и даже некоторых арестовали. Арестовали за то только, что у них оказались книжки. То же самое проделали и с городскими переплетчиками за их участие в стачке. Кто не знает, что на Брянском арестовано было 4 человека за то только, что на них было указано, что они читают наши прокламации? А что делалось еще недавно в Нижнеднепровске? Жандармы после появления наших прокламаций, касавшихся мариупольской истории, в продолжение некоторого времени каждый день приезжали в Нижнеднепровск для производства обысков.

Такие факты совершаются ежедневно не только у нас, а по всей России. До сих пор, при воспоминании о мариупольской истории волосы становятся дыбом и кровь леденеет в жилах. Избить безоружных людей за то только, что они хотели хоть сколько-нибудь улучшить свое положение? Из-за требования улучшить воду, совершенно негодную для питья, правительство перестреляло массу народа. Не удовлетворившись этим, оно арестовало несколько десятков человек и бросило в тюрьму с целью предать их всех суду. Суд в угоду правительству и

[1] Воспроизведено с текста, напечатанного в брошюре «Рабочее движение в Екатеринославе», издание «Союза русских социал-демократов», Женева, 1900 г., стр. 21—22. Прокламация без даты, но в брошюре есть указание, что она была выпущена в половине декабря (стр. 12).

хозяевам разделается по всем строгим законам с теми, кто хотел пользоваться чистою и хорошею водою. Жандармы, которым поручено бороться с рабочим движением, ведут себя как звери. Они грубо врываются к нам в квартиры, хватают людей за то только, что у них находят социал-демократические книжки, и бросают в тюрьму, лишают воздуха и света, обращаются с каждым из арестованных самым возмутительным образом. Эти негодяи употребляют все усилия на то, чтобы убить всякое человеческое достоинство в тех, кто борется за всех нас, кто хочет улучшить наше положение, они обращаются крайне грубо, говорят нам «ты», заставляют стоять навытяжку во время допросов, а иногда прибегают даже к побоям. Словом, ясно, что правительство понимает, что если сделает хотя одну уступку, то ему необходимо будет сделать еще и еще, а это будет невыгодно для наших хозяев — эксплоататоров. Наше правительство преследует тех, кто старается раскрыть нам глаза, кто пишет и распространяет книжки, в которых говорится о том, как плохо живется рабочему в России, как выйти из этого положения. Этих людей, которые хотят, чтобы мы получали большую заработную плату, арестовывают, бросают в тюрьмы и ссылают без всякого суда в Сибирь на многие годы. Но правительству не убить рабочего движения и не остановить его никакими обысками и ссылками. Оно не может всех нас арестовать, так как тогда приостановятся все работы, что больше всего невыгодно нашим хозяевам. И если до сих пор правительство, несмотря на все усилия, не могло подавить рабочего движения, то что же оно будет делать тогда, когда мы все будем знать в чем дело, когда все мы будем знать, что наше положение очень тяжело, и что оно никогда не будет улучшено ни нашими хозяевами, ни нашим правительством.

Но мы, товарищи, не одни. Есть же люди, которые, несмотря на гонения, преследования, делают все, чтобы каждый из рабочих понял, что надо сделать, чтобы улучшить наше положение. Да, эти люди — наши братья, и мы пойдем за ними; мы не пойдем ни за нашими хозяевами, ни за нашим правительством; оно достаточно себя показало. И мы будем говорить всем и каждому о тех гонениях и преследованиях, каким подвергаются славные борцы. Мы сделаем все, чтобы наши отцы, матери, младшие братья и сестры полюбили их и возненавидели тех, кто преследует наших защитников. И мы сделаем это. Но надо все-таки подумать и о том, чтобы жандармы не могли врываться к каждому из нас за тем только, что надеятся найти у нас книжки. Мы должны все знать и твердо помнить, что в единении наша сила. Но мы только тогда будем объединены, когда все будем требовать одного.

Будем же все требовать, чтобы правительство предоставило нам отстаивать свои интересы в борьбе с хозяевами, будем требовать, чтобы нас не арестовывали за то, что мы читаем социал-демократические книжки, будем требовать, чтобы нас перестали ссылать без суда. А все это значит, что нам необходимы: свобода печати, слова, собраний, союзов, стачек и неприкосновенность личности — одним словом политическая свобода.

Екатеринославский комитет Российской социал-дем. рабочей партии.

Первомайская стачка 1900 г. в Харькове

1 мая 1900 г.— в день международного праздника рабочего класса, харьковским пролетариатом, под руководством Харьковского комитета РСДРП, была проведена по определению В. И. Ленина «знаменитая маевка» [1].

Перед 1 мая комитетом РСДРП было распространено среди рабочих большое количество первомайских прокламаций и брошюр. На конспиративных рабочих сходках был выработан план демонстрации, который предусматривал соединение рабочих заводов, расположенных на противоположных концах города, для участия в общей демонстрации. Было решено никаких экономических требований не выставлять, а провести 1 мая под лозунгами требования политической свободы и 8-часового рабочего дня, указанных в прокламациях.

«Харьковские социал-демократы,— писал Ленин,— постарались подготовить маевку, распространив брошюры и листки заранее; был составлен рабочими и план общей демонстрации и речей на Конной площади» [2].

В день 1 мая рабочие железнодорожных мастерских в количестве 4 тысяч, с криками «Да здравствует 1 мая, да здравствует 8-часовой труд», присоединив к себе 500 рабочих с завода Бергенгейма, с пением и с красными знаменами направились в город на соединение с рабочими других заводов. Громадное количество казаков, солдат, полицейских и толпы любопытных лишь увеличивали впечатление от рабочей демонстрации железнодорожного района.

На другом конце города рабочие Паровозостроительного (4 тыс.) и других заводов, демонстрируя свою солидарность с лозунгами, выставленными в прокламациях, направились на соединение с рабочими железнодорожного района [3].

В этот день около 10 тысяч харьковских пролетариев демонстрировали свою солидарность и связь с рабочим движением всех стран, свою решимость примкнуть к борьбе международного пролетариата за свое освобождение.

«Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований... [4].

Своей сплоченностью и политической зрелостью, проявленной в демонстрации, харьковский пролетариат сразу выдвинулся на уровень передовых центров рабочего движения в России.

Еще в 90-е годы, когда по всей стране прокатывались волны упорной стачечной борьбы рабочего класса, харьковский пролетариат имел лишь трехдневную стачку в 1893 г. в железнодорожных мастерских, да несколько волнений на других предприятиях, редко доходивших до размеров стачки всего завода. Неразвитость харьковского рабочего движения 90-х годов объясняется тем, что до 1897 г. Харьков оставался городом преимущественно мелкой буржуазии, городом ремесла и мелкой, отчасти средней, промышленности. Крупное скопление рабочих (3 тыс.) было лишь в железнодорожных мастерских.

---

[1] В. И Ленин. Соч., т. IV, стр. 47.

[2] Там же, стр. 48.

[3] Шедшим двумя колоннами демонстрантам не удалось слиться. Казакам и войскам удалось разогнать разобщенные колонны рабочих, арестовав при этом свыше 200 человек.

[4] В. И. Ленин Соч., т. IV, стр. 47.

Только начиная с 1897 г. в Харькове, в связи с общим промышленным оживлением юга, возникает ряд крупных заводов (Паровозостроительный с 4 тыс. раб. и др.). Из преимущественно торгового города Харьков превращается в город крупной, главным образом, тяжелой (машиностроительной) промышленности. Число же фабрично-заводских рабочих увеличивается до 12 тыс. Совместная работа тысяч рабочих, прилив рабочих из высоко развитых центров рабочего движения (Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск и др.), прошедших школу постепенно расширяющейся в этих центрах стачечной борьбы и побывавших под воздействием пропаганды социал-демократии, а также специфические условия производства металлистов обусловили высоту такого политического развития, какое только возможно было предъявить российскому пролетариату той эпохи.

На классово-политическое развитие рабочих оказали свое влияние и предшествовавшие маевки в Харькове.

Впервые в городе 1 мая праздновалось рабочими в 1898 г. в форме небольших загородных собраний.

В 1899 г. 1 мая прошло более открыто. Была распространена майская прокламация, которая имела большой успех, и рабочие в этот день не пошли на работу. Однако организовать стачку с.-д. не смогла, в результате чего празднование 1 мая выразилось лишь в загородных собраниях с участием 150 человек. На собраниях произносились речи о значении 1 мая, выяснялись вопросы рабочего движения, происходили прения о кружковой работе и агитации, пелись революционные песни.

Большое влияние оказали на рабочих студенческие волнения, происходившие в Харькове в 1899 году. Впечатление от движения студентов и майская агитация вызвали тягу рабочей массы к нелегальной литературе, которая с этого времени расходилась среди рабочих в большом количестве.

В результате совокупности всех моментов, влиявших на политическое развитие рабочих в Харькове, впервые в России (не считая Польши) произошла открытая массовая политическая демонстрация.

Таким образом, харьковская маевка, происшедшая на стыке двух столетий, как бы подводила итог истории рабочего класса России в целом, его упорной борьбы трех последних десятилетий XIX в. и знаменовала собой поворот пролетарской борьбы к новому этапу «к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям» [1], которые, нарастая и ширясь, вылились в революцию 1905 г.

Харьковская маевка свидетельствовала, что начавшийся в 1900 г. «Промышленный кризис, безработица не остановили и не ослабили рабочего движения. Наоборот, борьба рабочих стала принимать все более революционный характер. От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам. Наконец, рабочие переходят к демонстрациям, выставляют политические требования о демократических свободах, выставляют лозунг: «Долой царское самодержавие» [2].

«Сказка о том, будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы, будто их главное дело — чисто-экономическая борьба, лишь понемногу и потихоньку дополняемая частичной политической агитацией за отдельные политические реформы, а не за борьбу против всего политического строя России,— эта сказка решительно опровергается Харьковской маевкой» [3].

Организованность и классовая сознательность харьковского пролетариата была проявлена и 2 мая, когда рабочие, не приступая к работам, потребовали освобождения арестованных накануне товарищей. Власти, ошеломленные грандиозностью развернувшегося неожиданно массового рабочего движения политического характера, растерялись и заняли уступчивую позицию, в результате чего рабочим удалось добиться освобождения арестованных.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 142.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 27.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 47—48.

Создалось общее возбуждение рабочей массы, на почве которого вспыхнули стихийные стачки на заводах.

Бастовали заводы: Паровозостроительный (2—5 мая), бр. Игнатовых (2—5 мая), Бельгийский (2—8 мая), Гельферих-Саде (3—4 мая). В железнодорожных мастерских борьба за выставленные экономические требования продолжалась от 2 до 16 мая, хотя работы и не прекращались (кроме 2 мая и полдня 8 мая).

Бастующие выставили ряд частных требований экономического характера, среди которых находились два требования общеклассового характера: 1) 8-часовой рабочий день и 2) комиссия из рабочих и администрации для улаживания конфликтов.

«С первомайским праздником и манифестацией, говорится в брошюре «Майские дни в Харькове»,— неожиданно переплелись различные практические требования, предъявленные без соответствующей подготовки и поэтому, конечно, осужденные, в общем, на неудачу» [1].

Это неудачное стихийное переплетение чисто местных и общеклассовых требований В. И. Ленин считал одним из основных недочетов харьковской маевки, так же как и недостаточную организованность руководства ею, которая помешала равномерно распределить силы сознательных рабочих и сохранить втайне от царских властей план демонстрации.

«Мы должны позаботиться,— писал В. И. Ленин — о том, чтобы рабочие сознали эту разницу, чтобы они не сводили требование 8-часового рабочего дня на уровень такого же требования, как требование бесплатных билетов или удаление сторожа» [2].

Стачки на Паровозостроительном заводе и бр. Игнатовых кончились неудачей. На Бельгийском заводе произошел полный расчет рабочих и только на заводе Гельферих-Саде и частично в железнодорожных мастерских рабочим удалось добиться удовлетворения их требований.

Оправившись от страха и растерянности, правительственные власти приняли меры для подавления движения.

Начались репрессии.

С 16 по 24 мая было арестовано 50 рабочих.

Рабочая масса, оставшись без руководителей, была уже не в силах добиться их освобождения.

Произведенные аресты были только началом. Организованность и массовость первомайской демонстрации навели жандармское управление на мысль о наличии подпольной организации. Начались усиленные допросы арестованных и лихорадочная слежка за всеми казавшимися жандармерии подозрительными.

Все это привело к грандиозным арестам 28 октября, произведенным по приказу из Петербурга. К делу о Харьковском комитете РСДРП было привлечено 111 человек и окончилось оно в октябре 1901 г. высылкой руководителей на 3 года под надзор полиции.

Майская забастовка и последовавшие за ней репрессии не прошли даром как для харьковского, так и для всего российского пролетариата; она еще раз ярко показала сущность главного врага рабочего класса — самодержавия и толкнула рабочих на изыскание лучших методов борьбы со всем политическим строем России.

Один из рабочих выразил следующими словами настроение пролетарского населения после майских событий:

«Результаты громадны; рабочие не перестают говорить положительно все, что это только начало, что будет буря и поборемся мы с ней» [3].

Приближающаяся буря, о которой говорил харьковский рабочий, не заставила себя долго ждать. Она, стремительно нарастая (обуховская оборона 1901 г., ростовские события 1902 г., одесская стачка 1903 г., события в Баку 1904 г.),

---

[1] Цитируется по Ленину, Соч., т. IV, стр. 49.
[2] Там же, стр. 49—50.
[3] «Майские дни в Харькове», изд. «Искры», стр. 17.

разразилась в вооруженное декабрьское восстание 1905 г., причем это была не стихийная буря, а сознательное движение рабочего класса, восставшего во главе всего народа против царского правительства.

З. Доброва.

Из отчета Харьковского губернатора за 1899 год [1]

Рост крупной промышленности, вытесняющей постепенно мелкие промыслы и домашние производства, имеет своим ближайшим последствием образование особой группы населения — класса фабричных рабочих. По условиям фабричного производства, рассчитанного в большинстве случаев на непрерывную работу, и по требованиям техники нуждающейся в подготовленных рабочих, рабочий класс в больших центрах перестал быть пришлым элементом, каким он был здесь ранее, когда работы в городах были для крестьянина только одним из видов отхожего промысла, временным занятием, по окончании коего он возвращался в деревню, где и были сосредоточены его главнейшие жизненные интересы. Нынешний фабричный рабочий в большинстве случаев порвал связь с деревнею, чему до известной степени способствует также постепенное измельчание крестьянских наделов и малая доходность сельского хозяйства.

Сделавшись постоянным городским жителем, рабочий утрачивает многие хорошие особенности, свойственные деревенскому обывателю, и прежде всего исконное его миросозерцание, положительное и беспритязательное, покоящееся на указаниях религии и заветах предков. Отчасти под действием чисто физических причин, каковы тяжелый фабричный труд и нередко антигигиенические условия городской жизни, отчасти же под влиянием городских соблазнов, рабочий теряет физическую выносливость и душевное равновесие, присущие сельскому жителю; он делается нервным, притязательным, склонным ко всякого рода мечтаниям. Эти свойства фабричного рабочего пролагают весьма удобный путь к возбуждению в нем недовольства и собственным положением и общественным строем, к чему и направлены в последнее время усилия врагов существующего порядка, к сожалению, сопровождающиеся некоторым успехом.

В отчетном году во многих промышленных заведениях Харьковской губернии замечены были попытки к устройству стачек и забастовок и к предъявлению разных требований по улучшению положения рабочих. Правда, попытки эти были пресечены в самом же начале; но некоторые признаки давали основание находить, что возобновление их в будущем, и при том в более широких размерах, представляется весьма вероятным. И действительно, текущий год дает уже несомненные указания, что в рабочую среду, по крайней мере в крупных центрах, успели уже в некоторой степени проникнуть социалистические идеи о противоположности интересов рабочих и работодателей и о необходимости для рабочих вступить в борьбу за свои попираемые, будто-бы, интересы, причем средствами борьбы должны были бы служить устройство стачек, забастовок, манифестаций и другие подобные способы, в совершенстве выработанные рабочими Западной Европы.

Одним из наиболее распространенных в последнее время в Западной Европе способов для социалистических манифестаций является празднование 1 мая. Этим днем воспользовались и харьковские рабочие для учинения беспорядков, заранее обдуманных и подготовленных.

---

[1] Центральный Архив революции, ДП, о. о. 1898 г. д. № 5, ч. 12, лит. А, лл. 45—46. Печатается с копии.

Оставив в этот день самовольно работы и принудив к тому же угрозами и даже насилием своих более благоразумных товарищей, рабочие пытались большими толпами, в виде процессии, пройти по городу с манифестационными целями, причем были даже попытки выкинуть красные флаги. Остановленные в своем движении по городу заранее приготовленными воинскими частями, рабочие вели себя затем весьма вызывающе, дерзко требовали освобождения арестованных товарищей и настойчиво выставляли свои «требования», в том числе уменьшения рабочего времени до восьмичасового.

Волнения рабочих продолжались несколько дней и были прекращены лишь благодаря решительному, но вместе с тем и осторожному образу действий властей. Расследование беспорядков выяснило, что рабочие действовали под влиянием широко распространенных в последнее время прокламаций, исходящих от разных социалистических кружков, и по программе, рекомендованной этими кружками. Но вместе с тем то же расследование указывает, что рабочие уже в данном случае отнюдь не явились слепым орудием в руках злонамеренных лиц, но что многие из них сознательно выяснили себе преследуемые ими цели, твердо усвоили определенную программу действий и проявили в осуществлении этой программы выдержку и дисциплину. В этом, как я смею полагать, и заключается опасный симптом.

Верно: Начальник Отделения Канцелярии Комитета министров кн. С. Гагарин.

Из донесения начальника Харьковского ГЖУ в департамент полиции 19 апреля 1900 г., № 3219 [1]

Мною получены агентурные сведения, что в гор. Харькове недавно образовался кружок интеллигентных лиц, присвоивший себе наименование «Харьковский комитет Российской социал-демократической рабочей партии»... Комитет предполагает революционную пропаганду вести преимущественно среди заводских рабочих и, с этой целью, старается приобрести связи с рабочими. Для распространения ко дню 1 Мая (18 апреля) обычного воззвания [2]. Комитетом приобретены эти воззвания из типографии «Южного рабочего» [3] в г. Екатеринославе, вместе с брошюрами «Сон под первое Мая» [4], отпечатанные в той же типографии... Полученные воззвания и брошюры Комитет положил распространить среди рабочих к 1 Мая по старому стилю, так как, по мнению Комитета, не все рабочие ознакомились с исчислением нового стиля...

Полковник Маврин.

Телеграмма начальника Харьковского ГЖУ в департамент полиции, 1 мая 1900 г., № 88 [5]

Рабочие двух заводов и железнодорожных мастерских забастовали; между рабочими происходит волнение; приняты меры к недопущению беспорядков. Подробности почтой.

Полковник Маврин.

---

[1] Архив революции, ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 2.

[2] Это воззвание — прокламация РОДРП — «Всемирный рабочий праздник, товарищи. Во вторник, 18 апреля, наступает праздник 1 Мая, великий праздник рабочего люда всех стран», опубликованная в журнале «Летопись революции» № 3(12), 1925 г., стр. 218—220 и в брошюре «Майские дни 1900 г. в Харькове», изд. «Пролетарий», 1930 г., стр. 51—54.

[3] «Южный рабочий» — социал-демократическая группа, издававшая газету того же наименования. № 1 газеты вышел в январе 1900 г., а последний № 12 в апреле 1903 г. По своему направлению «Южный рабочий» был близок к «Искре».

[4] Брошюры «Сон под первое Мая» в архиве не имеется.

[5] ДП, IV, 1908, д. № 4, ч. 40-А, л. 5.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 1 мая 1900 г.[1]

Сегодня утром рабочие железнодорожных мастерских угрозами прекратили работу на керамическом заводе Бергенгейма, затем к обеду постепенно рабочие всех механических заводов без буйства прекратили работу частью самовольно, частью с разрешения заведующих; пока мне известно 8 празднующих заводов с общим числом рабочих около 5 000. Претензий никаких не заявлено, значительных буйств, кроме указанного, нет.

Быков.

Телеграмма прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции Муравьеву, 2 мая 1900 г., № 889[2]

В течение апреля в Харькове разбрасывались прокламации Российской социал-демократической рабочей партии, призывающие рабочих праздновать 1 мая, протестовать против гнета капиталистов и неправды правительства.

Вчера рабочие железнодорожных мастерских и всех крупных заводов Харькова прекратили работу, причем молодежь понудила к тому старших угрозами; старались собраться большой толпой и с пением и красным знаменем шествовать по городу, но заготовленные вперед войска воспрепятствовали. Арестовано 212 ослушников, в порядке охраны. Разыскиваются руководители, которые, вероятно, будут высланы. О подробностях буду доносить почтой.

Прокурор палаты Давыдов.

Донесение начальника Харьковского полицейского управления железных дорог в Департамент полиции, 3 мая 1900 г., № 33[3]

1 числа сего мая, рабочие Курско-Харьковско-Севастопольских мастерских, по примеру рабочих других заводов, расположенных в гор. Харькове и окрестностях, в 5 часов утра после сигнала на работу, собравшись около мастерских, отправились гурьбою на загороднюю площадь, где пропев песню «Дубинушку» направились чрез одну из улиц, тротуарами по два и по три, к одному из заводов, расположенных в центре города, чтобы, соединившись с рабочими этого завода, следовать на другие заводы, но в той же улице им был прегражден путь войсками. Сзади рабочих тоже очутился батальон и рабочие в числе около пятисот человек попались как бы в западню. Вследствие этого рабочие кинулись чрез ворота и калитки во дворы, из которых чрез заборы рассыпались по разным улицам, оставив на месте лишь тех, кто случайно попал в эту толпу и часть своих до полутораста человек, из которых большинство мальчишки от 16 до 20 лет и несколько человек в более зрелом возрасте, но не старше 30 лет. Все они были арестованы и препровождены в тюремный замок. На другой день 2 мая, все железнодорожные рабочие вагонных и паровозных мастерских собрались во дворе паровозных мастерских, но к работе приступить не пожелали, пока не будут освобождены из под ареста их товарищи. Все увещания прибывшего туда харьковского губернатора, мои и начальника отделения подполковника Ковалинского оказались тщетными,— рабочие от работы отказались. Когда уехал г. губернатор, я, имея в виду возбужденность толпы и зная, что по распоряжению

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 28.
[2] М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11380, л. 1.
[3] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 9.

харьковского губернатора рабочие других заводов освобождены, вошел в круг этих рабочих, заставил их водворить полнейшую тишину, стал выяснять им подробно преступность их деяний, при чем предложил им немедленно стать на работы. Рабочие после долгого колебания все согласились стать на работы, но только со следующего дня с 5 час. утра, заявив, что в данный момент они чувствуют себя уставшими и что с половины дня не стоит работать; при этом обратились ко мне с просьбою просить г. губернатора об освобождении их товарищей, заверяя своим честным словом, что они начнут работу с утра и никаких скопищ и вообще беспорядков не будет. Имея в виду, что арестованным уже был составлен список, следовательно о привлечении к дознанию препятствий не будет, я просил по телефону г. губернатора об освобождении железнодорожных рабочих, чем моментально будет прекращен беспорядок. Губернатор освободил арестованных, которые спустя час прибыли в мастерские, где с радостью были встречены своими товарищами, и немедленно все рабочие разошлись по квартирам.

Полковник Захарьяшевич.

Письмо директора Харьковского паровозостроительного завода в правление Русского паровозостроительного и механического общества, 3 мая 1900 г., № 1902 [1]

В дополнение моих предыдущих двух писем о забастовке рабочих [2] имею честь уведомить, что сегодня, 3 мая, прошло следующим образом:

Сегодня с утра забастовал завод Гельферих-Саде, проработавший вчера целый день. После обеда забастовал Бельгийский завод Нагеля, ставший было с утра на работу. Вся эта толпа стояла на Конной площади и беседовала с инспекторами и прочим начальством.

Вообще должно заметить, что местные власти не проявляют должной силы и не внушают рабочим никакого уважения к дисциплине; разговаривают и совещаются с ними и этим растягивают в длину смутное время. Предполагавшаяся однодневная забастовка растянулась и взволновала умы рабочих на долгое время.

Наш завод встал сегодня на работу с утра в полном составе. Но перед обедом начали ходить слухи, что рабочие выбирают депутатов для предъявления каких-то требований и не возьмутся после обеда за работу. После последнего гудка обеденного перерыва в 1½ часа пополудни все цеха однако взялись за работу, кроме машиностроительного, который вышел во двор. Когда я вышел во двор завода, застал всю эту группу разговаривающей со старшим фабричным инспектором. Получив известие, что другие работающие цеха, глядя на забастовавший цех, начинают волноваться, я предложил толпе войти в свой цех. Старший же фабричный инспектор заявил ей, что с целою толпою он разговаривать не может и предлагает нескольким депутатам этого цеха явиться в контору завода для заявления ему своих требований.

Депутация эта заявила разные незначительные требования их местного внутреннего характера, основанные исключительно на недостаточности заработка.

После приема этой депутации стали уже и по всем прочим вставшим на работу цехам собираться группы рабочих, решивших от каждого цеха послать своих депутатов, но уже с требованием 8-часового рабочего дня и прекращения работ по субботам в 2 часа пополудни.

Разошелся завод в 6 часов в полном порядке.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 34.
[2] Упомянутых писем в деле не обнаружено.

Из изложенного вы усмотрите, что брожение еще не улеглось; работа вследствие этого движется чрезвычайно вяло и неуспешно, что отразится на производстве текущего месяца. Меня и моих сослуживцев это напряженное состояние утомило до последней степени. Три последние дня мы совершенно были лишены возможности заниматься текущими делами, будучи всецело поглощены работой и старанием ввести выбившееся из колеи движение в его нормальное состояние.

П. Риццони.

Из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции Муравьеву, 4 мая 1900 г., № 904 [1]

В дополнение к телеграмме от 2 сего мая имею честь донести вашему высокопревосходительству нижеследующее:

Первого сего мая рабочие Харьковских железнодорожных мастерских в количестве около одной трети всех рабочих собрались на работу, но вскоре оставили мастерские и с шумом и свистом вышли на улицу. По требованию полиции они разошлись, но по прошествии короткого времени опять собрались толпой и пытались устроить шествие с красным платком, привязанным на палку. После того, как они отказались разойтись по требованию полиции, были произведены аресты, причем задержано 164 человека, из которых однако же 32 человека тотчас же отпущено, как попавшие в толпу случайно, остальные же 132 человека отправлены в пересыльную тюрьму. В тот же день около трех часов рабочие паровозостроительного завода, железнодорожных мастерских и Бельгийского механического завода собрались на Конной площади и пытались устроить шествие с песнями, имея в руках красные значки; из участвовавших в этой толпе было задержано 80 человек, которые также были отправлены в пересыльную тюрьму...

Прокурор палаты Давыдов.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 4 мая 1900 г. [2]

Второго мая все мелкие заводы Харькова, завод Бельгийского товарищества перестали работать с 8 часов утра; в Паровозном работали две трети рабочих целый день, третьего работали все кроме Гельферих. Сегодня с утра не работали: Бельгийский завод, два мелких завода и с обеда Паровозный завод. Положение осложняется; со вчерашнего вечера появились требования: уменьшения рабочего дня и увеличения расценков. Сегодня после обеда не работало в сумме 3500.

Быков.

Из письма директора Харьковского паровозостроительного завода в правление Русского паровозостроительного и механического общества, 4 мая 1900 г., № 1903 [3]

Сегодня 4 мая Бельгийский завод Нагеля продолжает забастовку в полном составе. Сегодня рабочим этого завода объявлено, что все рабочие без исключения рассчитываются.

Забастовка проявилась даже в таких слоях, где ее никак нельзя было ожидать. Забастовали рабочие одной кузницы, расположенной в

[1] М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11380, л. 2.
[2] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 31.
[3] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 34—35.

городе, занимающейся ковкой лошадей и починкою экипажей. Забастовала, говорят, партия портных.

Наш завод вышел на работу в количестве 2700 человек. Наибольшее число отсутствующих падает на модельный и машиностроительные цеха. Эти два цеха по настоящее время еще не успокоились и надо полагать, что после обеда в них работа снова остановится.

Причина продолжающегося брожения заключается теперь в том, что в мастерских казенной К.Х.С.[1] ж. д. на требования рабочих об установке 8-часового рабочего дня и прочих требований внутреннего характера, жандармское начальство им заявило (это доподлинно известно), что их требования внутреннего характера будут удовлетворены, что же касается 8-часового рабочего дня, то пусть они подадут заявление, которое начальство рассмотрит и, вероятно, удовлетворит. После этого рабочие мастерских К.Х.С. ж. д. встали на работу в ожидании исполнения данных им обещаний.

Рабочие же нашего завода, ссылаясь на обещания, данные рабочим железнодорожных мастерских, хотят этих же льгот достигнуть и для себя — вот причина их теперешнего брожения.

Скорого успокоения умов при таких условиях ожидать нельзя, наоборот, скорее можно ожидать усложнений вследствие неумелого и ненадлежащего обращения властей с рабочими...

П. Риццони.

Из донесения харьковского губернатора министру внутренних дел Сипягину, 5 мая 1900 г., № 2090[2]

Большое количество появившихся за последнее время среди рабочего населения Харькова прокламаций различного типа[3] и собранные жандармским ведомством и полицией агентурным путем сведения с достаточной достоверностью указывали на то, что день 1 мая, то-есть так называемый «праздник рабочих», здесь пройдет не бесследно, причем мало-по-малу было выяснено, что, в случае возникновения каких-либо беспорядков, инициатива таковых должна исходить от рабочих железнодорожных мастерских, в коих постоянно занято свыше 4000 человек. По сведениям, составленным теми же агентами, за сим было дознано, что к этим рабочим предполагают присоединиться за сим рабочие Харьковского паровозостроительного завода, на котором считается до 3500 человек разных цехов, с машиностроительного завода Бельгийского общества (до 500 человек) и с некоторых других более крупных заводов и фабрик, а также что забастовщики будто бы намерены силою противодействовать своим более благонамеренным товарищам стать на работу.

Такие данные, доходившие до меня с разных сторон, вынудили меня обратить на дело особо тщательное внимание. Накануне 1 мая я пригласил к себе на совещание прокурора судебной палаты, вице-губернатора, всех наличных представителей жандармского ведомства, в том числе начальников железнодорожных жандармских управлений, фабричного инспектора, командира 10 армейского корпуса, к коему я обратился с просьбой заблаговременно назначить на случай надобности в мое распоряжение части войск и некоторых других лиц,

---

[1] Курско-Харьковско-Севастопольская ж. д.

[2] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 23—28.

[3] Кроме основной прокламации (см. прим. на стр. 193) перед 1 мая в Харькове распространялась прокламация, напечатанная в типографии «Южного рабочего» за подписью Комитета РСДРП («Первое мая. 18 апреля рабочим и работницам всей России ко дню рабочего праздника первого мая Рос. соц.-дем. Раб. партия шлет братский привет»). См. о ней — Ленин, Соч., т. IV, стр. 564, пр. 30).

при этом все имевшиеся у нас сведения были признаны настолько обоснованными, что пришлось приступить к предварительным распоряжениям по охранению порядка на следующий день. С этой целью был учрежден полицейский надзор в тех местностях, где преимущественно живут мастеровые и рабочие вышеуказанных заводов; была организована патрульная служба в течение всей ночи на 1 число, а вблизи мастерских на одной окраине города и у паровозостроительного завода — на другой, были расположены в дворах казенных зданий по батальону пехоты и несколько сотен казаков, с приказанием ни под каким видом не допускать сборищ и, главным образом, не пропускать рабочих в самый город, а удерживать их на окраинах, дабы предотвратить возможность соединения рабочих разных, расположенных на противоположных окраинах города, заводов.

Распоряжения оказались целесообразными: когда в 5 часов утра рабочие вышли из своих домов, чтобы собраться около железнодорожных мастерских, то они были крайне озадачены видом казацких пикетов; когда же некоторые объявили за сим своему начальству, что на работу не станут, то им было предложено разойтись по домам, с предупреждением, что, при малейшем нарушении порядка, виновные будут арестованы. Все попытки со стороны рабочих, собраться толпами или пробраться в город для соединения с товарищами с других заводов, были пресечены и предупреждены, так что в конце концов они вышли за город, где и расположились группами в разных рощах. Лишь два раза и на двух противоположных окраинах города, один раз утром рано, а другой под вечер 1 мая, как то образовались сборища в 150—200 человек, которые запели песни, причем один из присутствующих поднял на шесте нечто вроде красного флага; обе эти партии немедленно были окружены и отведены в тюрьму, где оказалось, что подавляющее большинство участников такой демонстрации совсем молодые люди и даже мальчики. Так как одновременно по всем окраинам города были закрыты все места продажи крепких напитков, то почти совершенно не видно было пьяных среди рабочих, что в значительной мере поддерживало общий порядок. Принцип недопущения возможности соединения рабочих от разных мест в одну толпу и задержания их на окраинах, где они исключительно и живут, имел еще и то благодетельное последствие, что в самом городе никто не знал о происходившем на окраинах, вследствие чего течение обычной городской жизни ни на одну минуту не было нарушено.

2 мая утром я отправился вновь к железнодорожным мастерским, где созвал до 1500 рабочих, лично с ними говорил и при условии, что они немедленно станут вновь на работу, обещал им отпустить арестованных их товарищей.

В тот же день то и другое было исполнено, работы вновь начались, по мастерским и заводам почти в полном составе рабочих, и все вошло в обычную колею. В общем следует признать, что из общего числа насчитывающихся в Харькове рабочих разных видов т. е. 15—17 тысяч человек приблизительно 4—5 тыс. были подготовлены к демонстрации и сознательно шли на таковую, до 4 т. человек отказывались работать в этот день из опасения насилия со стороны товарищей, какового в действительности не было, а остальные, в том числе и кирпичники, составляющие огромное большинство приходящих на лето рабочих, еще не собрались на заводы и в настоящее время лишь начинают съезжаться.

3 мая (когда по всем предположениям весь инцидент следовало считать исчерпанным) рабочие на заводе Гельферих-Саде (производство сельско-хозяйственных орудий) в числе до 500 человек после завтрака объявили, что они на работы не станут, поставив условием своего воз-

вращения исполнение администрацией завода некоторых выраженных ими желаний, впрочем, чисто местного хозяйственного характера. Местные фабричные инспектора немедленно вошли с ними в переговоры, я же приказал им объявить, что если на другое утро они не станут на работу, то будут рассчитаны. Эта мера прекрасно подействовала и в тот же день после обеда уже большинство рабочих, а на другое утро и остальные все возвратились к своим занятиям на завод.

Только что это столкновение было улажено, как после завтрака 4 мая забастовали рабочие на Бельгийском машиностроительном и акционерном паровозостроительном заводах, в общей сложности числом до 3400 человек. Никакие уговоры не подействовали на них, причем здесь ими уже были поставлены требования о сокращении рабочих часов, об увеличении платы и раздавались отдельные голоса с заявлением о желательности введения заграничных порядков. Имея в виду скопление у этих двух заводов, расположенных почти рядом, большого количества рабочих, в числе коих очень большой процент молодежи, и большое упорство забастовщиков, я немедленно распорядился на всякий случай стянуть в эту местность несколько сотен казаков и приказал закрыть все места продажи крепких напитков, дабы при общей возбужденности рабочих предупредить возможность более нежелательных волнений.

Сегодня, 5 мая, огромное большинство рабочих Паровозостроительного завода приступило к работам, за исключением человек 400, находящихся в нерешимости. Но на Бельгийском заводе все рабочие продолжают забастовку и их ныне рассчитывают. Операция расчета происходит в полном спокойствии.

В железнодорожных мастерских работы идут в полном объеме, но рабочие предполагают по возвращении в Харьков начальника Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги предъявить ему свои требования...

О дальнейшем течении дела я буду иметь честь представить вашему высокопревосходительству дополнительно.

Долгом считаю к сему присовокупить, что движение рабочих в г. Харькове по поводу празднования 1 мая имеет все признаки заблаговременной подготовленности, что указывает на существование некоторой организации, направляющей рабочих к определенным целям. Судя по воззваниям и прокламациям, подготовлявшим событие 1 мая, в числе каковых находились даже издания заграничного происхождения, нужно думать, что инициатива и руководительство беспорядками исходили из кругов, стоящих вне рабочей массы. Но если обратить внимание на обнаруженную участниками беспорядков дисциплину и единодушие в действиях, а равно и на то обстоятельство, что среди воззваний к беспорядкам попадались и такие, которые несомненно исходили от малограмотных рабочих, то необходимо признать, что сама рабочая среда, прежде менее доступная для посторонних влияний, в настоящее время, по крайней мере в крупных центрах, представляется в значительной степени уже подготовленной для восприятия и сознательного применения разрушительных идей. В особенности обращает на себя внимание быстрота, с какой происходит усвоение рабочими социалистических идей. Еще в прошлом году праздник 1 мая, служащий для социалистических манифестаций, не вызывал в местных рабочих заметного сочувствия и одобрения, а в настоящем году он пользуется уже широкой популярностью и привлекает массу приверженцев...

Губернатор Тобизен.

Письмо директора Харьковского паровозостроительного завода в правление Русского паровозостроительного и механического общества, 5 мая 1900 г., № 1911 [1]

Сегодня 5 мая в 5½ часов утра собрались на улице около нашей проходной конторы я, г-н Зелих и все начальники цехов для предупреждения образования около входа партии рабочих (нашего и чужих заводов), препятствующих входу в завод. В некотором отдалении стояли драгуны.

В завод пришло 2400 человек. Внутри завода около отхожих мест расставлена мною полиция для воспрепятствования образованию в отхожих местах сходок.

В обеденное время будут от нашего завода до переезда железной дороги расставлены войска для оттеснения посторонних рабочих, приход коих с целью агитации мы ожидаем со стороны Бельгийского завода, который закрыт со вчерашнего дня и где сегодня рассчитывают поголовно всех рабочих в количестве 500 человек.

В течение всего обеденного времени будем стоять около проходной конторы со стороны улицы я, г-н Зелих и начальники цехов для обеспечения свободного прохода рабочим, желающим работать.

Тем не менее за послеобеденную работу я не ручаюсь и весьма возможно, что работа снова не состоится.

Город Харьков находится на военном положении. Постановление харьковского губернатора при сем прилагаю [2]. Вследствие вышеизложенного я телеграфировал сегодня: «Сегодня утром вышло на работу 2400 человек. Завод не закрываем. В послеобеденной работе не уверен, все меры предосторожности, охраны приняты. Ожидаю вас», что настоящим подтверждаю.

П. Рицциони.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 5 мая 1900 г.[3]

Сегодня Паровозный спокойно работает, но не вышло 500 рабочих. На Бельгийском машиностроительном с утра все рабочие расчитаны согласно предупреждению.

Быков.

Телеграмма харьковского губернатора министру внутренних дел Сипягину, 9 мая 1900 г., № 1082 [4]

13 и 14 мая по приказанию командующего войсками из Харькова выводятся в Чугуевский лагерь все войска, благодаря содействию коих

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 36.

[2] 5 мая по городу, главным образом в рабочих кварталах, было расклеено «обязательное постановление» харьковского губернатора от 2 мая, которое, в силу положения об усиленной охране государственного «порядка», гласило:

«1. Воспрещаются всякие сходбища и собрания, как на улицах, площадях и в садах, так и в других общественных и частных местах и зданиях, без надлежащего на то разрешения.

2. Сборища, образовавшиеся случайно или по уговору, должны немедленно прекратиться, а участники их должны разойтись по первому требованию полицейских властей.

3. Лица, виновные в нарушении указанных требований, будут подвергнуты, в административном порядке, штрафу в размере до 500 рублей или аресту до 3-х месяцев.

4. Такому же взысканию будут подвергнуты также лица, изобличенные в подстрекательстве и попустительстве по проступкам, предусмотренным настоящим обязательным постановлением» (ДП, о. о., 1898, д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 31).

[3] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905 гг., л. 32.

[4] ДП, о. о., 1898, д. № 5, ч. 12, лит. В. л. 11.

наружный порядок за время стачек не нарушался. Теперь, хотя волнение среди рабочих частных заводов улеглось, но в железнодорожных мастерских рабочие упорно отстаивают свои требования, изложенные в представлении 5 мая и вчера вновь, ослушавшись начальника дороги, ушли с работ двумя часами ранее срока, установленного для их окончания, это дает повод опасаться возникновения новых осложнений и я считаю долгом почтительнейше просить о немедленном сношении с военным министром на предмет распоряжения телеграммою об оставлении в Харькове еще на месяц двух полков — пехотного и казацкого; подробное донесение следует почтою.

Губернатор Тобизен.

Из донесения старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 17 мая 1900 г., № 20 [1]

Считаю долгом представить департаменту Торговли и Мануфактур подробное донесение о забастовках на заводах города Харькова 1—5 сего мая.

30 апреля г. начальник губернии устно сообщил мне, что по сведениям полиции те беспорядки, которые заранее подготовлялись среди рабочих города Харькова, выразятся прежде всего в забастовке рабочих мастерских Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги (около 2400 рабочих), которые предполагают пойти толпой на другой конец города по направлению к Паровозостроительному заводу (около 3300 рабочих), рабочие же последнего завода, узнав о забастовке рабочих железнодорожных мастерских, предполагают выйти к ним навстречу для того, чтобы пройти большой процессией по городу.

Вследствие сего мною был командирован с раннего утра 1 мая на Паровозный завод фабричный инспектор Кошечкин. В настоящее время по личным моим наблюдениям, по донесениям г. Кошечкина и других фабричных инспекторов, а также и по сообщениям, полученным из посторонних источников, является возможность составить нижеизложенную картину всех происшествий 1 мая.

Рабочие железнодорожных мастерских, явившись в этот день в свое время к станкам, за работу не принимались, а двинулись к близ лежащему заводу керамических изделий Бергенгейма (до 300 рабочих) и, столпившись перед воротами, угрозами требовали, чтобы рабочие этого завода бросили работу. Рабочие Бергенгейма, побуждаемые страхом, а частью, быть может, и по заранее составленному уговору, бросили работу около 7 часов утра. Дальнейшее движение толпы рабочих было преграждено войсками. Но, несмотря на то, отдельные группы забастовавших рабочих разошлись по окраинам города, распространяя между рабочими других заведений известие о забастовке; везде, куда достигал этот слух, рабочие бросали работу, объясняя администрации заведения, что они боятся остаться на работе, так как забастовавшие товарищи, если они к забастовщикам не примкнут, их побьют. В каких пределах это объяснение, всюду повторявшееся, было искренне и насколько оно служило лишь предлогом уйти с работы — сказать весьма трудно, но по личным наблюдениям моим и гг. фабричных инспекторов, я могу утверждать, что некоторая часть рабочих действительно была так напугана, что заявления ее заслуживали доверия. Многие заведения совершенно не ожидали забастовки. Так, например, в 9 часов утра заведующий заводом Пильстрема (180 раб.) известил меня, что работы идут совершенно правильно и спокойно, при полном составе рабочих кроме двух человек, а в 9½ час. он уже сообщил по

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905 гг., лл. 44—46.

телефону, что все рабочие сразу, без всякого шума, бросили работу и, заявив об указанных опасениях, ушли с работы. Чем дальше был расположен завод от железнодорожных мастерских, тем позднее он останавливался.

До 11 часов забастовали заводы: Бергенгейма, товарищества «Бельке, Ремизова и Крутель» (260 рабочих), Пильстрема (180 рабоч.), мастерская Шиманских* (42 рабоч.), половина рабочих в слесарно-кузнечной мастерской бр. Игнатовых (120 рабоч.), мастерская фон-Дитмара (25 рабоч.).

Крупнейший из харковских заводов — Паровозостроительный (3300 рабоч., из них около 400 в ночной смене) начал работу вполне спокойно; в 8 часу утра рабочие стали уходить малыми группами; в 9 часов забастовал машиностроительный цех (480 рабоч.); к 11½ час. оставили работу еще 2 цеха и после обеда на работу не вышел никто; в 11 часов часть рабочих Паровозостроительного завода направилась к Машиностроительному заводу Бельгийского товарищества (530 рабоч.) и, став у ворот, начали кричать, чтобы рабочие завода бросили работу. В то же время отдельная группа людей обошла завод и бросила несколько камней в окна верхнего света модельной мастерской. Рабочие Бельгийского завода сейчас же оставили работу и обратились к директору с заявлениями[1] об угрозах товарищей и с просьбою их отпустить. Просьба эта была заводом уважена. Затем толпа, остановив таким же способом работу на котельном заводе Штейке (40 рабоч.), отправилась к последнему из крупных харьковских механических заводов — к заводу сельско-хозяйственных орудий Гельферих-Саде (445 раб.) и пришла туда к 12 часам. Войска, стоявшие вблизи завода, устрашили толпу и не дали ей подойти к самому заводу Гельфериха, однако рабочие здесь, как и в других местах, ссылаясь на опасение быть побитыми, просили их отпустить, и директор завода разрешил им не выходить после обеда.

Должно заметить, что три последние завода — самые крупные в Харькове — расположены в недалеком друг от друга расстоянии на малозаселенной и слабозастроенной окраине, вне тех частей города, которые охранялись приготовленными войсками, почему движение рабочей толпы между этими заводами происходило сравнительно свободнее, чем в других местах. Толпа эта однажды была рассеяна казаками; ни раненых, ни побитых при этом не оказалось, но 85 человек были арестованы и выпущены лишь на другой день.

В 3 часу дня, с согласия директора, прекратил работу последний значительный механический завод г. Харькова — Трепке (120 рабоч.) и таким образом к 3 часам 11 подчиненных фабричной инспекции заводов не работали и забастовало около 5140 рабочих; присоединяя сюда железнодорожные мастерские, мы получим 12-ть[2] заведений и около 7½ тысяч забастовщиков.

Настроение рабочих в этот первый день беспорядков было вполне мирное и никаких требований, касающихся отношений фабрикантов и рабочих, заявлено не было.

2 мая с утра не работали железнодорожные мастерские, рабочие которых просили освободить задержанных накануне сотоварищей[3], когда же выяснилось, что все те, которые были задержаны накануне, могут быть выпущены, то рабочие мастерских решили с 3 числа стать на работу.

---

[1] 23 рабочих на этом заводе не прекращали работу. (Прим. в подлиннике).

[2] Все 12 заведений, кроме завода Бергенгейма, машиностроительные или кузнечно-слесарные (Прим. в подлиннике).

[3] В общей сумме было задержано 250 рабочих, в том числе около 60 рабочих заводов, подчиненных фабричной инспекции (Прим. в подлиннике).

Так как уже 4 числа все мелкие и средние заводы в Харькове работали, то должно отметить, что из заведений, подведомственных фабричной инспекции, после 1 числа серьезное участие в беспорядках принимали лишь 3 завода: 1) Паровозостроительный, 2) машиностроительный Бельгийского товарищества и 3) сельско-хозяйственных машин Гельферих-Саде. Только этих заводов и будет касаться последующая часть донесения.

2 мая на этих заводах с утра замечалось беспокойное настроение рабочих, при чем на Паровозостроительном вышло на работу около 2200 из 3300, на Бельгийском — 430 из 530 и у Гельфериха 400 из 445. Бельгийский завод забастовал в 8 часов утра. На Паровозном заводе машиностроительный цех, самый беспокойный и хуже других поставленный (480 рабоч., из коих вышло 330), дважды собирался в толпу на дворе, но оба раза удавалось уговорить рабочих стать на работу. Просили рабочие лишь о выпуске арестованных. Группа рабочих из машиностроительного цеха отправилась по другим отделам завода и желала заставить их прекратить работу, но потерпела неудачу. Известие об освобождении задержанных накануне произвело заметное успокоительное действие, и я надеялся, что после обеда завод спокойно пойдет полным ходом, но одно случайное обстоятельство помешало успокоению рабочих 2 мая. Перед послеобеденным гудком часть их (около тысячи) прошла в завод, а часть (1—1½ тысячи) собралась пред воротами завода. В этой толпе замечалось известное число ранее забастовавших рабочих Бельгийского завода, подговаривавших товарищей не выходить на работу. Рабочие колебались, но большая часть проходила в завод. В это время по дороге проходила без офицера полусотня казаков. Мальчишки в толпе начали свистать; было кинуто несколько камней в лошадей; казаки не выдержали и, повернув коней, кинулись на толпу[1]; произошла давка; некоторые получили удары нагайками; некоторые, прижатые к запертым воротам, выломали и повалили их; ударом падающих ворот один рабочий был окровавлен. Этот несчастный случай возбудил толпу; громадное большинство ее уже не пошло на работу и здесь 2 мая после обеда, в первый раз в продолжение этих беспорядков, раздались еще разрозненные и робкие крики о чрезмерной продолжительности рабочего дня, о низких расценках и т. п. Толпа расходилась крайне медленно и из той ее части, которая оставалась дольше всего на месте, я, впервые за 11 лет службы, услышал при стачке отдельные возгласы о желательности разрешения свободного празднования Первого мая, о свободе сходок и о свободе печати. Несмотря на рассказанный случай, около 1700 человек продолжало спокойно работать на заводе до вечернего гудка.

В этот день на заводе Гельфериха после обеда рабочие, столпившись и не предъявляя никаких требований и желаний, колебались идти на работу, но, после долгих уговоров, я увидел, что около 350 человек вошло в мастерские, они спокойно проработали до вечера. 3 мая работы обычным путем начались на всех трех заводах. Дальнейшее же течение беспорядков на каждом из трех больших механических заводов Харькова представляет существенные отличия и будет изложено особо.

I. Завод сельско-хозяйственных машин товарищества Гельферих-Саде (445 раб.)

3 числа рабочие, в числе 370 человек, спокойно работали до завтрака. После завтрака, столпившись перед воротами, они не пошли на

[1] Урядник, ведший полусотню, как мне передавали, уже разжалован (Прим. в подлиннике).

работу. Из толпы были обращены ко мне некоторые требования, которые позднее были формулированы избранными от рабочих лицами и сводятся к следующему.

1) В субботу и под праздники оканчивать работу в 5 часов вместо 5½ (что составило бы 9½ рабочих часов в день).
2) Расценок повысить.
3) На все работы вывесить расценки.
4) Устранить случающиеся на заводе неправильные подсчеты аккорда.
5) Устранить грубое обращение мастеров.
6) Выдавать перед уплатой заработка подсчитанные книжки за несколько дней до выдачи денег, чтобы все рабочие могли бы проверить расчет до получки.

Выбранным рабочим было указано, что заявления их могут быть расследованы лишь после того, как они станут на работу, при чем объяснено, что первые два их желания не могут быть удовлетворены, а все другие, при тех хороших отношениях, которые на этом заводе существовали между рабочими и хозяином, было бы целесообразнее сообщить фабричной инспекции в обычное время путем заявления отдельных жалоб и претензий. Всем рабочим предложено встать на работу после обеда. Однако после обеда вышло в завод лишь 60 человек, но на другой день утром (4 числа) все рабочие вышли на работу и порядок на заводе более не нарушался.

II. Машиностроительный завод Бельгийского товарищества (530 рабочих)

3 мая завод начал работать почти полным составом рабочих, но в мастерских замечалось беспокойное настроение. Была избрана депутация для переговоров с фабричной инспекцией. Прибывший на завод фабричный инспектор Кошечкин объяснил рабочим, что он может принять избранных рабочих только в том случае, если остальные будут продолжать работу. Весь завод спокойно работал до вечера, выборные же от рабочих заявили следующие претензии.

1) Установить на заводе праздники в дни 9 мая и 6 декабря (св. Николая), так как эти праздники празднуются другими заводами Харькова.

2) Не штрафовать местных рабочих за прогулы в дни перенесения иконы озерянской божьей матери из Харькова в Куряжский монастырь и обратно (22 апреля и 30 сентября). Все четыре упомянутых дня высоко почитаются местным населением и управление завода сразу согласилось удовлетворить эти желания рабочих.

Дальнейшие требования заключались в следующем:
3) Установить 8-часовой рабочий день.
4) Уничтожить штрафование.
5) Расценки повысить.
6) Составить расценки при участии представителя рабочих каждого цеха.
7) Составлять расценки полнее и яснее.

Рабочим было объяснено, что 3, 4, 5 и 6 их заявления не имеют под собой законного основания, а 7 вопрос может быть разобран лишь при обычном течении дел на фабрике.

Хотя завод, как было сказано, доработал 3 мая вполне спокойно, но на другой день 4 мая, вызванный с завода Гельфериха в 6½ часов утра, я нашел всех рабочих Бельгийского завода столпившимися на дворе. На работу не шел никто и все требовали удовлетворения части

своих вчерашних претензий, которые были заявлены мне в несколько измененной форме. Желания рабочих сводились к следующему:

1) Уничтожить или по крайней мере понизить штрафование за прогул половины дня.

2) За прогул целого дня штрафовать в размере половины дневного заработка, как то делается на некоторых заводах.

3) Расценки повысить.

4) Расценки составлять в присутствии представителя от рабочих.

5) Расценки составлять яснее и полнее.

Рабочим было вновь объяснено несогласие первых четырех из перечисленных требований с законом и предложено стать на работу. При разговоре с толпой выяснилось, что многие рабочие становиться на работу не желают. Согласованность поведения рабочих различных заводов (о Паровозостроительном заводе см. ниже) давала основание предполагать, что вполне миролюбивое разрешение неудовольствия для всех заводов города Харькова вряд ли возможно.

Майская забастовка рабочих с вечера 2 мая, когда впервые появились заявления об изменении условий работ, перешла уже в стачку. В это время, как мне казалось, было уже необходимо на сравнительно небольшом заводе постараться показать рабочим бесплодность всего их поведения, нарушающее правильное течение промышленной жизни. Это было особенно желательно вследствие того, что в железно-дорожных мастерских, как я накануне узнал из достоверного источника, лицо, имеющее официальное положение, приняло от рабочих заявления о некоторых, выходящих за пределы закона, желаниях их, касающихся сокращения рабочего времени и т. п. В виду того, что заявление это было принято, насколько известно 2 мая, появление на заводах Гельфериха, Бельгийского товарищества, Паровозостроительном (см. ниже) изложенных требований рабочих 3 мая было особенно знаменательно. Приняв в соображение все вышеуказанные обстоятельства, я предложил рабочим Бельгийского завода утром 4 числа немедленно стать на работу; было объявлено, что все те, которые не выйдут на работу 4 числа после обеда, 5 числа утром получат окончательный расчет. На работу не стал никто и 5 числа заводом было расчитано 370 рабочих, а 6 остальные. 8 мая завод начал новый прием рабочих...

III. Паровозостроительный завод Русского паровозостроительного и механического общества (3300 рабочих)

Хотя на Паровозостроительном заводе удалось избегнуть таких решительных мер, как расчет всех рабочих, примененный на заводе Бельгийского товарищества, но нет сомнения, что стачка рабочих именно этого завода должна быть признана с точки зрения фабричной инспекции самой серьезной из харьковских забастовок 1—5 мая. Я позволю себе здесь высказать предположение, что именно расчет рабочих Бельгийского завода подействовал отрезвляющим образом на паровозников и весьма возможно, что без этой так сказать предупредительной меры движение рабочих Паровозостроительного завода приняло бы значительно более широкие размеры. Размеры завода, выяснившаяся для меня во время беспорядков неудовлетворительность организаций работ в одном из значительных цехов[1], бестактность администрации завода в отношениях к рабочим и недостаточная внимательность к указаниям инспекции служит основаниями вышеприведенному мнению...

---

[1] Машиностроительный — 480 рабочих.

3 мая (после печального случая с казаками 2-го числа) рабочие вышли в завод в числе 2690 человек (из 2880 дневной смены), утром работали спокойно; в машиностроительном цехе из полного комплекта 480 человек вышло около 340. После обеда этот цех собрался группой во дворе и стал заявлять различные требования помощнику директора Г. К. Зелиху, фабричному инспектору Кошечкину и мне.

Цеху было предложено избрать нескольких лиц для переговоров; рабочие выразили опасение, что избранные депутаты будут уволены; г. Зелих дал им слово, что они уволены не будут.

После нескольких колебаний рабочие выбрали 15 человек, а остальные все стали спокойно на работу и весь завод проработал так до вечера. Приглашенный к объяснению с выборными Г. К. Зелих не пожелал при этом присутствовать, при окончании объяснения присутствовал директор завода П. П. Риццони, также обещавший выборным, что они не будут удалены. От имени рабочих были заявлены желания, частью касающиеся именно машиностроительного цеха, частью всего завода...[1].

После изложенного объяснения с выборными от рабочих машиностроительного цеха, длившегося более 2-х часов, завод, как уже сказано, спокойно проработал до вечера.

4 мая с утра завод работал спокойно, но вышло на работу рабочих меньше, чем накануне (около 2200 рабоч. против 2690); во время обеда часть рабочих, вероятно опасаясь беспорядков, осталась в мастерских; когда же ушедшие на обед стали возвращаться в завод, то часть рабочих оказала им сопротивление силой: некоторых останавливали криками, некоторых прямо отталкивали из ворот. Хотя немедленно были приняты меры к тому, чтобы проход к воротам оставался свободным, но многие уже не решались идти в завод.

Группа рабочих приблизительно в 200 человек обратилась ко мне с просьбою провести их в завод, но когда она пошла к воротам, остальная толпа, надвинувшись, рассеяла эту группу. В толпе слышались крики о том, что желания, накануне заявленные депутатами, ни в чем не удовлетворены. Произошла свалка, поднялись крики, часть рабочих стала швырять камни, так что я в виду предосторожности просил полицеймейстера вызвать сотню казаков. Но толпа быстро, как бы кем то дисциплинированная, успокоилась и когда через час подошли казаки, все было уже совершенно тихо. Однако рабочие, ранее пришедшие в завод, бросили работу и почти весь рабочий персонал завода, без буйств и криков, остаток дня провел столпившись на улице близ завода. Им было объявлено, что они обязаны в обычное время выдти на работу. В этот же день завод до вечера не работал. На другой день все рабочие вышли на завод и с тех пор обычное течение заводской жизни не было ничем нарушено. Считаю уместным повторить, что успокоение рабочих Паровозостроительного

---

[1] Дальше опускается перечисление требований Паровозостроительного завода, которые сводились к следующим пунктам:

1) В субботу кончать работу в 2 часа.
2) Прекратить принуждения мастеров к выполнению сверхурочных работ.
3) Не штрафовать за опоздание после ночной работы, выполняемой по принуждению мастеров.
4) Уничтожить взыскание за прогул.
5) Не штрафовать за прогулы 1 и 2 мая.
6) Увечных оплачивать из средств завода, а не из штрафного капитала.
7) Повысить расценки.
8) За сдельную работу не оплачивать по поденному заработку.
9) Оплачивать «заделку» мелких неисправностей.
10) Улучшить оборудование и организацию работ в механическом цехе, так как это отражается на заработке, который крайне низок.

завода в известной мере можно приписать с одной стороны — расчету рабочих, произведенному на Бельгийском заводе; в смысле успокоения, конечно, подействовало и особое объявление о воспрещении всяких сборищ, изданное в ночь на 5 мая г. начальником губернии на основании положения об усиленной охране. Что рабочие Паровозного завода на некоторое время действительно успокоились — лучше всего показывает следующий случай: 6 мая г. Риццони без ведома фабричной инспекции уволил без предупреждения 14 рабочих и в том числе четырех выборных, относительно которых он и его помощник давали за два дня перед тем публичное обещание, что они ни в каком отношении не пострадают.

Когда об этом узнал присутствующий на заводе фабричный инспектор А. Карпов, то он настоял, чтобы этим рабочим, нанятым на срок неопределенный, было бы уплочено за 2 недели; но даже и при этом условии такое поведение администрации завода вызвало бы крупное неудовольствие рабочих, если бы они ранее сего не пришли в действительно спокойное настроение. Хотя упомянутые 4 рабочих были названы директором завода «агитаторами», но никаких определенных фактов, подтверждающих это заявление, приведено не было. В продолжение же дней 1—4 мая он об этих рабочих ничего никому из представителей администрации не говорил. Случай этот,— о котором я имел особое объяснение с г. Риццони, весьма характерен для отношений, существующих на этом заводе между рабочими и администрацией. Препятствуя в обычное время свободному выражению претензий [1], руководители завода изложенным поступком в высшей степени затруднили на будущее время разъяснение всяких коллективных недоразумений и при забастовках, так как рабочие не пожелают после сего избирать кого-либо для изложения своих претензий инспекции, а самой же инспекции невозможно будет, в виду сказанного, на выборе таких лиц настаивать, объясняться же со всей толпой нельзя. По моему мнению невозможно отрицать, что такое поведение администрации завода: а) затрудняет мирное и спокойное разрешение всяких неудовольствий, б) роняет авторитет администрации завода, г) понижает доверие рабочих как к этой последней, так и к фабричной инспекции.

Старший фабричный инспектор
Харьковской губернии А. Быков.

---

[1] Во время беспорядков были заявления, что рабочих, обращающихся с жалобами к фабричной инспекции, предупреждают об увольнении.

Из истории сношения России с туркменами в XVIII в.

Торговые пути в Среднюю Азию издавна привлекали к себе внимание царизма, стремившегося обеспечить за Россией господствующее положение в торговых сношениях между западом и востоком. Пути эти шли либо сухопутьем через казахские и ногайские степи, либо по Каспийскому морю от Мангишлака до Астрахани.

Однако безопасному следованию торговых караванов из Средней Азии в Россию мешали кочевавшие в степях народы: «хивинские де и бухарские и балховские и индейские торговые люди з большими товары на Русь на Гурьев городок ездить не смеют, потому что де торговым людям бывает шкода и разорение от калмык и от караганских трухменцов грабеж и до смерти побивают и в полон емлют» [1].

Для упрочения за собой путей на восточные рынки необходимо было занять преобладающее положение на перешейке, лежащем между Черным и Каспийским морями, а также на территории занимаемой киргиз-кайсацкими ордами. Значение киргиз-кайсацких орд на торговых путях России с Средней Азией Петр I оценивал так: «хотя де киргиз-кайсацкая орда степной... народ, токмо де ко всем азиатским странам оная орда ключ и врата» [2].

Царское правительство уделяло особое внимание вопросу обеспечения безопасности продвижения торговых караванов в Среднюю Азию через киргиз-кайсацкие степи. В 1763 г. оно заключило специальный договор с киргиз-казахским ханом, по которому «хан всю безопасность идущих сюда на торг и отсюда возвращающихся азиатских купеческих караванов отныне снимает на себя и ежели, паче чаяния, которому каравану когда либо в орде Киргиз-Кайсацкой приключится как препятствие или вред и убыток, за то за все ответственность обязуется он хан сам» [3].

Однако, несмотря на подданство России киргиз-казахов и договоренные отношения их ханов с русским царизмом средне-азиатские торговые караваны нередко подвергались ограблению в киргиз-казахских степях. Поэтому выдвинулась явная небходимость изыскать иные более безопасные торговые пути для русско-средне-азиатской торговли. Более безопасный и близкий путь для средне-азиатской торговли мог лежать Каспийским морем через Мангишлак и далее по восточному побережью Каспийского моря, занимавшемуся туркменскими племенами.

Торговые сношения между Россией и туркменами возникли очень давно. Известно, что астраханские купцы вели торговлю с береговыми туркменами еще в XVII в. Главным торговым пунктом при этом был Тюб-Карганский мыс на Мангишлакском полуострове. Здесь находилась небольшая пристань, куда астраханцы возили морем свои товары.

Еще большее значение сношения с туркменами приобрели в XVIII в. при Петре I, положившем не мало забот об «отворении свободного с товарами пути в Бухары, Бодокшан, в Болх и Индию» [4].

---

[1] МИД, Хив. посольск. кн. № 3, «Статейный список русского посланника Василия Даудова».

[2] «Аму и Узбой», Самара, 1879 г.

[3] ГАФКЭ, Гос. Архив, разр. XVI, дело 5.

[4] Соловьев, т. IV.

Понимая исключительное значение для своего времени водных путей, Петр I обратил особое внимание на их использование и для сношений с востоком. Он даже намеревался использовать с этой целью не только Каспийское море, но и р. Аму-Дарью, повернув ее течение от Аральского моря в прежнее русло.

29 мая 1714 г. Петр дал указ о снаряжении экспедиции в Хиву, а в 1715 году князь Бекович-Черкасский был отправлен на Каспийское море, чтоб осмотрев восточный берег и решить: «правда ли, то, что река Аму-Дарья, произведя свое течение из Бухарии, впадала в то море...»

Бекович узнал, что в туркменской степи есть суходол Куня-Дарья (старая река), который тянется от реки Аму до Каспия. По обеим сторонам суходола видны канавы копаные, старинные жилища, пустые городки «и знатно де в том долу напред сего вода бывала».

В 1716 году, выслушав в Либаве личное донесение Бековича: «что той реки устье знаки в заливе Красноводцком имеются...», Петр вторично послал Бековича с шеститысячным отрядом в Хиву, дав ему наказ построить «над гаваном, где бывало устье реки Аму Дарьи», крепость человек на 1000. Затем ехать в Хиву послом и, осмотрев течение реки и нахождение плотин, если будет возможно, вернуть течение Аму-Дарьи в старое русло, заперев прочие устья, которые идут в Аральское море.

Во вторую свою поездку на Каспийское море Бекович заложил крепости у Тюк-Карагана, у южного конца Красноводского залива и у залива, названного по имени Бековича Александер-бай. В 1717 году Бекович во время похода в Хиву погиб со всем отрядом, а крепости, заложенные им, были разрушены туркменами.

Однако гибель экспедиции Бековича не остановила Петра. В 1722 году Петр, с целью обеспечения русской торговли на берегах Каспийского моря, предпринял поход в Персию. Современник Петра Соймонов, обследовавший восточный берег Каспийского моря и бывший с Петром в Персидском походе, в своем журнале «Описания восточного берега Каспийского моря» [1] пишет, что Петр, укрепляя свои позиции на берегах Каспийского моря, учитывал, что «от Астрабада до Балха и Бодакшана только 12 дней ходу, а там во всей Бухарии, середина всех восточных комерций и тому пути никто помешать не может».

После смерти Петра экспедиции для обследования Каспийского моря продолжали посылаться. Так в 1741 г. к восточному берегу Каспийского моря ездил капитан Тебелев, который был отправлен как бы с торговой целью на судне купца Лошкарева, в 1745 г. ездил капитан Копытовский, в 1764 г. Лодыженский и ряд других оставивших интересные записи о берегах Каспийского моря.

Ниже мы публикуем с некоторыми сокращениями излишних повторений и мелких подробностей путевые журналы капитанов Тебелева и Копытовского, а также переписку Коллегии иностранных дел уже во времена Екатерины II о желательности упрочения торговли через Мангышлак путем устройства там русской крепости, и о методах, которые применил царизм для укрепления своего влияния на туркестанские племена [2].

Публикуемые материалы, дополняя сведения о туркменах, какие уже известны в науке [3], освещают до некоторой степени социальные отношения туркменских племен Закаспия.

Постоянно подвергаясь разорениям со стороны персидских войск, во время нападения Персии на Балх, Бадакшан и Бухару эти племена искали спасения в перемене мест своих кочевий. Так, например, в 1741 г. подданный России калмыцкий хан Дондук Омбо доносил в Коллегию иностранных дел, что вследствие

---

[1] «Описание Каспийского моря от устья р. Волги, от притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой» издана Соймоновым в 1731 г. 2-е издание вышло в 1783 г.

[2] Документов, освещающих сношения Туркмении с царской Россией до XIX в. сохранилось чрезвычайно мало. В ГАФКЭ хранится всего 12 дел, освещающих взаимоотношения Туркмении с Россией в XVIII в., из которых и извлечены публикуемые документы.

[3] См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», изд. Ак. Наук СССР.

наступления персидского шаха Надира на Хиву и Бухару ряд туркменских племен пришел на старые их кочевья Мангишлака[1]. В силу этих обстоятельств, а также испытывая острую нужду в хлебе, эти племена были заинтересованы в налаживании постоянных сношений с Россией, а феодально-родовая верхушка этих племен была даже непрочь вступить в русское подданство, рассчитывая этим путем укрепить свое господствующее положение.

Однако неоднократные просьбы туркменов о принятии их в подданство России не мешали им делать набеги на русские торговые караваны, причем они, не довольствуясь одними товарами, забирали в плен людей, которых потом продавали на рынках Хивы, Бухары и Коканда. Несмотря на то, что туркменские старшины указывали в своих прошениях на желательность построения крепости на Мангишлаке, на самом деле они не проявляли особого желания видеть у себя русские войска, не указывали на берегах Каспийского моря удобные места для построения крепости, даже более, мешали обследованию берега, которое производилось посылаемыми экспедициями из России. Лодыженскому, который объявил, что он ищет места для построения «удобной гавани», туркмены заявили, что они не допустят построения крепости и, мешая производимому обследованию, «стреляли в экспедицию из ружей».

В свою очередь русское правительство оттягивало вопрос о принятии туркменов в подданство, считая, что из этого для России никакой пользы не будет, так как туркмены по мнению царского правительства желали «вступить в подданство, ласкаясь быть впредь безопасными от учреждаемой у них крепости, то коль скоро только опасность миновалась бы, конечно в том раскаялись бы и при крепости не остались, но разошлись бы врозь». Поэтому оно решило «прибрать их к рукам без принятия их в подданство».

Для заслуживания «милости» царизма, было предложено им: «С купечеством Астраханским, которое к ним для их же собственной пользы будет в Мангишлак приезжать, поступать ласково и никогда нахальства, обид и непристойностей не чинить. А которые из тех же Астраханских купцов пожелают от Мангишлака с товарами своими ехать в Хиву и в Бухарию оных не токмо свободно пропускать, но и всякое воспоможение чинить». Кроме того туркменам также было предложено всех русских пленных каким бы не было путем попавших к туркменам вернуть в Россию, а во всех несчастных случаях на туркменских берегах оказывать русским людям помощь, и только после проявления действительных доказательств в исполнении предложенных условий туркменами, русский царизм обещал принять их в подданство.

Вместе с тем царизм пытался использовать для подчинения туркмен своему влиянию подвластных ему киргиз-кайсацких ханов. В Мангишлак был послан в качестве туркменского хана «для лучшего над оным народом смотрения» сын киргиз-кайсацкого хана — Ширали. Но окончательно «прибрать к рукам» свободолюбивый туркменский народ русскому царизму удалось только во второй половине XIX в., когда в результате отличавшихся исключительной жестокостью военных экспедиций царских «белых генералов» туркменский народ был окончательно покорен и подвергся жесточайшему колониальному гнету, от которого его освободила лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

В. Разумовская.

Из журнала капитана Г. Тебелева, 1741 г.[2]

Месяца июня. 12.— По полуночи в 9 часу прибыли к Мангишлакской пристани и легли на якорь расстоянием от берегу с версту, при которой как на берегу, так и на горах жилищ никаких не обрели. Только пополудни в 7 часу приехали на лошедях к берегу трухменцы

[1] ГАФКЭ, МИД, Туркменские дела, д. № 3.
[2] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, д. № 4 1741 г.

пять человек и просили лотки, ис которых перевезли на судно четырех человек. Оные о себе объявили, что они мергени, то есть охотники, ездят для битья зверей и у троих были ружья, которые оставили на берегу, а сидят де они в горах от пристани езды один день в пятнадцети кибитках. а о прибытии де судна народ их еще не знает, понеже де сидят в разных местах по горам, а другие живут на островах весьма не в близости, так что езды от берегу по одному и по два и по пяти дней, и оные де трухменцы все старые называемые по месту мангишловцы. А есть де и новые, но малое число, ибо пришедшие от Хивы многие возвратились назад для того, что там им от персицкой стороны обид никаких не чинитца, и несколько ис трухменцов, а более за скудостию пошли в службу персицкую, которым по указу шаха персицкого выдаетца жалованье рублев по дватцети и более, и, кроме того, об оных трухменцах известия никакого получить не могли, что они сами объявили; не только о пришедших трухменцах, сколько их было, но и о своих, кто где сидит, не знают, только о прибытии судна обещали дать знать другим улусам, и улус де от улуса известятца, которым, яко первым возшедшим на судно, по прежнему обыкновению купца Лошкарева[1] от прикащика ево дано десеть блюд.

Того ж числа пополудни во 2 часу отправлен был толмач Монастырской с трухменцом Менгилием (который прислан был в Астрахань от их трухменских старшин) в лотке до острова, где кочуют старшины Кинжал-Бахша и Канбарбек, который остров лежит от пристани растоянием в дву милях: точию их на дороге захватил противной ветер, за которым до того острова доехать не могли и возвратились назад...

14 июня.— Пополудни в 9 часу толмач Монастырской и с ним трухменские старшины Кинжал-Бахши и Канбарбек с сыном своим и с трухменцами приехали к берегу, где за поздним временем те старшины с своими трухменцами остались на берегу, а толмач с трухменцом Менгилием приехали на судно.

Объявленной толмач Монастырской, что было ему показано, на то объявил следующее, а именно.

Было ему приказано: по прибытии к старшинам объявить, что, по их прошению, от астраханского губернатора его сиятельства князь Михайла Михайловича Голицына для удовольствия их на продажу с хлебными припасами прислан нарочной и имеет от его сиятельства посланное к ним письмо и чтоб для приему того письма и о возстановлении к покупке хлебных припасов и прочего цены знатные их трухменские старшины приехали б на судно, как и прежде бывало без всякой опасности.

Толмач Монастырской объявил: по прибытии ево в 14 числе по утру к показанному острову виделся он прежде с старшиною Кинжал-Бахшею, а потом ездил с ним и к другому старшине Канбарбеку, которым он, что ему было приказано, объявлял, и потом собиралось трухменцов человек з дватцеть, причем от них старшин посыланной трухменец Менгели объявил, что ему от его сиятельства пожалован кафтан и отпущен со удовольствием, и те старшины тот кафтан за ево труды отдали ему. И собрався, они трухменцы в тот же день поехали с ним толмачом Монастырским на судно.

[Монастырский показал:] о намерении и удовольствии их не точию из их разговоров, но и по всему видно есть, что они всегда желают, дабы к ним хлеб привозили, как и прежде бывало.

---

[1] Лошкарев — астраханский купец, имевший свое судно, на котором отправлял из Астрахани товары для продажи на Мангишлаке.

О множестве их народа, что их есть всех, точно признать не можно, понеже на том острову сидит малое число, но и при старших имеется кибиток у Кинжал-Бахши — четыре, у Канбарбека — три, а кроме того, в разных местах кибитки по две и по три и числом всех признать за великостию острова нельзя, к тому ж оные трухменцы сидят не на одном том острову, но и по другим островам в дальных местах и в горах, а оружие у них, как и прежде бывало, сабли и ружье фитильное, а о точном их пребывании, где они жить желают, познать никак невозможно.

[Было ему приказано:] не имелось ли у них, или ныне не имеется ль, калмыцких посланцов или каких собою приезжих калмык; ежели есть или были калмыцкие посланцы, кто оные и от кого посланы и с каким делом и какие от трухменцов ответы и намерения были или будут?

[Монастырский показал:] о калмыках, что у них прежде бывали ль и ныне имеются ль, о том он доподлинно известиться не мог, однако ж между протчими разговорами некоторых посторонним образом спрашивал о калмыках, как они с ними против прежнего находятся и для торгу они трухменцы к ним или калмыки до них ездят ли? Но в том он получил от них ответ, что они калмык у себя уже давно не видывали и спрашивали его толмача, где они ныне и на котором кряжу сидят? Противу того он толмач сказал: калмыки сидят в тех же местах, где и прежде пребывание свое имели, а более он толмач, будучи тамо, обстоятельного известия получить не мог, понеже уведать вскоре было не чрез кого.

И в тот же день поехали с ним старшины Канбарбек и Кинжал-Бахши и при них вышеобъявленные трухменцы.

Месяца июня.— Пополудни в 6 часу старшины и при них обретающиеся трухменцы прибыли на судно, и, как оные сели, тогда я им по силе данной инструкции пристойным образом, что надлежит, представил и от них на то в ответ получил следующее. А именно.

Было представлено: 1. Посланной ваш трухменец Менгели, по прибытии в Астрахань, г. губернатору его сиятельству князь Михайлу Михайловичу Голицыну объявил, что послан он от вас старшин при другом трухменце Адны Дурды абызе, у которого имелось от вас письмо, но оной Адны Дурды абыз, будучи в пути, от него Менгелия отлучился, а что в том письме было писано, того он не знает, токмо по словесному от вас приказу доносил, что вы старшины с трухменским народом перешли для житья в сие урочище Мангишлак и просите, дабы с русскими по прежнему возобновить торг и для договору в торгу послать к вам нарочного з довольным числом хлеба и протчего. Токмо посланного вашего трухменца Адны Дурды абыза с письмом чрез несколько времяни ожидали, дабы на то ваше письмо удовольствовав, с потребным ответом их к вам возвратить, только тот трухменец не явился, и чтоб время не упустить, уверяясь ево Менгелия словесное от вас прошение, на удовольствие вашего народа на продажу несколько хлебных припасов и протчего отправлено со мною, и вы имеете приказать дать торг, как и прежде обыкновенно бывало. А как оной запас и протчее продастся, прикажите к его сиятельству со мною отправить известие, с каким письмом от вас трухменец Адны Дурды абыз был послан и, что впредь вам потребно будет присылать, о том обстоятельно отпишите, в чем его сиятельство к вящшей вашей пользе возможные способы употребить изволит, а ваш показанной трухменец Менгели отпущен из Астрахани со удовольствием.

И на оное в ответ получено.

В Астрахань мы посылали с письмом просить, чтоб к нам прислано было хлеба, и что его сиятельство ныне прислал к нам нарочного и на

продажу хлеба, за то благодарствуем, только другой от нас посланной куды девался, того де подлинно не знаем, но разве де не заехал ли он в калмыцкие улусы за своею нуждою и там зачем не замедлился ль. А писали де мы в Астрахань о присылке хлебных припасов, хотя судна два или три, понеже приехавших от Хивы при Мангишлове имелось немалое число, и желаем, чтоб и впредь к нам на продажу хлеб привозили, как и прежде бывало. А из Хивы трухменцы к нам в Мангишлов приезжали, когда персицкой шах с своими войсками приходил под Хиву [1]; тогда они, не хотя быть под ево владением, оттуды отошли и пришли в наши места прошедшею осенью и за недостатком в здешних местах воды и корму, сидеть не захотели, понеже у них было скота много; а как настала весна, и трава появилась, тогда пошли возвратно, а где ныне находятся, о том подлинно не знают, а в наших [2] местах осталось малое число, которые сидят между нашими кибитками, а сколько их всех числом, знать невозможно, понеже трухменцы наши сидят по разным местам, а мы де на здешнем месте, имянуемом Мангишлове, живем издавна, назад тому з двести десеть лет, и от самой Енбы кочевьем распростираемся до Тюк-Карагана, переходя с место на место, где кому будет угодно, а протчие, якоже бы старшины Бахши и Канбарбек и другие, сидят на островах для опасности от касак, которые часто, приходя партиями, нападают, как и нынешнею весною случилось, чего ради от трухменцов послано было три партии, которые у кайсак несколько лошадей и ясыря [3] отогнали. Токмо от кайсак была высылка, которая на трухменцов напала, и у остальной партии отогнанных и их трухменских лошадей и ясыря малое число взяли. А ныне недавно они касаки присылали к нам дву человек просить миру о размене ясыря; то де мы во уверение, что того желаем, отдали им ясырей дву человек и приказали, дабы они к нам прислали хороших стариков дву человек, с которыми б могли учинить договор; а как мы были прежде подвласны калмыцкому хану, тогда, с калмыками сообщась, ходили на касак и их разоряли, хотя в то время касаки к нам подъезжали, токмо мы с калмыками от них отпор и достойное отмщение чинили, а ныне нас в здешних местах против прежнего находится малое число и для того имеем от них, касак, опасение.

По окончании оной речи, просили они трухменцы, чтобы им дать торг, тогда я им посланное письмо вручил и представил, чтоб они то письмо, как пристойнее при ком надлежит, прочли и на оное учинили достойной ответ.

Как я усмотрил, что более того разговоров от них не будет, но паче требовали, чтоб в продаже муки договор учинить, а по состоянию их к разговору впредь привести будет не можно и некогда, того ради представил им следующее.

Когда вы бывали напредь сего подвласны калмыцкому хану и от того имея себе пользу, что, сообщась с калмыками, жилищи свои от нападения кайсацкого охраняли и желаете, дабы по прежнему к вам запас хлебной и протчее для ваших нужд на продажу привозили весьма изрядно, и ежели желаете быть под высокою его и. величества [4] всемилостивейшею державою, то, будучи в протекции его и. величества, весьма милостию его и. величества и во всем удовольствии пользоваться можете, того ради мой дружеский совет вам представляю: не лутче ль для такой своей пользы и в чем ваша состоит нужда отправить в Астрахань от себя нарочных кого из старшин человека два или

[1] См. стр. 238.
[2] Т. е. на Мангишлаке.
[3] Пленных.
[4] Царя Иоанна Антоновича.

три, которые б могли его сиятельству о всем обстоятельно донесть и переговорить персонально, что его сиятельство к пользе вашей изволит надлежащим образом доброй способ учинить.

[Старшины отвечали:] мы де, как прежде, так и ныне, всегда состоим под державою его и. величества, как де вы, так и мы, почитаем одного государя российского и оной совет твой очень приемлем за благо, чего ради от себя отправить с прошением нарочного человека доброго готовы; и старшина Канбарбек показал на своего сына, именуемого Бек Амурата, которой не з большим в тритцеть лет. Мы де отправим ево с прошением, дабы всегда мы находились под высокою его и. величества державою, и впредь бы к нам запас на продажу присылали.

На оное я им еще подтвердил: весьма хорошо, что вы, Канбарбек, хощете сына своего отправить, а еще б не хуже, чтоб с ним из вас старших кто поехал, дабы мог о всех обстоятельствах донесть, и ежели ис тех посланных пожелали ехать и к высокому двору его и. величества для всеподданнейшего своего прошения, то его сиятельство изволит со удовольствием отправить при своем доношении, причем всякие способы к лутчей вашей пользе подать изволит, и чрез то ево ходатайство можете получить скорее его и. величества всемилостивейшую милость, нежели иногда похощете чрез калмык просить и домогаться.

[Старшины отвечали:] Сей де ваш совет нам весьма есть на пользу, однако ж де мы между собою о том посоветуем, понеже де еще горские аксакалы или старшины из жилищ своих не бывали, и ведаем де, что у его и. величества милости просить самим лутче, нежели чрез калмык, да и от калмык де давно никого у себя не видали и никакого они нам способа не делают, тако ж и мы им, с того времени, как Аюки хана не стало, и ездить к ним опасаемся от кайсак.

Потом стали просить, чтоб им дать торг, объявляя, что де мы старшины всегда прежде цену накладывали, по которой и продажа чинилась, и стали торговаться с прикащиком и положили променивать на товар, а сколько за каждой мешек и какого товару, тому при сем реэстр, и, по окончании торгу, стали товары свои на мену променивать.

17 [июня].— Пополудни часу в 3 приехали к берегу горские трухменцы и просили от судна лотку, которая отпущена была с покупным запасом. И как на берег пристали, тогда те горские трухменцы с съехавшими с судна учинили драку и лотку задержали, потом на той лотке приехало их человек пятнадцеть и как взошли на судно, стали спрашивать: мы де слышели, что из Астрахани прислан нарочной. Тогда я им объявил, что для прошения их прислано со мною на продажу несколько хлебных припасов, понеже от ваших старших и от всего народа был прислан в Астрахань с прошением нарочной и еще стал было им представлять, но оные, не выслушав, стали кричать: кто де посылал, мы не знаем, а когда к нам хлеб привезли, то де нам надобно и цену установить, а не Канбару и Кинжалу, мы де и сами аксакалы. И между собою учинили ссору и драку и старшину Кинжал-Бахщу некоторые стали бить и говорили: ты де не аксакал, но пастух и где де ты живешь, мы не знаем, а мы де здесь живем издавна и пристань наша. Тако ж ссорились и с Канбаром, токмо его бить не дерзнули. И тогда приказал было я до драки их не допущать, то они трухменцы кричали: вам де до того дела нет, что мы ссоримся меж собою, а не с вашими русскими; тако ж того судна лоцман и носовщик объявили мне: у них де между собою при торгу в договоре цены всегда такие ссоры и драки происходят, а наши де русские в тое ссору не вступаютца, и едва я их уговорить мог, и некоторые по-

слушали и стали других унимать и сказали: нет де ничего, у нас так водитца.

Июнь 18.— Пополудни в 5 часу приехал з берегу трухменец Бурунчюкова роду Маметь Берды и с ним пять человек, которой объявил: здешнего де места старшины и протчие трухменцы приехали к берегу и послали меня на судно проведать, понеже известно есть, что из Астрахани прислан нарочной с письмом, которому я по содержанию письма в кратких словах объявил, а о присланном со мною письме сказал, что [его] взял старшина Канбарбек. На оное спросил меня, к одному ли ему или ко всем то письмо писано. Объявил я ему: письмо писано к старшинам и ко всему трухменскому народу, а он Канбарбек прибыл на судно с некоторыми старшинами и трухменцами и, взяв письмо, сказал: когда все зберутца старшины, тогда де мы ево прочтем и ответ дадим. На оное тот трухменец сказал: мы де Канбарбека не знаем, он живет на островах, а мы на здешних местах, но как де пристань наша и хотя де он с вами о товаре в цене договорился, не дождався нас, но мы де цену поставим по своему, как и прежде бывало, к тому ж де надлежит против прежнего взять пошлину. Напротиву оного тому сказал, кто у вас из старших главнее, того мы не знаем, а со мною присланы хлебные припасы на продажу для вашей пользы по вашей же прозбе, о чем можете усмотреть ис письма, к вам присланного, потом вы со мною можете, что надлежит, переговорить. На оное тот присланной Маметь Берды сказал: очень де изрядно мы де завтра будем на судно, и, окончив оное, поехал на берег. После того Канбарбек послал на берег же сына своего, который, тамо будучи часа з два, приехал на судно и объявил, что на нас де весьма все осерчали, для чего мы товаром цену прежде их поставили и требуют письма, тако ж что б и отец мой туды ж приехал. Тогда Канбарбек сказал: я де с своими людьми менял на хлеб свой товар, а не их, до чего де им и дела нет, я де сам к ним поеду и осведомлюсь, что они советуют и, приехав на судно, объявлю, и с сыном своим поехал на берег, а возвратно не бывал.

Месяц июнь 19.— По утру приехали на судно старшины Мамет Келды батырь, Ходжа Берды Бахши, Сунгуран Онбеги, Карабатырь, Бачабек и с ним трухменцов с тритцеть человек и, как оные на судне сели, тогда спросили меня: к кому я приехал и письмо привез; на оное я им о всем обстоятельно по содержанию письма учинил представление, как и прежним старшинам, и все то они выслушав, сказали: посла де Менгелия, что он в Астрахани о здешних старшинах не знал донесть, надлежит де наказать, которому, тако ж и Канбарбеку, что он уставил без нас цену уступаем де для вас, элчи, то есть посла. Токмо де мы хлебному запасу цену положим, как прежнея бывала. И стали между собою разговаривать, а у прикащика просить есть. И между тем вступил я с ними в разговор о кайсаках, как они на них трухменцов нападают и разоряют и какие они трухменцы от тех кайсак чинят отпоры. На оное сказали: касаки де к нам по всякой год подбегают и скот отгоняют, иногда и людей наших полонят, понеже де наши трухменцы сидят в разных местах; точию де всегда имеют на Ираклинских горах к Мертвому Култуку караул, и, егда к нашим местам кайсаки собранием приближаться будут, тогда те караульные о том возвестят, и от того кайсацкого нападения трухменцы збираются на высокую гору, которая имеется вглубь здешнего места, и кто сколько может, берут с собою скот, на которой горе кайсаки достать их не могут, токмо остальной скот отгоняют, за которыми, собравшись, трухменцы ездят вслед и скота несколько отбирают и со обоих сторон людей в полон берут, а теперь де у нас на показанном месте караулу нет:

понеже, как услышали о привозе хлеба, все суды к пристани собрались и для того покупкою торопятца...

Стали просить торгу и договаривались с прикащиком и более прежней цены, по чему в прошедших годех поставлена была, не давали, хотя при том прикащик объявлял, что прежние мешки с мукою были меньшой руки, а ныне привезены все большой руки, чего ради и цену положить надлежит больше, и все на него прикащика кричали и ево бранили за то, для чего прежде договорился с Канбарбеком, а другие хотели и бить, только от них же трухменцов не допущены и отбиты. И великой стал быть между ими крик: одни говорят, что насильно товар не отнять, а другие кричат, что мы больше прежнего не дадим и уступать не будем, и стали мне говорить старшины, чтоб прикащик взял цену против прежнего, а буде не уступит, то де мы, хотя и по той цене, как ему надобно, брать станем, но отдай же он нам против прежнего за пристань и за товары пошлины и что дается в почесть аксакалам и деллялом (деллял есть от старших поверенной и при торгу бывает безотлучно и он смотрит, чтоб от трухменской стороны в промене товаров не обижали и в том прикащика охраняет и смотрит же, чтоб ряд был доброй товар, в чем противу их трухменцы мало спорят). И на оное я их спросил, почему они прежде за пристань и за товары пошлину брали и на аксакалов и деллялов давалось. Тогда они показывали на толмача и на татарина Мусу (которой ездит от купца Лошкарева за толмача) что они знают, почему за что давалось. Но они в том знании отперлись и не можно было от их крику с старшинами иметь обстоятельного разговору, понеже все трухменцы и подлые на самих старшин крычат, а они старшины унять их не могут и весьма противитца не смеют. И потом старшины и протчие трухменцы объявили, ежели вам продавать хлеб, то продавайте против прежней цены, а буде по той цене продавать не будите, то б от пристани отъехали. И видя, что оные трухменцы стали цену класть по своей воли и на судне их умножилось, дабы их с судна зжить, сказано им было, чтоб они с судна съехали на берег, а мы счислимся ценою, ежели можно и дального убытку не будет, то с ними как возможно в цене договоримся. На то старшины подтвердили: мы де более против прежнего не дадим, а другие кричали, что де вы нас с судна зживаете, либо де вы нас сживете или бы мы вас, и оное я старшинам объявлял, что по всему видно хотят товар брать грабежем, только я до того не допущу, из чего учинитца может драка, лутче зделатца безссорно, а мы приехали не для драки, а привезли хлеб на продажу для вашей и вашего народа пользы. На оное те старшины ответствовали, что де нам с своим народом делать, мы де их унять никак не можем, понеже ни хана, ни салтана над собою не имеют, и все люди вольные...

Напоследок прикащик с ними в цене уговорился против прежнего, а почему при сем реэстр. Только при том выговорено, чтоб ныне против прежнего пошлин не брать, а в почесть старшинам и деллялом по усмотрению дастся. И тотчас, только как договор положили, стали променивать товары, и стали возить муку на берег, а з берегу переезжали на судно на той же лотке трухменцы и впервые переехало человек дватцеть, а в другой ряд одиннатцеть, которых не хотели на судно пустить, но старшины и другие трухменцы представляли, что оные приезжают добрые люди, ис пород их знатные и теперь де идет торг, но удержать их никак было невозможно, только мы всегда были во всякой осторожности и многие оставились начевать на судне не для чего иного, но только для того, дабы их кормили и пресною водою поили, как и в прошедших годех бывало, и того судна лоцман объявил, что во всякой год для оного на судне трухменцов по пятидесят и по штидесят человек бывало...

Месяца июня 22.— Поутру приехали Бурунчуковой да Икдырцовой пород трухменцы и с ымеющимися на судне Обдальцами учинили драку и некоторые нам кричали, для чего мы одним хлеб продаем, а другим продавать не хотим. На то им сказано: кому надлежит купить, сами между собою знаете, а мы по вашей прозбе привезли на продажу хлеб, и, кто хощет, тот и купит. И многие приступали к прикащику, чтоб им продавал, а в то время прикащик достальную проданную муку отпускал. И как их к загородке караульные солдаты допускать не стали, то один трухменец на солдата замахнулся плетью, которого я велел отбить и об оном старшине Мамет Келды батырю представил и сказал, ежели их трухменцы так нагло будут поступать, то я велю, противу того, своим русским давать отпор доброй и, как вы сами видите, что наши русские ничем их не трогают, а куды ходить не велено, не допускают, туды для чего ваши трухменцы усиливаются? И оной старшина того трухменца, которой на салдата замахивался, зашиб плетью раза с три, понеже ево породы и как было видно, что то учинил только для одного своего стыда, понеже после того сказал, мы де и сами в них не вольны.

Месяца июня 23.— Сказывал астраханской юртовской татарин Муса (которой от купца Лошкарева посылается вместо толмача), слышал де он от трухменца старшины Мамет Келды батыря, от брата ево Акбазара, что на пришедших трухменцов к Мангишлову ис Хивы отошли весною возвратно, а именно дву родов. Этеки и Еммуды и сели подле островов Балханских, а из оных при Мангишлове ж осталось пятьдесят кибиток, и сидят около Карабугазу, да другова роду Риджедти при Мангишлове осталось тридцать кибиток и сидят на месте Акбузах к яицкой стороне, а сколько числом кибиток от Мангишлова отошло, того де он, трухменец, не знает, а к Хиве отошли скудные, а у кого есть довольно скота, те остались близ Балхану. Да он же татарин Муса слышел, что поставленного от персицкого шаха в Хиве хана Аральцы, собравшись с хивинцами, которые при взятье Хивы ушли к ним, с ханства ссадили, а на место ево поставили ханом касацкого хана Булхаира сына ево, и что де над тем поставленым с персицкой стороны ханом зделается, о том знать еще не можно[1]...

Месяца июня 25. Приехал на судно старшина Канбарбек и между разговорами объявил: в Астрахань де письмо и трухменца посылал он от себя, по совету с Кинжал Бахшею и с своими трухменцами, а другие не знали, понеже у нас, как сами видите, народ вольной и между собою несогласной, а тогда ис Хивы пришло трухменцов немалое число, и желали хлеба, того ради он, яко издавна здесь старшей, посылал просить о привозе сюды хлеба, и того для в цене и договор он учинил, за что на него и на протчих с ним будущих при договоре народ их трухменской осерчал, при том же объявил, что он здесь сидит издавна, и в давные лета при оной пристани трухменцов сидело множественное число, но когда их раззоряли касаки и немалое число кибиток подонили, тогда и он к ним попался в полон, токмо ис полону ушел в Хиву и, будучи тамо, хивинский хан определил ему место сидеть с трухменцами, только он тамо жить не похотел и пришел в Мангишлов с семью кибитками; потом к нему стали збиратьца по десяти и по сороку и по пятидесят кибиток и собралось было всех с триста кибиток, из которого числа некоторые разошлись к Хиве, а иные взяты касаками в полон, а ныне де Мангишловцов с небольшим двести кибиток, да ис пришедших ис Хивы осталось малое число, и сидят между нашими кибитками, только де здесь наш народ весьма

[1] В 1740 г. персидский шах Надир напал на Хиву, разорив г. Ханки, Надир взял в плен укрывшегося там хан Илбирса. Хивинцы выбрали себе ханом Абул-Хаир хана киргис-кайсацкого.

своевольной, ни на кого не смотрят и не слушают, понеже главного над собою не имеют, чего ради я б де сам поехал в Астрахань с прошением, чтоб нам быть по прежнему под властию у калмыцкого хана и повелено б при здешней пристани зделать ватагу, то есть крепосцу, в которую б с прибывших судов запас и товары выгружать и продавать, и, хотя б де за покупкою что осталось, то б мочные люди все могли купить, и по времени в той ватаге продавать, понеже от касак хлеб в той ватаге содержан будет безопасно. А по прибытии в Астрахань, побывал бы де я и в калмыцких улусех, только б де мне не было какова худова приключения.— На оное я ево спросил, какую ты страсть и от кого быть чаешь? На то он Канбарбек ответствовал, всяко де бывает; напротиву того я ему говорил: напрасно ты так затеваешь мыслить, а ежели какая в дороге или где инде нечаянная на человека придет болезнь или от того приключится и смерть, в том состоит воля божия; а чтобы от нас тебе какое могло произойти худо, того зделаться не может, можно де вам разсудить из всего, что вам всякая и напредь сего от Российской стороны показывана была милость, и никогда вас, здесь живущих в таких пустых местах, не оставляли, и всегда приваживали хлеб и протчее вам на продажу, в чем вы завсегда приобретали себе пользу, а когда вы от Мангишлова разошлись, тогда и привоз хлебу и товаром пресекся, а ныне и паче того милостиво с вами поступлено, не только дождався от вас просительного письма, но поверя и словесному прошению, чрез вашего посланного, по желанию вашему привезли на продажу хлебных припасов, за что вам достойно благодарить и нижайше просить, чтоб впредь то ж было употреблено в пользу вашу, что и всегда в добром довольствии находиться будите. И сие он Канбарбек, выслушав, объявил, что он в Астрахань конечно поедет, понеже и прежде бывал...

Месяца июня 26.— ...По полудни во 2 часу приехал на судно бывшего трухменского салтана Сидомета сын Ходжа Ниаз, который еще двадцати трех лет, и при нем из старшин тот Пердей Карды Пердеев сын, которого отец был при помянутом салтане первым человеком, и объявили о себе, что они сидят при Карагане только во 100 кибитках, а протчие их роду, именуемые Солдырцы, сидят к Балхану в 200 кибитках; а они, услышав, что из Астрахани привезли на продажу хлеб, приехали к пристани в двадцати человеках, только де их здешние трухменцы у покупке не допустили и их ненавидят, того де ради мы от Мангишлова сидим далече и ежели де по указу всемилостивейшего государя его и. величества повелено будет принять нас в свое милостивое защищение, то б де мы из Балхану привели своих людей. И притом помянутой старшина сказал: я б де с нижайшею моею прозбою поехал сам в Астрахань. На оное я им представлял всякими удобвозможными способы, что ежели они желают быть во всемилостивейшей его и. величества протекции и сей способ сыскать похотят, то советую лутче им в том с своею просьбою предупредить и для того б ныне в Астрахань поехали со мною. А его сиятельство чрез свои об них старании в том их не оставит и чрез его сиятельство могут получить скоряя всемилостивейшую его и. величества милость, и в Астрахани будут во всем удовольствованы; на что от упоминаемого старшины в ответ получил: ныне де мне или салтанскому сыну ехать никоим образом невозможно, понеже де мы с своими улусами розбились, а сюды приехали в малолюдстве, ежели ж ево салтанского сына послать одного, еще он человек молодой, не может достойно произвести прозьбы, а буде мне ехать, то опасно, чтоб на разно сидящих наших трухменцов другие здешние нападения и разорения какова не учинили; а мы де теперь до вас пришли спросить и от вас принять совет, но как от вас слышим все доброе, то конечно к весне всеми улусами зберемся и с прозбою поеду

я или хотя и другова пошлем доброго человека,— и указал на сына салтанского — и ево де отпустим, которой тогда и сам сказал, что он того пути не оставит и конечно поедет, только де как к пристани судно приедет, тогда могли б они известиться, чего будут предостерегать...

М-ц июнь 27... В 5-м часу приехали на судно старшины Мамет Келды Батырь, Кара Батырь и Ханса Берды Бахша и Канбарбек... Просили бумаги и чернил, что им и дано, и с общего совета тогда ж написали от себя письмо, которое отдали мне, причем я им говорил: оное письмо написали вы против ли присланного к вам от его сиятельства письма? В ответ на то сказали: мы де обо всем писали и чтоб к нам впредь хлеб присылали.

Ввечеру старшина Канбарбек объявил, что он конечно собрался ехать в Астрахань, только де я с собою за дальностию моего улусу ничего не взял. На оное я ему сказал, хотя у тебя ничего нет, но в дороге от нас ни в чем оставлен не будешь, и по прибытии в Астрахань, во всяком удовольствии будешь находиться.

Месяца июня 28.— Как трухменского народа старшины стали с судна збиратца, тогда им что положено в почесть от прикащика все отдано...

[Старшины говорили:] — мы де писали, чтоб прислать хлебных запасов судна два или три, понеже здесь имелось трухменцов довольное число, вышедших из Хивы, которые весною возвратились назад, а некоторые здесь при Мангишлове остались, и ныне де мы подлинное имеем известие, что ушедшие при приступе к Хиве персицкого шаха Тамас хана хивинские жители к аральцам, сообщаясь с теми аральцами и касаками, выбрали в Хиву ханом касацкого хана Абулхаира сына ево и прибыли к Хиве назад тому два месяца, а поставленной от персицкого шаха хан ушел от них на Акших с несколькими людми (оное место зделано при доме ханском высокое, куды и другие их ханы, когда их хотят низвергнуть, имеют убежище для договору, чтоб ево пустить живова или кто б к нему пристал в партию и выручил, только де оное место могут раззорить или на нем людей голодом изморить) и надеемся де, что новой хан уже действительно вступил, а старова хана конечно достанет, либо де ево отпустят живова или уже уморить, о чем мы ожидаем вскоре вестей...

Посланной от купца Лошкарева вместо толмача астраханской юртовской татарин Муса объявлял, что между де разговорами сказывали ему трухменцы, сколько и которых пород при Мангишлове сидит кибиток. А именно:

На островах породы Обдаловой, кибиток с 50, породы Бурунчуковой, кибиток 57, породы Икдырцовой, кибиток 18.

На горах в разных местах:

К Хивинской дороге от пристани езды 4 дни породы Салдырцовой, кибиток 12.

У Акбугазу между гор от пристани езды три дни породы Беджаджи, кибиток 32.

У Карагани породы Бурунчюковой, кибиток 15.

К Балхану породы Солдырцев, кибиток 57.

У колодца к аракую породы Икдырцовой кибиток 12.

Итого кибиток 253...

Из журнала капитана В. Копытовского, 1745 г.[1]

Июня 9. Отправился из Астрахани в путь свой к Мангишлацкой пристани на шмаке[2] «Гусе».

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, д. № 2, 1745 г., лл. 30—67.

[2] Шмак один из тогдашних типов морского судна.

Июля 13. Прибыл к Мангишловской пристани всеблагополучно.

1. Того же числа по полуночи в пятом часу послан татарин Муса Утепов и казаков три человека трухменского народа к старшинам, и приказано было объявить им о приезде моем, что прислан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева[1] для их надобностей, о чем и имею к ним старшинам от него тайного советника и письмо и для приему того письма и надлежащего им объявления чтоб ко мне приехали без всякой опасности. И приказано ж ему было тако ж и казакам, чтоб между тем у них трухменцов приличным образом секретно наведаться, сколько их числом, в одном и в других мест жительство имеют, как военных, так и имеющих скот и протчего избытка, и присматривать из их разговоров, в каком они состоянии находятся и имеют ли прямое свое намерение и желание быть в подданстве ее императорского величества.

Того ж числа по полуночи восьмом часу усмотрено было с судна, что на берегу людей многи и между теми посланной от меня татарин и казаки стояли у берега и для того послана была яла[2] и по полуночи ж в 10-м часу показанной татарин и казаки привезены на судно, которое объявили.

— Когда де мы выпущены на берег и отошли от того места версты с две или более, и попались нам навстречу трухменцов человек с дватцать и остановили нас и спрашивали, куда вы идете. И мы объявили, что посланы к старшинам для объявления, что пришло судно и на нем прибыл капитан, чтобы они с ним виделись, то де они сказали, что уже де мы ко всем послали о том сказать, что судно пришло, а вам де ходить незачем; хотя де татарин Муса им и говорил, что нам де надобно самим ко всем итти и объявить, токмо не пустили и, посадя на лошадей, привезли с собою к пристани.

Татарин Муса объявил: возвратил де нас Канбарбеков брат двоюродной Баувлет Берды, Карабатыря брат родной Пиржамамбеть да Онбеги Сунгурапа названной сын, которого де все почитают сыном, а как его зовут, того не знаю. И ехавший де дорогой Канбарбеков брат сказывал мне про себя, что жил он при Хиве со всеми своими домашними. И пришло де к Хиве персиян по известию слышно, что около 40 тысяч и от того де страха от Хивы они отошли ко оной пристани, а сколько сих отошло того де не сказал, а другие трухменцы из Мутовщины отошли к Балханским горам, не желая быть у шаха персидского в подданстве, которых де будет более 1000 кибиток; хотя де к ним шах присылал и нарочного персидского хана, обещавая им всякую показывать милость и немалое награждение, чтоб они были у него в подданстве и дали б ему войска, токмо [были] б все [из] знатных, а они де первее думали было и отдать ис подлого, а паче ис пешего народа, но потом услыхали, что он желает лучших, то де они отказали ему и присылали де сюды в Мангишлов к брату его Канбарбеку, которого просили, чтоб он приехал к ним для совету; к тому ж может ли де он у русских людей исходатайствовать, чтоб де они нас не оставили привозом мукою для пропитания нашего, и, буде может, то и мы де все придем в Мангишлов, а у персидского де шаха быть в подданстве не хотят, потому что они в своих словах весьма непостоянны и верить им не можно, на оное де брат мой только присланному сказал, что он стараться о привозе муки будет, а во оные теплые дни ехать к нам не может, а как будет холоднее, туда приедет.

---

[1] Татищев В. Н. (1686—1750 гг.) — историк. Участвовал во взятии Нарвы, в полтавской битве и в прутской кампании. Впоследствии был начальником уральских горных заводов. В 1741 г.— был назначен в Царицын управляющим Астраханской губ.

[2] Ял — небольшое гребное судно, имеющее два или четыре весла.

Муса же объявил, сказывал де мне трухменец Нефее мергень, что нынешним де летом пойманы были едущие в лодке русские люди, а сколько числом — того не знает, живущими де трухменцами на островах, которые де от тех трухменцов бежали в лодке ж и, будучи близ Караганской пристани, поймали их трухменцы ж и ныне де оные в Игдырском улусе у Баубека батыря, из которых видел он одного русского, у которого на ноге пальцов де нет, да персидской природы мужика да бабу, а более не видал, только слышел, что поймано де их человек семь мужеска и женска полу и когда де я поехал на судно, то говорили де мне Канбарбеков брат, тако ж и Гурбанова роду не весьма из знатных старшина Касим и прочие, чтоб взять их на судно, то де я им сказал, что они подождали, а я де о приезде вашем капитану донесу.

2. Того ж числа во втором на десять часу по полуночи послал ялу для привозу на судно показанных и приказал, чтоб много людей не сажать, а паче смотреть, какого б вреда не учинили, и для того близко к берегу не приставать, а для знания, кого надлежит посадить, послал я татарину Мусу, которые приехали на судно пополудни в начале первого часа и привезли с собою трухменцов десять человек и татарин Муса объявил.

— Из оных де приезжих — имянами старшина Касим да Канбарбеков брат двоюродной Баувлет да Карабатыря брат родной Пиржамамбеть, и оной де Касим говорил, что они, живущие при Мангышлове, с казаками прежде сего имели немалую ссору, а нынешним летом назад тому полтора месяца помирились и по том мире касаки де пригнали к нам на продажу баранов тысечю, которых променивали на один конец бязи барана и по промене поехали обратно, тако ж и ис трухменцов наших поехали к ним для торгу, а сколько же числом, не сказал. Притом же и о Хиве говорил...[1].

3. Приказал я спросить: а старой хан хивинской, которой пред сим был, ныне где обретается также умутовские трухменцы, не подданные ль шаховы?

— Касим де объявил: в Хиве де хан еще тот же ханствует, а что ныне тамо делается, о том у нас еще известия нет, а умутовские трухменцы в подданстве у шаха никогда не бывали, и знатно де, не для ль того и присылал, чтоб их к себе в подданство привесть, а ныне де мы нарочно трухменцов своих в Хиву посылаем, для торгу, а более для вестей, что тамо делается. Да он же де Касим с прочими спрашивает, что де он капитан к нам приехал с торгом или де для какого дела?

4. Приказал им объявить, что посылан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева для их надобностей. Токмо надлежит вам всем собраться здесь, тогда я присланное со мною от астраханского губернатора письмо вам вручу, тако ж и словесно объявлю. При том же велел объявить, что от меня нынешний день нарочно к ним старшинам посыланы были четыре человека для объявления о приезде моем и о приезде их ко мне, токмо не допустил их Канбарбеков брат Даувлет Берды и возвратил назад, чего ради?

— На что де они сказали, что весьма то хорошо и им приятно, что все будут в собрании и что де ты нам объявишь, то слушать будем, а посланных де ваших возвратили того для, что им итти весьма далеко, а иных де и найти не знают где, а от нас де уже другой день как завидели судно, послано ко всем к ним и надеемся де, что к завтрею соберутся, для того де их и возвратили, а паче де пойдут они горами и ущельями, и чтоб наши трухменцы не учинили им какого вреда, ибо де у нас люди вольные.

[1] Далее повторение того, что было приведено на стр. 211.

А потом по полудни в первом часу свезли оных с судна на берег.

5. Того ж числа пополудни в 5-м часу послан был татарин Муса и казак Григорей Никитин,— понеже он знал разговор по татарски,— к старшинам трухменским в ближней улус, о котором сказывали, что разстоянием более не будет 10 верст, яко для объявления, чтоб собрались все и приехали ко мне, и между тем, чтоб высматривали, что принадлежит против прежнего им приказа, как прежде посланы были, да к тому ж и поименных русских людей, у кого они имянно и много ли их, как мужеска, так и женска полу, разведать подлинно.

Пополудни в 6-м часу возвратились обратно и привезли с собою трухменцов четырех человек.

— Муса объявил, что оной де объявляет о себе, что он старшина Гурбанова рода Айтуду и кочуют де они от Мангышлова к Енбе, езды будет более недели, а прежде сего жили при Мангышлове, только по несогласию между собою отошли и жили близ Хивы тому де уже много лет. А нынешним летом пришло к Хиве персиян 12 тысяч... А нас де отошло от Хивы более 700 кибиток, в том числе и Бузакеева рода аюмутовские отошли более 1000 кибиток [1] в Балхански горы. И мы де все желаем быть лутчее в подданстве ее величества, нежели де нам так бродить. Да он же де Айтуду спрашивает, что де он капитан сюда приехал для торгу или де для какого дела?

6. Приказал им объявить, что послан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева для их надобностей, и надлежит им собраться, всем старшинам, тогда я им вручу присланное со мною от астраханского губернатора письмо, також и словесно объявлю.

— Объявил де он Айтуду, что весьма де изрядно, что при всех будет объявлено, и мы де будем на берегу дожидаться и надеемся де, что завтре старшины Канбарбек с протчими сюда будет, а начует де он ныне в ближнем здесь улусе, который недале 10 верст состоит.

Потом в ысходе шестого часа оные свезены с судна на берег.

7. Того ж часа татарин Муса и казак Григорей посланы паки в ближней улус, где будет старшина Канбарбек начевать, для разведывания, о чем в первом пункте имянно написано, притом же и наведаться тайне, не были ль из калмыцких улусов от Дондук-Даши [2] зачем калмыки или его владения трухменцы и буде были зачем имянно?

И по отпуске оных усмотрено было, что никого уже трухменцов по берегу нет, то поехал я на берег, взяв с собою солдат шесть человек для осмотру, где б способно построить крепость и ходил от пристани с версту и более, тако ж и на горы всходил, токмо к построению крепости весьма место неспособно: 1) что горы весьма высоки и крутые, а горы все камня мелового и от дождей валятся, ущельев между ими много; 2) пресной воды нет, только между гор против пристани в ущелье один колодез и вода пресная, а более не сыскал. А пристань судам весьма безопасна, а далее было итти для осмотру опасно, к тому ж наступала ночь.

[И ю л я 14] — 14-го татарин Муса с казаком на судно прибыли и объявили: ночевали де мы в ближнем от пристани улусе, и ночью приехал старшина Канбарбек с прочими старшинами, где и ночевал, но токмо де за ночным временем ни с кем разговоров иметь было нельзя. а паче у них между собою был великой крик в разделе пожитков. Хотя де мы некоторых и спрашивали, что о каких пожитках кричат, только де нам не сказали; и в то ж время приехал брат родной Канбарбеков Егенбек Аталык в дватцети человеках, о дву конь, и сказывали де

[1] Так в подлиннике.

[2] Дондук-Даши — сын старшего сына калмыцкого хана Аюки, Чакдорджаба; управлял калмыками в качестве наместника с 1741—1761 гг.; в звании хана с 1757 г.

нам трухменцы, что отправлен он в Хиву для того, что тамо делается; буде же де все против прежнего благополучно, то хан ведет для подарку одну лошадь, а буде есть смятение, а паче от персиян, то высмотря, где удастся разбить деревню или где на персиян напасть. Притом же де нам сказал один трухменец, что есть де у оного Канбарбекова брата русской человек, которого де везет он для продажи в Хиву, о чем де мы поутру показанному Канбарбекову брату между разговоров говорили, чтоб пожаловал имеющегося у себя русского человека в Хиву не возил, а отдал бы здесь присланному капитану, которой де нам сказал, что оной де русской не украден нами, но пойман к тому же де и он, нас просит, чтоб русским не продавать, а продать бы куда хотим, токмо б не русским. И видели при том мы улусе, что у них ружья очень немало, тако ж есть луки с стрелами, только очень мало у приезжающих трухменцов, а улус только де состоит в трех кибитках, а скота весьма мало; и между разговоров слышели де мы, что и у всех у них скота не очень много, а пропитание де свое имеют более — бьют коз диких, также де и фабрик никаких нет, кроме того что только армяки ткут и более де промышляют своим воровством: ездят в кайсаки и к Персии...

8. 14 и ю л я. Пополуночи в 11 часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним татарина Мусу, и видно было, что уже у них много собралось. И потому того ж часу послал я татарина Мусу проведать, все ль собрались, а буде еще не все, то пообождать и сказать, которые приехали, чтоб пообождали других старшин, ибо надлежит при собрании всех отдать им от астраханского губернатора присланное со мною письмо тако ж и словесно объявить для их пользы.

— Муса, приехав на судно, объявил, что собралось де их старшин трех родов: Делинского рода — Канбарбек, Гурбанова рода — Карабатырь, Менгле-ходжина рода Онбеги Сунгурап. И говорил де Канбарбек с товарищи, что нас де приехало здесь трех родов, и мы же де изо всех есть главные, а всех де нам дожидаться будет долго и, ежели де нам не отдаст письма, то конечно де мы поедем обратно. Також и отправленного в Хиву держать здесь не будем, ибо де ему время ехать, а мы де для того его удержали, что и он будет знать и, буде к нашей пользе, то он может и другим трухменским народам о том сказать.

9. Еще послал я татарина Мусу и велел им объявить, чтоб хотя до завтрея подождали для того, что мне велено вручить при собрании всех родов старшин присланное со мною письмо и словесно объявить к вашей общей пользе. Тако ж и Канбарбека приказал просить, чтоб он брату своему русского человека не приказал в Хиву возить, а оставил бы здесь и ежели им потребно будет, то хотя я и выкуп отдам, и как возможно приказал, чтоб их уговаривать, дабы дождались всех старшин, уповая, что тех разговоров послушают.

— Муса, приехав на судно, объявил, что Канбарбек де с товарыщи сказал, что нечего де нам дожидаться, пусть де он тех старшин дожидается и тем объявит, а мы де поедем в улусы, и велели де лошадей седлать; тако ж и отправленному в Хиву Канбарбекову брату приказали Егенбеку Аталыку ехать, и оной приказал всем садиться на лошадей. То я де сказал им, что на то сердиться не надобно, но лучше до завтрея подождать, и, буде никто не будет, то уже завтре он вам письмо вручит, но только де все кричат, что не хотим ждать и велели: поезжай де скажи, что конечно мы ждать не станем и уедем в улусы свои.

10. И по тому их объявлению уже принужден был послать за ними ялу для взятия их на судно, опасаяся того, чтоб тем не привесть их в злобу и подлинно б не уехали. Привезены на судно Делинского рода — Канбарбек и при нем братьев родных два: первой — Егенбек

Аталык, другой — Мурат, того же рода Караесаул, Гурбанова рода — Карабатырь, Менгли-Ходжина рода Онбеги — Сунгурап, тако ж родственников и свойственников, как их, так и прочих родов, всего 59 человек и притом говорили.

— Канбарбек де с товарищи говорили: мы де сюда на судно приехали трех родов... и для чего де вы нас сюда призвали, пожалуй нам объяви, а что же де вы велели, чтоб нам пообождать других родов старшин, то мы их дожидаться не будем для того де, почему можем знать, что которой будет или нет, ибо де мы их старшее, а оне нас младшее, и мы де для того, чтоб они ехали, к ним послали сказывать нарочно, а вашим де туда людем, хотя вы и посылали, за дальностью итти нельзя для того, что де у нас люди самовластны, убьют или что учинят, то уже сыскать будет невозможно, а хотя де трех родов здесь старшин и нет, но токмо де есть их родов люди, которые, услыхав, какое есть дело, им скажут.

11. Потом уже объявил им, что послан я от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева к ним старшинам, и прислано со мною письмо, которое им отдал, и, приняв оное Канбарбеков брат, приложил печать к голове своей, и потом подал Канбарбеку; Канбарбек, приняв, распречатал, и просил меня, что нет ли де абыза [1], кому б было прочесть, и велел я посланному со мной абызу письмо им прочесть, которой им и прочел.

— По прочтении письма Канбарбек и прочие при нем говорили, что то писано к ним весьма изрядно и на оном де мы благодарны. А что ж де письмо послали с хивинским посланником [2] по согласию своему, для того де, что он туда едет и нам исходатайствовать по нашему желанию обещал, а что же де не подписались на том письме и печатей или знаков не приложили, для того, что у нас де такого обыкнования прежде сего не бывало и писывали так просто, как и ныне куда надлежит пишем.

12. И на оное их объявление приказал я им объявить, хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ее и. величества [3] отправили для своей пользы, а надобно б вам и прилично самим о себе о бытии вам в подданстве ее и. величества и о зачислении отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь кажется неприлично. И будучи вы в подданстве ее и. величества, весьма милостию ее императорского величества и во всем удовольствием пользоваться будете и, буде изволите, посылать от себя, то конечно надобно послать из знатных и умных старшин, которые б обо всем, что к вашей пользе принадлежит могли как с астраханским губернатором советовать, а паче у двора ее и. величества свои представлении ясно объявить.

— Канбарбек с прочими объявил, что от нас письмо послано с хивинским посланником для того, что он поехал ко двору ее и. величества и обещал де нам по прошению нашему исходатайствовать, а ныне уже как видим, что ты де прислан от астраханского губернатора и говоришь настоящую правду, и тому мы все верим и отправим от себя из знатных старшин, которые могут с астраханским губернатором советовать, а паче у дворе ее и. величества просить о принятии нас здесь живущих в Мангишлаке в подданство свое. Ибо де наше желание к тому уже немало лет, чтоб быть в подданстве ее и. величества, но токмо не допускало время. А в прошедшие де лета нас здесь было немалое число, и был у Караганской пристани с русскими немалой торг, куда

[1] Мусульманский священник.

[2] Хивинский посол в 1745 г. в Астрахани по просьбе туркменов передал их ходатайство о принятии в подданство России.

[3] Елизаветы Петровны.

имели и из Хивы приезжия торговать. Но по несогласию нашему между собою, многие от Мангишлова отошли, которые к Хиве, а другие к Балханским горам; но ныне слыша, что персидское войско пришло к Хиве, то все трухменцы отошли прочь и многие пришли в Мангишлов, а прочие в другие места неподалеку от Мангишлова. И как оные, так и прочие где б они ни были, да услышат, что мы в подданство ее и. величества приняты будем, то все тому рады будут и о принятии в подданство ее и. величества просить не оставят для того, как мы, так и прочие ни у кого еще в подданстве не бывали, а ныне желаем быть в подданстве ее и. величества, и для этого прошения некого из других нам выбирать, мы де поедем сами, старшины Делинского рода я старшина Канбарбек, Гурбанова рода Карабатырь, Менгли-ходжина рода Онбеги Сунгурап и еще де возьмем от четвертого рода, кто приедет.

13. Показанное намерение ваше весьма изрядно и по мнению моему видится, чтобы здесь построить и крепость для того, ежели оная будет полезна: 1) что можете вы во время на вас неприятельского нападения под защищение к ней прибегать и без всякого вреда от оных неприятелей со всеми своими домами укрыться, 2) что российские купцы охотнее и безопаснее к вам для торгу с хлебными запасами и протчим ездить будут, потому что многие российские купцы, не видя здесь к защищению их от неприятеля никакой крепости или оборонительного места, ездить ныне бояться, а когда оная построится, тогда многие охоту ездить к вам с торгом возымеют, отчего вам будет немалая польза.

— Об оном де мы благодарствуем, токмо де у нас у всех о построении крепости желание есть и, как будем у двора ее и. величества, то как де о принятии нас в подданство, тако ж и о построении крепости и о чем принадлежит просить де будем, а чтоб писать на письме, того не надобно, потому что мы главные старшины едем сами, а не других посылаем, да к тому ж де нам и других старшин дожидаться не для чего, ибо де они живут весьма далеко и не можно их дождаться ни в две недели или де оные и вовсе не будут; да в них де нам и нужды нет, когда уже де мы главных родов сами едем и у двора ее и. величества в подданство приняты будем, то тогда де не токмо оные, но и многие придут и будут просить у двора ее и. величества о принятии ж в подданство...

14. ...Потом говорили, что естьли де у вас для нашего народа для продажи как мука, так и прочее и что чего имянно скажи нам и по какой цене, и ты де прислан для торгу ль сюда, или чего другого и, буде что есть, вели продавать и цену невелику держать и как де мы здесь положим цену, по тому вели и продавать, для того де по нашему обыкновению прежде уставливаем цену мы и по уставлении цены всяк уже повинен так и купить безспорно....

17. Приказал я им объявить, что вам уже от меня довольно объявлено, что я прислан не для купечества, но для вашей надобности, о чем и из письма, привезенного мною к вам, которое я вам уже вручил, видеть довольно можете, к тому ж и для ваших нужд имеется муки на продажу сто пятьдесят кулей (а более для того оное число объявил, ибо надлежало оставить для подарка старшинам, ибо и дарить их надлежит тайным образом, дабы никто про то не знал, а буде узнают, то и тех дари, хотя в нем и никакого дела нет, только одно своевольствие).

— То оные де старшины, не справшивая цены, по чему куль, велели де подать один кушак немало ношеной, шелковой с бумагою и говорили, что де много ли за оной кушак даст муки кулей, которой по астраханской цене не более не стоит ценою, как осмидесят копеек.

18. И на оное их объявление приказал им объявить, что прежде конечно надлежит окончать свое прошение, о чем вы просить у двора ее и. в-ва желаете, а потом и о продаже муки цену положим, по скольку надлежит деньгами и по той цене можно, у кого денег нет, и на товар сменять, а оной кушак не стоит четвертой части куля...

19. И по тому их прошению[1], а паче видя, что являются склонны, велел отдать муки два куля, при том же приказал говорить им: уведомился де я, что у Канбарбекова брата Егенбека Аталыка есть русской человек, которого он везет для продажи в Хиву, и прошу, чтоб оного в Хиву не возить, а отдать мне; да к тому ж прошу и еще о сыску и других, буде есть, то прикажите ко мне привесть, и ежели то учините, то конечно вам от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора немалое в приезд ваш благодарение к тому ж и награждение за ваше таковое услужение, а паче у дворе ее и. в-ва, когда будете, похвалу получить можете.

— Канбарбек де с прочими сказали, что де это дело не наше для того, что оной брат мой едет в Хиву и потому у него нам взять нельзя, разве де как сам с вами договорится, а мы бы де весьма тому были рады, чтоб вам отдать, да не слушает и не отдает; потому ж и обычай наш — даром не отдают, что-нибудь надлежит ему за того русского человека отдать. И по тем их словам принужден был покупать и просил тритцети кулей муки, да на кафтан сукна пяти аршин и притом же оной Канбарбеков брат говорил; что я де тому русскому человеку побожился, что его русским людем, тако ж и татаром, не продавать, а продал бы в Хиву или в Бухары, потому что он меня весьма просил; и спрашивал де я его, какой ради причины русским не продавать, то де он мне сказал, будучи в Астрахани учинил смертное убивство, якобы одного калмыка с детьми зарезал, и от того бежал, а мы де оных близь Тюк-Караганской пристани мужеска и женска полу пятерых переловили, которые ехали в лодке, и на мой де пай достался показанной русский человек. И говорил; что подлинно де менее двадцати кулей муки да сукна пяти аршин не возьму, и то де я отдаю для того, что мы желаем все быть в подданстве ее и. величества за такую малую цену, а в Хиве де могу взять более ста рублев.

20. И видя я по тем их, старшин, ко мне ответам, принужден муки двадцать кулей отдать из казенной и пять аршин сукна, взяв оное сукно у татарина Мусы, и потом послал на берег, отдав половину муки, взять того русского, которой у них спрятан в ущелье, и по взятии оного и достальное отдал. И по привозе на судно спрашивал я показанного мужика при показанных старшинах, для того им велел его речи переводить, чтоб и они знали. Показал:

— Зовут де меня Иваном Семенов сын Кузнецов, дворовый человек астраханского посацкого человека Лаврентья Иванова. Бежал с женою своею Катериною Степановою дочерью тому уже два месяца. Да бежали ж с нами его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева человек его Иван Григорьев, да астраханского жителя Алексея Святова человек Андрей Никитин с женою Прасковею Ивановою и с сыном Герасимом, которой еще дву месяцов, да Степан, а чей сын и чей человек,— того не знаю, да Александр Петров сын Черняев...

21. Приказал я показанных старшин просить, чтоб как возможно показанных русских людей приказали отыскать и отдать мне...

— Показанные старшины объявили, что мы де весьма о том, как возможно, стараться будем, чтоб тех русских людей выручить и пошлем от себя нарочных в Тюк Карагань и знаем, у кого они.

[1] Старшины просили отпустить им для личной надобности 2 четверти муки.

22. Потом приказал их накормить по их обыкновению: двум человеком блюдо наложа меду с калачем, и между разговорами приказал я говорить им, не могут ли из их трухменцов взяться, чтоб нашего русского человека безвредно могли препроводить до Аральского моря и подле оного до Хивы и обратно в Астрахань его поставить за заплату ис хлебных запасов или денег, на чем может договориться со мной.

— И на оное де они старшины объявили, что в нынешнее де время послать невозможно, и охотников таковых никак отыскать невозможно, потому что де в Хиву пришло персицкое войско и что ныне тамо делается, того еще мы не знаем и для того де ныне посылаем Канбербекова родного брата Егенбек Аталыка и, как он оттоле возвратится и объявит, что тамо все благополучно, тогда много охотников у нас будет, хотя б и далее показанного места...

25. По полуночи в 9-м часу кричали с берегу, чтоб прислать татарина Мусу, которой и послан:

— По полуночи во 12-м часу, приехав, татарин Муса объявил, что Канбарбек де с прочими трех родов сказал, что когда де он [1] хочет еще других дожидаться, которых ни в месяц не дождется, и в том де нам нужды нет...

И потом говорили скажи де капитану, чтоб к нам прислал муки два куля для того, что нам и людем нашим есть нечего, и завтрешней день будем де к нему. А другие де говорят, чего де нам дожидаться: лучше де домой ехать. А Канбарбек говорит, что только пробудем до завтра. А иные де кричат: зачем де вам с прошением самим ехать, лучше кого послать. А более де всех разбивает им трухменец Мурат Ниаз мулла. И я [2] де, его отозвав, говорил ему, для чего де ты так делаешь, то де он мне сказал, ежели де мне дадите куль муки, то де я вам буду верен и что де надобно, то все сказывать буду; и на то де я ему сказал, что конечно оставлен не будешь, понеже де они его старшины слушают. И будучи я на берегу многих трухменцов спрашивал, что не возмется ль кто русского человека свозить к Аральскому морю, но токмо никого не отыскалось.

26. Пополудни в 1-м часу послал я к ним один куль муки по просьбе их для того, чтоб и за подлинно не уехали и приказал объявить, что прошедшего дня отдано два куля, а как потребно будет и еще пришлю и приказал оному татарину Мусе секретно, дабы никто не видал объявить каждому старшине по пяти кулей муки в презент для того, что ежели одному говорить тихо или отойдя к стороне, да увидит другой, то татарина не отпустят без того, что б у него присяги не взять в том, что он говорил тихо, не сулил ли чего и буде даст присягу, то и поверят, и старшины их от всякого крадучись уносят что ему подарено будет.

— По прибытии татарин Муса объявил мне: как де я приехав на берег и пришел к старшинам и сказал, что прислан один куль муки и говорил, что вчерась отдано два и того будет три, а впредь ежели будет надобно, то и еще пришлется, то все де стали говорить, что де капитан нам смеется, мы де велели два, а он прислал один, а которые де взяли вчерась два меха, то те отдали де мы отправленному от нас в Хиву на дорогу. Потом де я одному старшине, которой ходил по горе, тихо сказал, что капитан де велел сказать, что как свое прошение окончаете и совсем к отъезду будете готовы, тогда подарит вам по пяти кулей муки и как де оной пришел к протчим и стал говорить, о чем де кричите, что прислано, то и хорошо, а всево де с судна за-

[1] Капитан Копытовский.
[2] Муса.

брать нельзя, то де все замолчали и потом сказали, что мы де завтре на судно будем и все дело свое окончим.

27. Послал я татарина Мусу на берег для привозу на судно показанного в 25 пункте трухменца Мурат Ниаз муллу, которой и приехал и, взяв я его к себе в каюту и между разговоров обещал ему куль муки; потом спрашивал его, много ли здесь всех родов и кто в тех родах первенство имеет и сколько у каждого рода кибиток или числом людей и все ли вы подлинно желаете быть в подданстве ее и. величества и о построении крепости желают ли, чтоб ее построить ныне, что старшины думают, сами ли с прошением своим желают ехать, или кого посылать хотят, тако ж для чего от трех родов старшин еще и поныне не бывали и надеяться, будут ли они сюды или нет, пожалуй скажи.

— Мурат Ниаз мулла объявил: здесь де всего шесть родов, а имянно по первенству: 1) Делинского рода старшина Канбарбек, оного рода 600 кибиток; 2) Гурбанова рода старшина Карабатырь, оного рода 100 кибиток; 3) Менгли Ходжина рода Онбеги Сунгурап, оного рода 100 кибиток; 4) Угрына рода Шапык Ниаз батырь, оного рода 100 кибиток; 5) Бурунчюкова рода Алибай, только де оного не слушают, а послушны Пир Назар мерген, который в том роде знатной человек, оного рода 100 кибиток; 6) Икдырова рода Бавбек батырь знатной человек, оного рода 100 кибиток; и надеюся де, что ныне и еще к ним их родов много пришло от Хивы, только де сказать числом еще не знаю, а старшины наши думают, чтоб им самим ехать, а другие де им розбивают, чтоб не ездить, а послать кого других, только де я держу, чтоб им самим ехать и конечно они сами поедут, а других посылать некого. И топерече де приехал к ним и четвертого Угрынского рода Шапык Ниаз батырь и советовал, чтоб самим лучше ехать при том и он де ехать желает же; а в подданстве ее и. величества все быть желают, тако ж и о построении крепости и, буде то по их прошению учинено будет, то ото всех мест, где б трухменский народ ни был, все придут и будут в подданстве для того де, что, кроме России, не откуда пропитания ждать...

28. Еще приказал спросить, не было ль когда у вас присланных из калмыцких улусов от Дондук Даши калмык или его владения трухменцов для какого-нибудь дела; к тому ж трухменской ваш народ какой имеет прибыток и чем промышляют, фабрики ль какие имеют, или весьма много скота имеют и чем прямое свое пропитание имеют.

— Мурат Ниаз мулла объявил де, что из калмыцких улусов от Дундук-Даши калмык и его владения трухменцов никого в присылке не было. Канбарбек де, когда был в Астрахани, то де он, быв в калмыцких улусех, приехал в Мангишлов, а калмык и трухменцов тамошних с ним никаких не было и ни о чем де он не сказывал. А скота де у нас рогатого никого нет, только де лошади, верблюды, бараны и козы есть и то не весьма много; что же де фабрик никаких нет, кроме того, что бабы ткут армяки, а мужеск пол более де довольствуются отъездом для воровства х кайсаком и к Персии, потому что у нас де люди все оружейные, а пропитание имеют болея что бьют по горам коз диких, а что ж де имеются здесь бурмети и бязи, и то все выменивают в Хиве на савры и на прочие товары, у кого каков есть, а болея на полоненой ясырь.

29. 16 и ю л я. Пополуночи во 8-м часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним ялу, которая того ж часу и послана, а в 9-м часу приехали на судно вышепомянутые старшины Делинского рода Канбарбек, Гурбанова рода Карабатырь, Менгли Ходжина рода Онбеги Сунгурап, да с ними ж приехал Угрынского рода Шапык Ниаз батырь и при них еще четыре человека.

— По прибытии на судно говорили: мы де вздумали, что самим

нам ехать невозможно для того, что здесь де у нас дела много, а более де для того, что мы, как поедем, то долго проездим, а здесь у нас дело какое будет и без нас некому оного окончать, ибо де мы есть главные, а паче главнее всех Канбарбек и, думав, кого выбрать, послать из других, как де ты нам совет дашь?

30. Приказал я им объявить: в том воля ваша, а мой совет конечно надлежит вам своего слова держаться, а не так, что чрез каждой час переменять, да к тому ж весьма и то непристойно, что от многих пустые разговоры слушать и на то обращаться, ибо вы видете сами из присланного со мною к вам от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора письма, что вам советуем к лучшему вашему способу, чтоб лучшее послать ко двору ее императорского величества с прошением из старшин знатных и умных людей...

31. Потом же сказали де они: нечево де более говорить, мы де сами едем и желаем де теперя писать прошение свое ко двору ее императорского величества и вели де своему абызу написать получше тако ж и к губернатору письма... Потом де вторично говорили: пожалуй вели де своему абызу прошение наше, тако ж и письмо написать для того, что у нас знающих писать никого нет.

32. По просьбе оных посланному со мною абызу я приказал прошение от них ко двору ее и. величества о принятии их в подданство и о построении крепости и о протчем, тако ж и письмо к его превосходительству господину тайному советнику и, в каковой силе писать, я ему абызу сказывал и приказал в том прошении имянно написать, спрося их, сколько которого рода кибиток и в них мужеске полу и, написав, прочесть им и потом, чтоб и печати или знаки свои приложили б. К тому ж приказал объявить, что то весьма изрядно, буде то чрез ваше старание показанные русские люди будут отысканы, за что немалое благодарение от его превосходительства г. тайного советника получить можете, о чем и прежде вам объявлял, ибо в том числе есть человек его превосходительства, а о муке велел сказать, что тогда отдастся, когда совсем на судно сядут к отъезду для того, чтоб другие, увидав, не урекали вам.

32. И по написании прошение абыз им читал, то де они сказали все четвера, что весьма де написано изрядно, тако ж и письмо; к тому прошению мы де приложим свои печати и знаки тогда, как привезут нам из улусов наших, а лучше мы де сами поедем и привезем с собою, ибо де у нас есть в улусех дело и, исправя оное, поедем в Астрахань, а для взятья де муки пришлем верблюдов и тогда де возмем, когда де поедем в Астрахань, а сколько де у нас числом людей того мы в прошении своем не написали для того, что мы де и сами за подлинно не знаем, только де знаем, сколько кибиток и в прошении своем написали кибитками ж...

35. И ю л я 17. Пополуночи в 7-м часу кричали с берега, чтоб прислать ялу, которая того ж часу и послана, и привезен на судно Канбарбек, Карабатырь, Онбеги Сунгуран, Шапык Ниаз батырь и при них пять человек.

— Канбарбек де с товарыщи говорили, что мы де ныне поедем в улусы для того, что у нас есть дело, а более кайсацкой посланник у нас, его надобно отпустить, к тому ж и домашние нужды исправить, а для отъезду в Астрахань приедем, считая с сим днем, в десять дней, а менее де нельзя прибыть. И говорили: мы де теперя посылаем на остров за русскими [пленными]... и надобно де тем хозяевам, у кого русские дать муки кулей по десяти, да нашим де посланным восьми человеком десять кулей.

36. Приказал я им объявить, что то весьма много просят, а по моему

мнению, довольно б за обоих десяти кулей, а посланным вашим восьми человеком и двух кулей.

— Канбарбек де с товарищи сказали: за двух человек, когда более десяти не дает, то уже быть так, а посланным де от нас каждому по одному кулю для того, что весьма им ехать будет далеко, а буде не отдаст, то никто де не поедет и менее де того не возьмут; да говорили ж де они, обещал де нам подарить по пяти кулей муки итого де нам надо для того, что без нас домашним есть будет нечего, чтоб де нам прибавил, хотя причитая ко взятым трем кулям, по семи кулей и тем де мы будем довольны.

37. Видя такие их речи принужден то им обещать и отдать тогда, когда привезут...

38. По полудни в исходе четвертого часа, кричали с берегу, чтоб подать ялу, которая и послана; и приехали на судно, по объявлению татарина Мусы, Бурунчукова роду старшина Алибай да знатной человек Пир Назар мергень, которого де все послушны того рода, а Алибая старшины ни в чем не послушны и при них тридцать два человека. И между разговоров объявил им, что прислан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора к ним старшинам и прислано со мною письмо, которое я за долговремянным приездом вручил старшинам Канбарбеку, Карабатырю, Онбеги Сунгурапу.

— Пир Назар мергень объявил: мы де присланное письмо от астраханского губернатора видели и в подданстве ее и. величества быть всемерно желаем и для того де и прошение свое с хивинским посланником послали, которой де нам обещал исходатайствовать.

39. Хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ее и. величества отправили для своей пользы, а надобно бы и прилично самим от себя о бытии вам в подданстве ее и. величества и о защищении отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь кажется неприлично.

— Пир Назар мергень объявил, хотя де мы письмо с хивинским посланником и послали, которое было велели ему отдать старшине Канбарбеку, ибо де он в то время был в Астрахане и за незнанием, что прислано будет к нему письмо, приехал в Мангишлов, а письмо у того посланника и осталось, а ныне де уже поедут с прошением ко двору ее и. величества старшины Канбарбек, Карабатырь, Онбеги Сунгурап, Ниаз батырь и мы своим родом им верим, потому что они старшие... Потом говорил де, мы де теперь поедем на берег и, ночевав, завтра еще к вам на судно будем.

По полудни в 6 часу свезены на берег.

44. Июля 19. Пополудни в 9-м часу с берегу кричали, чтоб прислать татарина Мусу, которой на яле и послан и привез с собою старшину Карабатыря да Онбеги Сунгурапа да Шапык Ниаз батыря, которые прежде упомянуты, что едут ко двору ее и. величества с прошением, и между разговоров говорили мне:

— Мы де были в улусе и отпустили возвратно кайсацкого посланника, которой был прислан к нам, тако ж и от трухменцов умутцких, и просили нас оные, чтоб вы их отпустили на судно только де посмотреть и мы просим, пожалуй, вели их сюда перевесть и так же накорми, как нас кормишь.

45. По тому их прошению послал я ялу, взяв от них одного человека и татарина Мусу, и приказал, чтоб много людей не сажать, и опасаться от прочих, чтоб какой не учинили причины, как и прежде было приказано. По полудни в 3-м часу привезены на судно кайсацкой посланник и от трухменцов от умутовских и при них мангишлов-

ских трухменцов восемь человек, в том числе Угрынского рода Мамбеть Бердыбек, которому бекство дано, слышел я, в прошлом году от хивинского хана и притом имел я с ними разговор, что оттуда они приехали и давно ли и до меня какое имеют дело, буде имеют, то б объявили.

— Кайсацкий посланник говорил: я де прислан сюда от Абулхаир хана, а зовут де меня Киат Ишихова рода, для нашего общего дела. Напередь де сего имели мы с трухменцами всегда ссору и друг друга раззоряли, а ныне по согласию помирились и впредь, чтоб ссоры не чинить. А на судно просилися для свидания с вами, а дела де никакого нет. От умутовских трухменцов посланник объявил: прислан де я Мангишлацким старшинам для нашего дела, а зовут де меня Таган и кочевали де мы прежде сего возле Балханских гор и от Хивы недалеко; назад тому будет два месяца, пришло персицкое войско, слышели де мы, что 40 тысяч, а подлинно не знаем; и увидя мы от них нечаянное нападение, отошли в Балханские горы далее, и думаем притти для житья к Мангишлову на старинное свое жилище, а там жить уже не хотим. А ныне что де в Хиве делается, того не знаем, только де слышно, что персидский хан и хивинской живут в Хиве и никакого раззорения нет, только де дожидаются от шаха указа, а о каком деле, того не знаем.

46. Потом приказал я их накормить по их обыкновению медом с сухарями и потом велел свести всех на берег и желал было и еще от них что уведать, да невозможно было, потому что они сами сказали, что время де нам ехать. И как яла отвалила от судна, то кричал с ялы вышеупомянутой Угрынского рода Мамбеть Бердыбек, угрожая:

— Я де, как приеду к берегу, то де ялу вашу разобью за то, что де муке дорогую цену положили, которую и купить нельзя и мне де в том нужды нет, я де русских людей не боюся.

47. И услыхав я такое ево злое намерение, опасаяся, дабы и за подлинно того не учинилось, видя их вольность, приказал на яле паки к судну пристать и просил вышереченных старшин Карабатыря с товарищи, чтоб остались на судне и показанному Мембетю Бердыбеку, а посланников велел одних свести; и будучи на судне, говорил я Карабатырю и прочим, для чего так оной Мамед Берды говорит и угрожает, разве за то, что в другой раз принят ласково и довольствован равно, как и вы?

— Карабатырь с товарищи сказали: Что де на него смотреть! он де и сам себя не знает, что болтает, и начали между собою браниться.

48. И при той их ссоре приказал я слушать речи, кто что будет говорить, татарину Мусе...

Татарин Муса объявил, что говорил де показанные Карабатырь и Онбеги Сунургап Мамедь Бердыю: Чего де ради ты так русским говоришь, и им угрожаешь, что ты их лодку разобьешь? Ты де знаешь, что они твоих угроз не боятся; и шедши де на судно, из лодки нам говорил, что де за один мешок мы русским людем служим, а ты де от ково доволен да и все де мы от русских довольны, ежели бы де они к нам не присылали муки, то бы отколя себе получили что де, разве от хивинского хана хочешь ты получить или от кайсаков; они де сами хивинцы, как собаки, помирают, а кайсаки от русских же довольны бывают; разве де тово ты не знаешь, как русские сюды муки, когда не приваживали, то ради бы тогда отдать за один куль лошадь, да негде было взять, а когда к нам болея будут возить, то мы против прежнего будем жить все здесь вкупе, а ты своим сердцем хочешь угрозить, а русским твое сердце — плюнуть. Напротиву того де Мамедь Берды говорил: ял де разбивать я не говорил, разве де кто на меня

сказал лживо, а что де за одну четверть муки вы русским служите, то и теперя то ж говорю, и вы де их боитесь, а мне де нужды нет. Карабатырь говорил, что де ты отрекаешься теперя, якобы ты не говорил ялу разбить, да вот де и татарин Муса слышел. И при том же сказали ему: мы де с тобой управимся, что ты де, не спрашиваючись нас, принимаешь к себе посланников кайсацких, тако ж ныне принял двух хивинцов, не сказав нам, а мы де здесь старшины, а ты де только тем хвастаешься, что тебя хивинской хан беком, потому и становишься вроде и большим, не ты де больше, много де более тебя есть. А ты бы де хотя и помолчал, а то зачал грозить и всему народу теми своими грозами обиду делаешь. И ежели де услышит народ, что так ты делаешь и русских озлобляешь, то недолго тот час: уходят, не очень де ты семенист[1], только де надежды, что, вас три брата, и думаешь тем и всех в страх привесть. Нет де, русские не испугаются, Мамед Бердыде говорил, что хотите то и говорите, а я де русских не боюся и мне де нужды нет...

52. На той же лодке приехало трухменцов двенадцать человек, которых я спрашивал, которого они рода и какие люди и где живут и много ли их кибиток, которые объявили:

— Мы де Бузачиева рода, старшина Менглибай, и при мне знатной человек Шюйш, живем де мы отселе три дни ходу, а пришли мы жить от Хивы тому де будет более месяца для того, что при Хиве жить нам стало трудно без хлеба. К тому ж пришло де туда персицкое войско, а сколько и зачем, того не знаем, то мы и отошли, а паче и для того: знаем, что приваживали сюда русские муку и мы бывали довольны, а пришло де нас кибиток с 300, а ныне приехали сюда для покупки муки... И мы де желаем быть в подданстве ее императорского величества, для того де и от Хивы отошли. И говорили де Карабатырю и Сунгурапу: пожалуйте де и нас не оставьте, когда вам у двора ее и. величества милость показана будет. Карабатырь и Сунгурап говорили: мы де едим просить не для себя одних, но для всех, то оные сказали: мы де им верим и надеемся, что и нас не оставят прошением своим, а печатей де с нами нет, а посылать очень далеко. При том же де говорили Карабатырь и Сунгурап пожалуй де, вели им муки хотя куля три променять, дабы они празны не отъехали и прикажи де их свести на берег, а мы де останемся на судне для того, что де там при нас никто ничего не учинит.

Как три куля выменяли, то свезены на берег на яле.

55. Приказано было на яле матрозу Гавриле Плеханову, которой за квартермистра был в то время, чтоб к берегу близко не приставать и как возвратно поедут, никого в ялу не сажать. Потом оная яла возвратилась и привезли на ней Мамед Бердыбека, которой 19 числа хотел разбить ялу и при нем двух человек, то я оного матроза и гребцов спрашивал, чего ради привез на судно людей, для чего было и приказано, чтоб никого на судно не возить, токмо оный объявил:

— Что как де мы прибыли к берегу, то трухменцы вышли из ялы и стали выгружать муку, то оной, выехав в воду, и сел на ялу, то де мы стали говорить, что теперя на судне делать нечего и нам возить никого не велено, то де кричать и бранить и из ялы вон не пошел и еще двух человек с собою посадил и потому, видя его нахальство, опасаясь более спорить, дабы какой причины не учинил, привезли на судно.

56. Приказал оных отвесть на берег и притом говорил им, чтоб с берегу не допускать садиться в ялу, что здесь на судне дела нет, к

[1] Так в подлиннике.

тому ж близко вечер, а показанной Мамед Берды остался на судне, сослать силою опасся.

— Карабатырь и Сунгурап говорили: прикажи де нас свести на берег, а завтре де мы поедем в улусы и станем к отъезду убирася, а приедем сюда в пятницу, а прежде де себя пришлем людей и верблюдов, а Мамед Берды не замай, здесь у тебя будет, когда с нами не едет, а оной Мамед Берды говорил де: вы де поезжайте, а я здесь останусь: мне де дело есть.

57. Потом яла прибыла к судну, то велел я Мусе сказать ему, что он для какого дела здесь сидит, чтоб мне объявил.

— Муса сказал, что говорит он: я де приехал муки выменять, для чего де мне не меняют, а вчерась де на меня сказали напрасно, что будто де я говорил ялу разбить и то де все дело Карабатыря, он де на меня сказал, да я де его скоро ухожу.

58. Велел ему сказать, что здесь мука есть, о чем тебе третий раз объявляем, а ты говоришь, что ценна, а мне дешевле отдать нельзя, а буде сыщется у татарина Мусы, то, кроме вас, никому иному променивать не велю и приезжай завтре, а ныне уже поздно и велел свести на берег всех.

И приказал я, кроме гребцов, командировать на ялу солдат еще четырех человек для опасности, дабы какой у берега не учинил причины, и велел далее от людей по берегу пристать, дабы, высадя, скорее отгрести, чтоб люди не успели прибежать к ним на помочь; потом отвезя, возвратились на яле.

— Муса сказал, что он де говорит: пожалуй де, вели, хотя завтре, променять, а я де завтре буду. И по прибытии матроз Гаврила Плеханов да астраханского гарнизона Самарского полку Мулка Илдемирич да казак Григорей Никитин сказали: когда де высадили оного из ялы на берег и поехали прочь от берега, то оной Мамед Берды кричал и бранил и говорил, что уже де вы на берег не ездите, мы де ваше судно и ялу разобьем, а вас де всех перебьем, притом же де болея ево грозил и бранил брат его меньшей.

59. И ю л я 21. Поутру и после обеда и в полдни беспрестанно с берегу кричали татарина Мусу и пополудни в 4-м часу велел я оному татарину с абызом ехать в малой лодке в собственной, которая привезена с собой, и не доезжая так, что из ружья дострелить не можно, только спросить, кто приехал, не Икдыров ли род, и потом ехать обратно. Но как оные стали туда приезжать то пять человек, из ущелья выехав, прибежали к морю и выехав в море, выстрелили по них из ружья.

— Муса, приехав, объявил: как де мы приехали и видилося де мне, расстоянием были не блиско от берега и мнил, что из ружья выстрелом достать не можно, и опрашивал тоже, никого тамо новоприезжих нет, а все кричат: поезжайте де к нам ближе, а я де оным говорил, что ближе ехать незачем, а буде дело есть, говорите. То как де я еще не приехал, то видел, что один на лошади в ущелья поскакал, и видно, что конечно оной караулил, как с судна поедет лодка, то прискакав на пяти лошадях к берегу и кричали, чтоб я к ним приехал, то я поехал скорее назад. И оные, заехав мало повыше по погоде и выехав в море, по нас выстрелили из ружья, и пуля чрех нас перешла, а был Мамет Берды с двумя братьями, а стрелял брат его родной, а как зовут, не знаю.

60. После того время нас паки с берегу кричали до самого вечера, звали к себе татарина Мусу, то приказал я им сказать чрез рупор, что к ним яла до тех пор не будет, пока их старшины соберутся, Канбарбек с товарищи, да и нечего у них делать нам и им у нас.

— Муса объявил, что кричат де с берегу, что тех уже де нет, ко-

торые стреляли, и мы де дадим присягу по своему закону, что тебе ничего не сделаем и то де сделал так бездельник, за всяким де не усмотришь; пожалуй де, к нам приезжай.

62. Июля 23. Пополуночи во 12-м часу приехали с островов трухменцы в лодке семь человек для покупки муки; того ж часу с берегу по погоде приплыл к судну трухменец нагой.

— Муса объявил: оной де трухменец сказал, что прислал де его Бурунчюкова роду Пир Назар мергень сказать, чтоб взять на судно, и они де русским ничего не учинили а учинил, де им обиду не их род и просит, чтоб взять на судно или им отказать...

63. Пополудни в 1-м часу приехали на судно Пир Назар мергень и с ним Эдна-Менгли и между разговоров велел я спросить ево, что, где они были и для какого дела на судно приехали?

— Пир Назар мергень сказал, что мы де были в улусе своем, а вчерашнего дни приехали и много кричали, чтоб прислали к нам лодку, только де с судна к нам не прислали, и слышали де мы, что Мамед Берды выстрелил из ружья по вашим людям и он де так сделал очень нехорошо и всему де народу сделал обиду и за то ему, ежели более лодку посылать на берег не будете, то де конечно его убьют.

О деле де нашем что желаем мы быть в подданстве ее и. величества, в своем мы роде между собою советовали и положили, чтоб нам послать от себя особливого, тако ж и прошение написать особое ж, а с Канбарбеком де и с его товарищи вместе написаться не хотим для того, что наш род их роду выше, а они де себя почитают выше напрасно. И ежели де нам не веришь, то вели де спросить людей нашего Бурунчюкова рода.

64. Приказал я им объявить, что, по моему мнению, конечно мне видится надлежит вам прошение свое написать обще и послать со общего ж согласия всех родов старшин кого и сколько выберете, о чем я вам и прежде о том объявлял, а не так как только одного рода, ибо оное к вашей пользе лучшее и состоит на вашей воле, а мне до выборов ваших дела нет, тако ж и буде ваш род старее, то надлежит же вам говорить о том с ними ж старшинами...

69. Июля 25. Пополудни в 6-м часу приехало много к берегу трухменцов и кричали, чтоб подать ялу, а видно было, что старшины приехали; и послан был татарин Муса в малой лодке для проведывания, что кто приехал и приказано было, буде Канбарбек с товарищи, то пристать к берегу, потом послана будет и яла. И как татарин пристал к берегу, то послана яла и привезли на судно Канбарбека, Карабатыря, Онбеги Сунгурапа да Шапык Ниаз батыря и при них восемь человек трухменцов.

— Канбарбек де с товарищи сказали, что они на судно совсем уже к отъезду приехали и обещанную де муку вели нам свести на берег, а они де уже с судна не пойдут и по отвозе той муки надлежит итти в путь. При том же де сказали, что беглых русских пяти человек не могли мы выручить, только де уже сказали тем, у кого они, и чтоб их никуда не продавали и, буде они у вас спросятся впредь, да имеется де при нас трухменцов восемь человек, из которых для услуг наших четыре человека, а четыре де, в том числе один мулла, наши ж люди, только для своих нужд в Астрахань, а паче для свидания с родственниками своими едут.

70. По тому их объявлению приказал я отдать муки всем четырем, причитая к четырем четвертям двадцать пять кулей, да трухменцу Мурат Ниаз мулле один куль, которому я обещал, и по отдаче свезли на берег. И при том же между разговоров велел я спросить, что пе-

чати с собою привезли. И притом же объявил: Бурунчукова роду были у меня на судне старшина Алибай и с ним Пир Назар мергень и обещали они вас дождаться для совету, видились ли они с вами или нет?

— Канбарбек де сказал, что у них с Сунгурапом печати есть, а Карабатырь да Шапык Ниаз батырь приложат знаки, ибо де в их роде печатей нет, при том же де говорили, чтоб до утра подождать для того, что послано от них за кавтаном Канбарбековым и привезут де рано. При том же де сказали: мы де Бурунчукова рода старшину Алибая видели и Пир Назара мергеня, и оной де Пир Назар сказал нам, что мы де в прошении с вами написаться не хотим и поехали в улус. И говорили, что уже нечего де ждать, никто еще не будет и утре де надлежит итти в путь и когда де мы будем приняты в подданство ее и. величества, то все де будут прилежно просить не токмо они, но и другие, что услышат, то де и придут в подданство.

71. И ю л я 26. Привезли к ним кафтан и потом был ветер благополучный, пошли в путь свой, потом приказал я говорить, что видится мне здесь для построения крепости способного места нет для того, что пресной воды нет.

— Канбарбек де говорил, мы де место знаем весьма есть способно, которое называется по званию нашему Кара Акын, близ Тюк Карагани, где и воды де много, которая течет из колодезев в море, к тому ж де и пристань судовая безопасная ж и когда де повелено будет построить, то уже де мы сами то место покажем.

72. И ю л я 27. Стояли на якоре за противным ветром не дошед Тюк Карагани; того ж числа прошение свое ко двору ее и. величества показанные старшины паки абызу, посланному со мною, читать велели, тако ж и письмо к его превосходительству г. тайному советнику и астраханскому губернатору и по прочтении пришли ко мне в каюту и приложили печати и знаки.

Потом приказал объявить им, что̀ я у себя имею, то довольствовать буду, а чтоб здесь на судне печи хлебы или калачей, того невозможно, потому что пшеничной муки со мною не имеется, а паче всего, что командир судна объявил мне, что де на судне печь хлебов невозможно: 1) опасности ради от пожара, 2) что весьма печь худа и мала и для того довольствия их старшин отдали им одного барана да, взяв под образом займа у штюрмана Павла Лебедева его собственных сухарей три пуда, отдал на довольствие их служителям.

— Татарин Муса объявил: Канбарбек де с товарищи говорит, что де у нас собственного для пропитания нашего ничего с нами не имеется, и чтоб де нас капитан довольствовал и велел бы де про нас печи хлебы и калачи. Потом де объявил ежели де печи калачей и хлебов нельзя, то хотя де велите дать людем нашим сухарей, чтоб оные были довольны.

73. Потом приказал я спросить Канбарбека, что прежде сего слышал я от него о Хиве, что пришло к ней персицкое войско, а для чего и много ли ево, тогда не сказал, а обещал сказать, будучи в пути, чего для я ныне припомнил; ежели можно, чтоб пожаловал объявил.

— Татарин Муса сказал: Канбарбек де объявил, что к Хиве де пришло войско персицкое, а сказывают бутто тритцать тысяч и оное де войско подлинно пришло не для раззорения Хивы, но для де трухменского народа, чтоб оных привесть в подданство, ибо де в прошлом году, живущие трухмены около Хивы стали противу хивинцов усиливаться во всяких поступках, и мы были несклонны, то де один хивинец ушел из Хивы к шаху и сказал ему, чтоб он прислал туда свое войско, то можно де всех трухменцов привесть в подданство: потому де оное войско и прислано. И умутовские трухменцы приходу того

войска не знали и, как пришло то войско, нечаянно напали, и великая де у них между собою учинилась баталия, на которой много трухменцов побито, а трухменцы де вдвое более персиян побили и отошли в горы. И потом присылали де к ним посланника с дарами, чтоб они были у шаха в подданстве, но оные де им отказали и присылали ко мне посланца, чтоб просить у русских о привозе муки на продажу, то и они придут жить в Мангишлов, которого де я отпустил обратно и обнадежил их, что подлинно исходатайствовать могу; а потом де от них уже другой прислан, которой де был у вас и на судне, то де я оного отправил паки обратно к ним. При том же де и сына своего послал с тем, чтоб они все пришли к Мангишлаку, а о себе велел объявить, что я сам для себя и для них поехал ко двору ее и. величества просить о принятии нас в подданство и обещал им, как де буду в Астрахань, то де конечно у астраханского губернатора просить буду, чтоб одно судно послать для продажи муки в Мангишлов, и тому де они конечно поверят и будут в Мангишлов, только де того весьма жаль, что де мы долго в пути продолжимся.

74. На оное приказал я им объявить: ежели ветер будет благополучной, то конечно прибытием не замедлим.

— Муса объявил: Канбарбек де говорит, ежели де мы приедем к берегу, то б де нас уже с судна снять надобно долой и посадить на лодки, в которых де можем скоряе дойти до Астрахани для того, чтоб в приезд наш скорея по просьбе нашей отправили судно в Мангишлов с мукою для продажи, чтоб де все вновь пришедшие умутовские трухменцы, тако ж и другие, удовольствоваться тем могли, ибо де они конечно уже надеяся на обнадеживание наше, не замедля придут...

83. Августа 11. Прибыли к Блиновой ватаге, где стоял с лодкой посланной из Астрахани солдат Иван Муковнин и привез с собою двух баранов и сто чюреков. И велел я им старшинам отдать одного барана да чюреков 50, то того ж часу убив, сварили и пообедав, пошли в путь.

Того ж числа по полудни в 6-м часу прибыли в Астрахань все благополучно и поставил оных на квартиры и отдал другого барана и чюреки.

Из Выписки о трухменцах, 21 февраля 1746 г.[1]

Прошлого 1741 года февраля от 13 бывшей калмыцкой хан Дондук Омбо[2] к бывшему ж генералу адмиралу графу Остерману[3] писал.

Что напред сего бывшие у деда и отца его ханского в подданстве трухменцы между собою воз'имели ссору и пришли в несогласие, на которых тогда киргиз касаки нападали и многих разорили, а оставшие на прежнем их месте уже жить не могли и отошли к Хиве.

И получил он хан, чрез бывших людей его в Хиве, известие, что прошлою осенью во время взятья персицким шахом Бухарии и Хивы, бывшие при Балхе, Бадакшане и Бухарии трухменцы все, собравшись с 300 тысяч кибиток и желая иметь жительство с калмыцкими трухменцами на прежних своих местах и с калмыками соединиться, отошли и передние из них пришли на Мангышлак и знатные из них старшина тем его ханским в Хиве бывшим людем приказывали его хана поздравить и причем объявить, что когда они для жительства своего изберут удобное место и тогда пришлют к нему хану со уведомлением знатного человека, и что ежели он хан им трухменцам у

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, № 3, опись № 219, 1741—46 гг., лл. 1—20.

[2] Дондук Омбо, внук калмыцкого хана Аюки, в 1735 г. был назначен главным управителем калмыцкого народа; в 1736 г., за услуги, оказанные царскому правительству во время турецкой войны, получил грамоту на ханское достоинство.

[3] Остерман стоял во главе Коллегии иностранных дел.

ее и. величества исходатайствовал им, чтоб прислано было к ним для продажи на 4 или на 5-ти стах судах муки, ибо они люди не кочевные и обыкли к хлебу и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут. И представлял он хан, чтоб о том послать в Астрахань указ, дабы оттуда весною того 1741 года для вспомоществования им отправить к ним купечество.

И на оное хана Дондук Омбы представление, по определению бывших кабинетных министров, от 21 марта к нему хану от Остермана писано.

Что сие дело, чтоб к тем трухменцам ехать с торгом, состоит в воле купечества. Того ради послан указ к астраханскому губернатору князю Голицыну, чтоб он о том велел объявить тамошнему астраханскому купечеству, дабы из оных охочие люди с хлебом и с другими товары туда ехали.

А елико принадлежит до желания тех трухменцов о искании высочайшей ее императорского величества протекции, и о сем, когда их будет формальное прошение, то тогда по усмотрению их состояния и резолюция воспоследовать может.

А в указе от того ж числа к астраханскому губернатору князю Голицыну писано.

Чтоб ему губернатору осведомиться, как напреж сего в те места, где те трухменцы бывали, хлеб отпускиван был и чтоб ему в том поступить по прежним обыкновениям и по его усмотрению и сперва отправить туда для пробы с мукою и с другим хлебом хотя небольшое число и притом послать кого под претекстом купечества искусного человека и велеть оному удобвозможным образом разведать о множестве того народа, и военной ли оной, и какое оружие имеет, а особливо, в каком состоянии и намерении находится, и где прямо свое пребывание иметь желает, и когда он губернатор в том усмотрит пользу интересов ее и. величества, в таком случае и еще к ним с хлебом послать, и несколько человек из них знатных призвать ему к себе и со оными пространнее переговорить и милостью ее и. величества обнадежить, и, когда усмотрит пристойность, то может говорить им от себя, чтоб они для всеподданнейшего прошения высочайшей ее и. величества протекции отправили кого из себя знатных старшин ко двору ее и. величества и, тако приласкав, на отпуске может чем пристойным и подарить, да и в бытность их в Астрахани квартирою и кормом удовольствовать и тем подать им случай, дабы они и мимо калмыцкого хана о всем к нему губернатору адресовались. И когда от них нарочные посланцы будут сюда отправлены, и ему губернатору оных, удовольствуя кормовыми и прочим, сюда отправить, а хану Дондук Омбе о купечестве, ежели б он стал от него губернатора требовать известия, объявлять так, как к нему хану отсюда писано, что все положено на собственное его губернатора рассмотрение.

И от 28 августа того ж 1741 года оной губернатор князь Голицын в коллегию иностранных дел доносил: что по силе того указа посылал он к Мангышлаку к трухменцам, под претекстом купечества, астраханского гарнизона капитана Гаврилу Тебелева на одном судне с запасом и велено ему, тамо будучи, о всем надлежащем наведываться и оной капитан Тебелев на том же судне оттоль в Астрахань возвратился и о бытности его тамо подал ему губернатору журнал, из которого усмотрено, что трухменцев находится тамо по островам и по горам в разных местах только 253 кибитки...

А 1745 года маия от 13 числа бывшей в Астрахани губернатор тайный советник Татищев доносил: что приехавшей в Астрахань из Хивы

посол Аджи Могамед Ахун мулла Турсунов объявил ему словесно, яко в бытность его при Мангишлакской пристани от кочующих во оном месте трухменцов шести родов старшин поручена ему комиссия о исходатайствовании при дворе ее и. величества о принятии их трухменцов в подданство российское и для их бы защищения во оном месте построить город, причем объявил от них старшин письмо на имя ее и. величества, но у оного их письма, как обыкновенно бывает, печатей нет, и о построении города в прошении их не написано.

И потому по силе указа от 21 марта 1741 года для подлинного об оном осведомления и сколько их числом, как военных, так имеющих скота и прочего избытка и о сущем их трухменцов желании подданства Российского отправил он тайный советник на морском судне астраханского гарнизона капитана Копытовского и муки ржаной казенной до 200 кулей и велел он тайный советник: естли сущее имеют они трухменцы желание подданства ее и. величества, то б написали обо всем к ее и. величеству свое прошение обстоятельно и свои печати приложили и с тем отправили б из старшин и знатных людей несколько человек, к чему всячески со обнадеживанием их склонить и буде к тому склонятся, то из оной посланной из Астрахани муки подарить им старшинам мешков по 5 или более, по усмотрению обстоятельства, а естли не склонятся, то оную муку продать или променять. И при том его доношении с письма поданного хивинским послом приложена копия, а во оной написано.

Ее и. величества раби, живущие при Мангышлаке, трухменские старшины Делинского роду Канбарбек, Менгли-ходжинского роду Сунгурап Онбеги, Угранского роду Мембеть Бердыбек, Гурбанского рода Карабатыр, Бурунчукского рода Алибай и Икдырского рода Баубек Батыр, мы вышеписанные вашего и. величества раби и с Мангишлакскою землею желаем быть рабами и в подданстве вашего и. величества, чего ради сие наше прошение написав хивинскому послу мулле Аджи Могомеду вручили, дабы оное до вашего и. величества дошло.

Того ж 1745 года июля от 22 подполковник Спицын в коллегию доносил.

Что того июля 20 дня наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши присылал к нему прикочевавших в подданство ее и. величества в 30 кибитках трухменцов мужеска 52 и женска пола 49 человек, которые отправлены были от коменданта Гурьева Яицкого городка под конвоем капрала и двух салдат, и из оных трухменцов один старшина, называемой Новот, при разговорех о себе объявил, что прежде сего, когда Хива и Бухария и протчие тамошние орды вступили в подданство шаха персидского, и тогда они трухменцы к нему шаху в подданство не пожелали и для того определено было над ними от шаха шесть ханов, которые им, трухменцам, многие обиды причинили, но они, трухменцы, не стерпя того, учинились им противны и убили первого хана, за что уже шах персицкий приказал собрать войски тамошних орд и свои персицкие и итти для разорения их трухменских орд. И был у них бой чрез целые сутки, и убили они, трухменцы, еще ево ж шаховских знатных трех ханов и, видя на себя такое нападение, пошли на побег с 10 тысяч кибиток по разным местам в урочище Казыл Джелгын, а он, Новот, покочевал в подданство российское, потому что имеются при помянутом наместнике ханства свойственники его трухменцы ж Эрке батыр и прочие, а в Астрахань они трухменцы не кочевали за тем, что они за продолжением в пути пришли в самое убожество и все свои кибитки разбросали, а для объявления о себе послали в Астрахань из старшин двух человек.

При том оного подполковника Спицына доношении прислано от наместника ханства Дондук-Даши письмо, в котором в коллегию ино-

странных дел написано: что древние их трухменцы, отошедшие в Хиву, ныне с хивинцами, также и с персиянами, учиня междоусобие, перешли оттуда на старое их жилище, называемое Мангышлак, откуда из тех трухменцов пришло к нему наместнику ханства 30 кибиток, и объявили о себе, что они пришли по вышеписанной причине и памятуя древнее их жилище и владельца их, и что, и окроме их, многие желают в калмыцкие улусы притти, токмо в переходе их имеют опасение от касак, причем он наместник ханства представлял, что хотя б он наместник при таком их желании и посланца своего мог к ним отправить и их к себе перезвать, но опасен того, чтоб Татищев и еще какого оклеветания не учинил и для того на сие ожидает указа. И ежели оных трухменцов в том будет правда, то, как пришедшие из них сказывают, что ежели при нынешнем случае ему наместнику послать к ним от себя человека, то оных трухменцов до 10 тысяч кибиток притти могут...

В Коллегию иностранных дел тайной советник Татищев доносил: от 21 июля: что из вышеписанных трухменцов 30 кибиток 2 татарина и с ними данные от гурьевского коменданта для препровождения их до Астрахани троя солдат в Астрахани показали, что оные татара с женами и с детьми и со скотом ехали, по их желанию, для житья в Астрахань, но на пути их перехватили высланные из калмыцких улусов от наместника ханства калмыки и владения его трухменцы и загнали их неволею к нему наместнику в улусы, где и поныне имеются, и представляет он тайный советник, что хотя оных татар от наместника требовал присылки в Астрахань, однако ж мнит, что он наместник ко удержанию их у себя будет отговорки употреблять и в Астрахань их не отпустит.

А по мнению его тайного советника есть ли оных ныне пришедших и впредь выходящих от Хивы и от Мангышлака татар оставить в калмыцких улусех, то от оных не токмо государственной пользы не будет, но могут оные еще пакости причинять и бегать на Кубань, и для того не повелено ль будет об отдаче оных татар к нему, наместнику ханства, послать грамоту.

От 21 августа [1], что посыланной от него для разведования к живущим при Мангышлакской пристани трухменцам капитан Копытовской оттуда возвратился, и трухменцы прислали с ним для прошения у двора ее и. величества о принятии их в подданство старшин и служителей. А что в бытность оного капитана Копытовского тамо происходило, подал он журнал, а старшины трухменские за своими печатьми и знаки прошение, с которых он тайный советник в коллегию прислал копии, а их трухменских четырех старшин, с толиким же числом служителей, с дачею им в дорогу подвод и кормовых денег отправил сюда, а для удовольствия в Мангышлаке трухменцов по прошению их приказал он тайный советник отправить откупщику Лошкареву с мукою одно морское судно.

А о перенятых на пути трухменцах, ушедших от Хивы, наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши подполковнику Спицыну ответствовал, яко шли они не в Астрахань, но к нему наместнику для родственников своих, которые издревле у него находятся, и для того он наместник ханства без указу отдать их намерения не имеет...

А в прошении тех Мангышлакских старшин, поданном тайному советнику Татищеву, написано: что они старшины приехали в Астрахань, уповая от ее, и. величества получить себе неизреченную и высочайшую милость о принятии их в подданство всероссийское, а их состоит 4 рода, у каждого имеется по 600 кибиток с подлыми людьми,

[1] Речь идет о другом донесении Татищева в коллегию, от 21 августа 1745 г.

и для того просят о принятии их в подданство и в верности к службе по их закону чрез куран должны учинить присягу и при том же от ее и. величества просят позволения в построении при Мангышлакской пристани города и во оном бы определить российского доброго командира и чтоб позволено было российским подданным купцам со всякими товары и съестными припасами к ним ездить и торговать; а когда слух подастся, что при оной пристани построен город, то тогда для оного могут и прочие вдали живущие трухменцы весьма желательно притти в подданство, понеже оных множественное число имеется.

Того ж 1745 года ноября от 28 дня действительный камергер и астраханский губернатор Брылкин доносил, что посыланный прежним губернатором Татищевым к Мангышлаку с мукою штурман Лебедев[1] возвратился.

А в бытность его при Мангышлаке приплыли к судну его, бежавшие от трухменцов, российской человек Никита Аристов, а на другой день женка Катерина Степанова, которые им и на судно приняты.

К нему ж Лебедеву на судно приезжающие трухменцы сказывали, что прибыл от Хивы минувшим летом для житья к Мангышлакской пристани Бузачинской род в 1 000 кибитках, которые желают быть в подданстве ее и. величества и по их прошению написано и привезено оным штурманом о том письмо к губернатору астраханскому на русском диалекте, которое им чрез толмача чтено, и к тому письму приложили они печати и знаки.

А в приложенных при том губернатора Брылкина доношении копиях написано.

Хивинской хан Абулгазы Илбарсов к губернатору астраханскому, между другим, от 7 августа 1745 года писал:

Живущие в нашем Хурузимском ханстве трухменцы народу нашему учинили немалое беспокойство, чего ради принужден я, не стерпя от них того беспокойства, представить его шахову величеству персидскому, по которому моему представлению его величество, показывая ко мне высочайшую милость, на вспоможение для усмирения оных прислал конное войско под главною командою племянника своего и из тех трухменцов некоторые побеждены, а другие ушли к Балханским горам, после чего нашего ханства подданные люди остались в покое.

При сем же объявляю, [что] наше Хуразимское ханство доныне с Российским государством, продолжая со обоих сторон купечество, в дружбе находились, чего для и ныне чрез сие прошу, чтоб как посольство, так и купечество, получая со обоих сторон пользу, лучшее прежнего продолжалось.

По получении сего изволите приказать, чтоб как с вашей стороны купцам отпуск, так и с нашей стороны приезжающим с товаром пропуск чинен был невозбранно.

Того ж 1745 года ноября 22 дня прибывший из Хивы хивинской татарин Ниаз Мет по разговорам губернатору Брылкину объявил следующее.

Что когда в прошедших годах, назад тому лет с пять, Хивою овладел персицкой шах, то нынешнего хана Абулгазы отца Илбарс хана умертвил и на его место ханом пожаловал оного его Илбарс хана сына Абулгазы, и с того времени и поныне состоит в его шаховой протекции, токмо от податей всяких, подлежащих ему шаху, он уволен и в прошедшем году, кочующие около Хивы трухменцы, именуемые текеемудмутцы, екдерцы, чавдырцы, арбачинцы и пеллячинцы взбун-

[1] Штурман Лебедев ездил с капитаном Копытовским в 1745 г. к восточному берегу Каспийского моря. Журнал его плавания хранится в ГАФКЭ в «Туркменских делах».

товали и около Хивы деревни разорили и пожгли, а людей старых порубили, молодых мужеска и женска полу полонили и город Хива от них во осаде была 8 месяцов и никому из города Хивы выезду не было, однако ж хивинской хан Абулгазы тайно к персидскому шаху с прошением посылал нарочных людей, дабы его и город Хиву от них противных трухменцов оборонить, почему оной персицкой шах минувшего лета прислал в Хиву своего племянника Али-Гули хана, которой в Хурасани губернатором, в 30 тысячах военных людей и тех трухменцов некоторых до смерти побили, а других четырех родов Акдерова, Деавдерова, Аарбачиева и Пеллячиева в принадлежащее к Бухарам местечко, имянуемое Джааржу, отвели и в оном их поселили и взяли из них в службу персидскую выбранных людей 400 человек, а другие трухменцы такеемутцы отошли к берегам Каспийского моря к Балханским горам, где и поныне живут.

Тот шахов племянник Али-Гули хан при Хиве был месяцов с 8 и при возвращении своем по прежнему в Персию, оставил у хивинского хана из персицкого войска 6 000 человек, чтоб оным войском у тех отшедших к Балхану трухменцов взять в службу выбранных же людей 400 человек, а достальных для житья перевесть в Хурасан. А в бытность его Ниаз Метя у Каспийского моря в урочище Мангишлаке трухменцы Мангишлакские сказывали ему, яко вышеупомянутые отшедшие к Балхану трухменцы в персидскую службу 400 человек уже дали, с которыми оставшее в Хиве персицкое войско 6 000 человек возвратились в Персию, а те, такаемутцы, жительством остались при Балханских горах.

Того ж ноября 23 дня хивинской посол Аджи Могамед Ахун мулла Турсунов, в бытность его у губернатора Брылкина, между прочими разговорами ему объявил: что их хивинской хан Абулгазы по прежним обыкновениям отправил его ко двору ее и. величества с поздравительным листом о восшествии на Всероссийский престол ее и. величества и притом просит, чтоб против прежнего для купечества посыланы были в Хиву с товары купецкие караваны, также и из Хивы в Россию чрез Мангышлакскую пристань, от которой де пристани оные караваны до Хивы и оттоль обратно препровождаемы будут данным от оного хивинского хана конвоем, а от Астрахани б до Мангышлака и оттоль до Астрахани те караваны перевозить чрез море на российских судах.

Доношение коллегии иностранных дел правительствующему сенату, 18 сентября 1763 г.[1]

На восточном берегу Каспийского моря при мысе и при стане, называемой Мангишлакской, живет трухменской кочевной народ, который просил напредь сего неоднократно о принятии себя в здешнее подданство с тем, чтоб из Астрахани морские суда с хлебом к ним отправляемы были, имея в том великую нужду по недостатку способов из других мест получать.

По разведываниям, учиненным чрез посылку нарочных офицеров из Астрахани к Мангишлаку в 1741 и 1745 годах оказалось, что оной народ весьма малочисленной и варварской и между себя несогласной, да и никакого у них подчинения нет, а тамошнее место гористое, и горы, будучи высокие и крутые и ущельев исполненные, состоят из мелового камня и от дождей валятся, а некоторые горы и кремнистого камня, пресной же воды, кроме находящихся между гор колодезей, там не сыскано, но пристань для судов весьма безопасная.

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 34—40.

По такой непрочности в сем народе и оказавшейся неудобности к заведению в тамошнем месте крепости, для содержания трухменцов в настоящем подданстве приезжавшим сюда трухменским старшинам в 1746 году от здешнего подданства отказано, а только отдано астраханским купцам на волю суда свои с хлебом отправлять, когда сами похотят.

Между тем прежде, нежели город Оренбург построен, и там для азиан торг учрежден, как хивинские, так и бухарские купцы ездили для торгу в Астрахань, сперва чрез реку Яик и простирающуюся от оной реки к Астрахани степь, а потом и чрез море на судах, от астраханских купцов к Мангишлаку высыланных; тогда сия коммерция в Астрахани, как известно, происходила с немалым успехом. Напротив того, сколько доныне старания ни прилагается о распространении в Оренбурге комерции, да и сами азиане охоту к тому имеют, только почти непреодоленное в том препятствие находится по причине варварского и к воровству и грабительствам склонного киргис касацкого народа, чрез которой азиатским купцам в Оренбург проезжать и возвращаться надлежит, а в том народе, не будучи почти также никакого подчинения, едва ли оной к чему доброму и доведен быть может.

Итак хивинские и бухарские ханы время от времени здесь домогались, чтоб при продолжающемся с азианами в Оренбурге и в Троицкой крепости торгу дозволено было их купцам торговать и в Астрахани по прежнему и для перевозу их высылать из Астрахани суда к Мангишлакской пристани, о чем и бывшей напоследи в Москве, в нынешнем 1763 году хивинской посланник имянем своего хана и всего общества усильно домогался, в чем ему некоторое обнадеживание при отпуске его и учинено.

А как в самом деле от азиатской коммерции весьма той прибыли не получается, какова б быть имела от порядочного и безпрепятственного оной произвождения, которая со временем в таком случае столько б усилилась, чтоб и до самых отдаленнейших мест распространиться могла, но выше сего означено, что весьма мало надежды есть дорогу чрез киргис касацкую орду безопаснейшею зделать, по крайней мере вскоре, и потому ныне к заведению с азианами порядочного торгу остается удобным помянутой только Мангишлакской мыс, к которому и из Астрахани морем приезд свободной. А хотя по учиненным из Астрахани осмотрам способного места не сыскано к учреждению тамо небольшой крепосцы для складки товаров или, на последней конец, для содержания судов, ибо без того на тамошнем берегу для живущих тут трухменцов торговать да и судам во время случающихся бурь надежного убежища иметь не можно, но может быть, прежние осмотры не с такою прилежностию, с какою надобно было б, учинены, почему не совсем еще и безнадежно, не сыщутся ли удобные к тому места, хотя несколько и ниже того мыса, или не можно ли такой крепости завести и на Тюк Караганском острову, в той же стороне лежащем буде на нем пресная вода есть и высокое место, того ради при отправлении из Москвы обратно хивинского посланника препоручено было от коллегии иностранных дел бывшему астраханскому губернатору действительному статскому советнику Неронову, посланным к нему от 27 февраля указом, отпуская хивинского посланника в Мангишлак, послать с ним нарочного способного офицера из морских инженерных или гарнизонных и приказать ему все тамошние места с возможным рачением и прилежностию, однакож не вдаваясь в излишнюю опасность от живущих там трухменцов, осмотреть и описать, а потом оному действительному статскому советнику Неронову о том и в коллегию донесть с приложением его мнения, на каком основании такая крепость заведена быть может.

На сие действительной статской советник Неронов в коллегию иностранных дел от 18 июля сего 1763 года доносил, что он, отпуская из свиты хивинского посланника, которой вскоре по приезде в Астрахань умер, нескольких человек намерен был и вышеписанное порученное ему дело исполнить и для того требовал от тамошних инженерной морской и гарнизонной команд о присылке для сего дела способных офицеров, но от инженерной команды ответствовано, что при оной офицеров нет, кроме одного (которой, по ордеру г. генерала-фельдцейхмейстера Вильбоа, находится для снятия Астраханской крепости плана и профилей), а сверх того от оного ж г. генерала-фельдцейхмейстера подтверждено, чтоб по требованиям главной полиции и протчих подобных сему мест не представя к нему, инженерным офицерам и кондукторам никакого командирования не делать.

А находящейся в Астрахани капитан над портом Токмачев представил, что для показанной надобности может послан быть шхипер II ранга Иван Кондратьев, яко к тому искусной, а сверх того не рассуждено ли будет при нем отправить еще штюрмана и подштюрмана из присланных ко определению на купецкие суда для того, что одному шхиперу, да другому инженерному офицеру во описании всего едва ли исправиться будет можно, яко глубину воды надлежит измеривать, ездя на малых судах, да и протчее описание чинить ночью, дабы трухменцы узнать того не могли. Но притом оной капитан Токмачев требовал определения, откуда оным шхиперу, штюрману и подштюрману, в бытность в сей посылке, производимо будет жалованье окладное и сверх того, по силе морского устава, на две порции, да по указу из адмиралтейской коллегии 1747 года декабря 4 дня, за бытие компании на море, за каютную посуду окладное на месяц, а штюрману и подштюрману, по силе морского ж устава, морской провиант, каждому по одной с половиною порции, ибо он Токмачев при отлучении их в ту посылку из адмиралтейской суммы, без указу давать им не того не смеет.

От Астраханской же гарнизонной канцелярии прислан был для сего дела секунд-майор Иван Смольянинов, знающий, по объявлению из той канцелярии, инженерное искуство, и бывшей в инженерном корпусе обер-офицером, но оной с своей стороны предъявил, что как он в 1760 году военною коллегиею выпущен из инженер капитан-поручиком, за слабым его здоровьем и неспособностию быть в полевом инженерном корпусе, с того времени, исключась от сей должности, и имея ту науку без повторения, почти всю оную позабыл и исправить по ней должности не берется, чтоб в чем не погрешить.

Потому действительной статской советник Неронов, представил, что понеже на дачу означенным морским служителям жалованья, провианта и порции, как капитан Токмачев требует, денег и из Астраханской губернской канцелярии, без указу штатс-конторы, употребить нельзя, а секунд-майор Смольянинов в инженерной науке предъявил себя неисправным, то сия посылка при нынешнем случае остановлена, и для того просил он Неронов, на каком трактаменте повелено будет из морских офицеров к сему употребить, определить его указом или истребовать к тому инженерных офицеров от главной команды.

Правительствующему сенату коллегии иностранных дел представляет, что когда, несмотря на все происходящие доныне с киргис касацкой стороны помешательства, однако же остаются еще некоторые не совсем безнадежные способы к привлечению к здешним границам азиатской комерции и к беспрепятственному оной, в разсуждении Астрахани, произведению, к чему, как вышеозначено, и сами азиатские купцы всегда охоту и склонность предъявляют, имея свободную и безопасную от киргис касак дорогу проезжать из Бухар и Хивы в Ман-

гишлак, то и нужда необходимая настоит, пользуясь склонностию оных азиатских купцов, стараться такие подающиеся способы привесть как наискоряе в самую действительность. И для того не изволит ли правительствующий сенат за благо разсудить, чтоб впредь в осмотре Мангишлакского мыса и тамошних околичностей такой же остановки, как ныне произошло, заблаговремянное распоряжение учинить, и астраханского губернатора генерала-майора Бекетова снабдить достаточным определением о посылке туда будущею весною способных людей из морских и инженерных офицеров для осмотру тамошней стороны и приискания удобного места к заведению там крепости, определяя назначиваемым к тому на время сей посылки и некоторое сверх их окладного жалованья пристойное снабдение, естьли для поощрения их за потребно покажется, а еще б лутче было, ежели б отсюда нарочные из инженерных и морских офицеров для сего дела отправлены были, а чтоб сей осмотр толь лутче и надежнее в действо произведен быть мог, нежели прежния, которые гварнизонными офицерами не могли быть исправлены с надлежащею точностию, да и по опасности от живущих тамо варваров трухменцов, то коллегия иностранных дел разсуждает, что ничто не воспрепятствует с теми людьми, которые для того назначены будут, отправить из Астрахани на морском судне капральство или и больше гранадер, снабдя их довольною аммуницией; при таком конвое способнее и безопаснее будет тамошние места осматривать и описывать, а трухменцы, хотя б и потревожились, но будучи народ малочисленной и никакого уважения не заслуживающей, из того никаких предосудительных следствий случиться не может.

В протчем коллегия иностранных дел за нужно находит правительствующему сенату и такое еще свое разсуждение при сем же случае донесть, что естьли бы сумнение возимелось по воспоследуемому при сих распоряжениях по большой части по обращению азиатской комерции в сие место и следовательно в Астрахань, к умалению происходящей с азианами як в Оренбурге, где получаемая от того прибыль чрез пошлину, сколько известно, назначена и определена на многие тамошние нужные росходы, в таком случае кажется не невозможно будет толикое число доходов, сколько по Оренбургской губернии будет, определить на оную из получаемых пошлин с сего новоучреждаемого торга, о чем однако же в свое время точнее разсуждать будет можно, столь наипаче, что хотя б сия вновь заводимая крепость торгом и в самом деле по здешнему желанию усилилась, только во оную приезд быть может по способности из Хивы и Бухарии, а чрез них и из дальных, позади сих областей лежащих, мест; но что касается до обоих киргис касацких орд, также ташкенцов и туркестанцов, то не чаятельно, чтоб они отстали от торгов в Оренбурге и в Троицкой крепости, будучи для них ближе, а потому и способнее ездить в сии оба города, сколько б киргис касаки ни препятствовали. Между тем заведение со здешной стороны при Мангишлакском мысе или в близь лежащих от того места крепости сверх сего, что надежда подается о склонении чрез то к здешним границам азианской комерции без дального, на предбудущие времена отлагательства, послужить имеет и в том, что когда киргис касаки увидят, как хивинцы, так и бухарцы, минуя их, прямо приезжать будут для своих торгов, то чаятельно, что и сами для своей прибыли, за препровождение купецких караванов получаемой, и чрез свою орду в Оренбург такие караваны охотнее пропускать станут и от грабежей удержатся. При всем том, хотя сия крепость и в стороне от киргис касацкого кочевья находиться будет, однако же в некоторой повод и к собственному их поселению способствовать можете, потому что хан киргис касацкой хотя с нескольких лет в таком намерении и для отвлечения киргис касак от кочевания при реке Яике,

где от них всегда продерзости происходят, и склоняется, чтоб согласился на построение для себя крепости при реке Эмбе, ниже реки Яика, а выше Мангишлакского мыса в Каспийское море впадающей, но в том доныне нисколько не предуспето; напротив же того, когда увидит он сию при Мангишлаке крепость может быть, и на то охотнее поступит, особливо в разсуждении сего, что киргис касаки могут и в зимнее время муку покупать от той крепости, когда в зимнее время от Оренбурга за стужами и за снегами доставать им хлеб неудобно. Умалчивается при том, что по заведении при Мангишлаке крепости сыскали бы способы мыслить о распространении здешнего владения и далее в тамошней стороне, а до того времени, кроме других чаемых польз, равномерно может служить и к спасению здешних людей, которые, по разбитии при восточном морском береге судов, попадаются в варварские руки.

Коллегия иностранных дел на все сие будет ожидать от правительствующего сената ее и. величества указа.

Подлинное подписано по сему Князь Александр Голицын.

Промемория из государственной коллегии иностранных дел в канцелярию главной артилерии и фортификации, 21 октября 1763 г.[1]

Коллегия иностранных дел по обстоятельствам произходящей при здешних границах комерции из разных азиатских областей с купцами, как то с бухарцами и хивинцами, имея основательную причину надеяться умножить оную к пользе высочайших ее и. величества интересов, когда подала бы к тому со здешной стороны удобность, отвращением либо тех трудностей и препятствий, каковы находятся в проездах тамошних купцов к здешним границам и в возвращении их назад чрез киргис-касацкой народ, почти никакого подчинения не имеющий, а потому ко всяким своевольствам склонной, или проложением другой безопаснейшей дороги, находит к тому ближайшим способом, не будучи возможно киргис-касак довести вдруг до лутчего и спокойнейшего состояния, чтоб на восточном берегу Каспийского моря, при мысе так называемом Мангишлакском, основана была крепость, для складки привозимых туда из Астрахани чрез море товаров, к которому мысу, как в оной коллегии за подлинно известно, проезд из Хивы и Бухарии не только не очень дальней, но и довольно безопасной.

При отпуске в нынешнем году из Москвы хивинского посланника, которой равномерно имянем своего хана и целого тамошнего общества домогался о точнейшем установлении коммерции, между Хивы и Астрахани, сверх произходящей в Оренбурге, препоручено было в сем полезном намерении от коллегии иностранных дел, бывшему пред сим в Астрахани губернатором действительному статскому советнику Неронову отправить с тем посланником к Мангишлакскому мысу, под видом его препровождения, способного офицера, из инженерных, морских или гарнизонных, буде бы такой в тамошнем нашелся, для осмотра Мангишлакского местоположения и приискания удобного к построению там крепости.

Помянутой действительной статской советник Неронов доносил в коллегию от 18 июля сего 1763 года, что от Астраханской инженерной команды зделано затруднение в употреблении в сию посылку одного из инженерных офицеров, с предъявлением, напротив того, учиненного от господина генерала-фельдцейхмейстера определения, по которому, без точного его ордера, инженерным офицерам никаких посторонних дел перенимать и их к тому употреблять не дозволяется.

---

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—67 гг., лл. 42—44.

Как сие дело по таким непредвидимым препятствиям приведено в остановку и в продолжение, так и от нынешнего астраханского губернатора генерал-майора Бекетова получено в коллегию доношение, от 30 августа, из которого уведомленось, что равномерно по тем же основаниям, и находящейся в Кизляре инженер подпорутчик Квашнин не склонился на посылку из Кизляра одного кондуктора не больше, как верст на двести (откуда он вскоре и возвратиться мог бы) для описания и снятия того урочища, на котором, по высочайшему ее и. величества соизволению, заводится поселение, для новокрещеных кабардинцов и других горских жителей[1], а между тем весьма нужно, чтоб такое поселение основано было на месте, удобном к построению там со времянем и крепости.

Сколько ни уважает коллегия иностранных дел нужду в том, чтоб находящиеся по городам инженерные офицеры не были излишно употребляемы к разным посторонним исправлениям, без ведома главной своей команды, но как по сей коллегии случаются такие дела, которые либо без продолжения времяни, или без всякого разглашения исправляемы быть долженствуют, то она чрез сие требует пристойным образом от канцелярии главной артилерии и фортификации, дабы из общего в том запрещения была исключена, и астраханскому губернатору и другим пограничным командирам дозволено было употреблять инженерных офицеров, по крайней мере хотя уже не в дальние посылки.

Подлинная подписана по сему:

князь Александр Голицын[2].

Из указа коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Бекетову, 18 декабря 1763 г.[3].

...Коллегия иностранных дел за нужно находит предписать вам о всем том[4] следующие свои разсуждения.

Когда князь Бекович Черкаской[5] в 1716 году отправлен был от государя императора Петра Великого блаженные и вечнодостойные памяти в Хиву, тогда от него князя Бековича на тамошнем берегу заложены были три крепости, первая — при Мангишлакском, или Тюк Караганском мысе, другая — в заливе по имяни его названном, Александр Бай, третия — при начале залива Красноводского, имеющего соединение с Балханским заливом, пред которым лежат так называемые Огурчинские острова. Потом в 1726 году, тот же восточной берег описыван и с моря тогдашним морским лейтенантом, а нынешним тайным советником Соймоновым[6].

Но как экспедиция князя Бековича возымела худой успех, то и крепости, от него заложенные, оставлены, следовательно теперь точного известия нет, которая удобнее была б к возобновлению для настоящего намерения, а потому прежде приступления к самому делу и нужда осталась вновь тамошним местам зделать осмотр.

Култук между угла Мангишлатского мыса, или Тюк Караганского

[1] В 1762 г. был построен г. Моздок, в 1763 г. была выстроена Моздокская крепость и составлен гарнизон из крещеных горцов и переселенных с Дона казаков. Территория между поселениями терских казаков и крепостью Моздок была заселена волжскими казаками.

[2] Князь,— Александр Михайлович Голицын (1718—1783). Генерал-фельдмаршал. (1770 г.). С.-Петербургский губернатор (1769 г.). Был послом в Саксонии.

[3] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 62—70.

[4] Об Мангишлакском полуострове и о заведении там торговли.

[5] Бекович-Черкасский, отправленный Петром в Хиву для изучения устья реки Аму-Дарьи, погиб в хивинском походе.

[6] Соймонов (1682—1780) навигатор и гидрограф. Изучал Каспийское море и оставил описание западного, южного и восточного берегов Каспия.

и двух в близости от оного в море находящихся островов, как ближе лежит к Астрахани, из всех на восточном берегу Каспийского моря примечания достойных мест, потому, в разсуждении короткого к оному переезда, был бы для российских купцов удобнейшим протчих. А естьли бы нашлось, что из лежащих против оного мыса Кулалинских, или инако так называемых, Тюк Караганских островов, большой не был поемной, и пресная вода на нем есть, то будучи при оном, как заподлинно известно, и гавань, от морских ветров и бурь закрытая, сверх способности одинакой или еще и лутчей пред Мангишлагским мысом, состоящей в блиском к оному из Астрахани переезде; еще больше безопасности возымели б тамошние крепостные жители и от трухменского народа, вдоль всех берегов кочующего, а по состоянию своему весьма своевольного: трухменцы от заводимой на сем острове крепости отделялись бы морским проливом, и потому меньше способов имели бы делать пакости, каковые, по крайней мере с начала и пока им довольного страха вложено не будет, от них могут не произходить. А купцов азиатских не трудно было б в оную крепость перевозить на лодках, нарочно для того приготовляемых; напротив того, что касается до азиатских купцов, то хотя они безопасно от киргис касак и в Мангишлагской мыс приезжать могут, со всем тем, чем ниже на сем берегу будет с ними торг учрежден, тем для них еще выгоднее быть имеет к тем местам приезжать. И потому, буде бы при Мангишлагском мысе потребных выгодностей не нашлось, не должно без примечания и точного исследования оставлять и залива, по имяни Бековича Александр Бай названного, в котором, кажется, для города место удобное находится, (но есть ли тут пристань, для содержания судов безопасная, о том заподлинно неизвестно), а равномерно и Карабугацкого. Но вообще надобно всем другим предпочитать к заложению крепости такое место, несмотря ни на близость, ни некоторую дальность, ибо ко всему тамошнему берегу приезд для азиатских купцов не неудобной, при котором бы не только безопасное пристанище было, но сверх того и другие выгодности к обитанию человеческому, и во первых пресная вода, какой без сумнения во многих тамошних местах быть должно: кочуя трухменцы почти по всему берегу,— при том нужно, чтоб был и лес, как для строения, так и для дров, ибо по способности приездов азиатских купцов чаятельно, что заводимая в тамошней стороне крепость со времянем и жителями из тамошних же народов распространиться может. Равномерно кажется не безнужно предусматривать и то, где может быть, или нет и дерн, для обложения крепостных укреплений или не можно ли будет вместо того, для лутчей прочности, естьли б удобность подалась, построить крепость из кирпича, для чего, буде ближе способных мест не найдется, надобно будет, как из коллегии иностранных дел в адмиралтейскую коллегию писано, и до самого Астрабата весь берег не оставлять без осмотра, между тем и Огурчинских островов, лежащих при Балханском заливе, которые по своей плодородной земле похваляются, будучи кажется не неудобно на одном из них или и на матерой земле, когда ближайших мест не нашлось бы, и крепость преднамеряемую для порядочного установления с азианами торгу построить, тем больше, что один из сих же островов содержит и нефть, которою вместо дров пробавляться можно, а сверх того на матерой земле, блиско сих островов отстоящей находясь трухменцы, кажется, довольно доказывают, что в близости тут же и пресная вода всемерно уже сыскаться может.

Впротчем недостаток лесу, буде другие привольности найдутся, не долженствует нигде удерживать от избирания под крепость места, ибо по нужде и из Астрахани оной привозить не невозможно будет; а сверх того, что касается до дров, можно вместо оных по азиатскому

обыкновению пробавляться и сухим навозом, естьли только место будет удобное к содержанию скота. Но естьли бы паче чаяния нигде способных мест на всем тамошнем берегу к заложению крепости не нашлось, в таком случае по нужде и чтоб ничего не пренебречь к привлечению сего торгу в здешную сторону, со времянем в великое возвращение притти могущего, разсуждается: не можно ли будет завести для того крепости при устье реки Эмбы, ниже реки Яика, а выше Мангишлагского мыса в Каспийское море впадающей, в которую азиатские купцы чрез Мангишлагской мыс проезжать могут, не занимая киргис касацкого кочевья, а сверх того, естьли бы по тогдашним обстоятельствам оказалась потребность, можно будет для отдаления киргис касак от тамошнего кочевания, принять и другие какие-либо пристойные меры.

Вы, отправляя инженер-майора Лодыженского[1] и протчих, для осмотра восточного берега Каспийского моря определенных, имеете им о всем вышеписанном предписать с тем, чтоб они, когда нужда дойдет до осмотра всего берега, хотя в Астрабатской залив и въезжали, буде бы надобно было оной осмотреть, для приведения в лутчую исправность настоящей Каспийского моря карты, но в самой тамошней близости места под крепость не выбирали, для минования могущих из того со времянем произойти затруднительств не только с персицкою стороною, но и с Портою Отоманскою, которая только напрасное подозрение возыметь принуждена была б. Сверх того, надобно сколько возможно стараться и с тамошними обывателями трухменцами обходиться ласково, объявляя им, что как напредь сего сами они трухменцы, да и ханы хивинские просили о учреждении с ними торгу, имея в оном нужду, особливо для получения хлеба из Астрахани, в чем известным образом они недостаток претерпевают, для того по высочайшему ее и. величества указу и отправлена сия экспедиция, чтоб приискать удобное место к пристанищу судам, при котором бы такой торг установлен быть мог, но что намерение принято заложить на тамошнем берегу крепость,— том им не объявлять, дабы не возбудить в них преждевремянного подозрения и страха и не напамятовать им примера князя Бековича Черкаского. Равным образом, буде где на тамошнем берегу случатся хивинцы, бухарцы или другие городовые азиане, и им также не больше о намерении сей экспедиции сказывать надобно.

Трухменцы, будучи народ несообразительной и один старшина другому отнюдь не подначальной — много в сем деле успеху быть может, естьли нескольких из таких старшин приласкаются к здешней стороне, в чем по их убожеству и лакомству почти и сумнения не остается, для чего и отправить при том для подарков им и трактования вещей казенных и муки рублев до тысячи; они, хотя б другие и не хотели, сами зделаются в надежде больших подарков вожаками и показателями тамошних мест и вод. Но естьли бы трухменцы, как народ неукротимой и легкомысленной, по учиненном им таком уведомлении и некотором приласкании, однако ж стали делать супротивление и недопускать тамошние места осматривать, тогда можно будет против их употребить и силу, будучи для того уже определено отправить из Астрахани и довольной конвой, а к тому не излишно быть имеет послать и несколько полковых пушек, чтоб оные тою командою в бытность их по берегам употребляемы быть могли, и трухменцы при явном супротивлении толь лутчей отпор находить, а при оказываемом от них доброхотстве меньше поползновения иметь могли к подискам

[1] Инженер-майор Лодыженский, ездивший в 1764 г. к восточному берегу Каспийского моря, написал журнал своего плавания, хранящийся в ГАФКЭ в «Туркменских делах».

и коварствам, буде и уже издавна во всех кочевных азиатских народах вкоренен великой страх от пушек.

При всем том коллегия иностранных дел за нужно признавает, чтоб наперед разведано было, не найдутся ли из живущих в Астрахани трухменцов, хивинцов и бухарцов таких, которые о тамошних мест положениях и где пресная вода быть может довольное сведение имели, и могли в сем случае послужить проводниками, каковых для указания оных мест и толь лутчего уверения тамошних жителей трухменцов о безопасности и отправить может, учиня некоторое небольшее на подъем награждение, а обнадежа большим при случае успеха, но не объявляя однако ж им прямо о принятом намерении в тамошней стороне крепость заложить. Само собою разумеется, что и толмачей нескольких человек из лутчих и надежнейших при том же отправить будет надобно, также с дачею на проезд жалованья.

Крепость на тамошнем берегу назначена быть имеет, смотря потому, коль удобно к тому место приищется, и какие потребуются укрепления, по состоянию тамошнего положения и народа, однако ж как по отдалению оной от всех здешних жилищ надобно будет содержать в оной гарнизон немалой и иметь место для запасного провианта, также и для складки товаров, то и сие все при том в разсуждение принято быть долженствует, о чем вы равномерно предписать будете должны инженер-майор Ладыженскому, отправляя его по возвращении из сей экспедиции и по учинении им плана и сметы крепости, со всем тем и с вашим о том же мнением сюда для лутчего в сем деле изъяснения.

Командированной для снятия местоположения урочища Моздока, где селение из новокрещеных кабардинцов и других горских жителей заводится и назначения, где б со времянем там и крепость заложена быть могла инженер капитан Дудин толь меньше может продолжаться, чем и комисия его только самого короткого времяни требует; ему притом ничего иного предписать не останется, как только то одно, чтоб он старание приложил о верном снятии всего местоположения от последнего Гребенского казачьего червленого городка до реки Курпы, от которой кабардинские места начинаются, назначивая, где б со времянем можно было завести и крепость, в удобнейшем месте, из всех оных однако ж чем ниже от устья реки Курпы по реке Терку, тем будет лутче, дабы кабардинской народ, как к своей вольности ревностной, не имел из того опасности, а потом сей капитан равномерно сюда возвратиться может с учиняемым от него планом.

Подлинной подписан по сему Никита Панин,
князь Александр Голицын.

Перевод письма туркменских старшин Екатерине II, 12 июня 1767 г.[1]

Пресветлейшей и препочтеннейшей и всемилостивейшей императрице, четыре человека старшины: Канбарбек, Сунгурап Онбеги, Карабатырь, Нияс Батырь, доносим, что напредь сего мы российской империи присягу чинили в том, чтоб проезжающие из Астрахани в Хиву и в Бухарию караваны препровождать, напротив того из Бухарии и Хивы следующие караваны до Астрахани препровождать же, а киргис касаки следующей из Оренбурга в Хиву в шестистах верблюдах караван разбили, да при том Нурали-хан[2], услыша о следующем ныне из Астрахани в Хиву караване в пятистах верблюдах, прислал к нам

[1] ГАКФЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 17—18.

[2] Нурали-хан — сын Абул-хаира хана киргиз-кайсаков, был возведен в ханское достоинство в 1749 г., в 1785 г. лишен ханского звания из-за слабого управления. В 1790 г. киргиз кайсаками управляло народное собрание. В 1791 г. ханом был провозглашен брат Нурали — Ерали. После смерти Ерали-хана, ханом был брат Нурали — Айчувак.

брата своего Айчувака с двумя сыновьями, да Карабай судью с четырьмя тысячами человеки с требованием о выдаче ему того каравана и товаров, выговаривая при том, якобы он Нурали-хан России противным учинился, и ежели мы того каравана товары не выдадим, приказано от него хана жилище наше разбить и истребить. Однако ж мы по его требованию тот купеческой товар не выдали, почему киргис касаки учинили с нами сражение, на котором тысяча человек до смерти побили, а двести человек, между которыми четыре человека знатные начальники Карабай судья, Магомед бий, Сепит бий, Яман батырь, в полон взяты, а достальные назад возвратились, и по приезде в свои жилища для миру с нами прислали к нам Ак-Ходжу, а мы о произшедшем между нами таком сражении для известия вашему и. величеству людей наших послали. А понеже киргис-касаками Оренбургская и Хивинская дорога пересечена, ежели соизволите нас в подданство принять и, подобно Оренбургской крепости, такую крепость построить, просим в непродолжительном времяни прислать к нам судно. А как небезизвестно, что во время жизни Надир шаха[1] немалое число трухменцов и другие народы к Надир шаху в подданство приходили, а мы его Надир шаха за государя не признавали, а только знали российскую императрицу, и в то время четырех человек старшин наших посылали, ежели ваше и. величество нас за подданных признает, просим в скором времяни для строения крепости людей своих прислать 19 месяца курбана, то-есть, майя в 6-й день.

На выносе того письма написано,
Мы, Абдальские народы, Мурад беку, Адабердию, также и из Бурунжука Энда Менглии беку, дав полную мочь, посланцами отправили.

Прошение туркменского хана Пирали Екатерине II, 9 мая 1775 г.[2]

По высочайшему вашего императорского величества указу послан я от отца моего Нурали хана в Мангишлак к трухменскому народу ханом для лутчего над оным народом смотрения и распорядков, где и поныне при моей должности нахожусь.

А во время измены калмыцкого наместника Убаши[3] от вашего императорского величества к упоминаемому отцу моему прислан был указ с таким повелением, чтоб он к пресечению пути тех изменников имел неусыпное старание, почему от оного отца моего для пресечения и поимки помянутых изменников был я послан, где находясь, сколько мог оных преследовать, а потом как нечаянно в области вашего императорского величества один бунтовщик, назвав себя бывшим императором Петром III, появился и многие селения раззорял и опустошал, то и во все то время я всеподданнейшия вашего и. величества раб оказывал свои верные услуги, а по поимке оного, по повелению отца моего, попрежнему отпущен обратно в Магнишлак, где будучи, хотя я дальних заслуг против протчих вашему и. величеству ока-

[1] Надир-хан родился в 1688 г. в Хорсане. Отец его занимался шитьем бараньих кожухов. Будучи атаманом «разбойничьей шайки», убил своего дядю — начальника крепости Келат, присоединил келатское войско к своему и освободил Персию в 1730 г. от афганцев. В результате успешной войны с турками, присоединил к Персии по миру 1735 г. Армению и Грузию. В 1736 г. избран персидским шахом. В 1738 г. покорил Индию. В 1740 г. одержал победу над Бухарой и Хивой. Вследствие жестокой политики Надир-шаха, в войске его был составлен против него заговор и Надир-шах был убит в 1747 г. военачальником Салех-беем.

[2] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., л. 2.

[3] Убаши — сын калмыцкого хана Дондук-Даши, назначенный еще при жизни Дондук-Даши его преемником, вступил в управление калмыцким народом после смерти отца в 1761 г.. Недовольный царским правительством, подстрекаемый джунгарским тайшей Сэрыном, восстал против русского царизма и с 30.000 кибиток калмыков ушел в Джунгарию.

зать и не могу, однако ж за долг себе почитаю проезжающих чрез кочевья трухменские — всякого звания купцов от налог и обид защищать. В протчем остаюсь вашего и. величества всенижайший раб Пирали хан, Нурали хана сын.

Рескрипт Екатерины к астраханскому губернатору Якобию, 12 августа 1777 г.[1]

В нашу Коллегию иностранных дел представлено от Астраханской губернской канцелярии репортом от 9 июня минувшего 1776 года о произшедшем требовании во оную канцелярию от Нурали хана киргиз кайсацкого, чтоб определен был к сыну его Пирали салтану, находящемуся ханом над Мангишлагскими трухменцами один татарской мулла для переписки.

Но как оные трухменцы не принадлежат к нашей державе, то от Астраханской губернской канцелярии по такому Нурали хана киргиз кайсацкого требованию и не могло быть исполнено, а передано в здешнее рассмотрение.

Потом доносили и вы сюда от 3 марта сего 1777 года, что Нурали хан киргиз касацкой и сын его Пирали хан трухменской нарочно присланными и к вам письмами еще домогались о определении к последнему татарского муллы для удобства в переписке с здешними пограничными начальниками, так как при первом, то есть при Нурали хане, действительно такой находится, с Оренбургской стороны определенной; но и вы отнесши сие равным образом на здешнюю резолюцию, ответствовали к ним обоим с уведомлением о зделанном только вами о том в нашу коллегию иностранных дел представлении.

И на сие предписывается вам к исполнению, что хотя трухменцы живущие на супротивном от Астрахани берегу Каспийского моря при Мангишлакском мысе и не заслуживают присвоения к здешней империи, по своему дикому состоянию и по неспособности их и к малейшему повиновению, для чего им в том всегда и отказавано было, но по принятии ими однако ж ныне к себе на ханство сына Нурали хана киргис касацкого хотя и не собственным своим конечно подвигом и единодушием, для лучшего между собою благоустройства, а больше по проискам оного хана, представляется такое уважение, что сей их, сколько ни безсильной при настоящем первом случае начальник, но здешнею оказываемою к нему при случаях приветливостию способ иногда получающей, некоторую между ими не недействительную власть возиметь, не может ли, по крайней мере, полезным быть к тому, чтоб спасающихся на их берег здешних людей с разбиваемых в море судов, которые по большей части доныне пропадали, не допускать оставаться навсегда в их руках и неволе, а сверх того и приучить их своим посредством к свободнейшему чрез свое место пропуску купцов в их проездах для торговых промыслов в Астрахань из Хивы и Бухарии, в чем поныне, по их крайнему своевольству, нередко равным образом происходят затруднительства ж немалые, так что по полученному здесь от Астраханской губернской канцелярии при репорте ее от 3 августа прошлого 1776 года особенному репорту ж переводчика Тонкачеева, посланного из Астрахани к Мангишлагскому мысу для препровождения бывшего здесь бухарского посланца Ирназара Максютова, и сей посланец с трудом, убытком и опасностию едва себя от них сохранить мог, хотя в том и новой их хан участвовал, почему и нынешнее первое требование его трухменского хана о присылке к нему нарочного из татар грамотного весьма есть удобное к

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., лл. 16—19.

исполнению, ибо чаятельно, что из астраханских татар и охотники к тому найдутся, можете вы и действительно его в том удовольствовать, отправляя к нему для того человека из надежных с вашим наставлением, как ему при том поступать, а на тамошнее его содержание предоставляется в собственное ваше рассмотрение определить ему по 40 же рублев в год, то есть то ж самое число денег, сколько содержащейся из Оренбурга при отце его Нурали хане киргис касацком татарин получает, или же несколько и больше, в разсуждении будущего его отдаленнейшего пребывания пред оным от здешних мест и редких способов к снабдению своему из Астрахани, поставляя сию издержку в счет определенных в Оренбургской губернии на киргис касацкие расходы 6 000 рублев, как употребляемую на сына хана киргис касацкого же, и о чем вы с тамошним губернатором снестись имеете.

Между тем знать вам надобно, что сей трухменской хан и сам собою и способом отца своего не оставил уже домогаться здесь о определении и себе жалованья, что, может быть, и было единственным побуждением искать ему и трухменского ханства, потому что он пред тем как салтан киргис касацкой зависимой еще однако ж от отца своего сколько такого преимущества ни искал, но в том под приличными предлогами отказывалось, по той нужной предосторожности, что снисходя одному, наконец и многим салтанам киргис касацким детям ханским и других старших начальников то ж бы сделать надлежало, к умножению напрасного для сего народа расхода.

А как и настоящее его трухменское ханство еще отнюдь ненадежно, поелику скучась пребыванием своим между народом еще малопослушным, по прежнему в природную свою киргис касацкую орду возвратиться может, или и сами трухменцы от себя его выгонят,— выгоняли часто и хивинцы своих ханов, из киргис касацких же салтанов выбираемых,— но он, получа бы однажды здешнее жалованье так, как хан трухменской и по потерянии сего начальства конечно не стал бы однако ж понимать, что оное ему продолжаемо быть не долженствовало б и для того, хотя вы, в оказании к нему пред его народом некоторого уважения, и можете от себя обсылать его чем либо недорогим, но ему приятным и нужным, однако ж на отзывы его о жалованье будете всегда ответствовать, что того не может он ожидать по сущей справедливости прежде, как по приведении своего народа в надлежащее благоустройство, и после того, как его способом попадающиеся в трухменские руки здешние люди возвращаемы будут, и совершенная безопасность и в купеческих проездах откроется, а без того он так, как сын хана киргис касацкого, довольствоваться должен снабдением отца своего, получающим как для себя, так и для всей своей фамилии и ежегодное наше жалованье.

Подлинной подписан по сему Граф Иван Остерман.

Рапорт астраханского губернатора Якобия Екатерине II, апрель 1778 г. [1]

Высочайшим вашего и. величества рескриптом из государственной коллегии иностранных дел от 12 августа, полученным мною сентября 25 чисел минувшего 1777 года, повелено: по требованию Пирали хана трухменского отправить к нему для удобства в переписке им со здешними пограничными начальниками из астраханских татар грамотного человека, со определением ему на тамошнее содержание и жалованья.

И по содержанию оного высочайшего вашего и. величества повеления по данному от меня астраханских юртовских татар казыю Рахам-

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., лл. 20—21.

бердию приказу, по сведению его всех духовных своих состояния, и выбран один способной ко исполнению той вашему и. величеству службы абыз Дойнакай Кадыр Аджиев, которой для письмоводства к упомянутому Пирали хану, на идущем к трухменским берегам купецком судне, при письме моем, и отправлен.

А как он абыз по неимению к тому способных и желающих из здешних татар согласился на оную службу по довольной ево склонности со обнадеживанием награждения, то в пребывание его при нем хане в трухменских аулах, у Мангишлакских берегов Каспийского моря кочующих иногда от оного и не в ближнем расстоянии, надобно будет всем в пропитании и одеже нужным снабдевать себя способом ходивших из Астрахани к Мангишлацкому мысу торговых судов, кои туда отправление имеют в одно только летнее время, весною и осенью, да и весьма малым числом, следовательно по сим обращениям их и по удалению отсюда от своего дома и небезопасному водяному проезду, и должен он всегда заботитца и запасатца, особливо в зиму, излишеством, в разсуждении сего на тамошнее содержание ево и определено производить ему жалованья, по позволению объявленного высочайшего рескрипта в мое рассмотрение, против находившегося с оренбургской стороны при Нурали хане татарина вдвое — по 80 рублев на год, которое ему и начать выдавать со определения по доверенности ево, кому от него здесь принимать поручено будет, по установленному указному обряду, по третям года, да сверх того при нынешнем первом отъезде, для поощрения ево к наилучшей в службе усердности к верности, дано ему на подъем 20 рублев от расходу губернского из штатских доходов на счет определенной к Оренбургской губернии на киргис кайсацкие расходы суммы 6 000 рублев; так же и в приласкание к доброжелательству к здешней стороне и приличные по состоянию ево хана, однако недорогие, токмо нужные ему презенты от лица моего посланы по покупке в купечестве из той же Оренбургской суммы на 37 рублев на 20 копеек, о чем во известие и к оренбургскому губернатору сообщено.

Ему ж абызу секретно здесь подпискою подтверждено ко исполнению полезного высочайшим вашего и. величества интересам:

1) Чтоб впродолжение свое при нем хане стараться ему с начала самого своего приезда разведать и присмотреть, нет ли в трухменском народе коего содержащихся в плену российских и подданных наших другой нации людей, коих и впредь присматривать и выведывать, а паче при разбитии иногда морских судов, и, естьли они окажутся, то об них ему хану пристойным образом представлять и склонять его о их освобождении; ежели не можно будет по грубости и суровости и непослушанию хану трухменского народы домогщись им свободы, то наконец по самой уже невозможности доводить ево на отпуск их чрез какой-либо небольшой выкуп, и, кто уволены будут, оных отправлять на купецких судах в Астрахань с показанием их имян и меня об них так и о просимом выкупе уведомлять.

2) Проезжающим из Хивы и Бухар, а напротив того, и едущим туда из Астрахани купцам с товары, чтоб свободной пропуск чрез трухменский народ происходил, оного ему абызу присматривать и при случае каких-либо им остановок и обид попечение иметь ево хана уговаривать к воздержанию от того трухменского народа, представляя им от свободного проезда больше самим пользы, нежели они ее иметь могут по происходящим от них притеснениям, доводя ему, что тем и совершенно совсем прибыли своей лишатца, и со здешней стороны себе они, и сам хан, благодеяния за какое ево в трухменском народе благоустройство и обнадеживать его высочайшею и. милостью и, какие от

них купечеству обиды происходить станут, об оном ко мне писать на последок.

3) Примечать в нем хане, сколько он к российской стороне, а трухменцы к нему благосклонны; также, кроме того, и о других тамошних посторонних и собственной его хана силе и власти и о прочих трухменских в своем состоянии и с ним ханом, равно и о киргис кайсацких с трухменцами обращениях и о злых иногда их на российские жилища помыслах к нападению разведывать и сюда давать знать.

Иван Якобий.

Из записной книжки архивиста

Из переписки Н. И. Костомарова с редактором „Исторического вестника“ Шубинским.

В рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде хранится обширный архив одного из деятелей в области исторической журналистики — Сергея Николаевича Шубинского, редактора «Древней и новой России», а затем «Исторического вестника».

Генерал, историк, крайний реакционер по убеждениям, Шубинский был любитель и знаток XVIII в., — в особенности его бытовой и анекдотической стороны. Благодаря многолетнему редактированию исторических журналов, он состоял в переписке почти со всеми русскими историками второй половины XIX — начала XX вв.

В идеальном порядке хранил Шубинский колоссальное количество писем, адресованных лично ему или в редакцию «Исторического вестника» со всех концов России.

Одно из наиболее ценного в его эпистолярном архиве — это письма к нему знаменитого историка Н. И. Костомарова, бывшего деятельным сотрудником «Древней и новой России», а затем (вплоть до своей смерти, последовавшей в 1885 г.) «Исторического вестника».

«Древняя и новая Россия» — исторический иллюстрированный ежемесячный сборник — начала выходить в 1875 г. К участию в журнале Шубинский старался привлечь наиболее видные силы тогдашней исторической науки. На страницах журнала мы встречаем такие имена, как С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Костомаров, Е. Е. Замысловский, Н. Г. Устрялов, Д. И. Иловайский, О. Ф. Миллер и др.

Однако, несмотря на название журнала «Древняя и новая Россия», в нем с самого же начала было заметно преобладание статей и материалов по новой России, т. е. преимущественно по истории XVIII в. Д. И. Иловайский был, конечно, прав, когда в одном из своих писем к Шубинскому указывал ему на зависимость такого содержания журнала от личных вкусов его редактора.

Против личных вкусов Шубинского, придававших журналу характер легковесности, и сводивших русскую историю к придворным анекдотам, восставал Н. И. Костомаров, упрекавший в письмах Шубинского за то, что «легенды Трианона и Версаля» для него интереснее подлинной русской истории; против них восставал и постоянный сотрудник «Древней и новой России», а в будущем и «Исторического вестника»,— Д. Л. Мордовцев, писавший Шубинскому: «Я полагаю, что в «Древнюю и новую Россию» следует впустить р у с с к и й н а р о д, а то ваш сборник почти исключительно вертится около царей, цариц, царевен, князей и всяких высоких особ» [1].

В 1880 г. журнал «Древняя и новая Россия» прекратил свое существование. С этого же года Шубинский становится редактором нового журнала — «Исторический вестник», издаваемого А. С. Сувориным. «Исторический вестник», по сравнению с «Древней и новой Россией» представлял собою шаг назад в отношении серьезности его задач и помещаемого в нем материала. Новый журнал всецело ориентировался на, так называемую, «широкую публику» и, чем дальше, тем все более и более преобладали в нем воспоминания о разных коронованных лицах, генералах, министрах, низкопробные quasi-исторические романы и повести Салиаса, Мердер, Полевого, Михневича, Карновича и т. п., при чем все это имело ярко-выраженную реакционную окраску.

Было бы, однако, несправедливо обойти молчанием и то ценное, что дал на своих страницах «Исторический вестник», особенно за первые десятилетия своего существования. В нем печатали свои статьи Костомаров, И. Е. Забелин, Л. Н. Майков, Н. Н. Страхов, Н. В. Стороженко, А. И Введенский, П. Е. Щеголев и др. Наряду с многочисленными верноподданническими воспоминаниями «бывших пажей» и «старых кадетов», в нем были помещены воспоминания В. А. Соллогуба, А. Я. Головачевой-Панаевой, А. И. Абариновой, А. А. Никольского, Д. М. Леоновой, Л. Н. Павлищева, П. П. Гнедича, не мало воспоминаний о декабристах, ряд очерков Н. С. Лескова. Ни один историк русской литературы и русского театра не мог обойтись без материалов «Исторического вестника». В этом — несомненная ценность журнала, имеющая значение до наших дней.

Н. И. Костомаров являлся сотрудником «Древней и новой России» и «Исторического вестника». В период своей работы над составлением «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Костомаров некоторые «портреты»

---

[1] Из архива Шубинского, хранящегося в рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки.

этих деятелей помещал в журналах, редактируемых Шубинским.

Памятником его сотрудничества в этих журналах явились не только его статьи, но и публикуемые нами его письма к Шубинскому. Эти письма имеют двоякий интерес: они интересны и для биографа Костомарова, и для исследователя русской исторической журналистики и русской историографии второй половины прошлого века.

Г. Никольская.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

«Екатерина» [1] готова к услугам вашим. Только я хочу получить гонорар вперед так, как было с «Царевичем Алексеем»[2], потому что мне нужно ехать в Москву заниматься источниками о Мазепе [3], и если бы не получить за «Екатерину», то пришлось бы делать заем или отложить поездку. По моему расчету будет пять печатных листов. Извольте, если угодно, взять от Грацианского [4] сумму за пять листов и доставить мне, а у меня взять «Екатерину».

Ваш Н. Костомаров.

14 января 1877 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Если, быть может, в корректуре «Екатерины I» или в чем-нибудь другом возникнет потребность войти со мною в сношения, то знайте мой адрес: Москва, Тверская улица, Лоскутная гостиница, № 50. Хожу каждый день в архив [5], занимаюсь Мазепой. К сожалению, дают мало времени и, кроме того, два дня, субботу и воскресенье, не допускают вовсе к занятиям. Надобно сидеть в чужом городе и большую часть времени проводить без дела. Возвращаюсь к страстной неделе.

Ваш Н. Костомаров.

Москва, 12 февраля 1877 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Прискорбно мне, что я, против собственного желания, наделал вам хлопот с моею статьей, но в свое оправдание могу сказать только то, что я безо всякого упрямства переделал все, что вы заметили по соображениям с цензурными приемами. Таким образом, наша вина обоюдная: ни мне, ни вам не пришли бы в голову те придирки, которые после были сделаны. Впрочем, я думаю, к моей статье придрались не за то, что в ней написано, а ради того, чего в ней не было написано, и что желали бы в ней увидеть. В ней не нашли того ладану, которого я так не люблю, и по поводу которого не разделял с вами взгляда на достоинство статей Бестужева-Рюмина [1]. О Екатерине I я не только не сказал ничего неуважительного, но старался по внутреннему своему убеждению снять с нее ту тень, которую набросили другие историки. Это, как видно, сознали, в конце концов, властвующие лица и потому уступили нам. Ценю выше всего правду, не терплю ни либеральничанья, ни ладану. Таков буду и впредь. Мой «Мазепа» вырабатывается очень туго, хотя я не пропускаю ни одной минуты из того времени, какое мне представлено для занятия архивными делами, но этого времени дают очень мало, а барон Бюлер [2], в отношении ко мне, не отличается таким снисхождением, как в прежний мой приезд. Это причиною, что едва ли успею переглядеть все, как следует, до вербного воскресенья, когда архив закроется на две недели, и я должен буду воротиться в Петербург. Что значит, что закрыли Художественный клуб? Уж не совпадает ли это событие каким-нибудь образом с нашими литературными обедами и беседами?

Весь ваш

Николай Костомаров

Москва, 17 февраля (1877)

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Ваше почтенное письмо я получил и, не пропуская ни одного дня, отвечаю вам по вашим же вопросным пунктам.

1) «Петр II» [3] немного не дописан. Я думал найти здесь в архиве что нибудь подходящее, но, к сожалению, нашел только протоколы верховного тайного со-

---

[1] Статья Костомарова «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица», «Древняя и новая Россия», 1877 г., т. I, кн. 2.

[2] Статья Костомарова «Царевич Алексей Петрович» (по поводу картины Ге), «Древняя и новая Россия», 1875 г., т. I, кн. 1—2.

[3] Костомаров работал тогда над своей монографией «Мазепа», напечатанной в «Русской мысли», 1882, кн. I—V, VIII—XII, и затем выпущенной отдельным изданием.

[4] Грацианский, В. И.— владелец типографии и хромолитографии в Петербурге, издатель «Древней и новой России».

[5] Речь идет о московском Главном архиве министерства иностранных дел.

[1] Бестужев-Рюмин, К. Н. (1829—1897) — известный историк, один из основателей и первый директор Высших женских (Бестужевских) курсов.

[2] Бюлер, Ф. А.— директор Московского архива министерства иностранных дел.

[3] Статья Костомарова «Самодержавный отрок» (Петр II), «Древняя и новая Россия», 1878 г., т. I, кн. 1.

вета, почти целиком уже напечатанные в «Чтениях»[1] и, вообще, мало заключающие для биографии государя и для явлений внутренней жизни того времени. Кое-что в этом роде, чего я добивался найти (напр., дела Волконской, Нарышкина и ссылка Меншикова) — не здесь, а в Петербурге, в Гос. архиве. Окончить свою статью к 1 декабря я буду стараться изо всех сил по возвращении в Петербург, которое должно последовать в первых числах ноября; но обязаться перед вами я не решаюсь, потому что могут помешать непредвиденные препятствия, как напр., болезнь. Кроме того, наступают темные дни, когда заниматься я могу только при дневном свете — непродолжительное время в течение каждых суток. Но разница может произойти только в каком-нибудь месяце, это не должно помешать вашим приготовлениям насчет портрета; если не в первом номере, то во втором поместите и статью и портрет, а, может быть, чего я сильно желаю, и в первом. Статья, хотя еще не кончена, но переписывается набело.

2) Сочинение, которое вы назвали романом, никому не обещано по условию, и потому я готов продать его во всякое честное издание, и г. Суворину, если он найдет помещение его удобным в своей газете. Сообщаю желаемые о нем сведения:

а) Сочинение это — исторически-бытовая хроника, носит название «Холуй»[2]; в) оно заключает приблизительно до 12 печатных листов; с) оно относится к русской жизни первой половины XVIII в., именно к эпохе царствования Екатерины I; д) содержание его взято из копии секретного дела Преображенского приказа, прочитанной в библиотеке Румянцевского музея; е) главное действующее лицо в нем — холуй из дома кн. Долгоруковых, по имени Василий Данилов. Здесь являются одно за другим суеверия того времени и житейские приемы, обычные в тогдашних господских домах. Кроме семейства княгини Анны Петровны Долгоруковой и трех ее сыновей, из важных исторических лиц выводятся: Макаров, Девиер, Ушаков, Ромодановский и Меньшиков.

Сумма гонорара — две тысячи рублей, которые я желаю получить при отдаче рукописи.

Ваш глубокоуважающий
Н. Костомаров.

Москва, 18 октября 1877 г.

[1] «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских» — журнал, издававшийся при Московском университете в 1845—1848 гг.

[2] «Холуй» был напечатан под названием «Холоп» в «Новом времени», 1878 г. Отдельное издание вышло в 1886 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

От всей души благодарю вас за устроение моего «Холуя» за две тысячи пятьсот; признаюсь, я сначала хотел было назначить именно эту сумму в тех видах, что сочинение, печатаемое в газете ежедневно, будет выходить в свет гораздо медленней, чем помещаемый в ежемесячном журнале: медленный и прерывистый выход по мелким отрывкам для многих из читателей теряет интерес. Но мне казалось совестно прибавлять цену после того, как я уже заявил Полежаеву, хотевшему приобрести «Холуя» в свою «Историческую библиотеку»[1], а я ему назначил только две тысячи. Мы с ним не сошлись потому, что этот господин намеревается, кажется, приобресть для своего журнала сотрудников в д о л г, а я, уже наученный опытом, давно положил себе правилом не иначе отдавать для печати в периодические издания свои сочинения, как за чистые деньги, уплачиваемые при отдаче рукописи. Относительно Вашего желания сбавить несколько десятков рублей при расчете за «Петра II» я не позабуду исполнить.

Ваш глубокоуважающий и душевно-преданный (К о с т о м а р о в)

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Отвечаю на любезное и почтенное письмо ваше. В архиве юстиции не отыскали мне дела судного о Девиере. Я не только помню свое вам обещание, но уже летом исполнил его и, если не представил вам написанного сочинения, то потому только, что вас не было в Питере. Теперь, однако, ваше письмо ставит меня в большое затруднение. Вы хотите непременно, чтоб мое сочинение для «Древней и новой России» касалось времени после Петра, а я приготовил для Вас статью об одном деятеле XVII в.— Афанасии Филиппович[2] — мученике православной веры в эпоху борьбы с унитством. Это бы еще ничего: что же «Филиппович» сгодился бы куда нибудь, я же принялся бы за другое, но то беда, что, во-первых, я должен был бы на некоторое время оторваться от своих работ, которые за множеством материала побуждают до крайности дорожить временем до их окончания; во-вторых, глаза мои все более и более мне изменяют, и я не в силах работать так быстро, как прежде работал. Делать что нибудь между делом главным, ввиде отдыха, не в моей натуре: увлекшись каким-нибудь историческим предметом, я весь предаюсь ему,

[1] «Историческая библиотека» — научно-литературный журнал, издававшийся П. В. Полежаевым в 1878—1880 гг.

[2] Статья Костомарова «Афанасий Филиппович, боец за православную веру в Западной Руси» была напечатана в «Газете Гатцука», 1878, №№ 46—50.

пока не пройдет это увлечение, пока не надоест, а как надоест, то я уже не в силах приняться за него очень долго, и стоит только оставить его на две недели, чтобы не иметь охоты приняться за него целый год. По этим соображениям дозвольте мне по возвращении предложить «Древней и новой России» «Филипповича», а что-нибудь касающееся до послепетровского времени оставить до будущего года, когда выяснится, за что мне взяться.

Н. Костомаров.

Москва, 2 октября 1878 г.

Достопочтеннейший Сергей Николаевич,

Письмо ваше чрезвычайно меня обрадовало. Произошло так хорошо, как и ожидать было трудно. Без сомнения, судьба нового журнала[1] будет счастливее, чем «Древней и новой России», которую да помянет господь бог в царствии своем. Да почиет в мире. Конечно, теперь можем полагать большие надежды, когда вы будете редактором, а издателем — Суворин. Журналчик его «Новое время», вероятно, он закроет, потому что он может быть теперь уже лишним, а издавать рядом три повременных издания не будет ли в некотором смысле то же, что ловить разом трех зайцев? Я Вам приготовлю «Самозванца Симеона»[2], о чем мы уже говорили. Перебирая и так, и этак вопрос, где его напечатать, мы остановились было на «Древней и новой России». Это будет не длинная статейка и будет иметь интерес. новости; кроме Соловьева, у которого это событие изложено довольно кратко, сообразно назначению истории, предназначенной для России всей и притом с древнейших времен до новейших, нигде, сколько помнится, не было о нем писано и печатано. Для дальнейших трудов я имею ввиду взяться за Анну Ивановну и Бирона[3], как с вами о том говорили, а вы мне пособите указаниями известных вам пособий и источников.

Глубокоуважающий и сердечно преданный Вам Н. Костомаров.

27 мая 1879 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Я прочитал статью и оставил у себя, дожидаясь, что, быть может, вы пожалуете во вторник, но как вы не пожаловали, то сообщаю вам письменно то, что думал сообщить словесно. Я нахожу, что эта статья бессодержательна. Сами вы недовольны были «Луем Петровичем»[1] но «Луй Петрович» гораздо более может счесться имеющим некоторое значение, чем эта. Дело в том, что остается неизвестным, в чем состояли непригодные слова об Алексее Михайловиче. Есипов[2] в своем замечании сказал, что Соловьев отнесся об этом деле неправильно. Смотрел я у Соловьева. Он, мне кажется, вполне прав, называя это дело вздорным делом, и вовсе не относит его к самозванцам, как говорил Есипов, а только, сказавши о том, как являлись дела о самозванцах, заметил, что возникали вообще вздорные дела, и указал на это, как на самое вздорное. Печатать его и составлять из него монографию не стоит, особенно заплативши за него деньги. Едва ли будет стоить поговорить об этом более одной, а много двух, страниц.

Я написал для вашего журнала разбор книги Антоновича «Очерк истории великого княжества Литовского[3]. Будет ли годиться?

Вам преданный Н. Костомаров.

12 марта 1880 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Приезжавший от вашего имени за статьею и получивший ее от меня сообщил мне, что вы берете «Несчастного» Шевченка[4]. Я предоставляю вам назначить полистную плату, но имейте ввиду следующее: приезжавший сюда из Киева Житецкой передал мне, что братья покойного довольно избалованы и приучены ценить признаваемое в читающей публике достоинство таланта их брата, так как издатели в Праге стихотворений Тараса Григорьевича заплатили им за два тома две тысячи рублей. Поэтому что бы, по вашему соображению, следовало назначить за печатный лист «Несчастного»? Все таки надобно назначить так, чтобы на меня потом не толковали, что, дескать, я по какому-нибудь кумовству отдал его за бесценок. По крайней мере надобно, чтоб всякий смыслящий дело мог зажать рот какому-нибудь врагу, который стал бы болтать, что им дали слишком мало.

Ваш Н. Костомаров.

От редакции надобно бы написать, что это произведение никогда не было готов-

[1] «Исторический вестник».

[2] Рассказ Костомарова «Самозванец лже-царевич Симеон», напечатанный в «Историческом вестнике», 1880 г., кн. 1.

[3] Статья Костомарова об императрице Анне Ивановне была напечатана в журнале «Новь» за 1885 г.

[1] «Луй Петрович» — статья Костомарова, напечатанная в «Древней и новой России», 1879 г., кн. 2.

[2] Есипов, Г. В.— историк, заведующий архивом министерства императорского двора.

[3] Рецензия Костомарова на книгу Антоновича напечатана в «Историческом вестнике», 1880 г., кн. 2.

[4] «Несчастный», неизданная повесть Т. Г. Шевченко. Напечатана в «Историческом вестнике», 1881 г., кн. 1, с предисловием Костомарова.

лено автором к изданию в свет и составляет только один из набросков впечатлений по разным встречам его в жизни.

14 апреля 1880 г.

Драгоценнейший Сергей Николаевич,

Я перебрался в город и жажду видеть вас, когда возможно будет, не ради иного чего прочего, как только для того, чтобы в беседе с вами душу отвести, понеже я вас очень люблю.

Но что сие?... Встречаю неожиданно в сентябрьской книжке после продолжения превосходного очерка украинской литературы Петрова [1] роковое: окончание. Я думал, не опечатка ли это? Как же может быть окончание после Гулака-Артемовского [2] и Думитрашки? [3]. Петрова я отчасти знаю: человек такой, что если за что возьмется, то не бросит на полдороге. Он известен превосходными статьями в «Трудах Киевской академии», неоцененными статьями, открывающими совершенно неведомый до него мир интеллектуальной деятельности в Южной Руси в XVII и XVIII столетиях. И в этой статье, которою он украсил ваш «Исторический вестник», он все тот же. Я подозреваю, что вы находите его исследование неинтересным и потому, кажется, хотите от него отвязаться. Если так, то очень жаль, что вы свое дело портите. Вы бегаете от Южной Руси, как от беса. Не вы один, и многие вообразили себе, что это ведь провинциализм какой-то, и в своем столичном высокомерии думаете, что все на широкой Руси разделяют ваши взгляды. Вы делаете русскую литературу соучастницею вредных инсинуаций Юзефовичей, Чертковых, etc., etc., открывающих некую антигосударственную опасность в том, что в Южной Руси параллельно с Северною хотят жить не одною материальною, но и духовною жизнью и работать на ученом и литературном поприще над элементом своей народной местной жизни.

Сергей Николаевич, ради бога, не привязывайте вашего честного имени к группе подлецов и пошляков. Вы находили, что статья Лазаревского [4] скучна: теперь вы ее напечатали и оказывается, что она занимательна и драгоценна для истории края. Ведь ваш журнал специально-исторический: на каком же основании может быть в нем обречена невниманию половина русско-славянского мира? Вы, как я знаю, человек столь же беспристрастный, как честный и умный. Обдумайте. Не отвертывайтесь от Южной Руси, иначе она отвернется от вашего журнала. А вы от нее много получите и свежих сил для работы в вашем журнале и читателей. Извините, что пишу вам правду. Не плюйте на нас, мы — колодезь, из которого сами захотите напиться. Неужели все помещенные у вас легенды Трианона и Версаля более занимательны и важны для мыслящих читателей, чем сведения о семье Скоропадских? Но легенды эти интересны могут быть только для светских барынь, которые с большею охотой прочтут их по-французски. А семья Скоропадских — оригинальный материал для истории нашей. Да и, кроме того, выпустивши начало статьи Петрова и преждевременно изрекши ей окончание, вы компрометируете свой журнал и в глазах всякой образованной публики: уж если вы находите неудобным толковать об этом, то не брать бы вам вовсе от Петрова этой статьи, а не уродовать ее таким образом. Разве она вам не прислана? Не понимаю. Или он с ума сошел, что прислал вам ее в таком виде?

Ваш неизменно преданный
Н. Костомаров.

8 сентября 1880 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Часть «Черниговки» [1], назначенная вами к первоначальному помещению в «Историческом вестнике», переписана. Извольте получить...

Вы сами помните, что сперва, по желанию вашему, я отдал вам «Черниговку» с малороссийской речью, и не было помина о том, чтоб изменять ее. Потом вы пожелали, чтоб была речь везде русская, ссылаясь на отзывы, слышанные вами от Буренина [2]. Мнениями Буренина, как и других господ, я вовсе не интересуюсь, а согласился на предложенное вами исключительно от желания угодить собственно вам, и притом, как сами вы знаете, с тем, чтобы отпечатано было определенное количество экземпляров на издательский счет с возвращением издержек печатания и бумаги из выручки, и в этих отдельных экземплярах сохранена была малороссийская речь.

Но тут мне представляется вопрос: не может ли произойти, мимо вашего желания, так, что русский перевод речей отпечатается в журнале, а малороссийский

---

[1] Петров, Н. И. «Очерки из украинской литературы». Печатались в «Историческом вестнике» за 1880—1883 гг.

[2] Артемовский-Гулак, П. П. (1770—1865) — известный украинский поэт; профессор Харьковского университета.

[3] Думитрашко, К. Д. (1814—1886) — украинский поэт.

[4] Лазаревский, А. М. «Люди старой Малороссии (семья Скоропадских)», «Исторический вестник», 1880 г., кн. 2.

[1] Повесть Костомарова «Черниговка (быль второй половины XVII в.)», напечатана в «Историческом вестнике», 1881 г., кн. 1—2.

[2] Буренин, В. П. — литературный критик, сотрудник «Нового времени». В. И. Ленин считал имя Буренина синонимом всего грязного и продажного в литературе.

подлинник их забросится? Если этого не будет, если вы можете обязаться с своей стороны словом, что отдельное издание с малороссийскими речами появится в печати, то я вам верю; а если же вы сами, быть может, в том не уверены, то не найдете ли удобным взять от Суворина письменное обязательство, что с напечатанием «Черниговки» в «Историческом вестнике» будет на упомянутых выше условиях отпечатано хоть в числе шестисот экземпляров отдельное издание ее с сохранением малороссийских речей.

Я вам совершенно верю, но признаюсь: вижу из-за вас какую то иную недружелюбную волну, которая готова смыть прочь с литературного поля мою «Черниговку» в присущем ей убранстве и нарядить ее в какую то великороссийскую одежду.

Ваш Н. Костомаров.

29 октября 1880 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Вы на меня налегаете, как римский полководец, очертивший круг на земле около сирийского царя и требовавший решительного ответа сенату прежде, чем выступить из круга. Я не могу никогда обязаться то или другое писать, а еще более к тому или другому сроку. У меня такая натура, что если меня принудят к подобному себясвязанию, то мне омерзеет то дело, которое бы я исполнил с любовью при совершенной свободе. Довольно того, что я слово даю вам не пропустить «Исторического вестника» без предложения первого годного для печатания в нем моего сочинения. А как же я вам могу обязываться заглавием, да еще в такую пору, когда у меня нет под рукою материала с уже начатых набросок.

Ваш Н. Костомаров.

15 октября 1881 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Я получил, наконец, свои бумаги и займусь прежде всего окончательным приготовлением к печати «Мазепы», которого немедленно по окончании последнего просмотра отправлю в редакцию «Русской мысли». Из переданных вами дел я начал еще в деревне писать о двух бабах, но остановился за недостатком на месте некоторых сведений. Теперь, по отправке «Мазепы», возьмусь за него [?].

Я привык писать так, что заглавие у меня всегда было последним делом, потому что оно в одном или в двух словах должно выражать смысл всего сочинения. Вот и теперь монография о «Мазепе» окончена, а я еще не решил, какое ей дать заглавие.

Вам искренно преданный и глубоко вас уважающий Н. Костомаров.

22 октября 1881 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Сердечно благодарю вас за доброе ко мне внимание. Я затрудняюсь обращаться к Суворину. Это похоже будет, как будто набиваться с своей дочерью или сестрой в невесты. Никогда подобных предложений я не делал, чтоб у меня покупали мои сочинения. Надобно сказать, что с Вольфом почти дело окончено, только условие на бумаге не заключено, и я поэтому еще свободен, только мне было бы приятнее отдать «Смутное время»[1] за ту же цену (по 600 р. за том) Суворину, чем Вольфу потому именно, что Суворин издает с портретами. Можно поместить портреты Бориса, Самозванца, Марины, Мнишка (есть у Немцевича), Василия Шуйского, Скопина, Жолкевского, Владислава, Филарета и Михаила Федоровича: всего десять.

Статьи для «Исторического вестника» будут готовы[2]. Нужно только справочку сделать в Полном собрании законов.

Ваш Н. Костомаров.

2 октября 1882 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Дозе[3] я знал когда то. Он действительно сидел в Петропавловской крепости, но за что — подлинно не знаю. Насколько помнится был он прикосновен к студенческим волнениям в 1861 г. Потом он был отправлен в Кострому, где я с ним виделся в 1865 году. С тех пор я потерял его след и не знаю, жив ли он. Он был близко знаком с моим приятелем покойным Николаем Ивановичем Катениным. Вам о нем сообщить может родная племянница Катенина — Надежда Александровна Белозерская...

А что же Вы не берете «Ксении Борисовны»?[4]. Или приезжайте за нею сами или прикажите, куда доставить? Она уже давно готова.

Ваш Н. Костомаров.

28 октября 1883 г.

---

[1] Отдельное издание работы Костомарова «Смутное время Московского государства» вышло в 1883 г. у Вольфа.

[2] Речь идет, вероятно, о серии «Бытовых очерков из русской истории XVIII в.», напечатанных в «Историческом вестнике», 1883 г., кн. 1, 3.

[3] Дозе, Федор Иванович, (р. 1831 г.) преподаватель Ларинской гимназии в Петербурге. За участие в студенческом движении был арестован в 1862 г., заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Кострому, где в 1879 г. застрелился.

[4] Статья Костомарова, «Ксения Борисовна Годунова» (по поводу картины художника Неврева), «Исторический вестник», 1884 г., кн. 1.

Добрейший Сергей Николаевич.

Приношу Вам признательность свою за дружелюбное сообщение указания на статьи, касающиеся Анны и Елисаветы, рассеянных в периодических изданиях. Я прочитал Ваши исторические рассказы и пожалел, а вместе с тем удивился, что это прекраснейшее сочинение, этот замечательно талантливый образчик исторического повествования не издается Вами вновь, тем более, что при Ваших отношениях с Сувориным Вам бы не предстояло никакой предварительной затраты. Прочел Карновича[1]: превосходнейшее исследование, чрезвычайно ясно и убедительно изображает он в настоящем свете эпоху Бирона, очищая ее здоровой критикой от шелухи, наложенной на прежние труды о ней, и старою рутиною, и романизмом, и неповоротливостью и нерешительностью исторических мыслителей.

Ваш Н. Костомаров.

5 ноября 1883 г.

---

[1] Карнович Евгений Петрович, (1823—1885) — историк и беллетрист, сотрудник «Исторического вестника».

Содержание

1. **М. В. Фрунзе в организации разгрома Колчака.** Вводная статья *Е. Болтина* . 3
2. **Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе.** Вводная статья *С. Лесника* 51
3. **Из истории рабочего движения конца 90-х годов и «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса».** Вводная статья *О. Чаадаевой* 119
4. **Первомайская стачка 1900 г. в Харькове.** Вводная статья *З. Добровой* . . . 189
5. **Из истории сношения России с туркменами в XVIII в.** Вводная статья *В. Разумовской* 208

Из записной книжки архивиста

Из переписки Н. И. Костомарова с редактором «Исторического вестника» Шубинским. Вводная статья *Г. Никольской* 225

Редакционная коллегия

Сдано в производство 17—21/III 1939 г. Подписано к печати 19/V 1939 г. Статформат Б. 176×250. 16½ печ. л. 61 880 зн. в печ. л. О. Э. (п.) № 15 Заказ 369. Уполномоч. Главлита РСФСР № А—5670 Техредактор **И. Широков**. Тираж 4 525 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ ГАУ НКВД СССР

объявляет

ОСЕННИЙ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ 1939 ГОДА

ИНСТИТУТ готовит научных работников, историков-архивистов для научно-исследовательских учреждений системы ГАУ НКВД СССР.

В ИНСТИТУТ принимаются граждане СССР в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование, в соответствии с правилами приема 1939 г., утвержденными Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы.

Прием заявлений о зачислении в институт производится с 20 июня до 1 августа 1939 г.

К заявлению должны быть приложены:

а) подробная автобиография;
б) аттестат об окончании среднего учебного заведения (в подлиннике);
в) паспорт (предъявляется лично);
г) три подписанные и заверенные фото-карточки;
д) справка об отношении к воинской обязанности.

Приемные испытания производятся с 1 по 20 августа.

Студенты и аспиранты обеспечиваются стипендией, а иногородние и общежитием.

Одновременно производится прием на заочное отделение и экстернат.

Документы направлять:

Москва, 12, ул. 25 Октября, д. 15.

ДИРЕКЦИЯ